

Джек Кавано



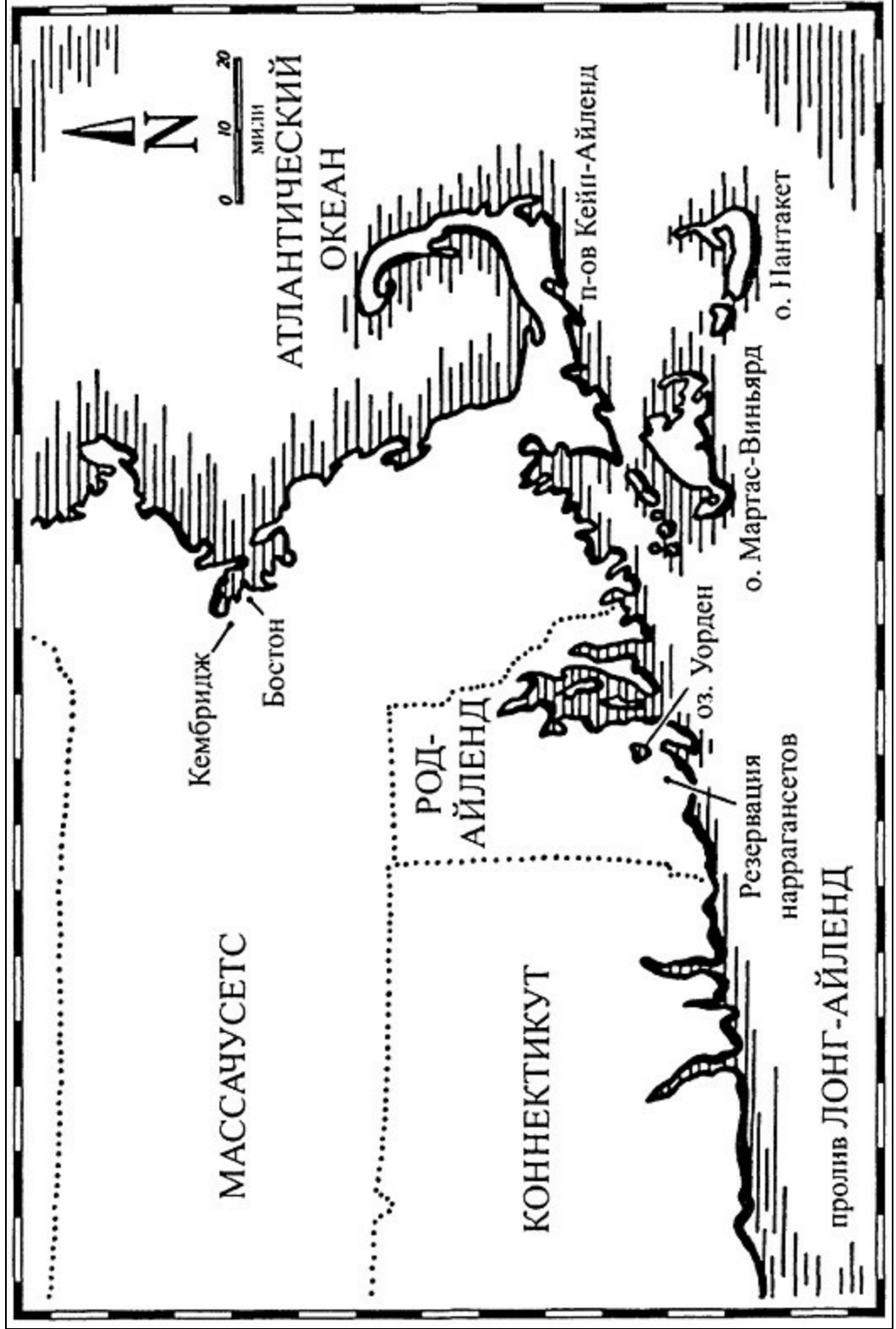
КОЛОНИСТЫ

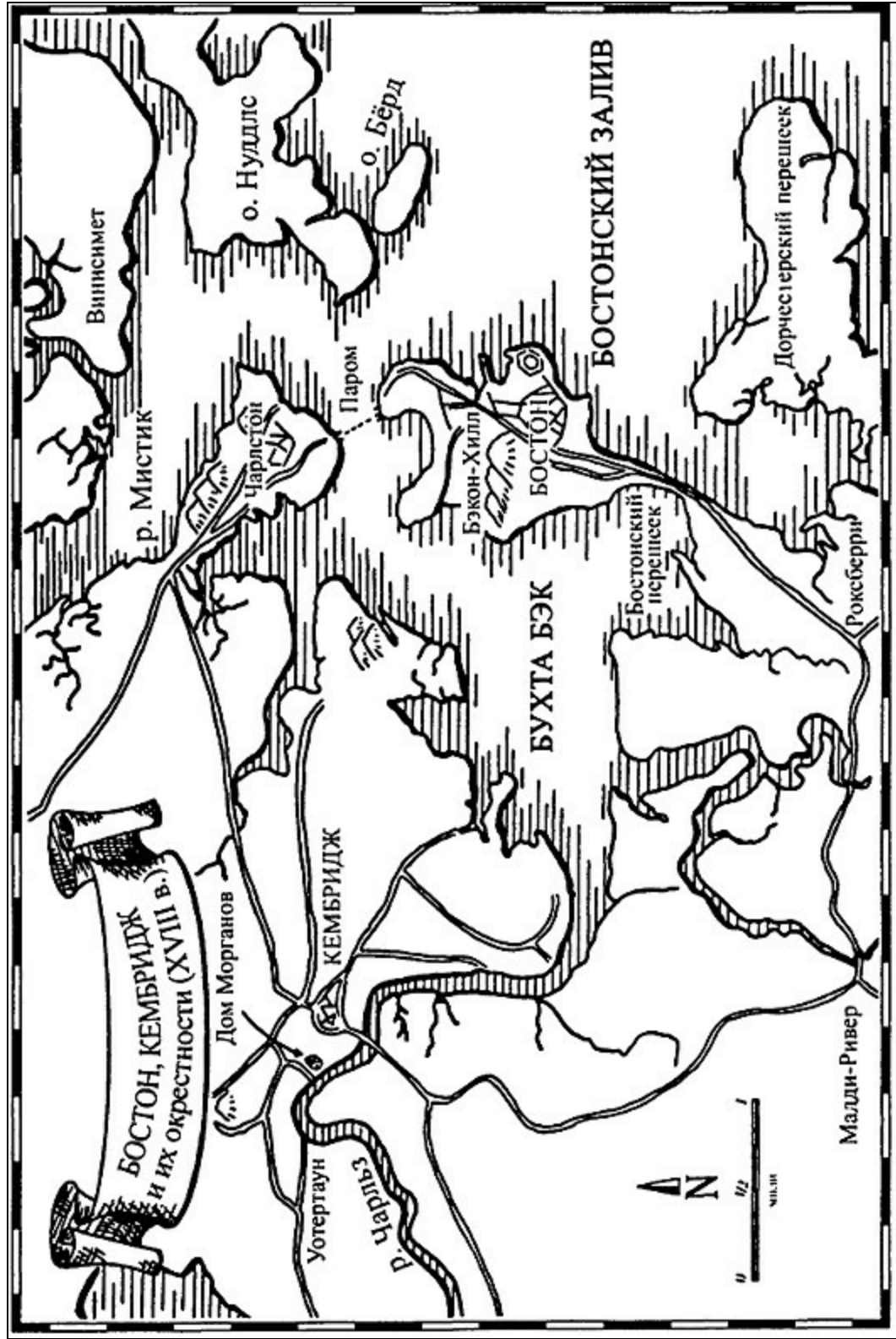
История одной семьи

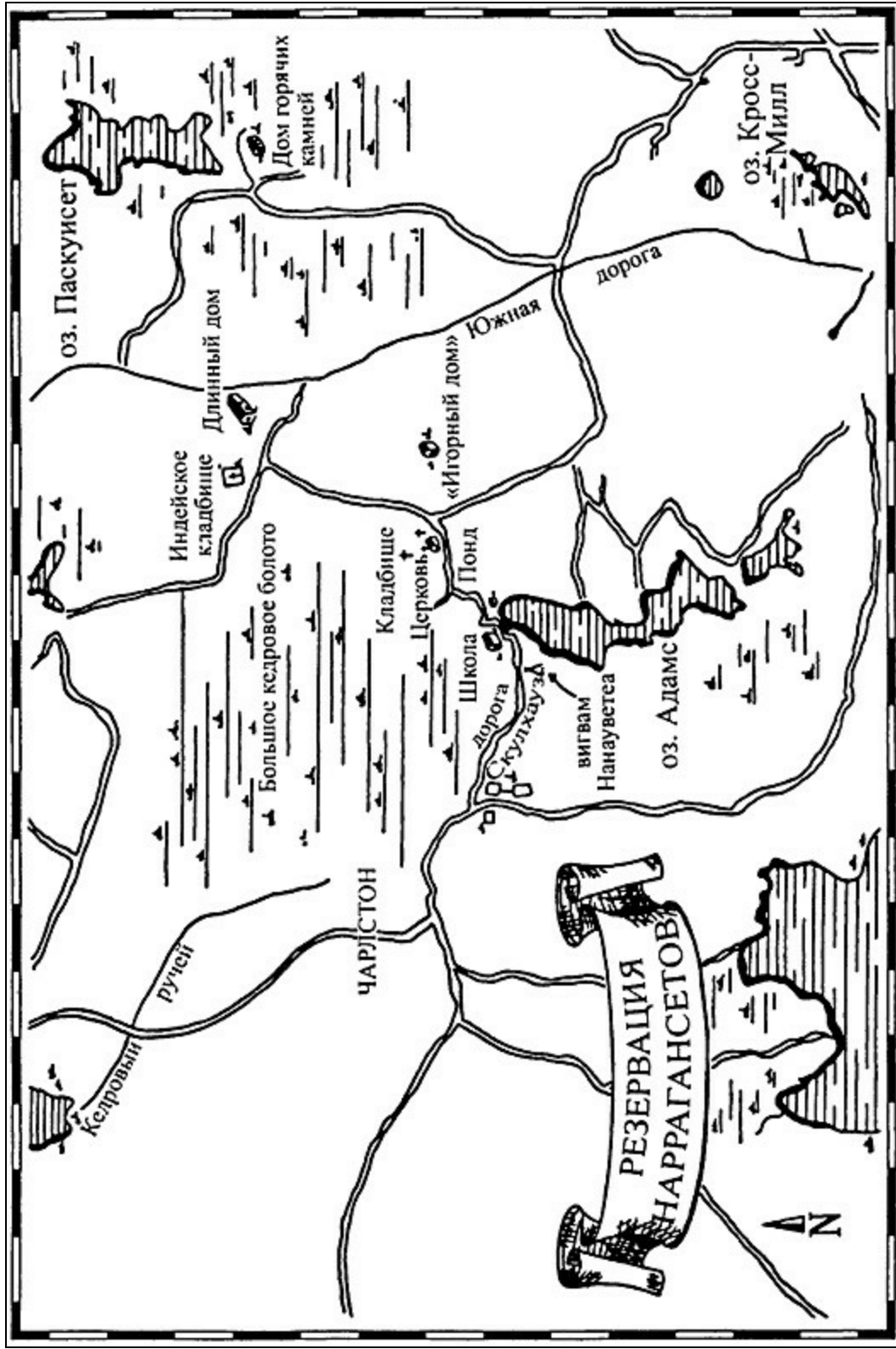
Теплым июньским утром 1727 года на дороге в Роксбери был убит преподаватель Гарвардского университета Бенджамин Морган. Его дети — милый проказник Джаред, своенравная и прямодушная Присцилла, умный, но эгоистичный Филип ни в чем не могут достичь взаимопонимания. Вдова Бенджамина, Констанция, так страдает от одиночества, что не в силах восстановить согласие в доме. Прежде чем братья и сестра сблизятся и поймут друг друга, им предстоит разгадать не одну мучительную тайну, разоблачить опасного и изворотливого противника, переосмыслить свою жизнь и пройти долгий путь от нетерпимости к милосердию, от безверия к вере. Роман «Колонисты» — вторая книга серии — написан на большом историческом и этнографическом материале.

Джек Кавано
Колонисты
Книга вторая

Моей жене Марии и моим детям: Елизавет, Кери и Сэму. Когда я был молод, то даже не представлял, как здорово быть отцом семейства. Иногда даже кажется, что между нами слишком хорошие отношения.







В 1727 году преподаватель Гарвардского университета Бенджамин Морган заплатил за осуществление своей мечты собственной жизнью. Лишь много позже его дети осознали, что смерть Бенджамина стала тем самым семенем, из которого произросло дерево их веры.

В гостиной, где лежал покойный, царил непривычный порядок. Большой круглый стол задвинули в угол. Его место заняли похоронные носилки, на них установили гроб. К черной ткани были пришпилены листки бумаги с соболезнованиями друзей и родных усопшего, стихами и теплыми словами о нем. Кресла, которые обычно стояли в уютном беспорядке, располагающем к доверительной беседе, выстроились вдоль стены правильной шеренгой. В открытую дверь задувал холодный ветер с реки Чарлз. Из-за этого ветра Присцилла Морган чувствовала себя совсем потерянной.

Она стояла в стороне, прислонившись к стене спиной. То и дело отбрасывая со лба непослушные пряди пушистых рыжих волос, она хмуро взирала из своего угла на друзей и сослуживцев отца, которые вместе с ветром входили в распахнутую настежь дверь, чтобы отдать последнюю дань уважения умершему.

«Все как один пустоголовые, — с раздражением думала она. — Наверняка никто из них ни разу в жизни по собственному почину не воспользовался мозгами».

Словно подтверждая это, все без исключения входящие строго соблюдали определенный ритуал. Переступив порог, очередной джентльмен левой рукой снимал шляпу, а правой — приглаживал волосы. Затем подходил к гробу, некоторое время, скроив скорбное лицо, пялился на покойного, после чего направлял свои стопы к столику со спиртным. Опрокинув рюмочку, он устремлялся во двор побеседовать со знакомыми на менее гнетущие темы — о политике, новой дороге, видах на урожай или покупке лошадей.

«Папина смерть для них ничего не значит, — думала Присцилла. — Им наплевать на то, что отца, словно ненужную вещь, засунули в деревянный ящик, что губы его холодны и сжаты, а окоченевшие руки сложены на груди».

Сияясь не расплакаться, Присцилла прикусила губу. Она должна сохранять самообладание. Этим людям не удастся ей посочувствовать. Но, как она ни крепилась, на глаза навернулись слезы. Глядя на отцовские руки, девушка вдруг живо вспомнила свое детство: вот отец ласково дотрагивается до ее щеки; вот его руки подхватывают маленькую Присциллу, подбрасывают ее, миг — и она уже сидит на папиных коленях.

Мысли унесли Присциллу далеко-далеко в прошлое. Девушка прищурила глаза и слегка улыбнулась. Она внезапно вспомнила, как ей нравилось когда-то подкрадываться к отцу, безмятежно читающему в кресле. Нырнув под книгу, она карабкалась на его колени и — как ей казалось, неожиданно — заглядывала ему в лицо. Тут-то и начиналось настоящее веселье! Хотя этот трюк она проделывала добрую сотню раз, отец делал вид, что удивлен ее появлением. Нарочито медленно — так медленно, что сердце Присциллы, замершей в предвкушении удовольствия, было готово выпрыгнуть из груди, — он откладывал книгу, не забывая заложить нужную ему страницу, и снимал очки. И лишь тогда, когда его очки касались стола, он, рыча, точно медведь, с шутливой свирепостью набрасывался на нее. Она ликующе хохотала, визжала и вырывалась. Он прижимал ее к себе все крепче и крепче, и вот наконец их щеки соприкасались. Как хорошо помнила она покалывание его жесткой бороды и запах кофе, который исходил от отца, нежно покачивающего ее на руках...

Со двора донесся грубый мужской смех. Очарование воспоминаний Присциллы было разрушено чужой бестактностью. Девушка никогда не упускала случая вспылить, а сейчас ей и вовсе не хотелось сдерживать гнев — он позволил ей отвлечься от некстати нахлынувших воспоминаний. Вернуться к ним мешала и непривычная тяжесть траурного кольца на правой руке.

«Дурацкий обычай, одно мотовство», — мысленно возмутилась она, покрутив на пальце золотое кольцо с черной эмалью, на котором был изображен лежащий в гробу скелет. Рядом с гробом стояли инициалы отца — БТМ — и дата его смерти — «20 июня 1727 г.». Точно такие же кольца носила вся ее семья.

Присцилла не могла скрыть своего недовольства, когда мать завела разговор о траурных кольцах. Зачем швырять деньги на ветер? Фунт за кольцо! Дикость невероятная! Но разве к ней прислушались? Разве в этом доме когда-нибудь дорожили ее мнением? Какое там! «Пренебречь традицией? — ополчились на нее близкие. — Да ни за что!» Мать была шокирована уже тем, что ее дочь посмела заговорить об этом!

Впрочем, кольца не единственная традиция, которую, по мнению Присциллы, следовало погрузить на корабль и отправить обратно в Англию. Такой же нелепостью были перчатки. Девушка с отвращением тряхнула головой, припомнив, как мучилась мать, составляя список тех, кому они понадобятся. Констанция Морган считала своим долгом заказать для губернатора, судей и сослуживцев мужа перчатки по двенадцать шиллингов за пару — и не пенсом меньше. Она находила, что покупать для этих почтенных людей менее дорогие перчатки просто неприлично. Членам семьи и близким друзьям полагались перчатки по пять шиллингов за пару. Само собой, случайные знакомые могут рассчитывать только на дешевые перчатки — два шиллинга шесть пенсов пара. (Что до последних, то Присцилла не понимала, с какой стати ее мать вообще должна на них тратить.)

Нелепость этого обычая становилась особенно очевидной, когда дело касалось священников. Если ношенные перчатки хоть чего-то стоят, то служители божьи весьма состоятельные люди — ведь они получают их на похороны, свадьбы и крестины. Зачем тому, у кого две руки, столько перчаток? Это было выше понимания Присциллы. Девушка тут же представила платяной шкаф священника, до отказа забитый перчатками. Затем ее воображение услужливо нарисовало такую картину: в один прекрасный день его преподобие безмятежно открывает дверцу — и вот он уже погребен под перчаточной лавиной. Однако, поразмыслив, Присцилла пришла к выводу, что из всего можно извлечь выгоду. По крайней мере после смерти священника его вдове не придется тратить на перчатки — надо просто раздать те, что за долгие годы собрал муж.

Девушка вновь негодуяще тряхнула головой. По ее глубокому убеждению, похоронные обряды были придуманы для того, чтобы отвлечь слабые души от мыслей о смерти.

Присцилла бросила быстрый взгляд на каминные часы. Не пора ли начинать? Она поискала глазами обладателя рекордного количества перчаток, пастора кембриджской церкви Хораса Расселла, и обнаружила его в дальнем конце комнаты. Держа в одной руке злополучные перчатки, он похлопывал ими по ладони другой руки. Его собеседниками были ее старший брат Филип и его невеста, Пенелопа Чонси.

Рядом с крепко сбитым, пышущим здоровьем коротышкой священником долговязый и хрупкий Филип Морган выглядел особенно нелепо. У него была неприятная привычка во время разговора мерно кивать головой; при этом падающие ему на глаза пряди темно-русых волос ритмично подпрыгивали. Как-то раз Бенджамин шутливо предупредил сына, что тот

рано или поздно лишится головы: она оторвется от шеи и полетит на землю, Филип случайно поддаст по ней ногой — и потеряет навсегда. Присцилла невольно улыбнулась, вспомнив, как отец изобразил Филипа, растерянно ощупывающего свои плечи и пытающегося понять, куда это запропастилась его драгоценная голова.

Она поймала себя на том, что ее вновь захлестнуло горе и холодное, мрачное бешенство. «Хватит!» — мысленно одернула она себя.

Гнев, который минуту назад помог Присцилле собраться с душевными силами, накатил на нее, когда она услышала смех Филипа — неуместный и грубый. Ее зависть к старшему брату граничила с ненавистью. Почему, ну почему ему посчастливилось родиться мужчиной?! Никто не спорит: Филип неглуп, но ведь она ни в чем ему не уступает. Да что там — она обладает более цепким умом! И потом, она способнее к математике. Вряд ли Филип справился бы с обустройством похорон без ее помощи. Ведь это она — несмотря на свое отношение к происходящему — заказывала кольца и перчатки; она договаривалась о погребальном звоне колоколов; она продумала до мелочей движение похоронной процессии; она решала, кто понесет гроб и будет держать концы покрыва; она купила надгробный камень и выбрала для него надпись; она наняла могильщиков. А чем занимался в это время ее любезный братец? Заперся в кабинете, сославшись на то, что ему нужно разобраться со счетами, рабочими записями и личными бумагами отца. Теперь это стало его обязанностью, но не потому, что он умнее, и не потому, что ему нравится управлять домом. Просто он — старший в семье и еще он — мужчина. Ни то ни другое не было его заслугой. Что он смыслит в делах?! Она бы с ними справилась не в пример лучше, но она — женщина и она моложе, а значит, бессильна что-либо изменить. Это было несправедливо, ужасно несправедливо.

Присцилла всегда ревновала отца к старшему брату. По правде сказать, Бенджамин Морган уделял своим детям намного больше внимания, чем другие отцы. Поступив в Гарвард, Филип пошел по его стопам; даже дома отец и сын предпочитали общаться полатами, к неудовольствию остальных членов семьи, и в первую очередь Присциллы. Ей тоже хотелось говорить с отцом на каком-нибудь тайном, ведомом только им двоим языке. Вместо этого она была вынуждена посещать школу для юных особ мистера Браунелла, где будущих хозяек учили стряпать, прясть, ткать и вязать. Присцилла до скрежета зубового ненавидела это заведение и презирала своих благовоспитанных и прилежных соучениц. Ради того, чтобы изучать латынь, математику и теологию в школе для мальчиков — там учились ее братья, — она согласилась бы на любые жертвы.

Она так и не узнала, почему отец пошел ей навстречу. То ли почувствовал, как страдает ее самолюбие, то ли она просто измучила его своими просьбами. А впрочем, так ли это важно? Главное, что Бенджамин Морган заключил с дочерью сделку: днем она посещает школу мистера Браунелла, а по вечерам он учит ее всему тому, что она только пожелает.

Перед Присциллой распахнулись двери в новый, чудесный мир. Она открыла для себя царство древних текстов; она ломала голову над философскими сочинениями; но самое острое наслаждение доставляла ей строгая красота математики.

И вот все пошло прахом. Отныне отцовский кабинет принадлежит Филипу. Ее безнадежно скучному старшему братцу прочили блестящее будущее с детства. Многие прониклись убеждением, что в один прекрасный день он станет ректором Гарварда, а то и губернатором колонии. В этом надутым умнике души не чаяли напыщенные, застегнутые на все пуговицы консерваторы, ведь он был сделан с ними из одного теста. Да, Филип — не

отец: он никогда не поймет ее страданий. И ни за что не позволит ей продолжить учебу. Он не захочет тратить на нее свое драгоценное время. Он ненавидит ее не меньше, чем она его. Яснее ясного, что со смертью отца дверь в мир знаний для нее захлопнулась навсегда.

Загудел колокол. Услышав его низкий, печальный голос, люди, пришедшие проводить Бенджамина Моргана в последний путь, разом смолкли. Пастор закрыл крышку домовины. Рядом с ним уже стояли крепкие молодые мужчины, которым предстояло нести гроб. Однако из шести носильщиков на месте были только пятеро.

Джаред Морган появился в гостиную, прыгая на одной ноге, — он пытался на ходу натянуть ботинок. «Джаред есть Джаред, — пронеслось в голове у Присциллы. — Безответственный мальчишка. Думает только о себе. Наверняка бегал на реку». Так и не совладав с ботинком, Джаред решил топнуть ногой по полу. От удара нога влетела в ботинок. Вдохновленный успехом, Джаред еще несколько раз топнул ногой. Наконец, облегченно вздохнув, он выпрямился, провел пятерней по светло-русые волосам и быстро занял свое место у гроба.

Под скорбный плач колокола носильщики подняли гроб на плечи. Тяжелое траурное покрывало — собственность города — медленно опустилось на домовину, укрыв вместе с ней и тех, кто ее нес. Четверо влиятельных горожан поддерживали концы покрывала, не давая ему соскользнуть. Можно было двигаться в путь.

Похоронную процессию возглавили священник и городские судьи. За ними шли носильщики с гробом на плечах, замыкали шествие близкие и друзья покойного. Присцилла поискала глазами мать. Увидев ее, она нахмурилась. Около Констанции Морган, опиравшейся на руку Филипа, обретался дородный бостонский коммерсант Дэниэл Коул. Пенелопа семенила сзади.

Дружившие с детства Дэниэл Коул и Констанция Мэйхью когда-то были очень близки. Так близки, что, по мнению многих, дело шло к свадьбе. Городские кумушки не поленились рассказать Присцилле, как все изумились, когда Констанция остановила свой выбор на Бенджамине Моргане — ведь Дэниэл считался более выгодной партией.

Рядом с бостонцем, который походил на громадного грузного медведя с массивной седой головой, вдова Бенджамина Моргана выглядела чрезвычайно хрупкой. Своей огромной лапицей мистер Коул обнимал Констанцию за плечи, и это до крайности не понравилось Присцилле. Этот человек был ей глубоко неприятен, и сама мысль о том, что он прикасается к ее матери, заставляла девушку содрогаться от отвращения.

Хотя Присцилла Морган и присоединилась к похоронной процессии, она предпочла держаться на почтительном расстоянии от остальных членов семьи. «Уж лучше быть одной, — угрюмо размышляла она. — Так проще жить. Буду заботиться только о себе. Никого не впущу в свое сердце. Никому не позволю причинить мне боль». Девушка так глубоко ушла в себя, что, когда за ее спиной раздался чей-то тихий голос, она невольно вздрогнула.

— Как ты думаешь, меня не пригвоздят к позорному столбу, если я пренебрегу правилами и пойду рядом с тобой?

Присцилла с досадой обернулась. Перед ней стояла Энн Пирпонт, тоненькая девушка с большими ясными глазами и приветливой улыбкой. Совсем юная — на несколько лет моложе Присциллы, — она тем не менее была выше ее ростом. Впрочем, Присцилла с детства отличалась миниатюрностью. Энн относилась к тем немногим женщинам,

которыми Присцилла искренне восхищалась. Она была не только умна, но и обладала незаурядным поэтическим даром.

Присцилла была очень сильно привязана к этой хрупкой ясноглазой девушке, чему и сама несказанно удивлялась, ведь они с Энн — как вода и огонь, полярные противоположности. Взять хотя бы характер. Присцилла никогда не видела подругу раздраженной. Собственно говоря, она вообще не видела, чтобы та злилась, упрямилась или своевольничала. Сумасбродная, не в меру строптивая, вспыльчивая от природы, Присцилла искренне недоумевала, как так можно жить? Но настоящим камнем преткновения стал для них Джаред. Присцилла никак не могла взять в толк, что нашла в ее безалаберном братце умница Энн. А Энн между тем была влюблена в него, да и он по-своему, жалко и неумело, тянулся к ней.

— Если ты хочешь побыть одна, я уйду, — кротко сказала Энн.

После недолгого молчания — Присцилла вспомнила о только что данном себе зароке — она, слегка пожав подруге руку, ответила:

— Останься. Я буду только рада.

Энн Пирпонт улыбнулась. Улыбка была такой нежной и любящей, что Присцилле показалось, будто ее накрыло теплой и ласковой волной.

Процессия медленно двигалась по дороге, петляющей вдоль реки Чарлз, к маленькому кладбищу, которое располагалось на холме. Присцилла слышала, как заходится в хриплом мучительном кашле ее старший брат. Филип был болезненным с детства. Пыль, переутомление или тревога могли вызвать у него припадки удушья. Присцилла — хотя и была далека от мысли, что он притворяется, — находила, что частенько эти приступы случаются тогда, когда Филип хочет увильнуть от какого-нибудь дела.

Участники траурной церемонии столпились у открытой могилы. Заросший бурьяном, вереском, кустами барбариса и чахлыми березами холм выглядел диким и пустынным. Могилы были разбросаны как попало — никому, видимо, не приходило в голову хоть сколько-нибудь обиходить кладбище.

Родные и друзья покойного хранили чинное молчание. Погребальной службы не было. Пуритане [\[1\]](#) не желали следовать примеру католиков, которые полагали, что усопшему необходима молитва. Сжав губы, они смотрели, как гроб опускают в могилу.

Кроме наследства, которое Бенджамин Морган оставил своей семье, о пройденном им пути напоминали только слова, начертанные на надгробии. Их сочинила Энн Пирпонт.

Когда Присцилла покупала надгробный камень — твердую, темную плиту шиферного сланца из Северного Уэльса, у нее осведомились, какую надпись она желает видеть на памятнике. Девушка любопытствовала, что пишут в подобных случаях. Традиционный вариант выглядел так:

Вы обретете, как и я, покой,
Готовьтесь же последовать за мной.

Другие надписи были не лучше, и она попросила Энн Пирпонт сочинить эпитафию. На тяжелой плите, легкой на могилу Бенджамина Моргана, было высечено:

Весной я встал на рассвете

С улыбкой.

Летом в полдень вышел я в путь

Счастливым.

Осенью в сумерках сделал привал я

В печали.

Зимой наступила ночь, я лег

И уснул.

— Замечательная надпись, — шепнула Присцилла, наклонившись к Энн.

Юная поэтесса мучительно покраснела.

— Спасибо, — смущенно пробормотала она.

Погребение закончилось, и знакомые отца гуськом потянулись вниз. За ними чуть ли не бегом припустил Джаред. Филип и Пенелопа стояли у самого края открытой могилы. При взгляде на старшего брата в душе Присциллы поднялось чувство неприязни. Отныне глава семьи — он. Присцилла до сих пор не могла смириться с этим. Никто не думал, что все так обернется. Бенджамин Морган прожил лишь половину отпущенного ему срока. Он был таким прекрасным, таким добрым человеком...

«Почему, ну почему убили его, а не Филипа?»

Она спрашивала себя об этом с той самой минуты, как в их дом вошла беда. С любовью к отцу могла поспорить только ненависть к брату. Рассудком она понимала, что ее мысли чудовищны, — и не могла избавиться от них. «Почему, ну почему убили отца, а не Филипа?»

Они покинули дом вместе, а вернулся только Филип. Отца пронзили две стрелы и пуля, а на брате не было даже пустяковой царапины. Это не укладывалось в ее голове. Наверняка, ну наверняка же Филип мог спасти отца! Но вот вопрос: предпринял ли он что-нибудь ради его спасения? Он говорит, что да. И все-таки кто знает, кто знает...

— Присцилла.

Услышав незнакомый голос, она вздрогнула.

— Я напугал вас? — В этих словах звучало скорее удовлетворение, нежели сожаление. Сверху вниз холодными стальными глазами на нее смотрел Дэниэл Коул. — Я просто хотел сказать, что если я могу чем-то помочь вашей семье... А я и впрямь готов сделать для вас все... видите ли... мы с вашей матушкой старинные друзья.

— Благодарю вас за поддержку, сэр, — надменно сощурилась Присцилла.

Оскорбленный ее ледяным тоном, коммерсант зашагал прочь, но тут же вернулся и разразился тирадой:

— Смерть — это только начало. Ничем другим я не могу объяснить тот факт, что самыми светлыми днями моей жизни стали те два дня, когда я похоронил жену и сына! Если вы не будете столь эгоистичной, поймете: это лучшее, что могло случиться с вашим отцом.

И с этими словами мистер Коул ее покинул.

— Он сказал это из самых добрых побуждений, — Энн ласково положила руку на плечо Присциллы.

Она была права. Дэниэл Коул просто выражал широко распространенное среди пуритан представление о том, что после смерти праведник тотчас попадает в Царство Божье. И хотя Присцилла тоже верила в это, боль от страшной утраты не ослабевала.

— Полагаю, для его жены и сына день смерти и впрямь был самым светлым в их

жизни, — не без яду заметила она.

Девушки ушли с кладбища последними. Энн из чувства деликатности держалась поодаль, понимая, что подруге надо побыть наедине со своими мыслями, и Присцилла была ей за это признательна. Она стояла на холме и смотрела на Кембридж. Ее платье раздувал ветер. Вдали виднелись бухта Бэк и Бостон. Присцилла прикрыла глаза рукой и разглядела извилистое русло реки Чарлз и крышу своего дома, окруженного деревьями. Внезапно у нее болезненно сжалось сердце.

Она больше никогда не увидит отца. Он не вернется домой. Ей придется оставить его здесь, в мерзлой земле, на продуваемом всеми ветрами холме. В один миг твердое намерение не поддаваться чувствам рухнуло, словно плотина, смытая волной, и из груди Присциллы вырвались рыдания.

Энн Пирпонт нежно обняла плачущую девушку за плечи. Хотя этим она просто выразила свое сочувствие подруге, ее прикосновение напомнило Присцилле о данном самой себе обещании.

— Спасибо, — сдержанно поблагодарила она. — Я в порядке.

Досадуя на себя за слабость, она принялась вновь возводить разрушенную плотину. В тот день, стоя на холме и глядя на Кембридж, она решила запереть свое сердце на замок. Отныне ей не смогут причинить боль, потому что она не позволит себе ни к кому привязаться. Она будет жить одна. Она докажет всем, чего она стоит. Она не желает подлаживаться к другим. Она будет много учиться и сколотит огромное состояние. Люди благоговеют перед богатством, и, возможно, ее деньги заставят их примириться с тем, что она женщина.

Его разбудил щелчок дверной ручки. Он поднял тяжелые, опухшие веки и, пытаясь найти пятно света, на котором можно было бы остановить взгляд, обвел воспаленными глазами комнату, погруженную в крошечную тьму.

Входная дверь скрипнула — это был едва различимый жалобный, звук, так обычно скрипит дверь, когда кто-то хочет проникнуть в дом тайком. Потом все стихло.

Филип Морган попытался стряхнуть с себя остатки сна и потер глаза. Несколько секунд по пробуждении он никак не мог сообразить, где находится. Мало-помалу в темноте начали проступать отдельные предметы. Молодой человек окончательно пришел в себя. Ну конечно — это отцовский кабинет. Он уснул, сидя за столом в жестком деревянном кресле. Из-за неудобной позы сильно ныли спина и руки.

Входная дверь вновь закрипела. Филип лихорадочно метнулся глазами по комнате в поисках оружия. До него долетел еще один тихий звук — кто-то осторожно открыл дверную защелку. В глубоком безмолвии ночного дома этот звук прозвучал пугающе отчетливо.

Молодой человек затаил дыхание и напряг слух, не сомневаясь, что вот-вот под чьими-то воровскими шагами закрипят половицы. Тишина. «Оружие, мне нужно оружие!» — мысленно воскликнул Филип и вновь тщетно искал взором мушкет. Почти в то же мгновение прямо перед домом раздался нетерпеливый крик:

— Давай быстрее!

Филип крадучись подошел к окну и, вытянув шею, осторожно выглянул во двор. Полная луна лила ровный серебристый свет на аллею и центральный двор. В следующий момент из дома кто-то выбежал. Филип заметил, что в правой руке бегущий сжимал мушкет, а на его поясе ритмично покачивалась пороховница.

Джаред!

Он узнал брата мгновенно — по ловким, раскованным движениям. Этой пружинистой, легкой походке Филип втайне завидовал всю жизнь. И хотя Филип никогда не сомневался в своем умственном превосходстве, он не мог не признать, что уступает Джареду в силе и проворстве.

«Хотел бы я знать, куда это он собрался?» — подумал Филип и мысленно пообещал себе утром поговорить с отцом о ночных похождениях брата. И тут сознание молодого человека сделало резкий поворот, и Филипа словно обожгло: он с ужасом вспомнил, что отец мертв. Вот почему он сидит в его кабинете. Теперь он — глава семьи. И за брата отвечает тоже он. Филип видел, что Джаред направился к рощице у реки. «Я должен пойти за ним и привести домой», — сказал он сам себе и вновь взглянул в окно.

Как раз в ту минуту, как он выглянул на улицу, от деревьев отделились две темные фигуры — высокая и низенькая. При виде этих черных силуэтов Филип вспомнил, как в другом месте и в другое время из-под деревьев вышли два человека.

Внезапно на него тяжелой волной накатило удушье. Он стал дышать все чаще и чаще, широко открывая рот и жадно глотая воздух. Потом его начал бить кашель. Согнувшись пополам, он судорожно ухватился рукой за подоконник. Припадкам удушья он был подвержен с детства, но впервые приступ оказался столь жестоким. В тот день, когда погиб отец, Филипа тоже подкосил острый приступ астмы. В последнее время болезнь давала о себе знать все чаще, приступы становились раз от раза сильнее, и порой молодому человеку

казалось, что они рано или поздно загонят его в гроб. И хотя Филип не желал признаваться себе в этом, иногда он бессознательно призывал смерть, надеясь, что она принесет ему долгожданное облегчение.

Мало-помалу приступ стал ослабевать, и Филип ощупью — вдоль книжного шкафа — пробрался к столу. Бледный и измученный, он упал в кресло. Но и здесь удушье настигло молодого человека, и он закашлялся так сильно, что все его тело свела судорога. Прошло несколько мучительных мгновений, прежде чем Филип сумел отдышаться. В изнеможении он откинулся на спинку кресла, безжизненно уронив руки на подлокотники; по его лицу ручьями бежал пот.

Филип долго сидел без движения и думал о Джареде. «Я должен пойти за ним и привести его домой». Но он был очень слаб и чувствовал себя таким утомленным и разбитым. Ему придется подождать, пока младший брат вернется. Ничего, он поговорит с ним утром.

И вновь в его раздумья вторглись две зловещие темные фигуры. Он попытался выбросить их из памяти, но это было так же трудно, как и справиться с удушьем. Филипу остро вспомнился тот день, когда погиб отец, и по его лицу вместе со струйками пота побежали слезы.

Поездка в Бостон обещала быть самой обычной. Бенджамин Морган собирался заглянуть в банк и выяснить там что-то насчет ценных бумаг. Филип, хотя и был старшим из детей, мало вникал в то, куда вложены деньги семьи. Дела вел отец и, как начал догадываться Филип, действовал при этом не всегда разумно и своевременно. Бенджамин Морган был ученым, а не коммерсантом. Он занимался денежными вопросами по мере необходимости, без всякого интереса. И отец, и сын предпочитали счетным книгам тома античных авторов. Судя по тому, что Бенджамин решил отправиться в Бостон, дело, касающееся вкладов, и впрямь не терпело отлагательств. Он взял с собой Филипа, надеясь найти в его лице приятного собеседника; заодно он намеревался ввести сына в курс дел.

До Бостона они должны были добираться не на пароме, который ходил из Чарлстона, а по суше. Дело в том, что Бенджамин Морган не любил воду. Точнее — избегал морских и речных путешествий. Причина его нескрываемого отвращения к воде оставалась для Филипа тайной. В каком-то отношении он уважал отца за эту слабость еще больше.

Рано утром отец и сын выехали верхом из мирно спящего Кембриджа. Они благополучно перебрались по мосту через реку Чарлз и повернули на юг; по истечении некоторого времени путешественники миновали деревушку Мадди-Ривер, что на пути в Роксбери. Едва это местечко осталось позади, Бенджамин Морган, вздумавший было о чем-то поболтать с сыном, обернулся к нему с улыбкой; почти в то же самое мгновение его пронзила стрела.

Стрела была пущена из леса, тянувшегося вдоль дороги. Она попала Бенджамину прямо в спину. Глаза мужчины широко распахнулись от боли и удивления. Спустя секунду грянул выстрел мушкета — тело Моргана-старшего дернулось, и он с глухим стуком рухнул на грунтовую дорогу.

Ошеломленный выстрелом и внезапностью нападения, Филип соскочил с лошади. Он понимал: первым делом надо разобраться со злоумышленниками. Из оружия они с отцом имели при себе только мушкет, который был приторочен ремнем к отцовскому седлу. По счастью, лошадь отца не убежала. Она стояла на месте, недоуменно глядя на своего раненого хозяина и не обращая внимания на опасность. Филип, боясь получить порцию свинца в лоб,

поспешил спрятаться за нее. Когда он схватился за приклад мушкета, отец застонал. В этот момент из леса вышли двое.

«Что за странная пара», — молнией мелькнуло в голове у Филипа. Они стояли на краю леса, самоуверенные и дерзкие — как и положено охотникам, — и с недобрым спокойствием наблюдали за своей жертвой. Один из них был индеец — могиканин, пекот или наррагансет ^[2] — все краснокожие казались Филипу близнецами. Но вот товариш индейца... К вящему изумлению молодого человека, им оказался матрос! Филип невольно задался вопросом, для чего моряку подстергать в лесу его отца. На матросе были мешковатые штаны, не доходившие до щиколоток, сине-белая клетчатая полотняная рубаша и монмутская шапка ^[3], из-под которой торчали редкие седые волосы. Он был невысоким и жилистым, с огромным мясистым носом картошкой. Этих людей Филип видел впервые. Ужас парализовал ум и волю молодого человека — трепеща за свою жизнь и жизнь отца, он застыл на месте.

Тем временем Бенджамин Морган попытался приподняться, ухватившись за переднюю ногу лошади. Матрос заметил это и что-то сказал своему спутнику. Тот вытащил еще одну стрелу.

Филип хотел предупредить отца об опасности, но, прежде чем он успел открыть рот, у него перехватило дыхание. Вместо крика из его горла вырвался хрип.

Индеец натянул лук и выпустил стрелу. Филип, схватившись руками за горло и лоя ртом воздух, в смятении наблюдал за стрелой, которая со свистом разрезала воздух. Бенджамин Морган, как сноп, повалился на землю.

В ту же секунду удушье стало таким сильным, что Филип не сумел устоять на ногах. Мучительно скорчившись, он осел на землю. Молодой человек ждал, что вот-вот в него вонзится стрела или ему просто-напросто перережут горло и снимут скальп. Но его не тронули.

Мало-помалу Филипа перестал бить кашель. Собравшись с силами, он встал на четвереньки и тревожно огляделся по сторонам. На пыльной дороге ничком лежал отец. В его спине, чуть покачиваясь, торчали две стрелы; около поясницы чернела припорошенная порохом рана. Вокруг нее медленно расплывалось кровавое пятно. Индеец и матрос исчезли.

Проклиная себя за беспомощность, Филип встал на колени и склонился над отцом. Молодой человек не знал, что делать со стрелами — не опасно ли их вытаскивать?

Бенджамин Морган с трудом приподнял голову и слабым, прерывающимся голосом произнес:

— Сынок, будь добр, опустись пониже.

Филип лег рядом с отцом.

— Как ты, милый?

— Со мной все в порядке.

— Знаешь, кто это был? — одними губами спросил Бенджамин Морган.

— Нет. Я никогда их не встречал... Вот только... отец, это были матрос и индеец. Ты не догадываешься, почему они на тебя напали?

Бенджамин Морган озадаченно приподнял бровь.

— Матрос и индеец?

Филип попытался кивнуть, при этом его щека проехала по земле.

Бенджамин Морган усмехнулся, и тут же его лицо исказилось от боли.

— Подумать только, — с трудом выговорил он, — матрос и индеец.

— Потерпи, отец, я отвезу тебя к доктору. Дай-ка я помогу тебе сесть на лошадь.

Бенджамин Морган попытался улыбнуться и из последних сил прохрипел:

— Слишком поздно... Ты уж прости, сынок, что все так вышло.

— Нет, не поздно! — Голос Филипа сорвался. — Все будет хорошо! Я съезжу за доктором и привезу его сюда!

Но отец его не слушал.

— Передай маме, что я люблю ее, — тяжело и часто дыша произнес он и утомленно прикрыл глаза. — Я говорил ей это так редко. Жаль...

— Я передам, отец. Обещаю.

— И Присцилле с Джаредом тоже скажи. Скажи... что я люблю их.

— Хорошо, отец.

— Я знаю, вы не очень-то ладите, но теперь за брата и сестру отвечаешь ты. Дай мне слово, что позаботишься о них. Семья так важна — быть может, важнее и нет ничего на свете. Помни об этом.

Из глаз Филипа брызнули слезы — они оставляли в дорожной пыли крохотные темные ямки.

— И еще кое-что, сынок.

— Да, отец.

Бенджамин зашелся глухим кашлем. От боли он вновь прикрыл глаза. А когда открыл их, они уже не различали того, что было перед ними.

— Выполни еще одну мою просьбу, — прохрипел он. — В секретере... у меня в кабинете... дневник. Прочти его. Он принадлежал нашему предку... — Он вновь мучительно закашлялся. — В нем говорится о Библии. Семейной. Нашей. Она пропала более пятидесяти лет назад. Найди ее, Филип. И верни в наш дом. Обещай мне.

— Я найду ее, отец. Верь мне... Обязательно найду.

Сдерживавший свои чувства весь день, в темноте отцовского кабинета Филип дал волю слезам: он зарыдал горько, безутешно, сотрясаясь всем телом.

— Я должен был спасти его! Действуй я быстрее, он остался бы жив. Господи, ну почему? Почему этот злосчастный приступ начался тогда, когда отец так нуждался во мне?

Филип вновь захрипел и закашлялся.

— Лучше бы ты взял с собой Джареда! — с горечью крикнул он в пустоту. — Джаред никогда не теряет головы. Он не дал бы тебе погибнуть. Он бы спас тебя. Ну почему ты не взял его с собой? А я... Я подвел тебя. Прости меня, отец. Я был недостаточно расторопным, недостаточно сильным. Ну почему, почему ты не взял с собой Джареда?! — И молодой человек, уронив голову на стол, вновь залился слезами. Он плакал, пока его не сморил сон.

Он проспал недолго, час с хвостиком. С тех пор как не стало отца, он почти не смыкал глаз и проводил большую часть ночи бодрствуя; даже во сне его преследовали предсмертные слова Бенджамина Моргана: найди Библию... найди Библию... найди Библию.

Филип встал, потер глаза и потянулся. Он взял коробку с трупом и зажег свечу. Пламя осветило стол и лежащую на нем стопку счетов за похороны — за надгробие, кольца, перчатки, столик для напитков и множество других вещей. Похороны обходились недешево, потратить на них пятую часть состояния покойного было делом обычным. Подойдя к отцовскому секретеру, молодой человек выгреб из него книги, какие-то бумаги и старый дневник — это был семейный архив Морганов.

С некоторых пор — где-то с год — у отца вошло в обыкновение два-три раза в неделю по вечерам запирается у себя в кабинете и работать. Он никого не посвящал в свои труды, лишь порой взволнованным голосом объявлял, что скоро сообщит домашним о чем-то очень важном.

Бумаги, найденные в секретере, представляли собой нечто среднее между исследованиями и записями личного характера. К этим документам был приложен листок с генеалогическим древом Морганов. Филип плохо разбирался в своей родословной, знал только, что один из его предков, Энди Морган, прибыл в Северную Америку из Англии вместе с губернатором Джоном Винтропом ^[4] на борту «Арбеллы». В соответствии с генеалогическим древом сам Филип, его сестра и брат являлись пятым поколением Морганов, которое живет в Массачусетсе.

Филип поднес листок ближе к свету и принялся изучать свою родословную. Сведения о его предках были довольно скудными. Энди Морган родился в 1611 году (день и месяц отсутствовали); скончался 24 сентября 1682 года. Энди и Нелл Морган имели троих детей: Кристофер родился в 1634 году, дата смерти отсутствовала; Люси появилась на свет в 1635 году и скончалась в 1704-м; Роджер родился в 1638 году, а умер то ли в 1701-м, то ли в 1702-м. Семья Филипа происходила от Роджера, младшего из детей Энди и Нелл. Роджер женился на Мэри Шепард (даты жизни отсутствовали) и прижил с ней троих детей — Томаса, Тимоти и Тайлера. Их первенец, Томас, приходился Филипу родным дедом. Филип привык думать о нем как о человеке эксцентричном. Томас Морган отчаянно кичился своим английским происхождением и без конца твердил о том, что намерен вернуться домой, на родину, — имея в виду Англию. Такая привязанность к Англии выглядела странновато, поскольку нога Томаса ни разу не ступала на британскую землю. Его жена Энн, бабушка Энн, умерла от оспы в тот год, когда их единственный сын Бенджамин в возрасте пятнадцати лет поступил в Гарвард. Томас полагал, что в могилу ее свела беспросветно тяжелая жизнь в колониях, и спустя месяц после похорон отплыл в Англию, к цивилизации, предоставив юного Бенджамина самому себе. Филип припомнил, как два года назад он случайно наткнулся на письмо, пришедшее из далекого английского города Эксетера; некий господин Хиггенботем извещал Бенджамина Моргана о том, что его отец тихо отошел в вечность в 1725 году.

На генеалогическом древе, на ветви, которая шла от Томаса Моргана и Энн Вестон, Бенджамин написал свое имя и имя своей жены Констанции. Под именами стояли даты рождения: его — 1682-й и ее — 1690-й. Оставил он и место для даты смерти. Филип взял перо и дрогнувшей рукой неловко вписал: 20 июня 1727 года. Рядом с именами Бенджамина и Констанции были изображены три ветви с именами детей — Филип, Присцилла и Джаред.

Молодой человек отодвинул в сторону родословную семьи Морган и взял в руки старый пожелтевший дневник, страницы которого были заложены листами с записями отца. Торопливый, путаный почерк и обилие восклицательных знаков свидетельствовали о том, с каким душевным волнением Бенджамин Морган читал этот документ. В нескольких словах отец пояснял, что дневник нашли на чердаке одного старого бостонского дома, стоящего на отшибе, близ причала. Хозяин дома — деловой партнер Бенджамина Моргана, — увидев знакомую фамилию, принес найденную им тетрадь отцу Филипа. Она принадлежала Энди Моргану, прадеду Бенджамина. На страницах своего дневника Энди Морган запечатлел историю становления колонии залива Массачусетс; несколько раз он упоминал и об английском городке Эденфорде, находящемся где-то в Девоншире. Однако в основном в

дневнике говорилось о духовном становлении Энди Моргана; о том, как страстно он хотел, чтобы его дети следовали путями Господними. Бенджамин особо выделил то место, где фигурировала фамильная Библия Морганов. Дневниковая запись (Филип обратил внимание на то, что она была сделана за несколько недель до смерти Энди Моргана; ему шел семьдесят второй год) гласила:

«26 августа 1682 года

Вот уже семь лет минуло с тех пор, как мы не имеем никаких сведений о Кристофере. У нас почти не осталось надежды увидеть его живым. Последнее известие о нем мы получили из вторых рук незадолго до начала военных действий ^[5]. В то время мой дорогой сын проповедовал среди вампаноагов. Мы пребываем в полном неведении, что с ним случилось, здоров ли он, и можем быть уверены лишь в одном — его судьба в руках Божьих. Кристофер не страшится людей, способных убить его, ибо знает: душа его неуязвима. Горько сознавать, что он умер бездетным, не оставив сына, которому мог бы передать фамильную Библию в соответствии с моим напутствием, данным ему на церемонии. Но, быть может, я ошибаюсь, придавая такое значение материальному символу. Всевышнему не нужна запись, чтобы понять, кто следует Его путями. Мне же остается лишь уповать на то, что мои потомки никогда не утратят веру в Господа.

Последнее время Нелл чувствует себя неважно. Давно, очень давно, в те годы, когда мы еще были молоды, от рук злодеев трагически погибли ее горячо любимые отец и сестра, и теперь ей тяжело смириться с тем, что ее первенца, возможно, уже нет в живых. Господи, утешь ее!

А на днях мы узнали, что Люси опять беременна. Если Отец Небесный дарует малышу жизнь — трое детей моей ненаглядной девочки умерли в младенчестве, — это будет ее двенадцатый ребенок. Наша милая Люси изрядно потрудилась, приумножая благочестивый род Синклеров.

Я не перестаю молить Господа, чтобы Он вразумил меня и помог быть терпимее к Роджеру. Почти ни в чем мы не можем прийти к согласию, идет ли речь о земной жизни или о мире ином. Открой его глаза, Боже. Научи ценить не одни лишь материальные блага».

Прочитанное взволновало Филипа не только как ученого. Этот дневник не просто часть истории Массачусетса, он — часть истории его семьи. Человек, чья рука сорок пять лет назад вывела эти строки, был его предком!

Бумаги, вложенные в дневник, имели самое непосредственное отношение к поискам потерянной Библии, предпринятым Бенджамином Морганом. Здесь находились черновики его собственных писем к двоюродным братьям и сестрам Филипа, детям Тимоти и Тайлера Морганов. Сама переписка, по-видимому, хранилась в одном из ящиков письменного стола. Бенджамин просил племянников сообщить ему все, что они знают о судьбе пропавшей Библии. В ответных посланиях говорилось следующее: о фамильной Библии частенько упоминал дедушка Роджер, когда был пьян и зол. Один из племянников вспомнил, как старик костерил своего брата, называя его Иисусом племени наррагансетов и апостолом резерваций. На этом письме рукой отца была сделана приписка:

«Я уверен: Библия Морганов уцелела! Гипотеза. Кристофер Морган учил индейцев чтить Господа и уважать Его Слово. Неужели ученики после смерти учителя не сохранили его Библию как величайшее сокровище? Чтобы проверить это, я отправлюсь в резервацию наррагансетов и узнаю, не там ли хранится символ духовного наследия моей семьи».

Молодой человек судорожно втянул в себя воздух. Что ж, дело отца стало его делом. Он

сдержит свое слово. Но чем больше Филип думал об этом, тем сильнее теснила его грудь тоска и тем обильнее выступал на лбу холодный липкий пот.

Ух ты, да у него мушкет! — восторженно выдохнул Уилл. Радостно приветствуя друга, Уилл Хопкинс и Томас Чакерс вышли из тени деревьев. Луна осветила своим неверным, причудливым светом фигуры трех мальчиков.

— Порох взял? — спросил Чакерс, заметив на поясе Джареда пороховницу, и деловито добавил: — А пули?

— Ясно дело взял, дурья ты башка! — возмутился Джаред. — Кому нужен мушкет без пуль?

— Дай-ка посмотреть, — Чакерс требовательно протянул руку, и Джаред без колебаний вложил в нее оружие. Так уж у них повелось. Мальчики дружили не первый год и особо не церемонились друг с другом, но верховодил все-таки Чакерс. Он был почти на год старше Уилла и Джареда, и те беспрекословно ему подчинялись.

Уилл был пареньком рослым — практически таким же высоким, как старший брат Джареда Филип. Этого простосердечного увальня с большим ртом, постоянно растянутым в добродушной ухмылке, и оттопыренными ушами, напоминавшими наполненные ветром паруса, Господь, к несчастью, обделил умом, зато наградил дружелюбным и незлобивым характером. В их компании Уилл исполнял роль шута.

Невысокий, крепко сшитый, с длинными, мускулистыми руками, Чакерс был прирожденным лидером. Уже в шестнадцать лет все его тело покрылось густыми черными волосами на зависть приятелям, которые считали это признаком зрелости. Чакерсом — так произносил в детстве собственное имя Чарлз Томас — его называли и сверстники, и взрослые.

И все же самым смышленным и проворным в этой троице был Джаред Морган. Он мог бы подчинить друзей своей воле, но не хотел — предпочитал держаться в тени. Как правило, именно он воплощал в жизнь то, что задумал Чакерс.

Взять хотя бы историю с мистером Томлином. Как-то раз Чакерс принес на воскресную службу птичье перо. Уилл, Чакерс и Джаред, как обычно, уселись вместе на скамью для мальчиков — она стояла рядом со скамьей семейства Томлин. Мистер Томлин, пасечник, славился тем, что имел обыкновение засыпать на проповеди; еще песочные часы не успевали перевернуть, а он уже всю клевал носом. Каждое воскресенье три товарища увлеченно следили за сборщиком церковной десятины, который подходил к скамье Томлинов со своей длинной палкой и проводил по лицу пасечника лисьим хвостом. Если лисий хвост не мог разбудить соню, сборщик податей специальным шипом колот сладко посапывающего прихожанина в руку. Во время этого действия неразлучная троица веселилась от души.

В то воскресенье плешивая голова мистера Томлина, как всегда, безмятежно и доверчиво склонилась к деревянной спинке скамьи, и пасечник погрузился в сон. Пока сборщик податей занимался своим делом в противоположном углу церкви, Джаред, подстрекаемый Чакерсом, нагнулся к спящему мужчине и, тихонько жужжа, пощекотал его перышком. Тот, не просыпаясь, заерзал и, к безудержному восторгу трех приятелей, принялся, размахивая руками, отгонять назойливое насекомое. Так они развлекались несколько минут; Джаред изощрялся, как мог, имитируя самые разные звуки, которые издают пчелы, и то тут, то там касался перышком головы мистера Томлина.

Легкий толчок в бок предупредил Джареда о приближающейся опасности. Он быстр

спрятал перышко и с большим почтением устался на священника. Повернув головы к кафедре, мальчики уголком глаз следили за тем, как к мистеру Томлину размеренным шагом приближается сборщик податей. Подойдя к скамье, он привычным движением провел по щеке спящего мужчины лисьим хвостом. Пасечник досадливо отмахнулся и заворчал во сне, словно старый пес. Сборщик предпринял еще одну попытку — и опять без результата. Тогда, изменив тактику, он взял в руки палку с шипом на конце. Уилл сдавленно захихикал. Чакерс предостерегающе ущипнул друга.

С величием монарха, дарующего подданному рыцарское звание, сборщик податей шагнул к пасечнику и, изловчившись, уколол его в руку. Мистер Томлин вскочил, словно подброшенный. Вытаращив глаза, он принялся ожесточенно размахивать руками и громко осыпать невидимый пчелиный рой проклятиями.

Прошло немало времени, прежде чем мистер Томлин рискнул вновь уснуть на богослужении.

Ну а Джаред с Чакерсом очень скоро оказались в центре настоящего скандала. Предыстория этого происшествия такова. Члены церковной общины относились с нескрываемым почтением к Бенджамину Моргану, поэтому, когда звонарь уезжал в Провиденс навестить родных, его обязанности поручали исполнять Джареду. И вот как-то раз Бенджамин, поддавшись на уговоры Джареда, позволил Чакерсу подняться на колокольню.

В то утро, выполнив обязанности звонарей, приятели устроились на нижних ступенях лестницы, ведущей на колокольню. Они сидели наверху, точно воробьи на стропилах, и с интересом поглядывали на прихожан. Когда Чакерсу стало скучно — а во время службы такой момент наступал неизбежно, — он начал выковыривать замазку из щелей. Крохотный кусочек замазки вывалился из его рук, ударился о ступени и полетел вниз, едва не угодив в пожилого джентльмена, — к счастью, тот ничего не заметил. Проследив за полетом замазки, Чакерс и Джаред тут же сообразили, чем себя развлечь.

Приятели наковыряли сухой замазки — она должна была служить снарядами. Поначалу они соблюдали осторожность и бросали замазку лишь тогда, когда прихожане склоняли головы. Поразив цель, стрелки тихонько прыскали; им нравилось наблюдать за тем, как люди потирают голову и недоуменно смотрят вверх, не догадываясь, что огонь ведется сзади. Но молитва не длится вечно — в те дни, когда Джаред и Чакерс сидели в зале, не имея под рукой столь увлекательного занятия, им казалось, что конца-краю этому не будет, — и далее последовала проповедь, которая друзьям очень быстро наскучила. И они взялись за прежнее. Теперь прицельный огонь велся по скамье для мальчиков.

Кусочек замазки, брошенный Джаредом, угодил в старшего брата Уилла Хопкинса. Недолго думая тот заехал Уиллу под ребра. Чакерс и Джаред покатывались со смеху, видя, как их дружок тщетно пытается доказать свою невиновность.

Веселье закончилось внезапно. Гарри Стэнфорд, непоседливый десятилетний мальчик, сын церковного сторожа, повернулся назад как раз в тот момент, когда Джаред решил произвести очередной залп. Кусочек замазки попал Гарри в глаз, и мальчишка истошно заорал. Вопль был таким громким и пронзительным, что пробудил даже мистера Томлина. Между тем Гарри одной рукой закрыл подбитый глаз, а другой указал на своего обидчика.

С тех пор Джареда и близко к колокольне не подпускали. Что до Бенджамина Моргана, то он тоже не спустил сыну этой выходки и всыпал мальчику по первое число.

Но сегодня отца похоронили. Джаред был не настолько бессердечен, чтобы радоваться

его смерти, и все же он понимал: без отца их ночная вылазка становится менее рискованной.

— Это мясо? — Джаред указал на бумажный сверток, который бережно прижимал к груди его лопухий приятель.

— Ага. Два куска. Молоток я тоже захватил, — хвастливо сказал Уилл и, приподняв рубаху, показал молоток, засунутый за пояс. — И гвозди. — Он вытащил из кармана три больших ржавых гвоздя.

— Что за мясо?

— Оленина.

— А что если твоя мать его хватится?

Уилл сонно улыбнулся и пожал плечами. Судя по всему, мысль о том, что мать, заглянув в кладовую, может обнаружить пропажу мяса, не приходила ему в голову.

— А мушкет-то так себе, — заявил Чакерс. Он приложил приклад к плечу и прицелился, направив дуло на противоположный берег реки.

— Другого нет, — ответил Джаред. — Мой отец вообще не любитель... не был особым любителем оружия.

Эти слова напомнили мальчикам о смерти Бенджамина Моргана, и они неловко замолчали. Однако находчивый Чакерс тотчас вывел свое войско из оцепенения, скомандовав:

— Пошли.

И, держа в руке мушкет, он бодро зашагал к лесу.

Уилл Хопкинс развернул бумагу, вынул кусок оленины и приложил его к дереву. Чакерс и Джаред молча смотрели, как, придерживая мясо левой рукой, правой Уилл сначала выудил из кармана гвоздь, а затем вытащил из-за пояса молоток. Он прибил мясо к дереву примерно на уровне своей груди. Лес покорно отозвался на стук молотка коротким эхом.

— Готово, — сказал Уилл и, полюбовавшись на свою работу, простодушно добавил: — А все-таки как волки догадаются, что мясо здесь?

— Ну и балбес! — в сердцах воскликнул Чакерс. — Да учуют они его, учуют!

— Что, спросить нельзя? И не называй меня балбесом.

Чакерс не обратил внимания на сердитый тон приятеля.

— Ну и как прикажешь тебя называть? — ядовито поинтересовался он. — Дураком, что ли?

Уилл, похоже, разобиделся не на шутку, а ведь друзья частенько перебрасывались подобными словечками. «Это из-за того, что сейчас очень поздно, — решил Джаред. — Я и сам как взведенный курок».

— Ты прибил мясо слишком низко! — проворчал Чакерс. — Они его достанут!

— Ну и отлично! Это же приманка! — огрызнулся Уилл.

— Да ты вправду дурак, Уилл! Пойми, стоит только волкам дотянуться до мяса, они сорвут его и дадут стрекача. Поди узнай, успеем ли мы выстрелить! А если оно будет висеть высоко, им придется попрыгать. Мы тем временем спокойно подстрелим волка, спрячем его и подождем, пока к наживке придет следующий... Плохо ли получить по десять шиллингов за каждого волка — минус деньги, которые придется заплатить моему брату за то, что он сдаст их. Так кто из нас лучше соображает, Уилл, — ты или я?

Юный Хопкинс надулся и замолчал, однако к соседнему дереву мясо прибил как можно

выше.

Мальчики улеглись за кустами, росшими неподалеку, и притаились. Из кустов высовывался только длинный ствол мушкета, который держал Джаред. Минуту назад Джаред и Чакерс здорово повздорили. Чакерс вознамерился стрелять сам, Джаред с этим не согласился. Обычно Джаред уступал приятелю, но сегодня он, можно сказать, разозлился: ему не понравилось, что Чакерс напустился на Уилла. Сопя и пихаясь, они начали вырывать друг у друга мушкет. Драку совершенно неожиданно предотвратил их лопоухий друг. Почесав вихрастый затылок, он внес такое предложение: пусть первый выстрел принадлежит хозяину мушкета — Джареду, а второй — ведь им все равно предстоит подстрелить нескольких волков — Чарлзу. Чакерсу — не брать же свои слова обратно — нечем было крыть. На том и порешили.

Время тянулось невыносимо медленно. Юные охотники изо всех сил старались лежать тихо — насколько на это способны три живых мальчика, оказавшихся ночью в лесу. Джаред до рези в глазах вглядывался в темноту, пытаясь уловить хоть какое-нибудь движение. Густые ветви деревьев почти не пропускали лунный свет. Лишь кое-где на стволах деревьев играли серебристые блики. Было оглушительно тихо — ни один листик не шевелился. Только рядом с Джаредом легко и ровно дышали его товарищи. Мальчик хорошо видел деревья, с которых свисали куски оленины. Как и все его сверстники, живущие в колонии, он рано научился обращаться с мушкетом, однако в стрельбе практиковался реже других. Его отец считал, что куда надежнее вверить свою судьбу Господу. И все же Джаред не сомневался: он сумеет подстрелить волка.

— Пошли домой, а?! — захныкал вдруг Уилл. — Безнадежно это, не придут они сюда сегодня.

— Тоже мне охотник, — процедил сквозь зубы Чакерс.

Джаред повертел головой, разминая затекшие мышцы шеи.

— Похоже, тебе тоже хочется домой, — тут же поддел его Чакерс.

Джаред покачал головой.

— Я хочу убить волка.

— Чакерс, а Чакерс... — плачущим голосом протянул Уилл.

— Ну?

— А если они не придут?

— Значит, останемся без волка.

Уилл вздохнул. Еще несколько минут они лежали молча. Потом Уилл снова тяжело вздохнул.

Чакерс не выдержал.

— Тьфу ты!.. Надоел. Вот что, Джаред, оставайся здесь. А мы с Уиллом побродим по лесу, ноги разомнем, заодно следы поищем или еще что-нибудь... Если ничего не найдем, вернемся домой.

Уилл недовольно засопел:

— Чего это я там не видел? Уж лучше я побуду с Джаредом.

— В чем дело, Уилл? Струсил? — Чакерс встал и отряхнул листья со штанов. — Боишься, что из-за дерева выскочит Черный человек [\[6\]](#) и утащит тебя в Дом огня [\[7\]](#)?

— Чакерс, сделай милость, перестань к нему цепляться, — попросил Джаред.

Уилл судорожно сглотнул:

— Я не боюсь!

— Тогда идем, — отрезал Чакерс.

Уилл встал, подтянул штаны и тоскливо поплелся за Чакерсом. Хотя Джаред почти сразу потерял друзей из виду, он еще долго слышал их голоса, потом все стихло. Мальчик беспокойно повертел головой и сменил позу. Лежа на остывшей земле, он чувствовал, как все его тело покрывается мурашками. Джаред усилием воли стряхнул с себя наползающую дремоту и снова погрузился в ожидание.

Время ползло еле-еле — точно на воскресной проповеди. И вдруг Джаред услышал хруст ветки. Потом раздался шорох. Звуки доносились прямо из-под деревьев с приманкой. Мальчик встрепенулся и вскинул мушкет на плечо. Вновь зашуршали листья. Сердце Джареда бешено бухало в груди; он настороженно вглядывался в черную завесу леса, с нетерпением ожидая появления зверя. Внезапно он опустил ружье.

«Дурацкая шутка, — подумал он. — Наверняка это Уилл и Чакерс решили меня разыграть. Не самая блестящая идея. Не иначе как Уилл придумал. Я ж едва не убил одного из них».

И тут он увидел, как из кустов, припадая мордой к земле, выскочил матерый серый волк. Оказавшись на поляне, он немного покрутился под деревьями, потом, задрав свою лобастую голову, жадно понюхал воздух — и обнаружил мясо. В ту же секунду из кустов кубарем выкатились три волчонка. Последними появились молодой самец с черным чепраком на спине и зелеными глазами и серебристо-белая волчица. Ее легко было узнать по маленькой голове.

Тем временем матерый волк подпрыгнул и, как и предвидел Чакерс, без труда сорвал с дерева первый кусок мяса — тот самый, что висел слишком низко. Волк бросил свою добычу на землю, и к ней с радостным визгом кинулись волчата.

Джаред покрутил головой, надеясь увидеть Чакерса и Уилла; ему хотелось, чтобы друзья стали свидетелями его триумфа. Но их не было. Мальчик разочарованно вздохнул и прицелился, направив мушкет на матерого волка.

В этот момент молодой самец попытался выхватить у волчат мясо. Миг — и вожак, оскалив зубы, бросился на него и, вцепившись в шею, повалил на спину. Молодой волк, которого тяжелый, огромный серый волк прижал к земле, какое-то время продолжал сопротивляться, а потом замер, признавая свое поражение. Когда вожак разжал челюсти, молодой волк, поджав хвост, подполз к нему и принялся игриво покусывать его за морду. Волчица стояла в стороне и внимательно смотрела, как едят ее детеныши.

Джаред медлил, говоря себе, что должен прицелиться получше.

В один прыжок серый волк оказался среди волчат. Он зарычал, и они испуганно попятились, бросив недоеденное мясо. Вожак схватил его и тут же проглотил. Молодой волк, волчица и волчата, облизываясь, наблюдали за ним.

Подыскивая более удобную для выстрела позу, Джаред пошевелил рукой и задел мушкетом ветку. Волки повернулись и насторожили уши. Мальчик замер. Теперь ствол ружья смотрел прямо в грудь вожака. Палец Джареда лежал на спусковом крючке. Его первый волк. Десять шиллингов. О нем, Джаред Моргане, заговорят как о герое. Надс просто нажать на спусковой крючок. Но он не мог сделать это.

Звери не подозревали о присутствии человека: до них не долетал его запах. Зато они заметили второй кусок мяса — тот, что Уилл прибил выше. Джаред опустил ружье.

Затаив дыхание, он смотрел на то, как, пытаясь достать оленину, подпрыгивают три взрослых волка; тут же, твякая и взвизгивая, кувыркались волчата. Молодой волк оказался

самым прыгучим. Если вожак и волчица щелкали зубами в нескольких дюймах от приманки, то ему иногда удавалось уцепиться за нее. Джаред играючи мог подстрелить любого из них. Но он просто лежал и с любопытством следил за происходящим. Ему вдруг пришла в голову странная мысль: между двумя семьями — его и волков — есть какое-то сходство. Три волчонка — это он, его брат и сестра. Так же, как волчата, они постоянно огрызаются и задирают друг друга, понимая в то же время, что они — члены одной семьи, а значит, часть единого целого. Джаред любил брата и сестру, хотя никогда не признался бы в этом прилюдно. Ему ужасно не нравилось быть самым младшим. Присцилла и Филип не хотели принимать его всерьез и вечно над ним подтрунивали. Что верно, то верно — он мало походил на них и отца. Не интересовался богословием, латынью, книгами и тому подобным. И все-таки они были одной семьей.

До сих пор их объединял отец. Он был матерым серым волком. Он следил за порядком и заботился о том, чтобы все члены его семьи чувствовали себя частью единого целого, даже Джаред, не похожий на брата и сестру. А мать... Мать, точно волчица, стояла в стороне и наблюдала, как он ими правит.

Непоседливый и ребячливый, Джаред не был склонен к долгим и серьезным размышлениям. Лишь сейчас, наблюдая в ночном лесу за волками, он осознал, что означала для его семьи смерть отца. Погиб вожак. Что теперь с ними станет? Кто удержит их от ссор? Кто позаботится о том, чтобы семья не распалась?

Между тем молодому самцу удалось сорвать с гвоздя приманку. И вновь, напоминая о своих правах, к нему бросился вожак и отобрал мясо. Насытившись, он, как и подобает хорошему семьянину, отошел в сторону, позволяя утолить голод молодому волку и волчице, а сам принялся играть с озорными и суматошными волчатами.

«Совсем как отец, — подумал Джаред. — То рычит, то играет».

Внезапно за спиной Джареда раздался окрик:

— Стреляй!

Мальчик вздрогнул и обернулся. Из-за деревьев выглядывали Уилл и Чакерс.

— Почему не стреляешь? — негодуяще прошептал Чакерс. — Стреляй! Стреляй же!

Джаред отрицательно покачал головой.

Лицо Чакерса исказилось от гнева. Перебежками — от куста к кусту — он с величайшей осторожностью добрался до Джареда. Волки, увлеченные едой и игрой, ничего не замечали. Чакерс схватился за мушкет. Джаред счел естественным уступить ему оружие. В конце концов этой ночью они убежали из дома для того, чтобы подстрелить волка.

Вожак лежал на спине, открыв пасть и болтая лапами в воздухе; три волчонка, вне себя от счастья, карабкались на него.

Чакерс прижал мушкет к щеке и прицелился.

Волчата визжали от восторга, не подозревая, что спустя секунду мир изменится навсегда. Их отец будет мертв.

— Нет! — закричал Джаред.

Его голос испугал волков. Во мгновение ока вожак вскочил на ноги и принял оборонительную позицию, встретив своих врагов сверкающим оскалом зубов и грозным рычанием; между его лап, прижавшись друг к другу, замерли три волчонка. Стоя, этот могучий зверь представлял собой отличную мишень.

Чакерс положил палец на курок.

— Я сказал «нет»! — выдохнул Джаред и резко отвел ствол мушкета. Грянул выстрел.

От дерева во все стороны полетели кора и щепки. Над кустом, за которым прятались охотники, поднялось облачко дыма. Волки исчезли.

— Ну, и зачем ты это сделал? — задыхаясь от гнева, крикнул Чакерс.

Джаред пожал плечами. Теперь, когда все было позади, ему стало неловко. Это из-за него Уиллу и Чакерсу придется уйти без трофея; выходит, они рисковали напрасно. Но как объяснить приятелям, что матерый волк напомнил ему отца?

— Я не мог этого допустить, вот и все, — сконфуженно сказал он.

Сплюнув, Чакерс выругался и ткнул его мушкетом. Оружие со стуком упало на землю.

— Ты не в себе, Джаред! — вскипел он. — Ты... да ты просто идиот. Куда до тебя Уиллу!

Джаред поднялся и нарочито медленно стряхнул с себя листья.

— Ладно, пошли, — сказал он и, не оглядываясь, зашагал к дому. Уилл потащился следом.

— Ну уж нет! — крикнул Чакерс вызывающим тоном и, догнав друга, преградил ему путь. — Мы с места не двинемся, пока ты не объяснишь, какая муха тебя укусила! Я мог получить за этого волка десять шиллингов! Десять шиллингов! Знаешь, Джаред, что я думаю? Ты должен мне десять шиллингов!

— Ничего я тебе не должен.

Чакерс угрожающе пошел на друга:

— Не должен? Нет?

— Нет, — отрезал Джаред и попытался обойти Чакерса, но тот резко повернул его к себе:

— Нет, должен!

Сжав кулаки и меряя друг друга взглядами, мальчики топтались на месте.

— Может, домой пойдём? — примиряюще сказал Уилл и потянул Чакерса за руку. Тот его гневно оттолкнул.

В ту же самую секунду раздалось грозное рычание.

— Волки! — закричал Уилл.

Истошный вопль друга заставил Чакерса и Джареда мгновенно забыть о ссоре. Они знали, что с волками шутки плохи. Не раз и не два, сидя за обеденным столом, слышали они истории о том, как какого-нибудь беспечного ребенка из Роксбери или Дорчестера загрызли в лесу эти серые разбойники. В школу мальчики ходили только в сопровождении вооруженных мужчин. Отправляясь на воскресную службу, колонисты обязательно брали с собой ружья — на случай столкновения с индейцами или нападения волков. Опасность — вот что придавало остроту ночному приключению. Но такого поворота событий приятели и не ожидали.

К ним приближались три взрослых волка. Джаред, Чакерс и Уилл встали спина к спине и затаили дыхание.

— Что мы будем делать? Делать-то что будем? Я не хочу умирать! — вдруг горестно запричитал Уилл.

Медлить было нельзя. Джаред быстро огляделся, ни на секунду не выпуская из поля зрения вожака.

— Уилл! Где твой молоток?

Уилл не ответил: он тихо плакал.

— Где он? — закричал Джаред.

Шмыгнув носом, Уилл буркнул:

— У меня.

— Дай его Чакерсу.

Прошло несколько секунд.

— Он его не берет! — плаксиво пожаловался Уилл.

— Чакерс! — закричал Джаред.

Молчание.

— Чакерс! — снова крикнул Джаред. — Возьми молоток!

— Он взял его! — подал голос Уилл.

Волки, оскалив зубы и вздыбив шерсть на загривке, медленно наступали на мальчиков.

— Поворачиваемся направо и потихоньку, полегоньку двигаемся к ближайшему к Уиллу дереву, — скомандовал Джаред.

— Что вы хотите делать? — закричал Уилл. — Не бросайте меня!

— Делайте, что я говорю! — отчеканил Джаред и, понизив голос, добавил: — Чакерс, если молодой волк бросится на тебя, ударь его молотком.

— А я... Вдруг на меня нападут. Что мне-то тогда делать? — глотая слезы, спросил Уилл и услышал в ответ:

— Молиться.

Джаред повел друзей к огромному развесистому вязу — ближе всего к нему стояла волчица. Она была не столь агрессивной, как самцы, и не слишком проворной. Спина к спине продвигались мальчики к цели. Волчица отошла назад, но волки продолжали наступать. Джаред осторожно присел и, подняв отцовский мушкет, скомандовал:

— Уилл, постарайся встать так, чтобы между тобой и волчицей оказалось дерево. Мы будем двигаться вместе с тобой. Когда поравняешься с деревом — крикни.

— Я у цели! — мгновение спустя закричал Уилл.

— Волчица за деревом?

— Да, но она меня видит.

— Лезь на дерево! Живо!

Уилл взлетел на дерево, уселся на ветке и крикнул:

— Я наверху! — В его голосе звучало торжество и облегчение.

— Теперь ты, Чакерс, — скомандовал Джаред.

Волчица, сообразив, что Уилла ей не достать, потеряла к нему всяческий интерес и сосредоточила свое внимание на Чакерсе, вокруг которого кружил молодой волк. Поняв, что теперь у них один противник на двоих, звери осмелели.

— Они вот-вот нападут на меня! — крикнул Чакерс.

— Спокойно, Чакерс! Слушай меня внимательно: на счет три брось молоток в молодого волка — и живо на дерево! Ясно?

Чакерс не ответил.

— Чакерс! Ты мне нужен! Слышишь?

— На счет три, — повторил Чакерс.

— Только не промахнись! — закричал Джаред. — Готов? Раз, два, *три!*

Раздался жалобный визг — судя по всему, молоток попал в цель.

— Лезь на дерево! — закричал Джаред и кинулся с мушкетом на вожака, вложив в удар все свои силы. Сбив волка с ног прикладом, он отбросил ружье в сторону и молнией метнулся к ближайшему дереву. Довольно высоко над землей торчал крепкий, толстый сук.

Сумеет ли он дотянуться до него? В любом случае выбора не было.

За спиной Джареда слышалось глухое рычание. Рядом с деревом мальчик заметил огромный валун. Он вскочил на него и, подпрыгнув, ухватился за ветку в ту самую секунду, когда вожак с разбегу взлетел на камень. Волк тоже подпрыгнул, но Джаред качнулся вперед, и зверь, злобно клацнув зубами, остался ни с чем.

Если бы Джаред хорошо учился в школе, он не спешил бы радоваться. Сила тяжести продолжала делать свое дело: мальчик, подобно маятнику, качнулся обратно как раз тогда, когда на него прыгнул молодой волк.

Зверю удалось вцепиться в правую лодыжку Джареда. Мальчик взвыл от боли и еще крепче ухватился за сук — ведь теперь ему надо было удерживать не только себя, но и волка, повисшего на его ноге. Между тем волчица и вожак тоже попробовали дотянуться до юного охотника. Джаред ощущал себя куском мяса, болтающимся перед их носом. Чувствуя, как зубы волка разрывают ему мышцы, он попытался его стряхнуть. Боль стала нестерпимой. В отчаянии мальчик ударил волка левой ногой раз и другой. Волк разжал челюсти и шлепнулся на землю. Джаред подтянулся и оседлал ветку.

— Как ты?! — крикнул Чакерс.

— Волк цапнул меня за ногу, но я в порядке! — крикнул в ответ Джаред.

— Что будем делать? — Голос Уилла дрожал от волнения.

— Ждать!

— Господи!..

Восход солнца незадачливые искатели приключений встретили, сидя на деревьях. Так закончилась для трех друзей эта ночная вылазка.

Дом Морганов, спрятанный в светлой веселой рощице, стоял примерно в сотне ярдов от реки Чарлз. Суда, идущие по этой извилистой реке от Хопкинтона к бухте Бэк, перед Уотертауном вынуждены были, повинувшись капризам реки, круто поворачивающей на север, резко менять курс. Затем река опять делала зигзаг и около полумили текла на запад, после чего вновь, минуя Кембридж, поворачивала на восток.

С интересом разглядывая красивый старинный дом, стоящий на восточном берегу реки, путешественники ни на минуту не сомневались, что он принадлежит какой-то важной птице: губернатору, богатому коммерсанту или ректору университета. Полагая, что такой дом не по карману обычному преподавателю Гарварда, они, в общем-то, были правы: этот дом Бенджамин Морган приобрел при весьма необычных обстоятельствах.

Бенджамин Морган сочетался браком с Констанцией Мэйхью, едва начав преподавать в Гарварде. В те годы он жил при университете и делил комнату со студентами. Отец Бенджамина уехал в Англию, не оставив сыну ни жилья, ни земли; молодой ученый был очень стеснен в средствах и не мог купить хороший дом для своей пятнадцатилетней невесты. Будь Бенджамин человеком расчетливым, он отложил бы свадьбу до лучших времен, однако любовь редко руководствуется разумом. Иными словами, в один прекрасный день Бенджамин Морган оказался с молодой женой, но без крыши над головой. Вот тогда-то он и решил обратиться за помощью и советом к доктору Гроуву Херсту, своему наставнику и ближайшему другу.

Доктор Херст долгие годы преподавал в Гарварде древние языки. Бенджамин был его лучшим и любимейшим учеником. Молча выслушав новоиспеченного супруга, пожилой джентльмен вежливо осведомился, какой суммой тот располагает. Получив исчерпывающий ответ, он потер подбородок и в раздумье произнес:

— А ведь у меня есть кое-что на примете... — И, взяв Бенджамина под руку, повел его к реке.

Полюбовавшись на нарядное белоколонное здание, которое показал ему доктор Херст, молодой человек со вздохом сожаления сказал, что о таком доме он и мечтать не смеет. «Но хозяина вполне устроит предложенная тобой сумма», — с живостью возразил старый ученый. Бенджамин, пожав плечами, ответил, что человек, решивший отдать такой прекрасный дом за гроши, должно быть, рехнулся. Гроув Херст добродушно рассмеялся:

— Видишь ли, мой дорогой мальчик, этот человек — я.

И доктор Херст объяснил опешившему ученику, что этот дом он унаследовал от недавно скончавшегося дядюшки. «Вот только для чего мне, старому холостяку, — добавил пожилой джентльмен, — такой домина? Я предпочел бы провести остаток дней в университетском городке. Сказать по правде, это наследство стало для меня обузой». Бенджамин, хотя и был тронут щедростью доктора Херста, вежливо отклонил предложение друга, дав понять, что не может злоупотреблять его добротой.

— Бенджамин, мальчик мой, — обняв ученика за плечи, произнес с отеческой улыбкой старый ученый, — для меня ты дороже сына. И я очень хочу, чтобы в этом доме жили вы с Констанцией. Прошу тебя, не лишай меня этой радости.

Так молодые супруги стали владельцами дома у реки. Одну из комнат они отвели доктору Херсту. Целых пять лет — вплоть до своей смерти — старый ученый проводил уик-

энды и праздники вместе с их семьей.

Это было двухэтажное белое здание с четырьмя коринфскими колоннами, которые поддерживали остроконечную двускатную крышу. К парадной двери вела лестница в шесть ступеней. Из больших, во всю стену, окон кабинета и гостиной, расположенных на первом этаже, открывался дивный вид на реку. На втором этаже — по обе стороны от колонн — находилось по два окна со ставнями. Симметричное расположение окон делало здание удивительно гармоничным, изящным и соразмерным. Вокруг дома росли дубы, вязы и березы; между домом и рекой расстился ухоженный луг с густой травой. У реки была сооружена маленькая дощатая пристань. К дому примыкала просторная конюшня.

Здесь, в доме у реки, родились и выросли трое детей Бенджамина и Констанции. В гостиной, на деревянном, натертом воском полу, делали они свои первые шаги; на пристани, у реки, проводили беззаботные летние деньки. Мимо этого дома вилась дорога, по которой Филип и Джаред ходили в школу для мальчиков, — она располагалась примерно в миле от дома и была так мала, что все ученики умещались в одной комнате. Присцилла в это время на кухне практиковалась в искусстве ведения домашнего хозяйства и тайно занималась в отцовском кабинете. В гостиной этого белоколонного дома был выставлен гроб с телом Бенджамина Моргана.

Как только Филип Морган открыл дверь кабинета, он почувствовал запах овсяной каши. Из кухни доносились будничные разговоры сестры и матери; звякала посуда. Молодой человек весь превратился в слух. Голоса Джареда он так и не услышал.

Зачерпнув в ковш колодезной воды, Филип через боковую дверь поднялся к себе в спальню, умылся и сменил рубаху. Причесывая волосы, молодой человек откинул их назад и увидел, что у него появились залысины. С минуту он пытливо вглядывался в зеркало. Бессонная ночь давала себя знать: серое усталое лицо, потрескавшиеся губы, мутные, воспаленные глаза. Ледяная вода помогла ему взбодриться лишь на время; мысли по-прежнему путались. Одно-два мгновения Филип стоял, прислушиваясь к стуку своего сердца, а затем вышел в коридор. Расправив плечи, он быстрым шагом приблизился к комнате брата и тихонько постучал. Не получив ответа, Филип распахнул дверь. Постель Джареда была не тронута. Молодой человек круто развернулся и устремился по коридору к спальне матери; сунув голову в комнату, он бросил беглый взгляд на стену над камином. Крюк, на котором обычно висел мушкет, был пуст; тщетно искал Филип и пороховницу. Так он и думал. Филип тяжело вздохнул и, сделав решительное лицо, стал спускаться по лестнице.

— Мама, Присцилла, доброе утро.

— Доброе утро, Филип, — Констанция Морган поздоровалась с сыном, не отрываясь от своего занятия. Сунув ухват в печь, она извлекла оттуда хлеб. Большой котел с овсяной кашей булькал на огне у самого ее локтя.

Присцилла, стоя у стола, доставала масло из деревянного бочонка. Она мельком глянула на брата, давая понять, что заметила его.

— Сынок, будь добр, позови Джареда. Пора завтракать, — попросила Констанция.

— Его нет в спальне, — ответил Филип. — Я только что оттуда. По правде говоря, я уверен, что Джареда вообще нет дома. Ночью я видел, как он ушел.

Констанция Морган положила горячий хлеб на деревянную доску и с тревогой взглянула на сына. Ее лицо как-то странно дрогнуло, она поджала тонкие губы, между

бровями появилась глубокая поперечная морщинка. Филипу уже доводилось видеть это выражение на лице матери — чаще всего после очередной выходки брата. И вдруг его словно ударило по сердцу: он впервые обратил внимание на то, как сильно сдала мать после смерти отца. В ее светло-русых волосах, гладко зачесанных назад и почти полностью скрытых домашним чепцом, засеребрились седые пряди. Под глазами залегли темные круги, и стало видно, что морщин у нее куда больше, чем у большинства сверстниц.

Мать вытерла руки муслиновым фартуком и взялась нарезать хлеб.

— Ты знаешь, куда он ушел? — спросила она ровным голосом.

— Нет. Но он прихватил с собой мушкет.

Констанция замолчала; ее рука дрогнула, а потом еще сильнее стиснула нож. Мгновение спустя она закончила нарезать хлеб и, положив его на середину стола, сказала:

— Давайте помолимся, и я начну накрывать на стол.

За столом было шесть мест. Обычно Бенджамин Морган сидел на одном конце стола, а Констанция — на другом. Присцилла усаживалась сбоку, поближе к отцу, а Филип и Джаред располагались напротив нее. После смерти Бенджамина его место пустовало, напоминая о страшной утрате.

Филип, который направился было к своему стулу, вдруг остановился, задумался на мгновение и сел во главе стола.

— Что ты делаешь? — возмутилась Присцилла.

Филип сидел прямо, расправив плечи. Напротив него, вытянувшись в струнку, сидела Констанция; она взглянула на сына с горестным изумлением и тотчас потупилась. Сегодня ей еще раз напомнили, что у нее больше нет мужа. Филип сразу пожалел о своем поступке. Ради матери он должен был подождать.

— Что ты о себе возомнил? Немедленно встань с папиного места! — коршуном налетела на брата Присцилла.

— Теперь я — глава семьи, — холодно ответил Филип. — И это место — мое.

Присцилла вскочила со своего места, словно обжегшись о стул. Она стиснула зубы и сжала кулаки.

— А мне все равно, кем ты себя возомнил! Прочь с папиного места!

— Присцилла, — остановила дочь Констанция, — Филип прав. Пожалуйста, сядь.

Девушка в смятении взглянула на мать.

— Теперь старший в семье — Филип. Значит, во главе стола тоже должен сидеть он.

Хотя голос Констанции дрожал и по ее щеке катилась слеза, она говорила тоном, не допускающим противоречия.

Присцилла не сводила с матери умоляющих глаз. Когда девушка наконец поняла, что та не изменит своего решения, она встала, задвинула стул и пересела подальше от брата.

— Спасибо, мама, — сказал Филип. Лицо его было холодно и бесстрастно. — А теперь давайте помолимся.

Перед тем как склонить голову, Присцилла метнула на молодого человека взгляд, полный ненависти и презрения.

— Милосердный и всемогущий Отец Небесный, — размеренным голосом произнес Филип. — Ты один мудрый и истинный Господь, создатель земли и небес, дарующий жизнь и поддерживающий ее. И недаром мы обращаемся к Тебе в этот час и благодарим Тебя за пищу, которую нам предстоит вкушать. Мы признаем, что Ты и только Ты...

В эту минуту хлопнула дверь черного хода.

— Джаред Морган! Что с тобой стряслось? — испуганно крикнула Констанция.

Филип и Присцилла молча смотрели на брата: чумазый, одежда перепачкана, в волосах запутались сухие листья. Правая нога была вся в крови и беспомощно свисала. Джаред опирался на мушкет, используя его как костыль.

— Да вот, пришлось немного повоевать с волками, — сказал он и добавил: — Извините за опоздание.

И с этими словами Джаред заковылял к своему месту; прежде чем сесть, он положил мушкет на пол и огляделся.

— А с чего это Филип устроился на папином месте? — спросил он и, не дождавсь ответа, присовокупил, кивнув на Присциллу: — А она почему там сидит?

— Между прочим, я читал молитву! — сурово проговорил Филип, изо всех сил подражая отцу. — Если не возражаешь, я хотел бы продолжить.

Джаред вопросительно взглянул на мать.

— Помолимся, сынок, — сказала она. Джаред молча склонил голову.

Завтрак прошел в полной тишине. Констанция ела кашу машинально, опустив глаза. Детям еще не доводилось видеть мать такой подавленной и напуганной. Внезапно Филип понял причину ее страха.

В Кембридже и Бостоне нельзя было найти никого добрее и мягче Констанции Морган. Ласковая и робкая, она обычно держалась в тени и редко высказывала свое мнение. Всем в доме распоряжался Бенджамин. За воспитание и образование сыновей и дочери тоже отвечал он. Ну а Констанция... Она любила своих детей, ухаживала за ними, следила за тем, чтобы они одевались опрятно, жили в чистоте и порядке, чтобы горячая и вкусная еда подавалась вовремя. Не всякому ребенку достается такая нежная мать, и у редкого мужа бывает такая верная и любящая жена. Но Констанция Морган больше не была женой.

Она стала вдовой. Без поддержки мужа она внутренне сникла и потеряла себя.

Услышав, как ложка брата, жадно выскребавшего овсянку, застучала о дно деревянной миски, Филип поднял голову. Присцилла глянула на Джареда с отвращением.

Филип всегда мучился завистью к брату. Из них троих Джаред был самым красивым, красивым по-настоящему: гордая осанка, свежий, цветущий вид, смуглая кожа, шапка светло-русых волос. У Филипа и Присциллы кожа была белой, а лица — бледными. Физически крепкий, ловкий, уверенный в себе Джаред быстро сходился с людьми и умел им нравиться. Но, наделив младшего Моргана даром лидерства, природа напрочь лишила его честолюбия. Развлечения и друзья интересовали Джареда куда больше, чем победа в игре или споре. По мнению Филипа, его брату, человеку способному, но безалаберному, недоставало только одного — внутренней дисциплины. По-мальчишески легкомысленный и беззаботный, он представлял собой полную противоположность сестре.

Девушка-огонь — так называли в Кембридже рыжеволосую Присциллу Морган. В каждом поступке этой юной особы сказывалась ее самобытная, глубокая и сильная натура. В отличие от жизнерадостного и открытого младшего брата, у нее было мало друзей и еще меньше поклонников. Ее единственный кавалер забыл о своих романтических притязаниях в первый же день ухаживаний.

— Да она в родстве с самим дьяволом! Ум у нее злой и острый, а язык — еще острее! С ней не сладит и укротитель львов! — кипятился, спасаясь бегством, незадачливый воздыхатель.

Присцилла Морган и вправду обладала острым умом и сильной волей и умела

использовать эти качества. Казалось, ничто не доставляло ей такого наслаждения, как возможность публично высмеять человека. Она вдохновенно штудировала богословие — что считалось неподобающим увлечением для женщины, от которой требовали одного: быть хорошей женой и хозяйкой. Присцилла же вопреки всему предпочитала разбирать по косточкам проповеди пастора, подвергать сомнению взгляды старших и подбивать молодых женщин на изучение Библии. Самой заметной победой Присциллы стало получение согласия от городского управления на установку в церкви отдельной скамьи для молодых леди.

По традиции на богослужении молодые мужчины занимали места в специально отведенных для них рядах; девушки садились напротив. Все изменилось после того, как члены городского управления, согласившись с доводами Присциллы, разрешили ей и еще нескольким девушкам поставить собственную скамью в конце галереи. По утверждению Присциллы, такая скамья должна была помочь сохранить подобающую атмосферу в храме: девушки и юноши больше не могли кокетничать друг с другом.

Это нововведение так разозлило и раззадорило молодых людей, что они, разбив окно, залезли в церковь и превратили скамью для молодых леди в груды щепок. За столь безобразную выходку каждый из них был оштрафован на десять фунтов и приговорен к порке или выставлен к позорному столбу. Кроме того, по настоянию Присциллы им надлежало восстановить скамью.

Присцилла расцветала в соперничестве с мужчинами. Единственный мужчина, с которым, по наблюдениям Филипа, она ни разу не вступила в состязание, был отец. Отношения между ними всегда отличались особой теплотой и нежностью. Присцилла никогда не повышала на отца голос, прислушивалась к тому, что он говорил, советовалась с ним (хотя частенько поступала по-своему) и проводила долгие часы в его кабинете. Что и говорить, если Присцилла и могла назвать кого-то близким другом, то только своего отца, Бенджамина Моргана. И вот теперь его не стало.

Из-за того что сестра, мать и брат сидели на противоположном конце стола, Филипу было совсем не по себе. Он предпочел бы оказаться сейчас в Гарварде, с книгой в руках. Но почему-то Господь решил призвать отца на небо и возложить на Филипа ответственность за тех, кто остался здесь, на земле. Ну что ж, во имя Всевышнего он исполнит свой долг.

Скрежет стула по деревянному полу возвестил о том, что Джаред покончил с едой. Обращаясь к матери, он сказал:

— Пойду навстречу, приведу себя в порядок.

— Джаред, сядь, пожалуйста, — остановил его Филип. — Нам нужно кое-что обсудить.

— Позже поговорим, — отрезал Джаред и нагнулся, чтобы подобрать с пола мушкет.

— Джаред! Сядь! — Голос Филиппа прозвучал резко, как удар хлыста. — Это касается всех нас!

Джаред криво усмехнулся. Он не слушался брата с тех пор, как пошел в школу.

Констанция взяла младшего сына за руку.

— Джаред, прошу тебя, сядь, — мягко сказала она.

Мушкет со стуком упал на пол. Джаред опустился на стул. Напротив него, скрестив руки на груди и хмуро закусив губу, сидела Присцилла; она не сводила холодного презрительного взгляда со старшего брата.

— Спасибо, мама, — поблагодарил Филип. Пока он подыскивал нужные слова, в комнате царил неловкое молчание. Три пары глаз были устремлены на него.

— Смерть отца — тяжелое испытание для всех нас, — Филип сделал паузу, чтобы прокашляться, и почувствовал, как у него начинает теснить в груди, — но Господь почему-то решил забрать его у нас, и теперь мы должны заботиться о себе сами.

— Да будет тебе чепуху молоть, — перебил брата Джаред. — Готов поспорить: Господь не имеет никакого отношения к папиной смерти.

— Видишь ли, Филип хотел сказать, что в Своей мудрости Господь допустил ее, — не выдержала Присцилла. — Ты бы, Джаред, почаще заглядывал в Библию!

— Если Господь допустил это, — выпалил вдруг Джаред, — Он ничуть не лучше убийи отца!

Мгновенно наступила глубокая тишина, которую, к удивлению всех присутствующих, нарушила Констанция.

— Довольно, Джаред! — резко оборвала она сына. — Я не позволю, чтобы в моем доме звучали такие слова!

Вспышка матери ошеломила детей. Никто и никогда не слышал, чтобы Констанция Морган повышала голос. Это было так не похоже на нее...

— Прости меня, мама, — пожал плечами Джаред. — Но я сказал то, что думал.

— Как бы там ни было, — попытался направить разговор в иное русло Филип, — нам нужно кое-что обсудить.

— Что же, сынок?

— Как нам жить дальше, — Филип сконфуженно кашлянул. — Я тут разбирал бумаги отца: счета, рабочие записи, письма. Просматривал счетные книги. Дневник вот нашел... — молодой человек с минуту помолчал, а затем сбивчиво продолжил: — Ни для кого не секрет, что все дела в семье вел отец... Короче говоря, пока я вникаю во все это, мы будем продолжать двигаться курсом, который выбрал для нас отец. Что до тебя, Джаред... — Филип умолк. Он ждал, когда брат поднимет на него глаза. — Отец хотел, чтобы в августе ты поступил в Гарвард. Я договорюсь с ректором о собеседовании. Полагаю, тебе следует посвятить большую часть времени языкам. С сегодняшнего дня я буду говорить с тобой только на латыни.

— Извини, но я не собираюсь поступать в Гарвард, — голос Джареда прозвучал твердо и жестко.

— Скажи это по-латыни, — потребовал Филип.

Джаред в бешенстве стукнул кулаком по столу.

— Я не собираюсь поступать в Гарвард! — закричал он по-английски. — Я хотел сказать об этом отцу, а пришлось вот говорить тебе. С учебой покончено!

— Но отец так хотел, чтобы ты учился в университете! — не отступал Филип. И тут в перепалку братьев вновь вмешалась мать.

— И что же ты будешь делать, Джаред? — примирительно спросила она.

— Понятия не имею. Знаю только, что Гарвард не для меня. Он для таких, как папа и Филип.

— Ну да, для таких, как они, — поспешила подлить масла в огонь Присцилла. — Но ты не расстраивайся: в крайнем случае будешь охотиться по ночам на волков. Похоже, у тебя это неплохо получается!

Джаред как ужаленный вскочил с места; его стул с грохотом полетел на пол.

— Я уж как-нибудь сам разберусь, что мне делать, — огрызнулся он и, подобрав с пола мушкет, захромал к двери.

— Разговор не окончен! — крикнул ему вслед Филип. — Мы еще поговорим о твоих ночных похождениях!

Джаред не ответил.

— А что ждет меня? — с деланным безразличием осведомилась Присцилла. В ее глазах зажегся опасный огонек. Она опустила голову, готовясь к бою.

— Ну, — Филип облизал пересохшие губы и нервно сглотнул. — Я хочу того же, чего и отец.

— А именно?

— Тебе двадцать лет. Самое время найти себе мужа, кого-то, кто мог бы позаботиться о тебе.

Поднеси Филип спичку к бочонку с порохом, он и то получил бы взрыв куда меньшей силы.

— Кого-то, кто сможет позаботиться обо мне?! — лицо Присциллы вспыхнуло. Еле сдерживаясь, она процедила сквозь зубы:

— Вот что, братец, заруби себе на носу: Присцилла Морган не нуждается ни в чьей опеке! Если я еще раз это услышу, тебе придется искать того, кто будет заботиться о тебе!

И, дрожа от гнева, она поспешно вышла. На кухне остались только Филип, и Констанция; мать и сына разделял стол с грязной посудой. Молодой человек, бледный и измученный, сидел ссутулившись.

— Нам всем сейчас нелегко, — робко прервала затянувшуюся паузу Констанция. Филип зашелся глухим кашлем. Они помолчали еще с минуту, а затем мать вновь заговорила.

— Ну а ты, сынок, что будешь делать ты? — спросила она.

Филип вздохнул — его первая попытка стать главой семьи окончилась крахом.

— В августе начнутся занятия и я вернусь в Гарвард, а жить... жить буду дома. Я нужен вам. Ну а пока займусь счетными книгами, да и с нашими вкладами надо разобраться...

— В этом тебе могла бы помочь Присцилла, у нее большие способности ко всему, что имеет хоть какое-то отношение к цифрам.

Филип не хотел спорить с матерью — единственным человеком в доме, смотревшим на него дружелюбно. Однако про себя он тут же решил: ничем таким Присцилла заниматься не будет.

— Отец хотел, чтобы я сделал кое-что еще, — сказал он, старательно избегая слов «это была его последняя просьба», которые вертелись у него на языке, — он хотел, чтобы я нашел фамильную Библию.

Как только молодой человек проговорил это, у него сдавило горло, и он зашелся судорожным кашлем. К счастью, приступ быстро миновал.

— Я помню, как обрадовался Бенджамин, когда узнал о существовании этой Библии, — с грустной улыбкой произнесла Констанция. — Он называл ее своим Святым Граалем [\[8\]](#); ему казалось, что тот, кто прикоснется к ней, будет обладать сверхъестественной силой.

— Отец считал, что ее нужно искать в Род-Айленде, у наррагансетов. Завтра же я туда поеду. Попробую разузнать, не слышал ли о ней кто-нибудь.

Молодой человек помолчал, размышляя о том, как совместить два столь разных желания: отца — найти Библию и свое — вернуться в Гарвард. После долгой паузы он произнес:

— Для отца эта Библия очень много значила. Если она и впрямь существует, я попытаюсь найти ее.

Констанция испытующе взглянула на сына. В ее глазах появилась тревога.

— А не лучше ли послать на поиски Библии Джареда? — спросила она негромко и совсем уж тихо добавила: — Меня беспокоит твое здоровье, Филип.

Молодой человек покачал головой:

— Нет, мама, Библию должен найти я. Это мой долг.

Констанция Морган тепло улыбнулась своему первенцу, а потом, отвернувшись от него, украдкой вздохнула — так обычно вздыхают матери, когда дети отказываются следовать их совету.

— Пойду взгляну на ногу твоего брата, — сказала она, поднимаясь из-за стола.

Филип остался один. Он сидел, понурив голову, и думал о предстоящем путешествии в индейскую резервацию. Внезапно он вспомнил, как из леса вышли двое — матрос и индеец, и у него на лбу выступил холодный пот.

Мистер Коул! Какой приятный сюрприз!

Констанция Морган, широко распахнув дверь, ждала, пока Дэниэл Коул поднимется по лестнице. Переступив порог, мистер Коул снял треуголку, сшитую из лучшего голландского льна, и обнажил гриву густых, непослушных волос. Он держался так непринужденно, точно был хозяином дома.

— Что привело вас к нам? — Не скрывая радости, Констанция принялась хлопотать вокруг гостя.

— Дэниэл, дорогая Констанция, зови меня просто Дэниэл, — с необыкновенно сладкой улыбкой произнес коммерсант и с любопытством огляделся. — Так и только так, если, конечно, поблизости нет досужих кумушек, которым это может не понравиться!

Констанция зарделась, словно юная девушка. Она взяла у гостя треуголку и протянула руку, чтобы принять его верхнюю одежду.

— Ах, моя дорогая, — продолжил между тем мистер Коул, оборачиваясь к ней и безуспешно пытаясь вытащить руку из рукава, — как ты можешь спрашивать, что привело меня к вам? Ты и только ты! Мне не терпелось узнать, как твои дела.

— Как вы внимательны!

— Вовсе нет! Мне так приятно сделать это для той, кого я люблю с детства!

И, воспользовавшись тем, что стоит рядом с Констанцией, мистер Коул смачно чмокнул ее в щеку.

Филип, с изумлением наблюдавший за этой сценой, невольно передернулся от отвращения. Молодого человека задело за живое, что уже на следующий день после похорон отца мать позволила чужому мужчине поцеловать ее. Впрочем, дело было не только в этом неуместном поцелуе. Люди, подобные мистеру Коулу, вообще вызывали у Филипа острую неприязнь. Дэниэл Коул принадлежал к сословию торговцев, которое становилось в Бостоне все более и более влиятельным. Коммерсанты начали постепенно претендовать на роль лидеров народа. Такое положение дел привело к тому, что нынешние жители колоний стремились прежде всего к богатству, а не к познанию Бога.

Глядя на самодовольное лицо мистера Коула, Филип невольно вспомнил один врезавшийся ему в сердце разговор с отцом.

Как-то раз — дело было вечером — Филип занимался греческим языком в отцовском кабинете. Внезапно Бенджамин Морган, сидевший в кресле с книгой в руках, поднял голову и обратился к сыну:

— Я тут читаю книгу Джона Хиггинсона, — отец заложил место, на котором остановился, пальцем и открыл титульный лист: — «Дело Господа и Его народа в Новой Англии [9]».

— Хиггинсона?

— Ну да, жил в Сейлеме в 1660-е годы такой священник...

Филип кивнул, давая понять, что вспомнил, о ком идет речь.

— Это проповедь, которую он прочел в 1663 году, в день выборов. Послушай-ка, — и Бенджамин взволнованным голосом процитировал: — «Мои отцы и братья, не забывайте о том, что Новая Англия возникла как поселение верующих, а не коммерсантов. И торговцам — а их становится все больше и больше — следует помнить об этом. И те, кто прибыл сюда

позднее, должны понять, что народ Новой Англии искал не земного богатства, но веры...» — Бенджамин Морган опустил книгу, потер покрасневшие от усталости глаза и горько проговорил: — Многие, очень многие забыли об этом.

С тех пор Филип частенько думал о том, что сказал ему отец. Молодой человек в смятении наблюдал за тем, как колонисты все дальше и дальше уходят от изначальных замыслов пуритан. Судя по всему, пуританство умирало.

Изучив этот вопрос, Филип понял, что пуританское движение начало сдавать свои позиции уже во втором поколении колонистов. Детям первых поселенцев и дела не было до духовных идеалов своих отцов. Многие из них прекратили посещать церковь. Когда стало ясно, что следующему, третьему поколению грозит полное безверие, священники попытались найти выход из сложившейся ситуации. В 1662 году они собрали съезд, на котором предложили следующее: прихожане могли привести детей на крещение, передавая их под опеку церкви. Эти дети становились прихожанами наполовину, пока они не доказывали свое обращение. Как полуприхожане они подчинялись церкви, но не пользовались всеми привилегиями прихожан, такими, как участие в евхаристии. Благодаря этому компромиссу священникам удалось поддерживать видимость прежней чистоты церкви и сохранить ее влияние на колонистов.

Для Филипа полуприхожан не существовало. По его мнению, это была удобная лазейка для неверующих. В четвертом поколении колонистов появилось немало тех, кто, подобно Дэниэлу Коулу, маскировал свои корыстные устремления внешним благочестием. Они желали милосердия Господа, но продолжали жить так, как им хочется.

— Филип! А я тебя и не заметил! — с деланной радостью загудел Дэниэл Коул, протянув молодому человеку пухлую розовую руку. — Говоря по правде, — продолжил он без тени смущения, — я пересек залив не только ради твоей матери. Мне подумалось, что тебе нужна небольшая дружеская помощь.

При этих словах Филип бросил на бостонца недоумевающий и настороженный взгляд.

Заметив, что по лицу сына пробежала тень беспокойства, Констанция поспешила объяснить:

— Я сказала Дэниэлу... мистеру Коулу... что ваш отец вел все дела сам... ну а ты еще не освоился с новым положением вещей. Вчера на похоронах мистер Коул любезно предложил нам свою помощь.

Мать и ее давний друг стояли плечом к плечу, улыбаясь и кивая, как китайские болванчики. Чем-то они напоминали двух нашкодивших детей, которые, пытаясь скрыть следы своих проказ, выдумывают разные небылицы.

— Послушай, сынок, — попыталась сгладить неловкость Констанция, — почему бы вам не пойти в кабинет? А я принесу вам что-нибудь выпить.

Не проронив ни слова, молодой человек жестом пригласил гостя следовать за ним. Коул слегка поклонился Констанции и бодрым шагом вышел из комнаты.

Филип — до сего дня ему не доводилось тесно общаться с мистером Коулом — украдкой разглядывал своего гостя. Манера Дэниэла Коула одеваться соответствовала его положению в обществе. Поверх белой рубашки с длинными рукавами и гофрированными манжетами был надет — в тон брюкам — черный шелковый жилет. Ансамбль завершали белые шелковые носки и черные, с серебряными пряжками, туфли из воловьей кожи — словом, Дэниэл Коул одевался так, как и должен одеваться преуспевающий торговец. Запах — вот что изумило Филипа. Оказавшись в нескольких шагах от гостя, молодой человек

почувствовал такое амбре, что ему едва не стало дурно. Богатый бостонский коммерсант Дэниэл Коул насквозь провонял потом, несвежим бельем (у Филипа сложилось впечатление, что носки он не менял недели две, а лоснившийся от грязи жилет носил с рождения), протухшей рыбой и душистой помадой, которой он обильно намазал волосы.

Филип не знал, что и подумать. Без сомнения, Дэниэл Коул был богат. Судя по всему, он недавно принимал ванну. Но при этом, похоже, несколько дней не менял платья.

Указав гостю на кресло, молодой человек постарался разместиться поближе к окну — предварительно открыв его. Мистер Коул не обратил на это никакого внимания. Усевшись поудобнее, он приступил к разговору.

— Сколько тебе лет, Филип? — начал он чрезвычайно любезным тоном. — Двадцать? Двадцать один?

— В сентябре будет двадцать один.

— Замечательно. Значит, мы можем разговаривать как мужчина с женщиной, — мистер Коул прокашлялся. — Как тебе известно, я человек практический, коммерсант. И, смею тебе доложить, я на этом деле собаку съел. Состояние вот сколотил преизрядное...

Филип кивнул, не мешая Коулу воскурять самому себе фимиам. Выбор темы разговора он тоже оставил за гостем. Он хотел знать, что тот задумал.

— Говоря откровенно, — продолжил, между тем, его собеседник, — твой отец, хотя он был очень хорошим человеком и знал толк в древних языках и прочих премудростях, не обладал деловой сметкой, — сказав это, мистер Коул усмехнулся и отбросил назад упавшие ему на глаза волосы. — Оно и понятно. Нельзя преуспеть во всем. Из меня, например, вышел бы никудышный ученый.

Мистер Коул сделал паузу, ожидая, что Филип поспешит опровергнуть его последнее высказывание. Молодой человек не издал ни звука.

— Как бы то ни было, — со вздохом сожаления продолжил бостонец, — я очень хочу помочь тебе. У меня, знаешь ли, есть опыт и знания...

И, не дожидаясь, пока Филип отклонит или примет его предложение, он пошел в наступление.

— Скажи мне, — отрывисто спросил он, — что тебе известно о финансовом состоянии твоей семьи? Надежно ли ваше положение?

Филип по-прежнему был начеку.

— Я просмотрел счетные книги, — ответил он, помолчав, — думаю, у нас все в порядке. Конечно, мы не столь богаты, как вы, но оснований для беспокойства нет. К тому же, полагаю, к концу следующего семестра мне предложат место в университете. Возможно, даже место отца.

— А что ты будешь делать до этого? На что жить?

— У нас есть кое-какие сбережения, вклады. Да и потом мы имеем долю в вашей компании, а это постоянный доход.

— Да, я знаю, — мистер Коул уселся поудобнее. — В этом я как раз могу тебе помочь.

Он помолчал, провел пальцем у себя под носом, хмыкнул, а затем быстро спросил:

— Что тебе рассказывал об этих акциях отец?

Молодой человек, вздохнув, откинулся на спинку кресла и задумчиво поднял глаза к потолку.

— Такого разговора я что-то не припомню.

Стоило Филипу произнести эти слова, как он тут же с беспокойством осознал, что

Дэниэл Коул был доволен его ответом.

— Мне неприятно говорить об этом, — внезапно сказал Коул, — но отчасти я виновен в смерти твоего отца.

Филип напрягся.

— Видишь ли, в тот день, когда его убили, он ехал на встречу со мной.

И Дэниэл Коул, словно желая что-то прочесть на лице своего собеседника, впери́л в Филипа пронзительный взгляд. После недолгой паузы он наконец продолжил:

— Н-да... Ну так вот. Он ехал в Бостон, чтобы продать мне свою долю в компании.

— Едва ли я могу в это поверить, — раздался внезапно женский голос. Филип поднял глаза. Коул обернулся, не вставая с кресла. В дверях, изящно скрестив руки на груди, стояла Присцилла. В ее взгляде и тоне сквозила неприкрытая враждебность.

— Присцилла, дорогая, ты прекрасно выглядишь! — Дэниэл Коул оперся своими пухлыми руками на подлокотники и поднялся навстречу девушке. Однако холодное отчуждение в голосе заставило брата и сестру усомниться в искренности его слов.

Коммерсант приблизился к Присцилле, и та протянула ему руку. Он галантно принял ее и отвесил девушке легкий поклон.

— Извини нас, дорогая, — сказал он, — мы говорим о делах.

— Я прекрасно понимаю, о чем вы говорите, — парировала Присцилла. — Не могла не услышать этого. — Девушка с показным равнодушием прошла мимо Коула и плавно приблизилась к круглому столу в середине комнаты, как будто для того, чтобы поправить букет сирени. Филип разгадал ее маневр. Цветы мало занимали Присциллу, букет составила мать, она же принесла его в кабинет.

— Однако ж, господин Коул, мне кажется странным, что отец вдруг решил продать вам свою долю. Она приносила хорошие дивиденды — более четверти всего дохода семьи.

На Филипа осведомленность Присциллы произвела еще большее впечатление, чем на Коула. Тем не менее молодой человек сделал вид, что сказанное сестрой не было для него новостью.

— Откуда, дорогая, ты так хорошо знаешь о делах Бенджамина? — осторожно осведомился Коул.

Присцилла сунула палец в вазу, делая вид, что проверяет, достаточно ли в ней воды. Обнаружив, что ваза полна до краев, она поморщилась. После этого девушка невозмутимо извлекла откуда-то носовой платок и вытерла палец насухо.

— При всем уважении к вам, мистер Коул, — сказала она небрежно, — полагаю, что вас это не касается.

— А я, дорогая леди, полагаю, что вам не подобает заниматься делами, в которых вы ровным счетом ничего не смыслите, — проговорил с некоторым раздражением мистер Коул. — Сложные вопросы — прерогатива мужчин. А теперь, если вы не возражаете... — И коммерсант высокомерно указал Присцилле на дверь.

Девушка с немой мольбой взглянула на брата. Филип понял: Присцилла хотела, чтобы он разрешил ей остаться. Он и сам желал этого. Присутствие близкого человека помогло бы ему обрести уверенность в себе. Но как он будет вести разговор с Коулом, если тот увидит, что в делах он зависит от совета сестры?

— Мистер Коул прав, Присцилла, — сказал Филип. — Теперь этим занимаюсь я. Думаю, я справлюсь.

Взгляд девушки из протестующего стал гневным. Она поджала губы, и ее глаза

наполнились злыми слезами. Мистер Коул улыбнулся — то ли с пренебрежением, то ли снисходительно.

В этот момент отворилась дверь, и на пороге возникла оживленная Констанция. В руках она держала поднос, на котором стояли две кружки имбирной воды, подслащенной патокой. Эти кружки испанского стекла, привезенные с острова Барбадос, Констанция доставала только по особым случаям.

— Угощайтесь, джентльмены, — сказала она нараспев, а затем с некоторым недовольством обратилась к дочери: — Присцилла, что ты здесь делаешь? Неужели не видишь: мужчины заняты.

После этих слов Присцилле ничего не оставалось, как покинуть комнату. Между тем мистер Коул обернулся к Констанции, держась так, словно ее дочь и не появлялась в кабинете:

— Ты всегда была прекрасной хозяйкой, — изрек он, взяв с подноса одну из кружек. Констанция с благодарностью улынулась и, не желая мешать серьезному разговору, дипломатично вышла из комнаты.

Как только она затворила за собой дверь, мистер Коул без обиняков приступил к делу.

— Как я уже говорил, твой отец хотел продать мне свою долю. Я был готов выкупить ее за хорошие деньги. Теперь, принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, а также из уважения к вашей матери, я готов поднять цену на пятьдесят процентов.

И Дэниэл Коул, шумно отхлебнув имбирной воды из кружки, небрежно откинулся на спинку кресла. Филип догадался, что он ждет благодарности. Молодой человек не сомневался: предложение гостя было очень выгодным, и если бы не семя сомнения, которое заронила в его душу Присцилла, он ответил бы согласием.

— Это очень щедрое предложение, — после недолгой паузы сказал он.

Коул кивнул.

— Тем не менее, если вы не возражаете, я хотел бы его обдумать. К сожалению, из-за похорон да и других неотложных дел я не успел ознакомиться с бумагами отца должным образом.

Лицо Коула омрачилось — казалось, солнце закрыла угрюмая грозовая туча.

— Сколько тебе на это нужно времени?

Филип на минуту задумался.

— Не более месяца.

— Месяца! — Коммерсант подскочил в кресле. В туче сверкнула молния.

Внезапная вспышка мистера Коула заставила Филипа вздрогнуть.

— Видите ли, сэр... в ближайшие дни мне предстоит одна поездка. На какое-то время мне придется отлучиться из дома.

— Поездка? Какая еще поездка?

— Это личное дело.

Коул покачал головой.

— Дело превыше всего, сынок. Остальное может подождать.

Филип тоже покачал головой.

— Ничего не попишешь, я должен сделать это до того, как начнутся занятия в Гарварде.

— Филип, позволь мне быть с тобой откровенным, — мистер Коул наклонился вперед, опершись локтями на колени. — Твой отец был мне близким другом...

Филип подумал, что на этот раз его собеседник, пожалуй, хватил через край. Молодой

человек никогда не слышал, чтобы отца связывали с мистером Коулом какие-либо личные отношения. Насколько было известно Филипу, их объединяло одно: в свое время они оба ухаживали за его матерью. Если, конечно, не считать того, что отец приобрел долю в компании Коула. Ну да ладно, он пропустит это мимо ушей.

— ...но у него был странный взгляд на вещи. Он не умел правильно определять приоритеты и никогда не уделял должного внимания делам. Посмотри, к чему это привело. Ну хорошо, благодаря щедрости чудаковатого старика вы имеете прекрасный дом. Однако согласишься, глупо надеяться, что кто-нибудь вновь облагодетельствует вас. Скажу откровенно: из-за нелепого поведения Бенджамина ты, Филип, не можешь позволить себе роскоши отказаться от моего предложения. Он вел ваши дела из рук вон плохо. Вы в безвыходном положении. Без наличных денег вам долго не протянуть.

Филип отвернулся.

— Мне неприятно причинять тебе боль, дорогой мой, — заговорил вновь мистер Коул, — но я иду на это ради твоего же блага. — Коммерсант немного помолчал, задумчиво выпятив нижнюю губу, а затем продолжил: — Вот что я тебе скажу. Забудь на неделю про свои личные дела. Внимательно изучи счетные книги. И ты будешь вынужден признать мою правоту. Мое предложение остается в силе в течение семи дней. Будь мужчиной, сынок. Сделай правильный выбор.

Итак, сегодня Филипу предстояло принять первое самостоятельное решение, и он боялся совершить ошибку. Предложение Коула выглядело соблазнительно. Однако молодой человек чувствовал: с этим предложением, точнее, с самим мистером Коулом, было что-то не так. Возможно, Филип слишком походил на отца, который предпочитал заниматься наукой и никогда не проявлял особого интереса к деньгам. Он рассуждал так же, как отец. Пусть деньги сами позаботятся о себе. В конце концов, умирая, Бенджамин Морган вспомнил не о них, а о семейной Библии. Да и потом, Филип должен подумать о себе... Молодой человек во что бы то ни стало хотел получить ученую степень. Значит, чем быстрее он отправится в путь, тем лучше.

— Сожалею, мистер Коул, — произнес Филип ровным голосом. — Но я не могу отложить поездку. Думаю, с продажей нашей доли придется повременить.

Дэниэл Коул раздраженно покачал головой.

— Ты копия отца.

Филип Морган воспринял эти слова как комплимент.

С жадностью глотая ртом воздух, Филип выгнулся дугой и заерзал в седле. Из его груди вырвался хрип. Пытаясь победить удушье, молодой человек дышал глубоко и ровно. Хотя океана не было видно, Филип чувствовал его свежее дыхание. Соленый морской ветер наполнял легкие воздухом и помогал одолеть болезнь.

Филип находился в пути уже вторые сутки. Его лошадь, измученная и голодная, понуро трусила по дороге. В первый день своего путешествия молодой человек совершил переход в сорок миль — от Кембриджа до Провиденса. Вечером он добрался до таверны «Красный Лев». Утром, наскоро перекусив и разузнав у хозяина дорогу, он сел в седло и поскакал по Южной дороге — через Потакет, Уорик и Уикфорд — в резервацию наррагансетов. Все шло хорошо до Уинкфорда — едва Филип миновал этот город, у него начался припадок удушья. Приступ на какое-то время отвлек молодого человека от печальных раздумий, не покидавших его с самого Кембриджа.

Филипу не хотелось уезжать из дома. Он жалел, что отец обратился к нему с такой нелепой просьбой. Не случись этого, он сидел бы сейчас у камелька с книгой в руках и готовился к занятиям или прогуливался бы с Пенелопой по Брэтл-стрит. И вот вместо того, чтобы заниматься милыми его сердцу делами, он разыскивает Библию, потерянную в незапамятные времена; едет, покачиваясь в седле, в какой-то медвежий угол и вспоминает злые рыдания, которыми провожала его невеста.

Но когда Филип уже совсем было собирался поворотить назад, он так живо представил себе фигуру отца, лежащего ничком на пыльной дороге, и так явственно услышал его слабый голос, умолявший найти Библию, что тут же отбросил сожаления и пришпорил лошадь. Если он не сдержит слова — будет раскаиваться всю жизнь. Пусть его грудь разорвется от кашля, пусть он опоздает к началу занятий, пусть злится и негодует Пенелопа — он не вернется домой.

Филип вспомнил о своей невесте и мысленно пообещал себе помириться с ней. Он ни на минуту не сомневался, что с Пенелопой ему повезло. Они — прекрасная пара. Его считали лучшим выпускником Гарварда, воплощением всех идеалов колонистов, надеждой молодого поколения. Ему прочили большое будущее очень уважаемые люди; в Гарварде открыто говорили том, что в один прекрасный день он займет место ректора университета. Филип выслушивал столь лестные слова с самым невозмутимым видом. Он был готов не только оправдать эти ожидания, но и в полной мере принять связанную с ними ответственность. Неудивительно, что удачный брак значил для него так много.

Молодой человек твердо верил, что Пенелопа Чонси ему подходит. Если Филип готовился стать образцовым ученым, то из Пенелопы вышла бы идеальная жена образцового ученого. Ее прадед, Чарлз Чонси, был не только вторым ректором университета, но и выпускником Гарварда. Ее отец — известный в Кембридже врач — тоже окончил Гарвард. Девушка росла среди университетской элиты; ее воспитывали как продолжательницу благородных гарвардских традиций. К этому предназначению она относилась очень серьезно — временами, считал Филип, даже слишком серьезно.

Филип любил Пенелопу. Молодому человеку нравилась эта утонченная, хорошо воспитанная девушка, которая никогда не возражала ему при посторонних. И пусть в Гарварде ее не находили красивой, так ведь и не называли дурнушкой. Если бы Филип

вздумал описать внешность своей невесты, то, пожалуй, чаще всего ему пришлось бы использовать эпитет «длинный». У нее было длинное лицо; длинный и тонкий нос; ее руки напоминали длинные ветви дерева, а пальцы — тонкие, нежные веточки; высокая, чуть выше Филипа, Пенелопа обладала длиннющими ногами и опять-таки длинными, узкими ступнями (однажды в жаркий летний день она разулась, чтобы поболтать ногами в реке, и Филипа до крайности удивил вид ее необычайно длинных ступней).

Они собирались пожениться, как только Филип окончит учебу и получит место преподавателя. Ну а поскольку от этой цели его отделял один семестр, молодые люди всю зиму и весну готовились к будущей свадьбе. Внезапная смерть Бенджамина Моргана и столь же внезапная поездка Филипа на юг, в резервацию, заставили их пересмотреть свои планы.

Когда Филип рассказал Пенелопе о том, что он считает своим долгом исполнить последнюю волю отца, девушка очень расстроилась. Сейчас совсем не время пускаться в погоню за семейными призраками, со слезами на глазах увещевала она жениха. А что если он опоздает к началу занятий? И как же тогда их свадьба? И хотя Филип клятвенно обещал вернуться к началу учебного года, Пенелопа обратилась за помощью к своему отцу, доктору Чонси. Почтенный джентльмен встал на сторону расстроенной дочери: он тоже не желал, чтобы Филип рисковал карьерой. «Поиски Библии можно отложить на год-другой», — заявил он со скрытым неодобрением в голосе. Однако будущему тестю так и не удалось переубедить Филипа. Когда молодой человек все же решил ехать, Пенелопа была вне себя от злости и обиды. Ничто не могло ее утешить. «Ну ничего, — сказал еще раз сам себе Филип, — вот вернусь и обязательно помирюсь с ней».

Филип Морган въехал в резервацию с севера. При виде чужака мужчины, женщины и дети из племени наррагансетов побросали все свои дела и устремились к одному из Длинных домов [\[10\]](#), около которого спешил молодой человек. Это были рослые люди с темной, как бронза, кожей, прямыми иссиня-черными волосами и блестящими агатовыми глазами. Их грубая одежда говорила о том, что они очень бедны и вынуждены зарабатывать на жизнь тяжелой, грязной работой.

В Длинном доме, около которого остановился Филип, жило несколько семей. Молодому человеку не терпелось узнать, где он может найти кого-нибудь из индейцев-христиан или их лидера, если, конечно, таковой имеется, — именно у этих людей, по мнению Филипа, могла храниться Библия Морганов.

С момента появления первых поселений индейцев, принявших крещение благодаря проповеднической деятельности Джона Элиота [\[11\]](#), стали называть «молящиеся индейцы». Когда-то насчитывалось тринадцать городов, в которых христиане-индейцы — их было более тысячи человек — могли жить среди остальных христиан. Такое положение дел сохранялось до войны Короля Филипа.

В 1675 году под водительством влиятельного вождя вампаноагов Метаккома, получившего среди колонистов прозвище Король Филип, союзные племена индейцев совершили несколько набегов на приграничные поселения. Это была отчаянная попытка остановить захват индейских земель колонистами. С самого начала конфликта «молящиеся индейцы» оказались в тяжелейшем положении. Соплеменники, которые участвовали в военных действиях, обвиняли их в поддержке колонистов и шпионаже, а колонисты, хотя и прибегали к их помощи, никогда полностью не доверяли им, считая, что они симпатизируют своим сородичам. Словом, индейцев-христиан убивали и те и другие. После этой

кровопролитной войны уцелело лишь несколько маленьких разрозненных групп «молящихся индейцев». Одна из них как раз и обосновалась в резервации наррагансетов.

В Длинном доме Филипу сказали, что лидера группы «молящихся индейцев» зовут Нанаувета, и объяснили, как до него добраться. Не медля ни секунды, молодой человек вскочил на лошадь и пустился во весь опор по дороге Скулхауз-Понд прямо на юг. Сразу за церквушкой, построенной в английском стиле, дорога повернула на запад. Вдалеке, слева от дороги, он заметил маленькое здание школы, которое явно нуждалось в срочном ремонте. За школой тускло поблескивало на солнце большое озеро. И там же он наконец увидел то, что так долго искал. На краю кукурузного поля стоял вигвам Нанаувета.

Привязывая лошадь к дереву, Филип почувствовал, как в его душе шевельнулась тревога. Усилием воли он заставил себя успокоиться. Ничего страшного — просто он попал в непривычную обстановку. Это был чужой мир, совсем не похожий на тот, к которому он привык. Наверняка индейцу из резервации в Гарварде тоже стало бы не по себе. Для беспокойства нет никаких оснований. Он всего лишь расспросит о Библии, узнает, здесь ли она, и уедет. Это несложно.

В следующий момент он заметил трех индейских ребятишек, внимательно и спокойно наблюдавших за ним. Это были мальчики лет восьми-девяти; их одежда представляла собой причудливое сочетание колониального и индейского стиля. Филип огляделся. Кроме них — ни души. Жаль, что у него нет спутника, который мог бы присмотреть за вещами и посторожить лошадь, пока он будет беседовать с Нанаувета. Ладно, значит, ему придется поторопиться.

Остов вигвама — круглый каркас из жердей — был покрыт корой. Диаметр строения составлял приблизительно футов четырнадцать. Вход — около четырех футов в высоту — имел прямоугольную форму. Перед вигвамом тлел костер, над которым поднималась струйка дыма, — судя по всему, здесь недавно готовили еду. Тут же стоял невысокий столбик, в его верхней части находилось углубление в форме чаши. Валявшиеся вокруг крошки кукурузных зерен указывали на то, что это ступка. Неподалеку от вигвама, рядом с кукурузным полем, маячило что-то вроде деревянной вышки двенадцати-пятнадцати футов в высоту. Назначения этого сооружения Филип не понял.

Мысленно пожелав себе удачи, молодой человек подошел к вигваму и окликнул хозяев: — Эй!

Тишина.

— Эй! Есть тут кто-нибудь? — возвысил голос Филип.

Минута проходила за минутой, а ему так и не ответили. Не выдержав, Филип приблизился к жилищу Нанаувета и сунул голову внутрь. В то же самое мгновение из вигвама выглянул наружу молодой индеец. Они едва не столкнулись лбами.

— Прощу прощения! — Филип вздрогнул и отступил на несколько шагов. — Я думал, меня не слышали.

Сказав это, молодой человек с любопытством взглянул на наррагансета. Индеец был чуть ниже Филипа. На его торсе, крепком и мускулистом, блестели капельки пота. Кроме набедренной повязки и узкого ремешка, надетого на шею, — на нем покачивалась белая раковина, — на индейце ничего не было. Черные как смоль волосы падали ему на плечи. Полные, красиво очерченные губы и холодные темные глаза не выражали никаких эмоций.

Минуты две-три молодые люди молча стояли друг против друга. Первым со спокойствием и достоинством заговорил наррагансет.

— Как поживаешь, англичанин? — произнес он гортанным и певучим голосом.

— Да вот... — конфузясь, ответил Филип. — Я ищу Нанаувета. Это случайно не вы?

Индеец внимательно оглядел чужака — начав с широкополой шляпы и закончив туфлями. Затем он вновь немигающим взглядом уставился на его лицо. Казалось, он хотел заглянуть Филипу прямо в душу. Наконец губы индейца презрительно скривились.

— Ты не очень умен, верно? Неужели я так стар, что могу оказаться тем, кого ты ищешь?

Филип оторопел. Он никак не ожидал услышать из уст какого-то индейца столь нелицеприятный отзыв о нем, лучшем студенте Гарварда. Это пробудило в нем некоторую досаду.

— В таком случае где я могу найти Нанаувета? — сухо спросил он.

Наррагансет не шелохнулся.

— Я добирался сюда два дня, — не отступал Филип. — Мне необходимо с ним встретиться.

Казалось, его слова не произвели на индейца ни малейшего впечатления. Однако уже в следующее мгновение наррагансет отрывисто приказал:

— Жди здесь.

И нырнул в вигвам, не забыв бросить через плечо:

— Ничего не трогай.

Филип беззвучно засмеялся. «Ничего не трогай? Как будто здесь есть чем поживиться».

Прошло несколько минут. Индеец не возвращался. И Филип от нечего делать взялся обозревать окрестности. К востоку от жилища Нанаувета лежало огромное озеро; южнее виднелись вигвамы, стоявшие в беспорядке; на западе зеленело кукурузное поле; на севере змеилась дорога Скулхауз-Понд, которая шла с востока на запад, за ней находилось Большое кедровое болото.

Филип нетерпеливо переминался с ноги на ногу, он уже начал сомневаться, что его гонец вернется. Внезапно он вспомнил о мальчиках и бросил настороженный взгляд в их сторону. Они не шевелясь стояли на том же месте и сосредоточенно смотрели на него. Что ж, по крайней мере мальчишки ни на шаг не приблизились к его лошади, и это уже неплохо.

— Входи! — молодой индеец высунулся из вигвама ровно на долю секунды, которая требовалась для того, чтобы произнести это короткое слово.

Филип нагнулся и вошел внутрь. В следующее мгновение его обдало таким жаром, что он едва не задохнулся. Теперь он понял, почему тело молодого индейца блестело от пота — посреди вигвама горел огромный костер. Дым выходил наружу через отверстие в крыше. В вигваме — несмотря на огонь — было очень темно, особенно вдоль стен, и Филипу понадобилось время, чтобы хоть что-то разглядеть.

— Сюда! — индеец жестом пригласил Филипа следовать за ним в глубь вигвама. Там, у дальней стены, неподвижно сидел старик. По его лицу пробегали отблески огня. Впервые в жизни Филип видел человека столь преклонных лет. Хрупкие кости старца были обтянуты сморщенной кожей, которая на щеках и подбородке собиралась в складки. Кожа старика была светлее, чем у молодого индейца — внука или правнука? — и имела красноватый оттенок. Несколько пучков снежно-белых волос напоминали крохотные жидкие облачка, парящие над головой. На плечах старца красовалась накидка из перьев. Филип приблизился к хозяину вигвама и с глубоким почтением поприветствовал его. Старик ответил ему бесстрастным взглядом. Его глаза — карие и по-юношески ясные — светились живым умом.

Рядом со стариком стояла девушка, одетая в оленью шкуру. Филип взглянул на нее — и сердце его задрожало. Для индианки она была удивительно хороша собой. Как и все ее соплеменники, она имела смуглую кожу и блестящие черные глаза. Прямые, воронова крыла волосы падали ей на лицо, и это почему-то очень понравилось Филипу — девушка показалась ему милой и застенчивой. В странном оцепенении смотрел он на красавицу. Ее огромные продолговатые глаза с длинными пушистыми ресницами непреодолимо влекли его себе. Но еще больше молодого человека восхитила ее манера держаться. Легкая и грациозная, она стояла прямо, с царственным видом, при этом в ее позе не чувствовалось никакой напряженности.

Когда заговорил Нанауветаеа, Филипу пришлось сделать величайшее усилие, чтобы отвести взгляд от прекрасной индианки.

— Токетоссавейтч? — Голос старика был чуть громче шуршания сухих листьев.

До этого Филипу не доводилось слышать алгонкинский язык ^[12]. Он беспомощно взглянул на молодых индейцев, сначала на юношу, потом на девушку. Они молча смотрели на него. По лицу Филипа побежали струйки пота.

— Простите... — в замешательстве обратился он к старику. — Я знаю английский, латынь, древнееврейский, греческий, но я, к сожалению, не владею алгонкинским языком.

— Здесь мало кто говорит по-латыни и по-гречески, — насмешливо сказал молодой индеец.

Старик взглянул на девушку и жестом приказал ей переводить.

— Нанауветаеа спрашивает, как тебя зовут, — произнесла она глубоким и сладким, как мед, голосом. Внезапно молодой человек понял, что не хотел бы ничего другого, как только слушать с утра до вечера этот чудесный голос.

— Меня зовут... меня зовут... э-э... да, меня зовут, — восторженно воскликнул он, — Филип Морган.

— Филип Морган, — повторила девушка. Филипу понравилось, как она произнесла его имя.

— Тавитч каппееяумен?

— Зачем ты здесь? — перевела девушка.

И Филип объяснил, что он ищет в резервации старую семейную Библию, которую привез из Англии его предок, Энди Морган; возможно, она до сих пор хранится у наррагансетов. Библия эта исчезла во время войны Короля Филипа. Последним ее владельцем был старший сын Энди Моргана Кристофер. Он проповедовал Слово Божье индейцам.

Выслушав молодого человека, Нанауветаеа после недолгого молчания заметил, что война Короля Филипа закончилась пятьдесят лет назад. С тех пор утекло много воды. Почему же Морганы лишь теперь озаботились судьбой своей семейной Библии? Филип ответил, что его отец узнал о ее существовании совсем недавно, из дневника Энди Моргана. Дневник этот был найден на чердаке в одном из домов Бостона. Перед смертью отец наказал Филипу найти Библию и привезти ее в Кембридж.

Старый индеец кивнул и начал расспрашивать о смерти Бенджамина Моргана. В продолжение всего рассказа Филипа он не шелохнулся.

Когда Филип замолчал, стало заметно, что старик устал. Да и сам Нанауветаеа это подтвердил, дав понять гостю, что намерен завершить разговор завтра.

— Нет! — воскликнул Филип, несколько громче, чем хотел. Индейцы нахмурились.

Молодой человек понял, что оплошал.

— Прошу вас, поймите меня, — сказал он как можно мягче. — Я не могу медлить.

И Филип взялся подробно объяснять причины своей спешки: совсем скоро начнутся занятия, ему нужно срочно утрясти денежные дела, да и помириться с невестой тоже не мешало бы. Однако после его речи лицо старого индейца потемнело еще больше; не проронив ни слова, он лег и повернулся к гостю спиной.

Филипу ничего другого не оставалось, как вернуться к своей лошади. Все его вещи были на месте. Мальчишки, которые наблюдали за ним, ушли, и он почувствовал себя неловко из-за того, что заподозрил их в дурных намерениях. Ночь он провел под деревом у озера. Никто не приютил его, однако никто и не прогнал. Рано утром Филипа вновь пригласили в вигвам. На сей раз при его разговоре с Нанауветае присутствовала только девушка.

— Он говорит, — нараспев переводила слова старика индианка, — что Библия — это личное имущество. Так же, как он не отдал бы тебе чужую лошадь, он не станет указывать тебе путь к Библии, пока не будет уверен, что она принадлежит тебе по праву.

— Так он знает, где она находится? — с надеждой воскликнул Филип.

Девушка перевела вопрос и, выслушав ответ старца, сказала:

— Он не будет отвечать, пока ты не докажешь, что эта Библия — твоя.

— Какие доказательства являются достаточными для него?

— Вчера ты упомянул о дневнике. Он при тебе?

Филип улыбнулся и, поклонившись, вышел. Спустя минуту он вернулся с дневником Энди Моргана. Осторожно пролистнув хрупкие желтые страницы, молодой человек нашел нужное ему место.

— Ты читаешь по-английски? — спросил он девушку.

Та с достоинством кивнула.

Филип приблизился к ней и ткнул пальцем в нужное место. Индианка склонилась над дневником. От свежего, чистого запаха ее волос у Филипа закружилась голова. Он надеялся, что она будет читать медленно и ему удастся побыть с ней рядом.

— Могу я показать это Нанауветае? — спросила у Филипа девушка. Ее лицо было так близко, что Филип сумел разглядеть ее гладкую темную кожу и коричневые крапинки в черных глазах. Не отводя от нее взгляда, он кивнул и отдал ей дневник.

Девушка грациозно опустилась на пол рядом со стариком, положила дневник ему на колени и указала нужное место. Текст дневника гласил:

«Вот уже семь лет минуло с тех пор, как мы не имеем никаких сведений о Кристофере. У нас почти не осталось надежды увидеть его живым. Последнее известие о нем мы получили из вторых рук незадолго до начала военных действий. В то время мой дорогой сын проповедовал среди вампаноагов. Мы пребываем в полном неведении, что с ним случилось, здоров ли он, и можем быть уверены лишь в одном — его судьба в руках Божьих. Кристофер не страшится людей, способных убить его, ибо знает: душа его неуязвима. Горько сознавать, что он умер бездетным, не оставив сына, которому мог бы передать фамильную Библию в соответствии с моим напутствием, данным ему на церемонии. Но, быть может, я ошибаюсь, придавая такое значение материальному символу. Всевышнему не нужна запись, чтобы понять, кто следует Его путями. Мне же остается лишь уповать на то, что мои потомки никогда не утратят веру в Господа».

Пока девушка читала, лицо старого индейца оставалось бесстрастным. Как только голос

прекрасной индианки смолк, из-под накидки появилась дрожащая морщинистая рука и легла на страницы дневника. Старец закрыл глаза и слегка подался вперед.

Казалось, Нанауветае проверяет на ощупь подлинность услышанных им слов. После минутной паузы он открыл глаза, убрал руку, и Филип получил дневник обратно.

Очевидно, и он, и дневник выдержали испытание — мгновение спустя старик взглянул молодому человеку прямо в лицо и тихо произнес:

— Библия, которую ты ищешь, существует. Я видел ее. Ею пользовался Кристофер Морган, когда рассказывал индейцам о едином и истинном Боге.

— Выходит, вы знали Кристофера Моргана? — спросил Филип. Индеец был так стар, что это показалось молодому человеку вполне возможным.

Когда девушка перевела вопрос Филипа, Нанауветае слегка наклонил голову. От волнения мысли Филипа спутались. Перед ним сидел человек, который знал брата его прадеда!

— Скажи ему, — попросил Филип, обращаясь к девушке, — что мне жаль... У меня так мало времени. А я бы очень хотел поговорить с ним о Кристофере Моргане.

Эти слова почему-то рассердили старика. Он быстро произнес что-то высоким голосом и покачал головой. Перевода не последовало.

— Простите, я не хотел сердить его! — расстроено выдохнул Филип.

Индеец вновь заговорил, знаком приказав девушке переводить.

— Он говорит, ты слишком торопишься. Чтобы найти то, что ты ищешь, необходимо время. Он думает, тебе лучше вернуться домой. Будешь спешить — ничего не найдешь.

Филип вспыхнул. Молодого человека разозлило, что в его дела вмешиваются посторонние. Задел за живое и намек на то, что он не очень-то и хочет найти фамильную Библию Морганов. Как будто бы не он, Филип, приехал ради этого в резервацию.

— Передай Нанауветае, что, если он скажет мне, где искать Библию, я найду ее... Найду, чего бы мне это ни стоило.

Девушка перевела слова Филипа. Лицо старика приняло скептическое выражение. В продолжение нескольких минут он молчал, а потом наконец разжал губы и словно бы нехотя произнес:

— На Великой Топи есть деревня «молящихся индейцев». Возможно, там ты найдешь то, что ищешь, — с этими словами Нанауветае лег и повернулся спиной к Филипу.

Это было не совсем то, на что рассчитывал Филип, однако и особых причин для отчаяния он не видел. По крайней мере нашелся человек, который помнил о Библии Морганов. Поблагодарив индианку за помощь, Филип покинул вигвам и поскакал к Великой Топи.

О том, что Великая Топь лежит к северу от озера Вордон у реки Чиппуксет, Филип Морган знал со школьной скамьи. Здесь произошло одно из самых знаменитых сражений войны Короля Филипа. История колоний на тот момент, когда Филип постигал науки в школе, насчитывала уже около ста лет. Хотя в масштабах истории человечества это был очень короткий период, он, тем не менее, давал учителю достаточно материала для нескольких уроков. Один из таких уроков педагоги Новой Англии как раз и посвящали войне Короля Филипа.

Зимой 1675 года объединенные силы колонистов под командованием Джосайи Уинслоу уничтожили укрепленную деревню наррагансетов, спрятавшуюся среди Великой Топи на маленьком острове. Для колонистов — а они не имели опыта сражений на болотах — это было значимой победой, поскольку деревня наррагансетов считалась одним из самых неприступных индейских поселений в Новой Англии.

Одержав победу над краснокожими англичанам позволило счастливое стечение обстоятельств. Наррагансетов предал их соплеменник по имени Питер. Он не только показал колонистам потаенные тропы, но и вывел их войска прямо к селению. Погода тоже подвела индейцев. Зима выдалась на редкость холодной, и болото промерзло насквозь. Это позволило колонистам благополучно преодолеть доселе непроходимые топи. Передовые отряды англичан подошли к деревне как раз там, где индейцы не успели возвести укрепления. Колониальные войска ворвались в селение через брешь в оборонительных сооружениях. Хотя значительной части индейцев удалось спастись бегством, сотни женщин и детей были истреблены, а вигвамы сожжены. По приблизительной оценке, в тот день погибло двести краснокожих мужчин и триста женщин и детей.

Устало погоня лошадь, Филип скакал к Великой Топи; молодой человек надеялся, что совсем скоро он найдет Библию и сможет вернуться в Кембридж. Утешало его и то, что он двигался на восток, а значит, приближался к дому.

Проехав несколько миль лесом, он увидел небольшую возвышенность — за ней начиналась Великая Топь. Медленно и очень осторожно пробирался Филип по извилистой, заросшей мхом тропе, пока не заметил маленький холм площадью пять-шесть акров. На нем теснилось около дюжины вигвамов — похожих на те, что он видел в резервации; над жилищами индейцев мирно поднимался дымок. Не успел молодой человек приблизиться к поселку, как из вигвамов, точно по команде, высыпали их обитатели; спустя минуту навстречу путешественнику вышла вся деревня.

— Как поживаешь, нетоп?

Молодой человек невольно улыбнулся, услышав из уст вождя это панибратское приветствие. По легенде, такими словами встречали индейцы Роджера Вильямса ^[13], основателя Провиденса. Это приветствие представляло собой сочетание английского «Как поживаете?» с алгонкинским словом «друг».

Теплый прием, оказанный Филипу, заставил молодого человека несколько приободриться и забыть о своих тревогах. Вождь, индеец с бочкообразной грудью, носящий имя Куиннапин, принял его как дорогого гостя и пригласил разделить с ним трапезу.

Войдя в вигвам вождя, Филип оторопел, увидев множество людей, неподвижно сидящих

на роскошных беличьих шкурах. Они пришли послушать, о чем будет говорить Куиннапин с чужестранцем. Филипу подали кашу из кукурузной муки, жареное мясо, каштаны и ягоды. Хозяин вел себя очень любезно, хотя почти не улыбался. Это было характерно для наррагансетов. Улыбка ассоциировалась у них с обманом, а посему они руководствовались принципом «никогда не доверяй тому, кто улыбается».

Филип очень быстро выяснил, что Библии Морганов у индейцев с Великой Топи нет. Однако Куиннапин рассказал ему о том, что какая-то ценная Библия — возможно, та самая, которую ищет Филип, — хранится в племени хассанемеситов.

— Не отчаивайся, — утешил Куиннапин Филипа, увидев, что тот расстроен. — Ты не зря приехал сюда. Придет время, и Господь откроет нам причину, по которой ты здесь оказался.

Филип знал, что Джон Элиот, Дэниэл Гукин, Кристофер Морган и многие-многие другие миссионеры привели ко Христу немало краснокожих, тем не менее ему было странно слышать, как индейцы молятся Богу, просят Его простить их грехи, благодарят за новый день и хороший урожай. Все это в сознании молодого человека было прочно связано с церковью. Но люди, живущие на Великой Топи, поклонялись тому же Богу, что и он, и делали это так же, как он.

— Почему вы здесь живете? — спросил Филип вождя.

— Тут наш дом, — ответил Куиннапин. У него было круглое лицо с пухлыми щеками, которые подпрыгивали, когда он жевал мясо. — Куда еще нам деваться?

— Просто здесь такая глушь, — поспешил пояснить свою мысль Филип. — Живи вы ближе к Уикфорду, Потакету или Провиденсу, чаще бы встречались с другими людьми.

— Дело не в том, что мы живем в глуши, — сказал вождь. — Никто не стремится сблизиться с нами. Колонисты хотят, чтобы мы держались от них подальше, нас это тоже устраивает. Так проще сохранить мир. Мы не доверяем друг другу.

В ответ на эти слова Филип процитировал Библию: «Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе».

Куиннапин понимающе кивнул.

— Ты прав, чужестранец, — спокойно произнес он. — Если, конечно, не вспоминать о войне... Нелегко вычеркнуть из памяти эти годы. Те, кто сегодня разделил с тобою трапезу, с молоком матери впитали недоверие к белым людям. Англичане сослали наших отцов и дедов на пустынный Олений остров; там нельзя было найти ни пищи, ни крова. Но белые люди лицемерно заявляли, что отправляют наших соплеменников туда для их же блага. Индейцам-христианам, которых пощадили и оставили в поселениях, не разрешалось удаляться от дома более чем на милю. Если они нарушали это правило, их убивали на месте. Им не давали охотиться, пасти скот и выращивать зерно.

Мой дед, Джоб Каттенанит, один из «молящихся индейцев», ушел из поселения, чтобы спасти троих своих детей, — их взяли в плен индейцы из вражеского племени. Майор Дэниэл Гукин выдал ему письменное свидетельство, в котором говорилось, что мой дед — человек, заслуживающий доверия. В пути деда схватили разведчики капитана Хенчмена. Он безбоязненно вышел им навстречу — ведь у него был пропуск. Сначала его хотели убить на месте, но потом отвели к Хенчмену. Мой дед — а он хорошо говорил по-английски — рассказал о цели своего путешествия и показал документ, выданный Гукином. Капитан отправил моего деда в Бостон в сопровождении вооруженной охраны; там его на три недели бросили в тюрьму, а потом сослали на Олений остров. Больше я его не видел.

— Я сочувствую вашей потере, — тихо произнес Филип, вертя в руках прутик. Рассказ вождя разбередил его собственную рану, и он вновь ощутил острую боль от потери отца.

Куиннапин указал на пожилого индейца с короткими седыми волосами; правый глаз мужчины был полузакрыт.

— Брата и отца Песакуса взял в плен капитан Моузли.

— Моузли, — повторил Филип. — Кажется, я о нем слышал. Он славился своей жестокостью.

— Он самый. Моузли и его люди схватили отца и брата Песакуса, которые ушли от поселения больше чем на милю. Сначала Моузли допрашивал пленников поодиночке. Он обвинил их в нападении на колонистов и ранении капитана Хатчинсона. Отца Песакуса привязали к дереву. Старик попытался объяснить, что он из «молящихся индейцев» и что они с сыном просто-напросто охотились на оленя. Его допрашивали несколько часов. Над его головой — солдаты хотели, чтобы он взял на себя чужие преступления, — произвели холостой выстрел. Потом Моузли взялся за сына. Первым делом капитан заявил ему, что они убили старика, убьют и его, если он не признается в том, что стрелял в капитана Хатчинсона. Брат Песакуса сознался лишь в том, что он христианин. Тогда Моузли велел привести старика и, связав его вместе с сыном, продолжил допрос. Задержанные твердо стояли на своем; капитан Моузли приказал расстрелять обоих.

В вигваме стало необыкновенно тихо; в глубокой сосредоточенной тишине было слышно, как, разгораясь, потрескивает костер. Индейцы смотрели на Филипа выжидательно и спокойно. Молодой человек хорошо видел их темные лица, на которые падали красноватые отсветы пламени. Ему хотелось сказать соплеменникам Куиннапина, что не все колонисты похожи на капитана Моузли. Но когда эти слова уже готовы были слететь с его языка, он понял, что это ложь. Да, действительно, чтобы обратить индейцев в христианство и приблизить их к цивилизации, колонисты посылали к ним миссионеров. Но они никогда не относились к индейцам как к равным, как к братьям и сестрам во Христе. Большинство поселенцев считали, что краснокожие, так же, как и негры, годились лишь на роль слуг.

— Как удастся убедить кого-то из индейцев присоединиться к вам? Ведь, став христианами, они оказываются в изоляции от своего народа, — спросил Филип.

Вождь взглянул на него с удивлением.

— Станный вопрос для того, кто знаком с Библией. Наша вера не может быть показной — ведь мы чужие и для вас, и для своего народа. Мы считаем за честь страдать так же, как страдал наш Господь.

И Куиннапин торжественно процитировал Писание:

— «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? как написано: за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас» [\[14\]](#).

Слова Куиннапина согрели душу Филипа Моргана. Если бы Филип не боялся ненароком обидеть этого славного человека, он бы расплылся в радостной улыбке. Живая вера индейца произвела на него глубокое впечатление. Филип вырос среди бесконечных теологических споров и теоретических рассуждений о греховности человека и искуплении грехов человечества Христом. И вот он оказался лицом к лицу с теми, кто, приняв в сердце Иисуса, выбрал жизнь, полную страданий и гонений. Впервые в жизни Филип устыдился того, что он избрал научную стезю; вся его вера, которую он почерпнул из книг, была тусклой свечкой

по сравнению с бушующим пламенем веры этих людей.

Вечером наррагансеты спели гостю гимн. По своему обыкновению, они исполняли его без улыбки, зато искренне и задушевно; в глазах индейцев светилась надежда, о которой говорилось в песне:

На ветер странствий, что многих манит,
Я дом свой не променял,
И если печаль в моей песне звенит,
Спаситель утешит меня.
Аллилуйя, аллилуйя, осанна, осанна,
Аллилуйя, аллилуйя, осанна, осанна.

Несет мне голубь свыше привет,
Прильнет он к моей груди,
Любви моей к Богу небесный свет
От бед меня оградит.
Аллилуйя, аллилуйя, осанна, осанна,
Аллилуйя, аллилуйя, осанна, осанна.

У Божьего трона хрустальной струей
Ключ животворный бьет.
Спасителю душу свою открой,
Согрей и очисти ее.
Аллилуйя, аллилуйя, осанна, осанна,
Аллилуйя, аллилуйя, осанна, осанна.

Утром Куиннапин объяснил молодому человеку, как найти хассанемеситов. Долгих два дня Филипу предстоит идти вверх по течению реки Потакет. На третий день он увидит глухую, заросшую травой и мхом тропу — ее пересекает река. Если Филип будет продвигаться по этой тропе дальше на восток, то примерно через милю выйдет к деревне хассанемеситов. Куиннапин посоветовал не брать с собой лошадь — по таким дебрям невозможно проехать верхом. Он обещал заботиться о ней до тех пор, пока Филип не вернется.

Не без колебаний Филип пустился в путь пешком. Не то чтобы он не доверял Куиннапину, просто втайне лелеял надежду, что к деревне хассанемеситов проложена дорога и он обернется в два счета. Раз нет дороги, значит, не будет и таверн. Ему придется пробираться по лесу в полном одиночестве. Даже мысль об этом приводила Филипа в трепет, и когда он заговорил с вождем, его голос дрожал и срывался. Но разве мог он сказать людям, ежедневно страдающим за свою веру, что он готов прекратить поиски Библии из-за страха перед пешим переходом?

— Да хранит тебя Господь, — благословил его на прощание Куиннапин. — И пусть Он поможет тебе найти то, что ты ищешь.

Примерно через час пути Филип ощутил, что ходьба пошла ему на пользу. По мере того как он продвигался вперед, страхи отступили, и им овладело чувство спокойной уверенности

в себе. Ничто больше не тревожило молодого человека. Ему незачем было беспокоиться ни о воде — дорога шла вдоль реки, ни о еде — ею снабдили его индейцы с Великой Топи. На поясе у Филипа покачивался мешочек с сушеным мясом и жареным кушаньем, который наррагансеты называли «нокаке».

Позаботились индейцы и о его обуви. На ногах молодого человека красовались мокасины из оленьей кожи. Они идеально подходили для путешествия по сырому лесу — оленья кожа была отлично выдублена и смазана жиром. На Филипе были шерстяные брюки и носки и рубашка с открытым воротом. На случай непогоды у него имелись куртка и одеяло. Голову защищала шляпа с широкими полями.

Спустя два часа после начала путешествия Филип чувствовал себя полным сил и готовым к приключениям. Для того, кто с утра до ночи просиживал, склонившись над книгами, это было новое и приятное ощущение.

Первый день пути пролетел незаметно. Филип решил сделать привал уже под самый вечер, под закат. Он разложил костер — гораздо большего размера, чем было нужно для него одного, поел и устроился на ночлег. Звуки леса — шорохи, скрип деревьев, потрескивание костра, ворчание реки, пронзительные крики птиц, легкие шаги животных — тревожили его, мешали уснуть. Звуков было великое множество, но среди них не хватало самого желанного — звука человеческого голоса. В последний раз Филип слышал голос человека рано утром, покидая Великую Топь. До сих пор он не осознавал, как много значит для него общество других людей.

Молодой человек плотнее закутался в одеяло. Закрыв глаза, он воскресил в памяти свою невесту и стал бережно перебирать в уме связанные с ней воспоминания: вот они обсуждают свадебную церемонию, вот говорят о будущей семейной жизни, вот он шутливо подталкивает Пенелопу в бок и она залиvisto смеется. Но когда Филип, постепенно теряя власть над прошлым, стал погружаться в сон, он услышал медовый голос девушки-индианки, которая вновь и вновь повторяла его имя.

Второй день тоже прошел без происшествий — правда, несколько раз молодому человеку казалось, что за ним кто-то следит. Взгляд его уловил какое-то неясное движение, но когда Филип оборачивался — никого не видел. Так он и не понял: был ли это олень или у него просто разыгралось воображение?

А вот ночь выдалась долгой и мучительной. Не успел Филип смежить очи, как ему привиделся страшный сон. Ему снилось, будто он идет по лесу. Раздвигая ветки, он вглядывается в просветы между деревьями и вдруг уголком глаз замечает какое-то движение. Он оборачивается и видит, как, сокрушая все на своем пути, на него надвигается огромное торговое судно. Корабль мчится стремительно. Филип хочет бежать... но его ноги вязнут в песке. Еще мгновение — и он погибнет. В последнюю секунду крайним усилием воли он заставляет себя сделать рывок и, шатаясь, отбегает. Но недалеко. Он вновь пробует бежать и — увы! — не может. Тогда, готовясь умереть, Филип закрывает глаза, однако корабль внезапно останавливается, прижав его ноги к земле. Низко-низко, чуть ли не задевая Филипа крыльями, над ним кружатся чайки с человеческими головами и пронзительно хохочут.

И тут Филип слышит оклик. Он оборачивается — и видит отца. Нос корабля упирается Бенджамину Моргану прямо в грудь. Отец протягивает руки к Филипу, моля о помощи угасающим голосом. Филип напрягается изо всех сил, но не может сдвинуться с места. С палубы корабля, перегнувшись через поручень, на него смотрят двое: матрос и индеец. Он должен выбраться и помочь отцу, прежде чем они сойдут с корабля! Филип с лихорадочной

быстротой пытается откопать свои ноги. Между тем чайки начинают хором выкрикивать его имя. «Не обращай внимания, — уговаривает Филип сам себя, — копай, копай...» Но в следующий момент он уже видит матроса и индейца внизу. И больше не слышит криков отца. Бенджамин Морган лежит плашмя, безжизненно вытянувшись. Матрос и индеец проходят мимо мертвеца, даже не взглянув в его сторону. И приближаются к Филипу. Молодой человек в ужасе продолжает копать, но яма, словно заколдованная, вновь и вновь заполняется песком. И вот матрос и индеец стоят прямо над ним. Филип, примирившись с мыслью о смерти, вскидывает глаза и смотрит в лицо своим палачам. Чайки дико хохочут. Матрос поднимает ногу, обутую в тяжелый тупоносый башмак, и ставит ее на грудь Филипу. О, как трудно дышать! Хватая ртом воздух, Филип пытается сбросить ногу. Тщетно! Матрос склоняется над ним, продолжая все сильнее и сильнее давить ему на грудь.

Молодой человек пробудился в холодном липком поту. У него начался припадок удушья. Корчась на земле, он ловил ртом воздух и хрипел. Сознание гасло. На мгновение Филипу почудилось, что из-за куста показалось удивленное лицо индейца. Изнемогая от кашля, Филип закрыл глаза, а открыв их, никого не увидел.

Приступ длился около получаса. Когда он миновал, Филип Морган был мокрым как мышь. Его горло и легкие горели огнем. Он чувствовал себя беспомощным и одиноким.

— Да, у нас есть Библия, — сказал первый же индеец, которого он встретил в селении хассанемеситов.

Филип добрался до поселка на третий день путешествия. Молодого человека сразу же отвели в небольшое строение — оно служило домом молитвы. Там его представили невысокому индейцу средних лет с дружелюбными глазами, который говорил на ломаном английском. Филип рассказал о цели своего визита. Выслушав гостя, индеец пошел за Библией. После минутного отсутствия — все это время сердце Филипа учащенно билось — индеец вернулся с Библией, которую торжественно держал перед собой на открытых ладонях. Молодой человек положил мушкет и вещи на землю и не без робости прикоснулся к книге. Она была очень-очень старой. Какую-то долю секунды Филип внимательно разглядывал Библию: переплет, корешок, истрепанные края страниц. Затем с трепетом и надеждой открыл ее, перевернул страницу, другую, третью...

Лицо молодого человека вытянулось от разочарования. Титульный лист выглядел так:

ВУННЕТУПАНАТАМВЕ
УП-БИБАУМ ГОД
НУККОНЕ ТЕСТАМЕНТ
КАХ ВОНК
ВУСКУ ТЕСТАМЕНТ
Джон Элиот
Кембридж, 1663

Это была Библия на алгонкинском языке, переведенная и изданная Джоном Элиотом. Минуты две Филип мысленно пытался смириться с неудачей, а затем упавшим голосом объяснил индейцу, что он ищет другую Библию.

Индеец вопросительно взглянул на Филипа и, указав на него пальцем, спросил:
— Сын Элиота?

Филип покачал головой:

— Нет, сын Моргана.

— Ты помочь нам читать Библия? Учить нас?

— Я не знаю вашего языка, — ответил Филип. Внезапно ему вспомнились слова молодого наррагансета из резервации: «Здесь мало кто говорит по-латыни и по-гречески».

Лицо индейца приняло разочарованное выражение.

Жители поселка пригласили гостя разделить с ними трапезу, и Филип — в его мешочке с едой почти ничего не осталось — с радостью согласился. Хассанемеситы, так же, как и «молящиеся индейцы» с Великой Топи, были — несмотря на крайнюю бедность — сильны духом. Из разговора с хозяевами Филип понял, что в поселке много детей, причем за редким исключением все они неграмотны. Филип проникся глубоким сочувствием к этим людям. Что толку в Библии — пусть даже она написана на твоём родном языке, — если ты не можешь ее прочесть? Вечером того же дня, воспользовавшись помощью переводчика, он рассказал жителям поселка три притчи: о заблудшей овце, потерянной драхме и блудном сыне. Хассанемеситы оказались очень благодарными слушателями. Даже в Гарварде Филипу не доводилось встречать людей, внимавших столь жадно каждому его слову.

Не успел молодой человек завершить свой рассказ, как к нему подошла маленькая седовласая женщина и взяла его за руку двумя крохотными, похожими на сушеный чернослив, ручками. При помощи своей спутницы — скорее всего, дочери — она долго благодарила Филипа за то, что он познакомил их с этими притчами. Напоследок она сказала, что видела большую Библию на английском языке у «молящихся индейцев», живущих неподалеку, прямо за рекой, восточнее поселка хассанемеситов. Филип вежливо поблагодарил ее, однако решил про себя, что с него хватит приключений. Неудача подорвала его боевой дух. Он намеревался добраться до Великой Топи, взять свою лошадь и вернуться домой.

Приближение ночи тревожило молодого человека. Он лежал в темноте, боясь закрыть глаза, — ведь его вновь мог посетить вчерашний кошмар. Неожиданно ему вспомнились слова старой женщины. Она сказала, что видела Библию на английском языке. Недалеко отсюда. А что, если это Библия Морганов? Надо бы проверить. Раз уж он все равно здесь. Вот только что такое «недалеко» для старой индианки? Нужно уточнить. Если до поселка можно добраться за день, он попробует это сделать.

Утром выяснилось, что «недалеко» означает полдня пути. На сей раз Филипу предстояло идти лесной тропой. Она должна была вывести его к реке, на противоположном берегу которой и жили «молящиеся индейцы».

Филип полагал, что найти селение не составит труда. Однако через час тропинка превратилась в кроличью тропу, а потом и вовсе исчезла. Молодой человек продолжал продвигаться вперед, надеясь, что в конце концов снова выйдет на тропу. Он карабкался на валуны, продираясь сквозь густой разросшийся кустарник, перебрался через маленький, заваленный буреломом ручей, ничем не напоминавший ту реку, о которой говорили индейцы. Но тропу так и не обнаружил.

Весь день он бесцельно брел по лесу. К вечеру, когда солнце начало неумолимо клониться к закату, он вышел к большому полю; в самом его центре стояло одинокое дерево с редкой листвой и толстыми ветвями, на которых покачивалось что-то, похожее на веревки. Измотанный долгим переходом, Филип решил отдохнуть под этим деревом, а заодно и посмотреть, что там, собственно говоря, висит.

Как только он подошел ближе, у него засосало под ложечкой. На дереве действительно болтались веревки. Такие толстые и прочные веревки поселенцы использовали, когда казнили преступников. Это было Дерево смерти. Филип слышал о нем. Здесь, на этом самом месте, повесили тридцать индейцев; их тела, почерневшие и обезображенные, не снимали несколько дней — для устрашения тех, кто собирается выступить против колонистов. После того как повешенных сняли, никто и не подумал отвязать веревки.

Филип почувствовал, что у него подкашиваются ноги. Отдыхать под Деревом смерти он бы не стал ни при каких обстоятельствах. Оглядываясь по сторонам в поисках подходящего места для привала, он их и увидел. Они вышли из леса. Втроем.

— Аваунагусс! — закричал один из индейцев, указывая на него.

Филип застыл на месте словно изваяние. Бежать было бесполезно. Он не столь проворен, к тому же им ничего не стоило подстрелить его. Стараясь не терять самообладания, он настороженно следил за приближающимися индейцами. Двое из них были молоды, а третий — постарше: скорее всего, ему уже шел пятый десяток. Молодые индейцы имели при себе ножи и луки. Их товарищ держал в руках мушкет. Один из индейцев, молодой человек хмурого вида, остановился в отдалении, а его спутники вплотную подошли к Филипу.

— Аваун кин? — громко спросил старший. Рядом с ним плечом к плечу стоял индеец с пером в волосах.

Филип смущенно пожал плечами.

— Я не знаю вашего языка, — сказал он. — Вы говорите по-английски?

— Туковекин? — крикнул индеец с пером, словно это могло помочь Филипу разобраться в сказанном.

— К сожалению, я вас не понимаю, — самым благожелательным тоном произнес Филип. — Я ищу поселок «молящихся индейцев». Вы не знаете, где он находится?

Индеец с мушкетом покачал головой и усмехнулся.

— Мат науавтау хеттемина!

Филип снова пожал плечами. Молодой индеец, наблюдавший за разговором со стороны, стоял, сложив на груди руки. Он не сводил с непрошеного гостя ненавидящих глаз.

— Куттокаш! — закричал индеец с пером и ударил Филипа по плечу.

Филип пошатнулся, но устоял на ногах.

— Я не желаю вам зла, — медленно выговорил он. — Позвольте мне продолжить мой путь.

Индеец с пером рывком сорвал с головы Филипа шляпу и с простодушным изумлением осмотрел ее. Затем нахлобучил шляпу на себя, предварительно вытащив из волос перо. Краснокожие засмеялись, даже хмурый индеец чуть улыбнулся бледной улыбкой.

Филип не предпринимал никаких попыток вернуть себе шляпу. «Пусть берет. Не погибать же из-за нее», — решил он.

Между тем индейцу в шляпе пришла в голову новая мысль. Он взял свое перо и воткнул его Филипу в волосы. Это вызвало очередной взрыв смеха. Филип не шелохнулся. Его щеки пылали от гнева.

И тут индеец в шляпе внезапно рассвирепел: ему, по-видимому, не понравилось, что Филип не принимает участия в общем веселье. Ткнув молодого человека кулаком в плечо, он крикнул:

— Мекаунтитеа!

Как ни унизительно чувствовал себя Филипп, когда индейцы потешались над ним, он предпочел бы смех, а не злость.

— Коуезасс?

Филипп получил еще один удар кулаком. Тогда он поднял обе руки с открытыми ладонями и шагнул навстречу своему обидчику. В тот же момент хмурый индеец сказал:

— Нисс-Ниссоке! — Он произнес эти слова низким, гортанным голосом, полным холодной ярости. Индеец в шляпе вопросительно взглянул на своего старшего товарища. Тоскливо озираясь по сторонам, Филипп подумал, что дерево, когда-то увешанное телами краснокожих, вот-вот станет немым свидетелем гибели английского колониста.

— Конкеетитч ево, — ровным голосом произнес самый старший из индейцев и, повернувшись к Филиппу спиной, добавил: — Никаттамутта!

— Нисс-Ниссоке! — гневно вскричал хмурый индеец.

— Никаттамутта! — отчеканил старший.

И с этими словами он зашагал прочь; его товарищи, окинув Филиппа злым взглядом, последовали за ним. Филипп молча смотрел, как они уходят. Отойдя на некоторое расстояние, индеец, который забрал шляпу, снял ее и швырнул как можно дальше.

Филипп не сходил с места в продолжение получаса: он боялся, что индейцы затаились в лесу и, как только он шевельнется, выстрелят. Наконец, дрожа всем телом и беспрестанно оглядываясь, он на ватных ногах кое-как доковылял до шляпы. Вытащив из волос перо, молодой человек положил его на землю. До самых сумерек он брел в направлении, противоположном тому, откуда появилась эта троица.

Поздно ночью, в лесу, Филипп вновь увидел тот страшный и вязкий сон. Ломая деревья и сметая все на своем пути, прямо на него надвигалось судно. Нос корабля безжалостно вдавливал в землю отца, который умолял о помощи. Над головой Филиппа с визгливым смехом кругами летали чайки. Миг — и рядом с ним появились матрос и индеец. Правда, на этот раз никто не ставил ему ногу на грудь. Матрос, пытаясь перевернуть Филиппа — сначала осторожно, а потом более энергично, — толкал его ногой в бок.

От толчка Филипп и пробудился. Он поднял голову и сразу весь обмяк. Над ним стоял медведь. Уткнув нос Филиппу в бок, он старательно пихал молодого человека, пытаясь его перевернуть. Филипп вскочил, как подброшенный, и в ужасе отпрянул в сторону; однако медведя, судя по всему, интересовали только еда и одеяло.

Несколько минут Филипп лихорадочно соображал, что же делать. Мушкет валялся на земле, наполовину прикрытый одеялом, — он спал, держа оружие под рукой. Ну что ж, возможно, он сумеет незаметно подкрасться к нему.

Тем временем медведь, шумно сопя, копался в его вещах. Наткнувшись на мешочек с «нокаке», он уселся на задние лапы и стал есть. Из пасти показался длинный розовый язык.

Филипп осторожно подбирался к мушкету, надеясь, что ему удастся не потревожить зверя. Медведь, однако, был слишком увлечен едой и не обратил внимания на то, что Филипп взял оружие. Сидя на корточках, молодой человек вскинул мушкет.

Филипп прекрасно понимал, что, если он не убьет медведя с первого выстрела, может погибнуть. Это его совершенно не прельщало. Раз уж медведь потерял к нему всяческий интерес, лучше его не трогать. Пусть себе ест, а он пока соберет вещи и незаметно уйдет.

Продолжая держать животное на мушке, Филипп подобрал шляпу и водрузил ее на голову. Медведь оставался спокоен. Филипп подтянул к себе одеяло и кое-как скатал его

свободной рукой. Медведь и, ухом не повел. Теперь молодому человеку надо было взять мешок с вещами, который лежал под деревом. Не спуская глаз с медведя, Филип на корточках стал медленно двигаться к цели. До дерева оставалось несколько дюймов... Наконец Филип схватил мешок и прижал его к себе.

Оглушительный рев медведя эхом отозвался в лесу. Филип в ужасе увидел, что медведь поднялся на задние лапы и, раскачиваясь, идет к нему. Молодой человек инстинктивно отпрянул назад и, зацепившись ногой за корень дерева, упал на спину. Мушкет, ударившись прикладом о землю, разрядился. Бах! Густой белый дым лениво поднимался вверх. Звук выстрела на мгновение испугал медведя. Но он быстро пришел в себя и впал в дикую ярость. Оскалив зубы, он с ужасным рычанием бросился на Филипа.

«Беги! Ну беги же!» — мелькнуло в голове Филипа. Он пятился на четвереньках задом, точно краб. Около дерева он сумел подняться на ноги. Но медведь оказался проворнее.

Отвесив молодому человеку страшную оплеуху, он сбил Филипа с ног. Мир опрокинулся. Падая, Филип ударился о землю спиной. «Вставай! Вставай, или ты погибнешь!» — но он не мог подняться. Мир кружился все быстрее и быстрее. Филипу казалось, что у него оторвали полголовы. По лицу текло что-то липкое. В глазах потемнело.

Теряя сознание, он увидел, как медведь поднял свою когтистую лапу, собираясь нанести еще один удар. Внезапно зверь дернулся, взревел, дернулся еще раз и еще раз. Потом все утонуло во тьме.

Вздыхнув, Филип открыл глаза и тотчас же почувствовал, как кто-то приподнял и повернул его голову. Боль стала такой сильной, что он почти ничего не видел. «Должно быть, медведь забавляется, — решил он. — Играет, как с мячом». Странно. На лапах медведя не было шерсти. Не успев додумать свою мысль до конца, Филип снова потерял сознание.

Услышав окрик Первое, что он услышал, когда пришел в себя, был шорох листьев. Медведь! Филип попытался встать, но лишь беспомощно захватил рукой полную горсть земли. Свет... он ослепил его... исчез — и вновь, мелькая, точно сигнальный огонь, ударил прямо в лицо. Превозмогая боль, Филип приоткрыл глаза и увидел верхушки деревьев. Новая вспышка света заставила его зажмуриться. Когда он решился еще раз открыть глаза, то вдруг понял, что это лучи солнца. Не поднимая головы и не двигаясь, Филип напряженно вслушивался, не ходит ли рядом медведь, но вокруг только тихо шелестели листья да скрипели на ветру деревья.

Перевернувшись на бок, он приподнялся на локте и огляделся. Медведя не было. Филип сел, обхватив колени руками. Голова пульсировала от боли и кружилась, в глазах плавали мушки. Молодой человек осторожно коснулся левого виска. Боль усилилась. Филип с удивлением обнаружил, что большой лоскут кожи легко отделяется от головы. Он сморщился и судорожно отдернул руку.

Минуты через две Филип, покачиваясь, встал на ноги и поискал глазами свои вещи. Его взгляд остановился на валявшейся неподалеку шляпе. Она была грязна и изодрана. Молодой человек подобрал ее и повертел в руках. Возможно, именно она спасла ему жизнь, однако теперь ни на что не годилась. Мушкет, узел с вещами и одеяло лежали неподалеку.

Прежде чем отправиться в путь, Филип решил обдумать свое положение. Он жив, хотя и изрядно помят медведем. У него не было еды. Он заблудился в лесу — солнце стояло в зените, и ему никак не удавалось сориентироваться. Поразмыслив, Филип решил продолжать двигаться в прежнем направлении. Насколько он понимал, до сих пор он шел на

восток.

Часа два Филип брел лесом. Время от времени боль в голове становилась такой сильной, что ему приходилось останавливаться и отдыхать. Внезапно откуда-то справа — из-за деревьев — до него донесся шум. Ему показалось, что он слышит конский топот, скрип колес, чей-то разговор, восклицания. Старательно напрягая слух, он на подгибающихся ногах поспешил на звук людских голосов. Вскоре лес поредел, и Филип вышел на открытое место. Невдалеке виднелась дорога, по которой, поднимая пыль, ехала повозка.

Филип попытался крикнуть. Но его голос был слишком слаб и не долетел до возницы. Застыв на месте, молодой человек смотрел вслед удаляющейся повозке. Мало-помалу у него возникло странное ощущение, будто он уже видел эту дорогу, поле и лес. И тут его словно обожгло. Он вспомнил. Эта дорога вела в Роксбери. Здесь погиб отец. А он, Филип, вышел из леса как раз там, где появились убийцы — матрос и индеец.

Молодого человека прошиб холодный пот. Трясаясь, как в ознобе, он лихорадочно обшаривал глазами лес. Понимая всю нелепость своего поведения, Филип тем не менее хотел убедиться, что поблизости нет матроса и индейца. Наконец, немного оправившись от потрясения, он пошел к дороге. Молодой человек шагал все быстрее и быстрее. Необходимо выбраться отсюда. До дома недалеко. Кто-нибудь обязательно поможет ему. С ним ничего не случится.

— Англичанин!

Услышав окрик, Филип живо повернулся, ожидая увидеть убийц отца. Перед ним стоял молодой наррагансет из резервации.

— Иди домой, англичанин! Иди домой, там тебя никто не тронет!

Возможно, все дело было в его физическом состоянии, но Филип вообще перестал что-либо понимать.

— Как ты здесь очутился? — растерянно воскликнул он. И тут же добавил, быстро сообразив, в чем дело: — Ты следишь за мной, верно?

— Ты нашел то, что искал, — пропустив мимо ушей его вопрос, сказал индеец. — Иди домой.

— Но я не нашел Библию! — протестующе крикнул Филип.

— Она тебе ни к чему. То, что ты ищешь, там! — И наррагансет указал в сторону Кембриджа. — Там — общество, слава, почет, безопасность. Вот что ты ищешь.

Кровь бросилась Филипу в лицо. За последнюю неделю он пережил слишком много и не позволит этому невежественному индейцу насмеяться над ним. Он швырнул вещи на землю и, стиснув зубы и сжав кулаки, шагнул к своему обидчику.

— Я и без тебя знаю, что мне нужно от жизни! Почему ты следишь за мной?

Индеец и бровью не повел.

— Нанауветаа попросил меня присмотреть за тобой. Он не хотел, чтобы ты пострадал.

Филип вспомнил: во время своего путешествия он иногда ощущал чье-то присутствие, замечал какое-то неуловимое движение. И еще: в ту страшную ночь, когда у него начался припадок удушья, он видел, как из-за кустов показалось лицо индейца.

— Так почему ты не помог мне, когда на меня напал медведь?

— Чуть не напал.

— Почему ты не помог мне? — возвысил голос Филип.

— Я помог.

И тут Филип наконец все понял. Медведь!.. Медведь собирался нанести ему смертельный удар. Однако зверю что-то помешало! Ну да, он дернулся, взревел и снова дернулся!

— Ты убил медведя! — сказал он.

Индеец кивнул.

Филип разжал кулаки.

— Ты спас мне жизнь. Спасибо.

Индеец стоял, не шевелясь.

Филип посмотрел на дорогу, туда, где находился его дом, а затем вновь взглянул на индейца и с сомнением спросил:

— И все же я не понимаю, почему Нанаувета попросил тебя оберегать меня. Не все ли ему равно, что со мной станется?

— Не все равно.

— Но почему?

— Все кончено, англичанин. Ступай домой.

— Нет, не кончено, — сказал Филип. — Видишь эту дорогу? Здесь убили моего отца. Последнее, о чем он меня попросил, — это найти Библию, которая принадлежит нашей семье. И я выполню его просьбу.

Индеец испытующе взглянул на Филипа, словно взвешивая сказанное им и определяя, сколько в словах молодого человека чистого золота, а сколько — примеси.

— А что, если это обойдется тебе слишком дорого?

Филип разозлился.

— Слишком дорого? — крикнул он, сверкнув глазами. — Мой отец погиб! Я пробирался через лес, не зная, смогу ли остаться в живых, я шел из поселения в поселение, то и дело попадая не туда; на меня чуть не напали индейцы, меня едва не разорвал медведь! Что еще я могу сделать?

— Вернуться со мной в резервацию.

— Чего ради мне туда возвращаться?

— Там твоя Библия.

От удивления Филип лишился дара речи. Прежде чем он обрел его вновь, прошло несколько секунд.

— Она была там все это время?

Индеец кивнул.

— Значит, я по прихоти Нанаувета гонялся за химерами?

Индеец кивнул.

— Зачем?

— Это ты должен спросить у него.

Филип весь кипел. Он молча повернул к лесу и зашагал на юг.

— Пожалуй, тебе стоит взять мушкет! — сказал индеец.

До резервации они добрались за три дня. По дороге Филип узнал, что его спасителя зовут Джон Вампас. К Богу его привел Нанаувета. Девушку-индианку звали Мэри Витамоо. Индейские имена были им даны родителями, а английские имена они получили при крещении.

Едва молодые люди очутились на дороге Скулхауз-Понд, Филип бросил своего спутника

и устремился к вигваму, стоящему на краю кукурузного поля. Не дожидаясь приглашения, он нырнул в вигвам и предстал перед Нанауветае. Мэри Витамоо сидела рядом со стариком. Они ели сушеное мясо.

— Как поживаешь, нетоп? — приветливо спросил старый индеец.

— Ты ранен! — воскликнула Мэри Витамоо, увидев засохшую кровь на виске Филипа.

— Оставим любезности и мои раны, — закричал Филип. — Спроси его, зачем он послал меня скитаться по лесам в поисках Библии, которая находится здесь?!

— Ты можешь сам спросить меня об этом, — невозмутимо произнес Нанауветае по-английски.

— Ага! — злорадно крикнул Филип. — Так ваше незнание английского — очередная уловка! Отлично, я спрошу вас сам... Зачем?

— Это было испытание.

— Испытание. Прекрасно! Но кто вам дал право испытывать меня?! — все более и более горячась, закричал Филип.

— Библия у меня. — Старый индеец был спокоен и серьезен.

— Библия, которая принадлежит *моей* семье?

— И моей.

Филип опешил. Он не знал, что и подумать.

— Каким образом Библия Морганов может принадлежать вашей семье?

— Я тоже Морган, — сказал старик. — Кристофер Морган.

Констанция Морган была вынуждена смириться с мыслью о том, что Филип погиб.

Волноваться за своего первенца она начала в июле. В августе, когда в университете возобновились занятия, а Филип так и не появился, она встревожилась не на шутку. В октябре она потеряла последнюю надежду.

На поиски брата хотел отправиться Джаред, но Констанция воспротивилась этому. Хотя Джаред уже отпраздновал свой восемнадцатый день рождения и выглядел совсем взрослым, для нее он по-прежнему оставался маленьким. К тому же теперь он был единственным мужчиной в доме.

Судьба обошлась с Константицей жестоко. За три злополучных летних месяца она лишилась мужа и старшего сына. Она не хотела потерять еще и Джареда. Однако в ответ на все ее уговоры и запреты он упрямо твердил, что сбежит из дома и найдет брата. В эту тяжелую минуту на помощь Констанции пришел Дэниэл Коул.

Он предложил послать в резервацию своих людей. Констанция была благодарна ему за поддержку, да и Джаред — хотя он не смог добиться у матери и ее друга разрешения поехать к индейцам — немного уgomонился. Две недели спустя мистер Коул прибыл в дом Морганов с тревожными новостями. Его люди только что вернулись из резервации. Там никто не видел сына Констанции и не слышал о нем. Коул сделал единственно возможный вывод: Филип туда так и не добрался.

К концу ноября, спустя полгода после того, как Филип покинул дом, Констанция смирилась с мыслью, что его нет в живых.

Ректор, преподаватели и несколько студентов университета пришли к ней с визитом, чтобы выразить свои соболезнования. Пенелопа лежала на диване в гостиной Морганов и сотрясалась от рыданий.

Поздно вечером в последний день года Констанция Морган сидела у себя в спальне перед пылающим камином. Хотя она плотно закуталась в теплую шерстяную шаль, а в камине потрескивали поленья, женщина не могла не содрогаться, думая о холодной руке смерти, которая в этом году прикоснулась к ней дважды. Констанция отхлебнула горячего чая и разрыдалась. Она оплакивала не только мужа и сына. Ее душу терзало одиночество. 31 декабря Констанция прокляла 1727 год, который принес ей столько горя.

В первый день нового 1728 года Присцилла сказала сама себе, что время ожиданий истекло. Она и так терпела слишком долго. Хватит.

Присцилла собиралась с духом целую вечность. Окончательно к принятию этого решения ее подтолкнуло утреннее чтение Библии. Дело в том, что в отсутствие Филипа кабинет Бенджамина Моргана не пустовал. Здесь занималась Присцилла. Она взялась за перевод Ветхого Завета и уже переложила на английский язык четвертую и пятую главы Книги судей, где рассказывалось о Деворе [\[15\]](#).

Это оказалось нелегкой работой, ведь Присцилла еще не очень уверенно владела древнееврейским. Девушка тщательно разбирала каждое слово, то и дело обращаясь к словарю. Слово за словом, фраза за фразой — и строки, доселе чужие и непонятные, постепенно начали обретать смысл и глубину, которых не было в английском переводе. В редком стихе Присцилла не обнаруживала драгоценных россыпей истины, скрытой от нее

прежде. В это утро ее занятия были особенно плодотворными. Седьмой стих пятой главы показался ей пророческим. Слева на листе бумаги она написала свой перевод:

«Заброшены были селения Израиля, брошены были они, пока не поднялась я, Девора».

Потом она пронумеровала ключевые слова и принялась писать:

«1. Брошены — образовано от корня, означающего «слабеть, терять силу, вымирать»

2. Селение — деревня; находится на открытом месте, в противоположность городу, который огорожен укрепленной стеной.

3. Поднялась — форма глагола «встать, подняться, взволноваться, усилиться».

Насколько я поняла этот стих, он описывает хаос, который царит в стране. Израиль слабеет и приходит в упадок, ему грозит гибель. Не поднимись ради его спасения Девора, ее народ мог бы погибнуть. Наша семья оказалась в таком же положении. После того как умер отец и исчез Филип, мы в полном смятении. Мама, да благословит ее Господь, не в состоянии управлять нашими делами. Ну а Джаред не проявляет к ним никакого интереса. Если что-то немедленно не предпринять, мы обанкротимся. Пришло время мне, Присцилле, подняться и заняться имущественными делами семьи. Пусть Господь дарует мне мудрость и силу».

Перечитав написанное, Присцилла спрятала в секретер свои записи, тетради и словари, достала счетные книги и водрузила на стол деревянный ящик, в котором отец хранил ценные бумаги, счета и расписки. Девушка твердо решила привести все в порядок. Когда Констанция увидела, чем занимается ее дочь, она начала было возражать, но потом благоразумно покинула кабинет, тихонько прикрыв дверь. К вечеру Присцилла имела четкое представление об истинном положении дел — плачевном! — и наметила план неотложных действий.

Прежде всего она оплатила просроченные счета, договорилась о необходимых кредитах и отсрочках ряда платежей. Она нашла и наняла слуг — девушку-индианку для работы по дому и чернокожего мужчину для работы во дворе. Когда финансовое положение семьи несколько упрочилось, в их доме появился еще один чернокожий слуга — Джозеф. Кроме того, Присцилла подрядила плотников сделать текущий ремонт дома. На первых порах самой большой проблемой, с которой она столкнулась, была нехватка наличных денег и отсутствие стабильного дохода. Присцилла могла решить эту проблему двумя способами, однако ни один из них ее не устраивал.

Можно было, к примеру, продать Дэниэлу Коулу акции, которые он давно мечтал заполучить. Однако Присцилла не хотела выпускать их из рук. Акции эти приносили не очень большую, но постоянную прибыль. По мнению Присциллы, продать их было все равно что продать яблоню. Выручишь за дерево деньги, пусть и неплохие, но лишишься ежегодного урожая яблок. Обдумав предложение мистера Коула со всех сторон, она решила, что расстанется с акциями только в крайнем случае.

А еще Присцилла могла стать женой Нейтана Стернза. Этот невысокий, невзрачный, сладкоречивый субъект обладал двумя несомненными достоинствами: он был богат и он любил Присциллу. Двадцатипятилетний Нейтан, унаследовавший от отца огромную судостроительную империю, просто бредил женитьбой. После смерти родителей он жил с тетюшкой и дядюшкой в северной части Бостона, около площади Кларка. По условиям завещания они должны были оставаться его опекунами до тех пор, пока он не женится. Тетя и дядя помыкали Нейтаном, как хотели, и ему не терпелось выставить их из своего дома. Для Нейтана Стернза брак означал свободу.

Как правило, богатый жених с легкостью находил себе невесту. Но случай Нейтана был особым. Если потенциальную жену не удавалось отпугнуть дядюшке и тетушке, то это делал сам Нейтан — он страдал болезненной застенчивостью и совсем не умел держаться в обществе. И это еще не все. Стеснительность Нейтана Стернза действовала, как губка, которая впитывает любое веселье. В присутствии этого робкого и застенчивого человека люди ощущали какую-то странную скованность, а его разговоры рождали в них чувство неловкости; мужчины смотрели на него с затаенным смехом, а женщины — с жалостью. Словом, несмотря на богатство, Нейтана Стернза нельзя было назвать завидным женихом.

Нейтан полагал, что брак с Присциллой решит все его проблемы. Характера у этой девушки хватит на двоих. Она не даст спуску его родственникам. Что до дружеского общения, то она была такой яркой личностью, что в ее присутствии на него никто не обратит внимания — а это Нейтана очень устраивало.

В один прекрасный день Нейтан Стернз набрался смелости и испросил у Констанции позволения нанести визит Присцилле. После этого он стал ходить к Морганам. Его посещения были мучительны для всех. Он появлялся в назначенное время, минута в минуту, обязательно с подарком. Конфузясь, вручал Присцилле свои дары: засахаренный миндаль, сборник проповедей или литургических песнопений, и направлялся в гостиную. Несколько часов Нейтан Стернз и скужающая, еле сдерживающая зевоту Присцилла проводили в молчании, сидя в противоположных углах комнаты. Констанция неизменно предлагала им какое-нибудь угощение. Присцилла, смеясь, говорила, что, отказываясь от угощения, Нейтан произносит больше слов, чем за целый вечер: «Нет, спасибо. Спасибо, нет... Благодарю вас».

Девушка всячески давала понять Нейтану, что он ее не интересуется. Она садилась так, чтобы между ними обязательно находился стол, стул или любой другой предмет мебели. Она намеренно не следила за огнем в камине, надеясь, что надоедливый визитер удалится, как только пламя погаснет. Но Нейтан, по-видимому, не понимал ее намеков: когда дрова прогорали дотла, молодые люди продолжали сидеть в темноте. Присцилла никогда не подавала ему пальто — это был, пожалуй, самый сильный удар. Она ни разу не попросила слугу взять фонарь и проводить гостя до экипажа, и Нейтану ничего другого не оставалось, как брести к своей карете в крошечной тьме. Однако, несмотря на то что Присцилла, не жалея сил, изобретала все новые и новые способы продемонстрировать Нейтану свое безразличие, у нее не поворачивался язык сказать, чтобы он больше не приходил. К тому же девушка — хотя она внутренне и корила себя за это — осознавала, что ее чрезвычайно привлекают его деньги.

Однажды вечером мать и дочь сидели в кабинете. Констанция вышивала, а Присцилла что-то писала в счетных книгах.

— Что ты будешь делать, когда он попросит твоей руки? — не отрывая глаз от своей работы, спросила Констанция.

— Не думаю, что он решится на это.

— Решится.

— С чего ты взяла?

Рука Констанции, держащая иглу, застыла в воздухе.

— Для этого и ухаживают за девушками.

Присцилла хмыкнула.

— Оказывается, он ухаживает за мной!

— Присцилла! — Констанция с трудом удержалась от улыбки. — Нельзя быть такой злой.

Девушка отложила перо и повернулась к матери.

— Я думаю, — сказала она, зевнув, — любовь — это болезнь, которая мне не грозит.

— Ах, Присцилла, придет и твое время. Если бы ты знала, какая же это прекрасная болезнь! Я не променяла бы ее ни на что на свете.

Глаза Констанции подернулись влагой.

— Мамочка, я тоже скучаю по папе, но он был неповторим. Никто не может с ним сравниться.

— Все мужчины разные, в каждом есть что-то свое. Знаешь, Присцилла я хочу с тобой кое-что обсудить, — Констанция опустила вышивание на колени. — Как ты отнесешься к тому, что я снова выйду замуж?

Лицо Присциллы исказилось от ужаса. Насколько ей было известно, после похорон мать общалась только с одним мужчиной.

— Мамочка! Ты ведь не собираешься замуж за мистера Коула?

В ответ Констанция улыбнулась.

— Мама! Только не это!

Констанция Морган предостерегающе взглянула на дочь.

— Я не спрашиваю твоего разрешения! — одернула она Присциллу.

— Ты бы его не получила!

— Присцилла Морган! Как ты разговариваешь с матерью? — Констанция нахмурила брови, и у нее на лбу залегла глубокая складка, по которой дети всегда определяли, что она сердится.

— Мама, умоляю, не выходи замуж за мистера Коула! — воскликнула Присцилла. — Думаешь, папа одобрил бы этот брак?

Констанция сделала пару стежков, но из-за слез, навернувшихся ей на глаза, она была вынуждена отложить пяльцы в сторону.

— Я одинока, Присцилла, — сказала она. — Страшно одинока. Дэниэл многие годы был мне другом. Он не твой папа, я это понимаю. Но я не могу так жить. По утрам я просыпаюсь с таким чувством, словно какая-то часть меня перестала существовать. Все равно что проснуться и обнаружить, что ты ослеп или лишился рук или ног. Только это ощущение гораздо острее. Присцилла, у меня будто умерла часть души. Я не могу привыкнуть к этому. Я пыталась, доченька. Я просила Господа исцелить меня от этой боли. Но она не исчезла! — Констанция перестала сдерживаться и расплакалась. Присцилла бросилась к ногам матери и положила голову ей на колени.

— Но ведь я с тобой, мамочка, — сказала она.

— Знаю, милая, — ответила Констанция, погладив дочь по голове. — Ты всегда была нашей опорой. Я так благодарна тебе за это.

Некоторое время они сидели молча: Присцилла — прижав руку матери к своей щеке, а Констанция — глядя дочь по голове.

— Ты сравнила любовь с болезнью, — заговорила наконец Констанция. Голос ее звучал грустно. — И я, в отличие от тебя, подвержена ей. Она у меня в крови. Без нее я не мыслю своей жизни.

Не желая причинять матери боль, Присцилла промолчала. Однако мысленно она решила, что еще выскажется против Дэниэла Коула.

В первые месяцы наступившего года Присцилла с удвоенной энергией взялась за дела. Хотя Констанции не нравилось, что дочь занимается тем, что подобает делать мужчине, в глубине души она гордилась успехами Присциллы и ее умением своевременно решать все проблемы. Отремонтированный дом содержался в образцовом порядке. Со слугами Присцилла обращалась строго, но справедливо. На пороге больше не возникали сконфуженные кредиторы, вынужденные напоминать вдове, которая к тому же потеряла сына, о долгах. Констанция никогда не видела Присциллу такой счастливой. Девушка расцветала с каждой новой победой.

Присцилла Морган вошла в «Таверну доброй женщины», надеясь застать там кузнеца Джейка Сатклиффа. Она вынуждена была отправиться в Бостон после того, как ей не удалось уладить дела с Сатклиффом путем переписки (ничего не смог добиться и ее слуга Джозеф). Мудро рассудив, что нет худа без добра, она предложила матери, которой, по мнению Присциллы, не мешало развеяться, поехать вместе с ней. Девушка искренне обрадовалась, когда Констанция ответила согласием. Однако затем, к ее досаде, мать сказала, что хочет навестить Дэниэла Коула.

Экипаж Морганов въехал в город с севера. Ссадив мать на Бикэн-стрит, у дверей трехэтажного дома мистера Коула, Присцилла, недовольная и сердитая, поспешила на Корнхилл-стрит, в кузницу.

Раздражение девушки росло по мере того, как карета приближалась к Бостону. Ее злило, что из-за какого-то кузнеца — то ли неумехи, то ли пройдохи — она вынуждена тратить свое драгоценное время. Но еще больше ее возмущало легкомысленное поведение матери. В течение всего пути та хихикала по любому поводу, проявляя преувеличенное внимание к своей внешности, а когда колеса экипажа загрохотали по улицам Бостона и путешественницы вот-вот должны были подъехать к дому мистера Коула, она вдруг глубоко и часто задыхалась и прижала руку к груди. Потрясенная этой сценой, Присцилла разгневалась не на шутку — подобного поведения она не прощала даже сверстницам.

Ее настроение испортилось еще больше, когда в кузнице она обнаружила только худенького и востроносого подмастерья. Переступая с ноги на ногу, паренек клятвенно заверил девушку, что хозяин отлучился на минутку. Присцилла ждала Сатклиффа в течение часа. Все это время она, не скрывая иронии, наблюдала за тем, как подмастерье пытается перехитрить кобылу и снять с ее копыта подкову. По уму и изобретательности кобыла явно могла дать пареньку фору. Наконец Присцилла поняла, что Сатклифф может здесь и не появиться. Тогда она набросилась на юнца, как орел на ягненка, и вытянула из него правду. Джейк Санклифф отправился в одну из таверн на Кинг-стрит — в какую именно, подмастерье не знал. Прежде чем переступить порог «Таверны доброй женщины», Присцилла побывала в «Короне и Розе» и в «Королевской Бирже».

Когда экипаж Присциллы подъезжал к таверне, около ее дверей — рядом с ними стоял манекен женщины с оторванной головой — как раз остановилась почтовая карета. Кучер почтовой кареты слез с козел и вошел в таверну, девушка последовала за ним. Хозяин таверны и Кэмп (так звали кучера) обменялись обычными мужскими шуточками, после чего кучер положил на стойку пачку писем. Хозяин таверны разрезал бечевку и начал просматривать почту. В эту минуту он заметил Присциллу.

— Что вам угодно, мисс...

— Морган, — с достоинством произнесла Присцилла и сухо добавила: — Я тороплюсь. Вечером мне необходимо быть дома, в Кембридже. Мне нужна ваша помощь.

— Мисс, — сказал Кэмп, прикоснувшись к своей широкополой шляпе, — вы оказались здесь как раз вовремя, — и, повернувшись к хозяину, он шутливо прибавил: — Ну что ж, Гиббс, на следующей неделе я заеду за элем, который ты мне задолжал.

Присцилла озадаченно взглянула на Кэмпа, не понимая, что он имеет в виду.

— Морган? — повторил хозяин с улыбкой. Вынув из пачки два письма, он положил их на стойку перед Присциллой. — Чем могу помочь, мисс Морган?

Это был молодой мужчина, высокий и улыбчивый, с темно-русыми, слегка рыжеватыми волнистыми волосами. Он производил впечатление приветливого, уверенного в себе человека, что было совсем не лишним для хозяина таверны.

— Я ищу мистера Сатклиффа, кузнеца, — ответила Присцилла. — Не у вас ли он?

Хозяин таверны пригнулся к стойке и понизил голос.

— Важное дело? — полюбопытствовал он.

— Полагаю, вас это не касается, сэр!

— Гиббс. Питер Гиббс, — молодой человек просиял белозубой улыбкой (на его щеках появились ямочки) и дружелюбно протянул девушке руку.

— По-моему, я задала простой вопрос, — сказала Присцилла, делая вид, что не замечает протянутой руки. — Хорошо, я повторяю еще раз. Мистер Сатклифф здесь?

Хозяин таверны убрал руку.

— Мисс Морган, я не хочу вмешиваться в ваши дела, — миролюбиво промолвил он. — Просто я пытаюсь вам помочь. Сатклифф здесь. Он изрядно выпил. А когда он пьян, он опасен, — хозяин таверны выждал несколько мгновений, а затем веско добавил: — Опаснее, чем обычно. Вам лучше поговорить с ним завтра.

— А теперь, — отчеканила Присцилла, — будьте любезны, покажите мне его.

Питер Гиббс на какое-то время задумался — казалось, он пытается понять, сумеет ли эта самонадеянная молодая леди чего-нибудь добиться от кузнеца. Наконец он произнес:

— Он сидит у камина.

Присцилла обернулась и увидела пузатого мужчину, который дремал, развалившись на стуле; в одной руке он держал пивную кружку, другая безвольно свисала; голова спящего была откинута назад, рот полуоткрыт.

Собрав волю в кулак, Присцилла приблизилась к сладко похрапывающему кузнецу.

— Мистер Сатклифф! — проговорила она громко и четко. При звуке ее голоса кузнец вздрогнул и поджал ноги под стул. Воспользовавшись этим, Присцилла подошла к нему вплотную.

— Вы дважды выписали мне один и тот же счет, — девушка швырнула на стол бумаги, которые держала в руках. — Кроме того, вы не выполнили свою работу. Я требую объяснений.

Мистер Сатклифф посмотрел на Присциллу мутным взглядом. Спросонья он с трудом соображал, в чем дело. В таверне сидело около полудюжины посетителей. Рыжеволосая девушка и пьяный кузнец привлекли к себе их внимание. Питер Гиббс наблюдал за происходящим со все возрастающим изумлением.

— Я уплачу по счету, — Присцилла хлопнула ладонью по одному из счетов, лежащих на столе, — не раньше, чем получу вот это, — и она сердито ткнула пальцем во вторую бумагу.

Кузнец встrepенулся: он начал что-то соображать.

— Уж верьте мне, юная леди, — сказал он, насмешливо разглядывая девушку, — расчеты эти — не женского ума дело. Слишком они сложны.

После этих слов Сатклифф собрался было встать и уйти, но не сумел — Присцилла ему помешала.

— Может, вы объясните мне кое-что, мистер Сатклифф, — сказала она, кивнув на бумаги. — Поправьте меня, если я ошибаюсь. На обоих счетах указана одна и та же дата, один и тот же перечень работ и одна и та же сумма.

— Послушайте, леди...

— Мисс Морган!

Грязные щеки кузнеца порозовели.

— Послушайте, мисс Морган. Скажите своему папе...

— Мой отец умер, — прервала его Присцилла. — Мой старший брат умер. Мужа у меня нет. Дела семьи веду я, и я хочу получить ответ на свой вопрос. Вы не только пытались обмануть меня, вы не выполнили свою работу!

Стул Сатклиффа угрожающе заскрежетал по полу. В мгновение ока кузнец был на ногах. Над хрупкой Присциллой нависла его мощная фигура. В ту же самую минуту Питер выскочил из-за стойки и встал между ними.

— Не лезь, Гиббс! — предупредил Сатклифф. — Эта соплячка назвала меня лжецом!

Питер взял со стола счета и внимательно просмотрел их.

— Похоже, она права, Джейк, — сказал он. — Счета одинаковые, и на одном из них есть отметка об уплате. Это ведь твоя подпись?

Кузнец огляделся. Посетители таверны во все глаза следили за происходящим. Шумно вздохнув, Сатклифф взял в руки счета.

— Видишь? — Питер указал ему на подпись.

— Вижу. Ну да, вроде бы подпись моя, — буркнул кузнец и громко, так, чтобы это слышали все, добавил: — Должно быть, подмастерье что-то напутал и выписал счет еще раз.

— А подковать лошадь тоже забыл подмастерье? — язвительно осведомилась Присцилла.

Сатклифф быстро глянул на нее и хлопнул себя по лбу.

— Теперь я вспомнил! Ну точно: я сам подковал эту лошадь! И пусть кто-нибудь попробует сказать мне, что я вру!

В продолжение всего разговора миниатюрная Присцилла глядела на Гиббса и Сатклиффа снизу вверх и от этого злилась еще больше. До чего же плохо быть женщиной! Кузнец считал, что он прав, лишь потому, что он мужчина, а хозяина таверны удивляло то, что она осмелилась предъявлять Сатклиффу претензии. Как бы повел себя в подобной ситуации мужчина? Возможно, ударил бы обидчика. Хотя вряд ли бы это помогло. И Присцилла решила поступить иначе. Взяв подписанный счет у Питера Гиббса, она вышла из таверны. Не успела она дойти до дверей, как Джейк Сатклифф начал поносить девушку на все лады. Такой женщине нужен муж, который сумеет ее приструнить. И он знает, кто сможет это сделать.

Спустя мгновение входная дверь таверны с грохотом распахнулась, и на пороге возникла Присцилла Морган. Держа в руке поводья, она вела за собой понурую лошадь. Посетители таверны сначала вытаращили глаза, а потом начали смеяться; кое-кому из них даже пришлось встать и уступить дорогу лошади. Следуя за хозяйкой, животное послушно приблизилось к онемевшим от изумления Сатклиффу и Гиббсу. Присцилла нагнулась и,

приподняв переднюю ногу лошади, продемонстрировала кузнецу ее копыто.

— Взгляните на это, мистер Сатклифф, — сказала она, указывая на старую, разбитую подкову. — Вы по-прежнему утверждаете, что недавно подковали мою лошадь?

После этого случая Питер Гиббс еще очень долго развлекал своих посетителей рассказом о рыжей девушке, понурой лошади и посрамленном кузнеце. По его словам, Джейку Сатклиффу ничего не оставалось, как незамедлительно поменять подкову.

Когда Присцилла покинула таверну, Питер Гиббс вновь взялся за почту. Внезапно он вспомнил о письмах, которые собирался отдать этой забавной девушке. Оба письма сиротливо лежали на стойке. Одно из них было адресовано Констанции Морган, другое — Пенелопе Чонси. Отправителем был Филип Морган.

Питер Гиббс разобрал почту, чтобы переслать письма адресатам. Письма Филипа Моргана он положил в карман.

Сидя в экипаже, в который была запряжена только что подкованная лошадь, Присцилла наслаждалась своей победой. Когда карета свернула с Тримаунт-стрит на Скул-стрит, девушка откинулась на спинку сиденья и посмотрела в окно.

Прямо перед ней находилась Королевская часовня — первая англиканская церковь, построенная в Бостоне. Эту церковь возвел несколько десятилетий назад губернатор Эндрос [16]. Его направили в Новый Свет для того, чтобы ограничить растущую независимость колоний. Эндрос не давал колонистам жить спокойно, и они до сих пор поминали его недобрым словом.

Напротив Королевской часовни [17], на склоне холма, стоял такой роскошный дом, что Присцилла не смогла удержаться от искушения рассмотреть его получше. Высунувшись в окно кареты, она приказала Джозефу придержать лошадь. Этот дом, напоминающий средневековый замок, которому не хватало только башен и крепостного рва, принадлежал Фэньюлисам, семье богатых торговцев. Присцилла была поражена его размерами. Немного дальше, на холме, привольно раскинулись пышные сады. Девушка представила, каково жить в таком великолепии. Бог даст, когда-нибудь она узнает об этом не понаслышке.

Сразу же за владениями Фэньюлисов Джозеф свернул на Бикэн-стрит. Экипаж миновал несколько особняков с чудесными садами — впрочем, ни одно из этих зданий не могло сравниться с обиталищем Фэньюлисов — и подъехал к дому Коула. От улицы дом мистера Коула отделяла чугунная ограда с колоннами из белого кирпича. Железные ворота вели к крутой, широкой каменной лестнице. Поскольку дом стоял на холме, из его окон открывался великолепный вид на город и залив. За домом рос сказочно красивый многоярусный фруктовый сад.

Внешне дом Дэниэла Коула мало чем отличался от других построек, расположенных в этой части Бостона. Вот только он почему-то вызывал в памяти слово «безвкусица». Над входом на торчащем из стены крюке висел огромный оловянный чайник, намекающий на то, каким образом Дэниэл Коул сколотил свое состояние. Такое вульгарное украшение, вполне уместное над дверью какой-нибудь мастерской, находящейся в Южном Бостоне, здесь, на Бикэн-стрит, смотрелось просто нелепо. Но таков уж был Дэниэл Коул. Один из самых богатых жителей города не обладал ни вкусом, ни хорошими манерами.

Как только экипаж с грохотом подкатил к дверям дома мистера Коула, от приподнято-боевого настроения Присциллы не осталось и следа. Навстречу девушке вышел слуга — мешковатый чернокожий мужчина.

— Мисс Морган, — обратился он к Присцилле. — Будьте любезны, пройдите в гостиную. Хозяин ждет вас.

Однако девушка не желала переступить порог этого дома. За Констанцией был послан Джозеф. Не прошло и минуты, как он вернулся. Дэниэл Коул настаивал, чтобы она поднялась наверх.

Присцилле ничего не оставалось, как последовать за слугой в гостиную — просторную светлую комнату с огромным окном, которое выходило на залив.

— Мистер Коул сейчас придет, — почтительно произнес слуга и, поклонившись, удалился.

Оставшись одна, девушка огляделась. В этой комнате все дышало богатством. Взгляд

Присцилла быстро перебежал с предмета на предмет: бронзовая люстра, картины в роскошных рамах, книги в переплетах из телячьей кожи, изящные французские столики, китайские вазы. Столько дорогих вещей сразу ей еще не случалось видеть. Сказать по правде, ее это впечатлило (за что она тут же на себя разозлилась). Она всегда презирала Дэниэла Коула, и чем больше она с ним общалась, тем меньше он ей нравился. Но гостиная была просто великолепна. И — что удивительно — ее обстановка свидетельствовала о вкусе и культуре хозяина.

В ожидании мистера Коула Присцилла принялась прохаживаться по комнате, с наслаждением рассматривая ее изящное убранство. В конце концов она остановилась у окна — около него полукругом стояли диван и два кресла. От открывшегося перед ней вида у девушки перехватило дыхание. Не отрывая взгляда от туманно-голубых далей залива, она рассеянно опустилась на диван.

Почти в то же мгновение под чьими-то шагами жалобно запели половицы. Тяжело громахая башмаками, в гостиной появился мистер Коул, как всегда всклокоченный и неопрятный. Комнату моментально заполнил запах грязных носков и пота.

— Присцилла, дорогая! — твердым стремительным шагом мистер Коул пересек гостиную. Опустившись в кресло, которое стояло рядом с диваном, он вытянул ноги и положил руки на подлокотники.

— Оставайся обедать! — сказал он.

Присцилла мысленно отметила, что это прозвучало как приказание. Дэниэл Коул явно не привык считаться с интересами окружающих.

— Это очень мило с вашей стороны, — произнесла она, вставая, — но нам пора ехать. Я хочу вернуться домой до темноты.

— Тогда оставайтесь ночевать, — пророкотал Коул.

— К сожалению, мы не можем. Нас ждет Джаред. Он будет волноваться.

— Ну, он уже большой мальчик. Не пропадет.

Присцилла засмеялась.

— Вы плохо знаете Джареда, — сказала она и расправила юбку, давая понять, что собирается уходить. — Передайте, пожалуйста, маме, что я...

— Присцилла, сядь.

— Мистер Коул, я вынуждена...

— Сядь, Присцилла! — голос хозяина дома прозвучал резко и требовательно. Девушка возмущенно выпрямилась, она и не думала повиноваться. Взглянув на нее, Дэниэл Коул повторил чуть мягче: — Прошу тебя, сядь, мне надо с тобой поговорить.

Присцилла присела на краешек дивана и, как прилежная воспитанница пансиона, положила руки на колени. Прямо перед ней огромный горой вздымался живот мистера Коула. Из-за живота на нее смотрели льдистые оловянно-серые глаза.

— Ты не в меру строптива, юная леди, — сказал Коул, — настолько строптива, что это вредит тебе самой. Девушка не должна так себя вести.

— Вы об этом хотели поговорить со мной, мистер Коул?

Дэниэл Коул пропустил ее слова мимо ушей. Поерзав в кресле, он уселся поудобнее.

— Ноя тоже упрям, — начал он, слегка подавшись вперед. — Не знаю, кто из нас упрямее, да и мне, честно говоря, не хотелось бы это выяснять.

Присцилла сидела, вытянувшись в струнку и поджав губы; она ждала, когда ее собеседник перейдет к делу.

— Я всегда добиваюсь того, чего хочу. Всегда, — сухо проинформировал ее Дэниэл Коул. — Оглянись, — он обвел взглядом комнату. — Этого мне не истратить за целую жизнь.

Присцилла не спускала глаз с мистера Коула, который как ни в чем не бывало продолжал развивать свою мысль:

— Мне всегда нравилось мое ремесло. Я получал огромное удовольствие от того, что делал деньги и покупал дорогие вещи. Но в один прекрасный день мне это наскучило. Разве в этом заключается радость жизни?

Присцилла сидела молча. Она понимала, что мистера Коула совсем не интересует ее мнение.

— Чем-то я похож на мальчишку, — продолжил между тем ее собеседник с озорной улыбкой. — Видишь ли, недавно я сделал маленькое открытие: оказывается, самая большая радость в жизни — получать то, что ты хочешь. Тут, правда, есть одна загвоздка. Для начала надо понять, чего же, собственно говоря, жаждет твоя душа. Но уж если ты понял...

После этих слов мистер Коул неприятно осклабился, а затем продолжил:

— Если решение принято, я не отступлюсь. И не важно, как далеко мне придется зайти... — Дэниэл Коул наклонился к Присцилле, чтобы подчеркнуть значение последних слов. Пряди волос упали ему на лоб. — И не важно, кто владеет этим в настоящий момент, — мистер Коул самоуверенно улыбнулся и взглянул в окно. — Пойми, дорогая, мне не нужны ваши акции — погоды они не делают. Я и так владею контрольным пакетом. Просто однажды утром я проснулся и понял, что хочу их получить. Ну а раз я этого хочу, значит, так тому и быть.

— Ах вот оно что! — воскликнула Присцилла, вставая. — К сожалению, мне придется вас огорчить. Моя семья не заинтересована в продаже акций. Если это все...

На губах Дэниэла Коула мелькнула злая улыбка, от которой у девушки по спине пробежал холодок.

— Ты невнимательно слушала, дорогая. Мне нет дела до вашей семьи. Эти акции будут моими.

— А знаете, мистер Коул, в одном вы правы, — медленно произнесла Присцилла, — я действительно упряма. И пока решающее слово за мной, вам этих акций не видать.

Мистер Коул засмеялся. Это был долгий, недобрый смех.

— В этом-то вся прелесть! — воскликнул он. — Я ведь не сказал ни слова о том, что собираюсь купить их!

Девушка вопросительно взглянула на него.

— Эти акции станут моими, — с наглым видом пояснил Дэниэл Коул, — когда я женюсь на твоей матери!

Присцилла опешила. От возмущения она даже потеряла дар речи.

— Видишь, как все удачно складывается? — не скрывая злорадства, продолжил между тем мистер Коул. — Я получу эти акции, вступив в брак с твоей матушкой, притом, заметь, получу их даром, а в качестве поощрительного приза мне достанется женщина, которая давным-давно должна принадлежать мне!

— Если я сообщу ей об этом разговоре, она не захочет вас больше видеть!

— Она тебе не поверит. Она очень одинока. К тому же она убеждена, что я в ней души не чаю.

Лицо Присциллы вспыхнуло багровым румянцем. Ей стало трудно дышать. В этот миг

она с ужасом осознала, что Дэниэл Коул хладнокровно вел игру, в которой она и ее близкие были пешками.

— Иными словами, вы собираетесь жениться на ней из-за акций?

— Тебе же объяснили: я всегда получаю то, что хочу.

Присцилла лихорадочно пыталась найти выход из сложившейся ситуации. Коул был прав: Констанция никогда не поверит, что ради акций ее избранник готов играть жизнями людей. До сего дня Присцилла и сама сочла бы это клеветой. Внезапно ее осенило.

— Ну что ж, мистер Коул. Вы победили. Я продам вам наши акции в обмен на обещание оставить маму в покое.

— Присцилла, дорогая, для женщины ты слишком умна. К сожалению, твое предложение запоздало. Зачем платить за то, что достается даром? К тому же вместе с акциями я получаю женщину, которая будет согревать мою постель холодными зимними ночами.

Присцилла больше не могла сдерживаться.

— Вы бесчувственный, распутный...

В этот миг в дверях показалась ее мать.

— А вот и она! — расцвел Дэниэл Коул. Раскрыв объятия, он пошел навстречу Констанции.

С ужасом и отвращением Присцилла смотрела на то, как Констанция подставила Коулу щеку для поцелуя. Оба беспрестанно улыбались. Оскорбленная увиденной картиной, девушка пулей вылетела из комнаты, сбежала вниз по лестнице, выскочила на улицу и упала на заднее сиденье экипажа.

Пока Дэниэл Коул и Констанция не спеша прощались, она ломала голову над тем, как помешать этому страшному человеку.

Констанция Морган сияла от счастья. Если бы Присцилла не смотрела с отсутствующим видом в окно экипажа, Констанция поведала бы дочери, как прекрасно она провела время и какой чудесный человек Дэниэл Коул. Между тем Присцилла прилагала немалые старания, чтобы ее раздражение не вырвалось наружу. Девушке хотелось прикрикнуть на мать — может быть, хотя бы это заставило ее очнуться — и выложить ей всю правду. Но она понимала: пока мать пребывает в эйфории, говорить с ней бесполезно. Лучше повременить денек-другой. Она расскажет матери о том, что случилось, чуть позже — когда впечатления от поездки в Бостон слегка потускнеют. И она постарается, чтобы ее поняли правильно.

Размышляя дорогой над тем, как открыть матери глаза на Дэниэла Коула, Присцилла совершенно неожиданно для себя пришла к выводу, что в том, что происходит сейчас с Констанцией, нет ничего исключительного, хотя ее поведение и свидетельствует об очень серьезной болезни. Ради своих личных интересов люди частенько забывают о Боге. Формально они продолжают считаться верующими, но духовная восприимчивость ими уже потеряна. Церковь сохраняет свое влияние на таких прихожан, однако этих людей волнует прежде всего их положение в обществе и их мощна. Они по-прежнему отправляют религиозные обряды, но делают это для проформы. Кажется, она читала о чем-то похожем в Библии.

Как только экипаж Морганов подъехал к дому, Присцилла бросилась в отцовский кабинет и взяла в руки Библию. Через несколько минут она обнаружила то, что искала:

«Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы,

сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержаны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся. Таковых удаляйся» [\[18\]](#).

— «Имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся», — несколько раз повторила девушка вслух. Она вспомнила, как колонисты проводят священный день отдохновения — воскресенье. Каждую неделю повторяется одно и то же. Вся работа прекращается после полудня в субботу. Зачем? Чтобы подготовиться к воскресенью. Предполагается, что это время нужно посвятить чтению Библии и молитвам, но на деле большинство людей проводит его в праздности. Когда наступает воскресное утро и колокол созывает прихожан на службу, все меньше и меньше семей покидают свои дома и направляются в церковь. Причем даже те, кто приходит в храм, делают это бездумно. Они не ощущают благоговейного трепета от предстоящей встречи с Богом. Для них это рутина, они просто участвуют в публичном представлении, демонстрируя окружающим свою добропорядочность.

Нынешние прихожане скорее озабочены ежегодным распределением мест в церкви, чем общением с Богом. Присцилла отлично помнила, что самые жаркие споры среди колонистов разгорелись после того, как церковному комитету не удалось добиться для миссис Александр и ее мужа-судьи места в первом ряду. Это памятное событие подтверждало теорию Присциллы: людей куда больше волнуют их положение в обществе и личное преуспевание, чем Евангелие.

Мистер Хейл готов молиться часами, но не может уделить и пяти минут собственной дочери. Его преподобие Расселл знает, как начать проповедь, но не знает, как ее закончить. Не раз случалось, что песочные часы переворачивали трижды, прежде чем он произносил последнее слово. Каждое воскресенье после молитвы оглушительный грохот опускающихся сидений возвещает о том, что прихожане озабочены только тем, как бы поскорее сесть, и их совершенно не волнует, услышит ли Господь обращенные к Нему молитвы.

Как и древнему Израилю, колониям требовался духовный лидер. Им нужна была своя Девора. Вопрос в одном: с чего начать? И тут улыбка скользнула по губам девушки — она начнет со своей скамьи.

Присцилла взяла в руки бумагу и перо и принялась писать приглашения. Она извещала девушек, с которыми сидела в церкви на одной скамье, что в ее доме будут проходить еженедельные библейские занятия. Тех, кто решит посещать эти занятия, она предложила называть «Дочери Деворы».

— Не думаю, что мой отец одобрит наши встречи, — сказала Табита Хейл.

Собравшиеся в гостиной девушки согласно закивали головами.

— Мы не делаем ничего дурного! — произнесла Присцилла твердым голосом.

Она обвела глазами всех присутствующих. Рядом с ней сидела Энн Пирпонт. Как и Присцилла, Энн не разделяла опасений Табиты. По правую руку от Энн сидела Пенелопа Чонси. После того как исчез Филип, Присцилла и Пенелопа сблизились. В церкви Пенелопа теперь садилась только на скамью для молодых леди. Около Пенелопы на краешке дивана притулилась Эмма Александр, застенчивая и милая девушка, дочь городского юриста, занимающегося имущественными делами (не так давно он стал судьей). Подле Эммы расположились Табита Хейл и Рут Купер, дочь преуспевающего торговца обувью, владельца

магазинов в Бостоне, Роксбери и Кембридже.

— Наша цель — молиться за духовное возрождение колонии, — сказала Присцилла. — Что же тут плохого?

— Разве это не мужское дело? — спросила Пенелопа.

— Это дело каждого христианина, — ответила Присцилла. — И не важно, мужчина он или женщина.

Однако ее довод не показался девушкам убедительным. И тогда она, чуть поразмыслив, сказала:

— На мой взгляд, Господь пробуждает в душе человека тревогу для того, чтобы он совершил какой-то поступок, решился на какой-то шаг. Ну а если Всевышний наделил человека талантом, значит, он должен использовать этот дар во славу Господа.

— Дар?

— Духовный дар или талант, — пояснила Присцилла. — Все мы, к примеру, знаем, что Господь одарил Энн поэтическим талантом. Неужели Он наградил бы ее этим даром, если бы не хотел, чтобы она им воспользовалась?

Никто не возразил Присцилле, и она продолжила:

— В Библии сказано, что Господь никого из нас не обошел своими дарами. Вот я и подумала: а почему бы нам не помочь друг другу найти применение этим талантам? Да и потом, мы должны показать людям, как важны духовные ценности. Быть может, наш пример воодушевит кого-то еще.

— По-моему, у меня нет никаких талантов, — грустно покачала головой Эмма.

— Вместе мы сумеем их найти, — ответила Присцилла.

— Значит, мы не будем делать ничего плохого? — спросила Табита.

— В молитвах и взаимной поддержке нет ничего дурного, — сказала Присцилла.

«Дочери Деворы» устраивали встречи каждую неделю. Правда, первое время на собраниях был слышен только голос Присциллы. Она читала Священное Писание, побуждала девушек искать в себе таланты, молилась за каждую из них. Спустя два месяца Присцилла попросила Энн почитать свои стихи.

— Папа сказал, что сочинять стихи — занятие мужское, — вмешалась Табита. — Женщинам вообще незачем читать и писать.

Энн улыбнулась.

— Мой отец тоже так думает, — сказала она. — Ему не нравится, что я пишу стихи. Он говорит, что так я распугаю всех женихов.

— И ты продолжаешь сочинять стихи, зная, что твой отец этого не одобряет? — недоверчиво спросила Эмма, которой сама мысль о подобном своеволии казалась кощунственной.

— Я пыталась бросить, — произнесла Энн со своей обычной тихой улыбкой. — Но слова сами приходят ко мне. Порой мне кажется, что они идут от Бога. Разве я могу их не записать?

Девушки потрясенно молчали.

— Сначала меня это беспокоило, но потом я узнала, что не одна я такая. То же самое чувствовал мой любимый поэт.

— А кто твой любимый поэт? — спросила Рут.

— Энн Брэдстрит [\[19\]](#).

Девушки озадаченно переглянулись.

— Вы никогда о ней не слышали? — изумилась Энн.

Девушки отрицательно покачали головами.

— Она одна из нас, — сказала Энн. — Из колонистов. Она приехала в Америку в 1630 году. Ее семья обосновалась здесь, в Кембридже, тогда он назывался Ньютаун. Она была замужем, растила восьмерых детей — и писала стихи; вот только ей все время приходилось отстаивать свое право заниматься поэзией. Не всем хватало широты ума и воззрений. Мало кто смог оценить то, что сочинила женщина. Послушайте, эти строки она написала в минуты отчаяния.

Энн достала небольшой, протертый на сгибах до дыр лист бумаги и прочла:

Злым языкам покоя нет как нет,
Коль за перо мои берутся пальцы.
«Ее забота — скалка или пяльцы,
Что за нелепость — женщина-поэт».

И мастерство здесь не меняет дела, —
Увидев, что мне удалась строка,
«Случайно вышло или подглядела», —
Презрительно процедят свысока.

Юная поэтесса благоговейно сложила листок со стихотворением и после короткой паузы сказала:

— Энн Брэдстрит пишет о том, что волнует и нас с вами: как жить в этом мире, не опускаясь до мирской суеты. В 1650 году в Лондоне вышел ее поэтический сборник, и знаете, — проговорила Энн с живостью, — я очень рада, что она не позволила запугать себя и не перестала сочинять.

Стихи Энн Брэдстрит пришлись как нельзя кстати. После того как Энн познакомила подруг с ее поэзией, на встречах «Дочерей Деворы» каждый раз словно бы вспыхивала искра, которая воспламеняла девушек, заставляя их открывать в себе все новые и новые таланты. Присцилла не могла на них нарадоваться. Вера ее подруг крепла день ото дня, в них проснулось чувство собственного достоинства — казалось, они расправили крылья.

Девушки с изумлением обнаружили, что Пенелопа не только прекрасная хозяйка, но и очень чуткий человек, всегда готовый прийти на помощь тем, кто попал в беду. Она ни для кого не жалела доброго слова и как никто другой умела утешать. Рут была замечательной рукодельницей. Первое время она расстраивалась из-за того, что ее талант погибнет втуне и никому, кроме ее домашних, не принесет радости. Однако после того, как Присцилла прочла ей отрывок из Деяний святых апостолов, где рассказывалось о служении Тавифы, Рут успокоилась и начала шить вместе с подругами одежду для бедняков. Табита Хейл обладала феноменальной памятью. Она не умела читать, зато знала наизусть множество стихов Священного Писания — просто потому, что когда-то слышала их, иногда один раз. Воодушевленная поддержкой приятельниц, Табита попросила Присциллу научить ее читать.

Между тем «Дочери Деворы» сделали еще одно важное открытие. Оно касалось Эммы

Александр. Выяснилось, что эту тихую, пугливую девушку, которая обычно не произносила больше двух-трех слов подряд, Господь наделил волшебным голосом. Мало того, она любила петь и помнила великое множество песен из сборника «Псалмы залива». Эмма из робости долго не решалась открыть свой секрет подругам. Но в один прекрасный день взяла да и рассказала им все. С тех пор она — после библейских занятий и молитвы — обязательно исполняла песню, которая соответствовала теме урока. Никакой комментатор не передал бы мысли и чувства автора псалмов лучше, чем гибкий и глубокий голос юной певицы. Ее пение так трогало девушек, что они частенько покидали дом Морганов в слезах.

Бух! Бух! Бух! Страшный грохот во входную дверь не был похож на деликатный стук полуденного гостя — стучали раздраженно и нетерпеливо.

Присцилла появилась из кабинета одновременно с Констанцией, которая вышла из гостиной. Мать и дочь вопросительно переглянулись.

Бух! Бух! Бух! — усердствовали чьи-то кулаки.

Девушка осторожно отворила дверь. На крыльце стояли три угрюмых джентльмена в черных одеждах. Это были Эдвард Чонси, отец Пенелопы и член попечительского совета Гарварда, Хорас Расселл, пастор, и Эндрю Хейл — отец Табиты, дьякон их церкви.

Войдя в дом, они незамедлительно проследовали в гостиную и, отказавшись от предложенного угощения, перешли прямо к делу. Присцилла Морган обвинялась в распространении еретических взглядов, проведении тайных собраний и оскорблении руководства церкви. Ей предписывалось явиться в церковь и объяснить свое поведение.

— Я тебя люблю, — почти беззвучно произнес Джаред.

Выдохнув эти слова в трубку для влюбленных, он замер, ожидая ответа. Трубкой для влюбленных называли переговорное устройство, созданное как раз для ситуаций, подобных той, в которой оказались Энн и Джаред. Оно представляло собою длинную — шесть футов — трубку с расширяющимися концами и двумя специальными приспособлениями, позволяющими услышать сказанное. Благодаря этому замечательному изобретению влюбленные даже при посторонних могли нашептывать друг другу всякие нежности.

Молодые люди сидели на противоположных концах деревянной скамьи с высокой спинкой — ее сиденье одновременно служило крышкой для сундука. В руках они держали трубку для влюбленных. Миссис Пирпонт что-то шила, сидя возле камина в кресле-качалке. Мистер Пирпонт сладко похрапывал в кресле, стоящем по другую сторону камелька. На его животе мерно вздымался свежий выпуск «Бостонского вестника». На полу возились одиннадцать братьев и сестер Энн. Маленькие Пирпонты забавлялись, как могли. Кто-то играл с деревянными игрушками; кто-то читал про себя, а кто-то и вслух. Посреди комнаты сидел малютка Вильям и, держа вверх ногами книгу псалмов, громко и азартно пел, за его спиной две хорошенькие девочки, Мэри и Маргарет, весело щебеча, убаюкивали тряпичных кукол.

В семье Пирпонт было четырнадцать человек детей. Энн была четвертым по счету ребенком и старшей из девочек. Два ее старших брата, Чарлз и Бенджамин, уже покинули родительский дом и обзавелись собственными семьями. Остальным детям было от шестнадцати лет (Джордж, третий старший брат Энн) до шести месяцев (Сара, которая, не обращая внимания на шум, мирно посапывала в колыбельке, стоящей рядом с миссис Пирпонт).

Признание Джареда смутило Энн.

— Что? — с деланным безразличием переспросила она, опустив трубку, и громко добавила: — Я тебя не слышу!

Джаред жестом попросил ее поднести трубку к уху и быстро огляделся. Четырехлетняя девчушка, кажется, ее звали Мэгги, заинтересовавшись диковинным устройством, с любопытством взирала на них с другого конца комнаты. Не обращая на малышку внимания, Джаред повторил: «Я тебя люблю» — на этот раз чуть громче. Энн потупилась и залилась краской. По ее легкой застенчивой улыбке было видно, что она отлично его слышит.

В свои пятнадцать лет Энн Пирпонт уже считалась достаточно взрослой, чтобы выйти замуж и воспитывать собственных детей, однако стоило ей взять в руки куклу — и она вновь превращалась в трогательную маленькую девочку. У Энн было очень милое лицо с гладкой шелковистой кожей, задорным, слегка вздернутым носом и ясными светло-серыми глазами. Нежное личико девушки обрамляли пышные темно-рыжие волосы.

Джаред вновь кивнул на трубку для влюбленных. Он хотел, чтобы Энн ему ответила.

— Я знаю, — наконец проговорила девушка.

— Знаешь?

— Я знаю, что ты меня любишь, Джаред.

— Э, нет, так не пойдет. Ты ведь хотела сказать, что любишь меня! — запротестовал юноша.

Энн покачала головой. Она дразнила его.

Джаред снова жестом указал на трубку и настойчиво потребовал:

— Скажи мне это!

Энн приложила трубку к губам и, невольно понизив голос, ответила:

— Зачем говорить то, что и так очевидно?

Джаред улыбнулся:

— Я хочу услышать это.

— Энн! — окликнула дочь миссис Пирпонт. — Ты не могла бы отнести Сару в кровать?

— Конечно, мамочка, — ответила Энн и, взяв спящую малышку на руки, вышла из комнаты.

Джаред взглянул на мать Энн, а та — на него. Они обменялись улыбками, после чего миссис Пирпонт вновь склонилась над шитьем. Пока Энн отсутствовала, Джаред с веселым любопытством разглядывал малышек, которые деятельно копошились у него под ногами.

Энн вернулась минуты через две. Ловко лавируя между братьями и сестрами и обходя опасности, подстерегавшие ее на полу, она добралась до скамьи и села на свое место. Джаред знаком попросил ее взять трубку.

— Думаешь, нам удастся когда-нибудь остаться наедине? — спросил он.

Энн смущенно пожала плечами.

— Может быть, твоя мама позволит нам провести ночь вдвоем?

— Джаред! — невольно воскликнула Энн. Ее голос прозвучал так громко, что миссис Пирпонт взглянула в ее сторону. Усмехнувшись, она покачала головой и вернулась к шитью.

— Зачем ты так? — спросил Джаред. — Я же не имел в виду ничего дурного!

В Новой Англии влюбленные нередко проводили ночь в одной кровати, оставаясь одетыми. Иногда между ними помещали специальную перегородку; в некоторых случаях молодых людей еще и заворачивали в простыни. Все это происходило с одобрения родителей, под присмотром матери и сестер. Так юноша и девушка могли побыть наедине. Считалось, что интимная близость в данном случае исключена, но если позднее выяснялось, что девушка беременна, пара вступала в брак.

— Вчера Чакерс провел ночь с Милли! — сказал Джаред.

— Не может быть!

— Может.

Представив себе, что при этом происходило, Энн покраснела.

— Попроси свою маму!

— Не могу.

— Почему?

Энн сделала большие глаза.

— Я сплю с тремя сестрами! — И для пущей убедительности она показала Джареду три тоненьких пальца.

— Ну и что?

— Джаред!

Молодые люди весело рассмеялись. Раньше они никогда не говорили о таких интимных вещах. Это была новая веха в их отношениях. Из сегодняшнего разговора следовало, что когда-нибудь они станут мужем и женой.

— Ты попросишь ее?

Энн, задумавшись, опустила глаза. Немного погодя она промолвила:

— Я подумаю.

Больше сказать она ничего не успела. В следующий момент раздался громкий обиженный рев: два малыша не поделили деревянную лошадку.

— Мне пора, — сказал Джаред, поднимаясь.

— Еще рано! — возразила Энн, надув губки (она ни капельки не обиделась на Джареда, просто ему нравилось, когда она капризничала).

Как раз в ту минуту, когда Джаред прощался с Энн, Томас Пирпонт открыл глаза и потянулся. Газета, которая покоилась на его животе, соскользнула на пол. Провожая гостя до двери, мистер Пирпонт осведомился у него о планах на будущее. То, что юноша так и не решил, чем ему заняться, несколько разочаровало отца Энн.

— Я мог бы взять тебя учеником в пекарню, — сказал он, благодушно похлопав Джареда по спине. — Ты молод и силен. Это хорошее, честное ремесло. Людям всегда будет нужен хлеб. Право слово, это неплохая работенка.

— Спасибо за предложение, мистер Пирпонт. Я подумаю.

Они оба понимали, что это вежливая форма отказа. Джаред был юн, беспечен и непоседлив и не имел ни малейшего желания идти в хлебопеки.

После того как молодой человек ушел, Энн и миссис Пирпонт взялись укладывать младших детей. Минут через двадцать малыши уже лежали в кроватках, и Энн занялась собой: она переделалась в ночную рубашку и села у окна спальни. Ее сестры уже давно перестали возиться под одеялом и уснули, а она все еще сидела у окна и машинально расчесывала свои длинные густые волосы.

Энн думала о Джареде. И о его просьбе. Ей тоже хотелось побыть с ним наедине, но она не знала, как заговорить об этом с родителями. Она никогда не слышала, чтобы отец и мать вели разговоры на подобные темы. И хотя Энн не сомневалась, что ни она, ни Джаред не сделают ничего дурного, ей было неловко обращаться с такой просьбой к матери.

Представив, как она лежит в постели рядом с Джаредом Морганом, Энн по-девчоночьи хихикнула. Затем она бесшумно встала и приоткрыла окно.

Свежее дыхание ночи коснулось лица девушки. С минуту Энн стояла молча, задумчиво вглядываясь в темноту, а затем начала тихонько напевать. Этот гимн — своего рода парафраз Песни песней — она слышала от Эммы Александр. Сначала Энн смущали его слова, однако, поразмыслив, она пришла к выводу, что в них нет ничего дурного. Это была просто песня о любви. Очень красивая песня. Поэтичная. Полная гармонии. Из сборника «Псалмы залива». Разве священники могли допустить, чтобы в церкви исполнялось что-то неподобающее? Разумеется, нет! А еще эта песня напоминала ей о Джареде.

Расчесывая волосы, Энн вполголоса пела:

Пусть он приникнет ко мне устами,

Пусть целует меня.

Ласки его, горячие ласки

Слаще вина.

Ты кобылице царской подобна,

Возлюбленная моя,

На смуглой шее, гибкой и стройной,
Ожерелья звенят.

Как же к лицу тебе, моя радость,
Золото с серебром.
Нард мой душистый благоухает
Ночью и днем.

О мой возлюбленный!
Мирры пучок ты
Между моих грудей.
Кистью кипера [\[20\]](#) ты мерцаешь
Средь виноградных гроздей.

Как только смолк ее нежный голосок, за окном раздались аплодисменты. От неожиданности Энн уронила щетку, и та со стуком упала на пол. Девушка вскочила и, придерживая ворот ночной рубашки рукой, выглянула во двор.

Всего в нескольких футах от себя она увидела смеющееся лицо Джаред Моргана. Он удобно устроился на толстом суку развесистого вяза, стоящего прямо под окном спальни, и самозабвенно хлопал в ладоши.

— Джаред Морган! — быстро прошептала девушка, открывая пошире ставни. — Ты напугал меня до смерти! Что ты здесь делаешь?

— Я-то? — как ни в чем не бывало переспросил юноша и, озорно улыбнувшись, добавил: — Надо быть романтичной, Энн. Ты ведь сама подкинула мне эту идею, — и он весело пояснил: — Помнишь? Пару месяцев назад ты читала мне стихи... Ну, те, с влюбленных, которые покончили с собой.

— Ты говоришь о Ромео и Джульетте!

— Точно! Теперь вспомнила? Ромео ночью пробрался в комнату Джульетты. Тогда ты сказала, что это очень романтично. Вот я и решил последовать его примеру.

— Но ведь я сказала это давным-давно, а залез ты на дерево сегодня! — с изумлением воскликнула Энн.

— Извини, Джульетта, но тогда было холодно.

— Прости! Я не хотела умалять твой подвиг. Это очень мило.

— Правда?

— Правда.

— Какие у тебя красивые волосы.

Энн провела рукой по своим волосам.

— Я их только что расчесала.

— Знаю.

— Вот как? И давно ты за мной подглядываешь?

— Во всяком случае я слышал, как ты поешь.

Энн жарко покраснела. Ее смутило не то, что Джаред слышал ее пение, а то, что она пела.

— Я не хотел тебя смущать, — сказал Джаред быстро. — Мне очень понравилось.

Честно. Просто я сидел на дереве, а ты вдруг запела... Бежать было поздно.

— Я рада, что ты услышал эту песню, — сказала Энн просто.

Молодые люди немного помолчали.

— Как хорошо, — произнес наконец Джаред. — Так тихо, и мы одни.

— И правда, хорошо, — ответила Энн и улыбнулась своей чудесной светлой улыбкой.

Они помолчали еще немного, а потом Джаред с подчеркнутым равнодушием заявил:

— Ну, пора и честь знать. Думаю, на сегодня романтики хватит.

— Джаред Морган! — Энн надула губки.

— Я пошутил! — Джаред озорно улыбнулся. — Мне нравится быть с тобой. Если бы мы могли чаще встречаться наедине...

— Ладно! — решила Энн. — Я поговорю с мамой.

— Правда? — Джаред сделал вид, что от восторга вот-вот упадет. Энн испуганно вскрикнула. — Ты действительно хочешь попросить об этом миссис Пирпонт?

Вместо ответа Энн распахнула ставни и села на подоконник. Джаред придвинулся к ней по ветке.

— Обещаю, что я это сделаю, — сказала Энн.

— Значит, завтра мне будет известен ее ответ?

Энн кивнула.

— погоди! Завтра же я еду в Бостон, — хлопнул себя по лбу Джаред.

— Вот как?

— Да. Я собирался сказать тебе да забыл. Мама хочет, чтобы я встретился с мистером Коулом. Ему нужно о чем-то со мной поговорить.

— И ты не знаешь, о чем?

Джаред пожал плечами.

— Нет. Но мама считает, что это очень важно, и я не стал с ней спорить. Так что я узнаю о решении миссис Пирпонт только послезавтра.

— Выходит, тебя не будет весь день?

— Наверное. Но я постараюсь вернуться пораньше.

— Я буду скучать по тебе, — тихо сказала Энн.

И тут словно какая-то неведомая сила толкнула их друг к другу.

— Я люблю тебя, Джаред, — прошептала Энн.

— Знаю, — проговорил он с улыбкой.

— А ты? Ты ничего мне не скажешь?

— Зачем говорить то, что и так очевидно? — сказал он, поддразнивая ее, и вновь продвинулся вперед. Ветка угрожающе скрипнула. Но Джаред упорно продолжал тянуться к Энн. Ему хотелось прикоснуться к ее мягким губам, к ее теплой коже. Мгновение спустя их губы встретились.

— Я люблю тебя, Энн, — серьезно и ласково произнес Джаред. — Никогда не забывай об этом.

— Не забуду, — прошептала девушка, и молодые люди вновь поцеловались.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Назавтра в полдень Джаред Морган сидел на товарном складе, находящемся в гавани Бостона рядом с пристанью Кларка. Напротив него за исцарапанным деревянным столом восседал Дэниэл Коул и, попыхивая сигарой, подписывал бумаги. Хотя юноша прибыл на

встречу в назначенное время и ждал уже около получаса, разговор с мистером Коулом пока не состоялся. Коулу приходилось непрерывно подписывать бумаги, вести переговоры и отдавать распоряжения. Джаред между тем незаметно зевал и в раздумье смотрел на коммерсанта.

Как только Присцилле стало известно об этой встрече, она рассказала брату о чудовищных планах бостонца. Джареду было строго-настрого наказано не давать своего согласия на продажу акций до тех пор, пока мистер Коул не пообещает оставить в покое их мать. Кроме того, Присцилла велела Джареду держать рот на замке и ничего не говорить Констанции.

Молодой человек вспомнил, как волновалась сестра во время их последнего разговора, как звенел от напряжения ее голос. В высшей степени необычным Джареду показалось уже то, что Присцилла решилась все ему рассказать. До сих пор она предпочитала не иметь с ним никаких дел. Джаред не сомневался, что он сумеет во всем разобраться. Он узнает, чего хочет Дэниэл Коул, и будет действовать по обстоятельствам.

— Что ж, сынок, — мистер Коул отложил перо, которым он подписывал бумаги. — С делами покончено. Надеюсь, больше нам никто не помешает.

Джаред мгновенно напрягся.

— Ты знаешь, для чего я попросил тебя приехать? — Коммерсант переплел пальцы и сложил руки на животе.

— Нет, сэр.

— Мама и сестра ни о чем тебе не рассказывали?

— Мама сказала, — начал осторожно юноша, — что вы хотите меня видеть. Впрочем, мне показалась, что она взволнована. Что до моей сестры, — Джаред помолчал, подбирая нужные слова. — В общем, она попросила меня вести себя осмотрительно.

— Могу ли я узнать, в каком настроении твоя сестра вернулась из Бостона? Не была ли она взвинчена? — с интересом осведомился мистер Коул.

— Гм... пожалуй, что так, — ответил уклончиво Джаред.

Дэниэл Коул озадаченно покачал головой.

— Право слово, меня это удивляет, — произнес он сокрушенно. — По-моему, наша беседа была теплой и сердечной. Я признался ей в том, что люблю Констанцию. Возможно, с моей стороны было несколько опрометчиво заводить об этом речь сразу после гибели вашего отца, — мистер Коул задумчиво пожевал губами. — Но мне очень хотелось, чтобы твоя сестра знала: когда речь идет о вашей матушке, мною движут только самые лучшие побуждения. Жаль, что мы не поняли друг друга.

Повисла красноречивая пауза. Мистер Коул, развалившись на стуле, задумчиво жевал сигару, а Джаред с интересом поглядывал на него. Первым нарушил молчание коммерсант.

— Присцилла рассказывала что-нибудь еще? — спросил он небрежно и почему-то тотчас отвел глаза в сторону.

— Она упоминала об акциях.

Мистер Коул устало отмахнулся.

— Мне не нужны ваши акции. Я пытался объяснить это Присцилле, но она не стала меня слушать. Да, я действительно хотел купить их у Филипа. И знаешь, почему? Я думал о благе вашей семьи. Вы нуждались в деньгах. Впрочем, женщине нелегко разобраться в таких тонкостях, — мистер Коул многозначительно покачал головой. — Вот Присцилла и

разволновалась, — он громко засмеялся. — Да ты и сам знаешь, что за штучка твоя сестра. Порой она ведет себя так неразумно! Если уж она заберет что себе в голову, ее никто не переубедит!

После этих слов мистер Коул глубоко затянулся и выпустил изо рта несколько облачков едкого дыма.

— Нет ли новостей о твоём брате? — продолжил коммерсант после маленькой передышки. Джаред покачал головой.

— Жаль. Такой талантливый парень, — мистер Коул хватил кулаком по столу. — Как, впрочем, и ты! Потому-то я и попросил тебя приехать.

Коммерсант выпустил ещё одно удушливое облачко дыма и только потом перешел к делу:

— Джаред, у нас с тобой много общего. Мне кажется, я тебя понимаю. Я знаю, твой отец мечтал о том, чтобы ты поступил в Гарвард, — об этом мне сказала Констанция, — но тебе не хочется сидеть над книжками. В этом мы похожи. Я и сам ненавижу школу. И не учился в университете. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на книги, написанные теми, кого давно нет на свете. Что знают эти писаки про нынешнюю жизнь? — Дэниэл Коул обвел рукой вокруг себя. — Вот моя школа. И поверь, очень хорошая школа. Здесь я понял одну важную вещь: тот, кто хочет чего-то достичь, должен трудиться как проклятый. Я усвоил этот урок, и теперь у меня в кармане — весь мир. В Бостоне нет дома, который я не мог бы купить. Нет предприятия, которое не могло бы стать моим. Если завтра мне вздумается поехать в Китай, я сделаю это! Я могу все!

Джаред весь превратился в слух. Ему очень хотелось понять, при чем тут он.

— Ради твоей матери, — продолжил между тем мистер Коул, — я хочу дать тебе шанс пройти ту самую школу, что прошел я. Часть моей работы — подыскивать и нанимать способных молодых людей вроде тебя. Мне не нужны гарвардские умники. Дайте мне того, у кого есть деловая сметка и крепкая спина.

Мистер Коул благосклонно оглядел Джареда и после минутного молчания произнес отеческим тоном:

— Сынок, я предлагаю тебе работу на складе. Ты будешь получать неплохое жалованье — поверь, преподавателям Гарварда такое и не снилось. Я научу тебя торговать и помогу стать богатым. Через десять лет ты сможешь жить в свое удовольствие.

Сказав это, коммерсант встал. Джаред поднялся вместе с ним.

— Я хочу тебя кое с кем познакомить, — мистер Коул заглянул за какие-то ящики, позвал какого-то Фрэнка и попросил его привести Мэйджи. Минуты через две Джаред пожимал руку Джеймсу Мэйджи — красивому, статному юноше лет восемнадцати.

— Джеймс — один из моих учеников, — объяснил мистер Коул. — Несколько месяцев назад я сделал ему такое же предложение, и он тут же поймал меня на слове.

Повернувшись к Мэйджи, он спросил:

— Ну как, не жалеешь?

— Нет, сэр, — ответил Мэйджи.

— Может быть, ты покажешь Джареду склад, расскажешь о своих обязанностях, а через полчаса вернешь его мне?

— С удовольствием, — ответил юноша.

Предложение Дэниэла Коула стало приятным сюрпризом для Джареда, да и Джеймс Мэйджи ему сразу понравился. Этот ловкий, рослый, крепко сбитый юноша был похож на

него, точно родной брат. Вот только волосы Джеймса Мэйджи были черны как смоль.

Не прошло и часа, как Джаред, осмотрев склад, дал согласие работать на Дэниэла Коула. На радостях коммерсант сказал Мэйджи, что до конца дня он может быть свободен, и настоял на том, чтобы молодые люди отправились в ближайшую таверну и выпили за Джареда. Все расходы мистер Коул взял на себя.

Стены «Таверны доброй женщины» сотрясались от страшного гвалта. Молодые люди на мгновение остановились у входа, переглянулись и пошли прямо к стойке. Прежде чем заказать выпивку, Мэйджи сказал хозяину, что ее оплатит Дэниэл Коул. Хозяин таверны понимающе кивнул головой. На Джареда и Джеймса это произвело должное впечатление.

Заметив свободный столик, Джаред указал на него новому приятелю и, повернувшись на каблуках, пошел занимать место.

— Морган! Что будешь пить? — крикнул ему вдогонку Мэйджи.

— Эль, пожалуй, — откликнулся Джаред. Честно говоря, он предпочел бы совсем другой напиток, что-нибудь сладкое — например, шоколад или имбирную воду с патокой, которую готовила его мать, — но ему не хотелось выглядеть смешным.

Пока Мэйджи объяснялся с хозяином, Джаред рассеянно оглядывался по сторонам. Таверна была забита до отказа. Посетители, одетые в пыльную дорожную одежду, сидели небольшими группками — Джаред увидел даже нескольких детей. Основную часть публики составляли матросы. Из их разговоров Джаред понял, что почти все они плавали на «Золотой принцессе» — торговом судне, которое недавно вернулось с острова Барбадос. Корабль находился в море три месяца.

Вслушиваясь в незамысловатые рассказы моряков, Джаред забыл обо всем на свете. Тем временем к столику с двумя кружками эля подошел Мэйджи.

— Это один из наших кораблей, — объяснил он Джареду. Мэйджи хотел сказать, что «Золотая принцесса» принадлежит торговой империи Дэниэла Коула. — Они прибыли с Барбадоса сегодня утром. Мы сами выгружали бочки с ромом. На этих рейсах делают большие деньги.

— На каких рейсах?

Мэйджи сделал глоток. На его верхней губе осталась полоска пены.

— С Барбадоса, — пояснил Мэйджи, — Коул вывозит сахар, черную патоку, ром и хлопок, а из Англии — текстиль и станки. Здесь, в колониях, он продает их оптом владельцам магазинов и предприятий.

— Я думал, он сколотил состояние на оловянной посуде.

— С этого он начинал. Видишь ли, Коул пустил свой капитал в оборот. Заключая все более и более крупные сделки, он превратился в одного из самых богатых людей Бостона. Вот почему я поступил к нему на службу.

— Потому что он богат?

— Потому что его корабли ходят в Лондон, Глазго, Бристоль, Ливерпуль, Вест-Индию и даже в Индию! Да что там, говорят, он собирается торговать с Китаем!

После этих слов Джаред Морган проникся к новому приятелю еще большей симпатией. Когда Джеймс Мэйджи заговорил о дальних странах, его глаза загорелись. Даже среди сверстников Джаред не так часто встречал тех, кто разделял его страсть к путешествиям. Ну а среди старшего поколения... Почти все знакомые его родителей имели какое-то отношение к Гарвардскому университету. Гарвард был для них центром вселенной. Все свои

надежды они связывали только с ним. А вот Джеймс Мэйджи ни разу не упомянул об университете, школе, занятиях и учебниках. Он, как и Джаред, ощущал тоску по странствиям, по соленому морскому ветру, по крикам чаек за бортом.

— Знаешь, — сказал Мэйджи (он пил эль торопливыми глотками, поскольку ему не терпелось продолжить разговор), — если мы справимся с работой в порту, изучим как следует складское дело и сумеем проявить себя, Коул может на год или на два отправить нас на Барбадос.

— Правда?

Мэйджи широко улыбнулся и кивнул.

— Парень, который обучал меня, отплыл туда две недели назад на одном из наших кораблей. Он сказал, что при первой возможности рекомендует меня мистеру Коулу.

— А ты, случаем, не можешь порекомендовать меня?

Мэйджи расхохотался.

— Неплохая просьба для того, кто не проработал и дня!

Мэйджи был прав. Джаред смутился. Он почувствовал, что сморозил глупость.

— Не переживай, Морган, — Мэйджи добродушно похлопал Джареда по плечу. — Ты мне нравишься. Мы с тобой станем друзьями.

— Я не ослышался, джентльмены? Вы сказали, что работаете на Дэниэла Коула? — Прямо перед Джаредом и Мэйджи выросла фигура матроса. Это был седовласый человек с обветренным, заросшим щетиной лицом и коричневой морщинистой шеей.

— Да, сэр, — холодно ответил Мэйджи, — но полагаю, вас это не касается.

— Сбавь обороты, парень! Я просто хочу с тобой поговорить. Меня зовут Зик, и я только что вернулся с Барбадоса! У нас с тобой один хозяин!

— И что с того? — поинтересовался Мэйджи. — Впрочем, добро пожаловать домой. А теперь будьте любезны, оставьте нас.

— Я хотел бы внести некоторую ясность... — незнакомец присел рядом с юношами и водрузил локти на стол. — Это было опасное путешествие. Сплошные шторма, волны высотой в половину мачты, ветер, который в клочья изорвал наши лучшие паруса. Три моих товарища не вернулись домой. Теперь они лежат на дне рядом с моллюсками.

К столу Джареда и Мэйджи стали подтягиваться другие матросы.

— Мне очень жаль, сэр, — сказал Мэйджи. — А теперь, если позволите...

— И я спросил себя: «Ради чего они погибли?» В самом деле, ради чего? И я отвечу вам парни. Ради этого! — незнакомец поднял кружку и со стуком поставил ее на стол, расплескав почти половину содержимого. — Ром! — проревел он. — Напиток бога морей, который пьют матросы по всему свету!

Моряки с интересом слушали Зика. Живое кольцо вокруг молодых людей сомкнулось.

Мэйджи открыл было рот, но Зик заметил это и громко проговорил своим каркающим голосом:

— Ради того, чтобы этот ром попал в Бостон, нам пришлось немало пережить, — старый моряк сокрушенно насупил седые брови, а затем, лукаво прищурившись, продолжил: — Так вот, наши юные друзья просто обязаны выпить по кружечке рома за тех, кто его сюда доставил.

— Верно! — дружно завопили матросы.

— У нас есть выпивка, — буркнул Мэйджи.

— Э нет, парни, — не унимался Зик, — это не выпивка. Разве элем можно промочить

горло? Уж лучше пить материнское молоко. Когда мать отучала меня от груди, она давала мне эль — и я плакал, потому что ее молоко было крепче!

Взрыв хохота потряс стены таверны.

Мэйджи окинул взглядом развеселившихся матросов, посмотрел на Джаред, приосанился и вдруг бойко заговорил:

— Джентльмены! Я хочу поблагодарить вас за то, что вы указали нам на наши дурные манеры. Я и мой друг хотим выпить за ваших погибших товарищей!

Со всех сторон послышались одобрительные возгласы. Хозяин таверны налил две кружки рома, и Джаред, следуя примеру Мэйджи, поднялся, чтобы выпить за погибших матросов. До этой минуты самым крепким напитком, который ему приходилось пробовать, был сидр — однажды Чакерс стянул его у дядюшки. Джаред вспомнил, что сидр обжег ему горло и затуманил голову.

— Прежде чем вы выпьете, — вмешался Зик, — я преподам вам еще один урок матросского этикета.

Мэйджи выжидающе глянул на него.

— Когда матросы пьют, они не жеманятся, точно невинные девицы, и не тянут выпивку по глоточку. Как мы можем воздать должное погибшим морякам?

Его приятели ответили на этот вопрос грубой бранью.

— Когда матрос пьет за своего товарища, он пьет до дна. Мало того, за каждого погибшего пьют отдельно!

Джаред глянул на приятеля. Мэйджи невозмутимо поднял кружку.

— Джентльмены! — воскликнул он. — Мы пьем за... — Он обернулся к Зику. — Как звали погибших?

Однако тот, похоже, запомнил имена своих дружков. Как, впрочем, и остальные матросы. Несмотря на это, Мэйджи улыбнулся еще шире и начал снова:

— Джентльмены! Мы пьем за вашего погибшего товарища номер один! Пусть он обретет покой во владениях Посейдона, пусть любой ветер будет для него попутным, и пусть все богатства Атлантиды достанутся ему!

Послышались одобрительные восклицания, и ром полился рекой. Джаред взглянул на Мэйджи. Его кружка пустела так же быстро, как и кружки матросов. Джаред закрыл глаза, сделал глубокий вдох и постарался как можно быстрее выпить коричневую жидкость. Сначала ему показалось, что он глотает пламя. Затем Джаред почувствовал, что его желудок вот-вот исторгнет огненную жидкость обратно, но он продолжал судорожно поглощать ром, пока не заметил, что хватает ртом воздух. Обессиленный, он рухнул на стул, кружка, которую он продолжал держать в руке, громко ударилась об стол.

Матросы одобрительно похлопали его по спине.

— Джентльмены! — продолжил между тем Мэйджи с пьяной удалью. — Я хочу провозгласить следующий тост!

И он выпил за безымянного матроса номер два, а потом и номер три. Джаред последовал его примеру. К тому моменту, когда была поднята третья кружка, Джареду начало казаться, что у него в голове плещется океан. Ну что ж, теперь он знает, каково это — быть моряком.

Наконец матросы, оживленно толкуя, разошлись по своим местам, и молодые люди остались одни.

После третьей кружки Джареду стало по-настоящему плохо. С трудом приподняв со

стола тяжелую голову, он взглянул на Мэйджи. Тот выглядел не самым лучшим образом.

— Мне нехорошо, — простонал Джаред.

— Давай выбираться отсюда, — с заметным усилием выговорил его новый друг.

Джаред оперся руками о стол и попытался приподняться. Однако у него подогнулись ноги, и он со всего маху стукнулся о столешницу лбом. И тут откуда ни возьмись вновь появился Зик:

— Тебе помочь, приятель? — поинтересовался он и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Н-да... Зря я вам предложил выпить рому. Тянули бы эль, сосунки...

Он немного помолчал, а затем с расстановкой произнес:

— Ну да ладно, мы, матросы, не бросаем друзей в беде. Так и быть, доведем вас до дома.

Джаред — на него волнами накатывала тошнота — почувствовал, как чьи-то руки рывком приподняли его и поставили на ноги. Молодой человек нетвердым шагом направился к выходу. Его сопровождал Зик и еще один матрос.

— Мэйджи, — произнес Джаред слабым голосом. — Мой друг, Мэйджи...

— Ну-ну, никто не собирается бросать твоего друга, — успокоил его Зик. — Мы отведем вас домой. А то еще, чего доброго, вас схватят да посадят в колодки.

(Несмотря на то что колонисты любили пиво, пьянства они не выносили. Если человека задерживали в нетрезвом виде, его штрафовали, заковывали в колодки и сажали в тюрьму. Тому, кто злоупотреблял алкоголем постоянно, вешали на шею или пришивали на одежду большую матерчатую букву «П» красного цвета.)

Как только юноша шагнул через порог таверны, в нос ему ударил удушающий запах отбросов. Этот смрад вызвал у Джареда позыв к рвоте. Его спутники подождали, пока он опорожнит желудок, и двинулись дальше. Однако минуты через две они внезапно оставили его одного. Без их поддержки Джаред упал на мостовую, устало прижался щекой к холодному мокрому булыжнику и почувствовал, что ему чуть-чуть полегчало. Смутно, будто бы сквозь сон, он слышал, как рядом с ним кто-то разговаривает вполголоса. Собрав последние силы, он поднял голову и осмотрелся. В конце переулка мирно беседовали четыре матроса. В двух шагах от него валялся вдребезги пьяный Джеймс Мэйджи; лицо и одежда молодого человека были перепачканы рвотой.

В эту самую минуту послышались медленные шаги, и прямо за спиной Джареда раздался чей-то грубый голос:

— Мэтерс!

Один из четырех матросов обернулся.

Джаред напряг все усилия, чтобы приподнять голову и разглядеть человека, окликнувшего Мэтерса, но это ему не удалось.

Вновь послышались шаги, и зазвучал еще один голос — вероятно, это был Мэтерс:

— Зачем он тебе?

— Это мое дело.

— Бери кого хочешь, но только не его. Это особый случай.

— Я заплачу. Сколько ты за него просишь?

— У тебя нет таких денег, — буркнул Мэтерс. — Те, кому он нужен, не бросают слов на ветер. Если я уступлю его тебе, я не доживу и до заката.

— А ты просто отвернись на минуту, и я...

Внезапно разговор оборвался на полуслове. Раздался глухой звук удара. Джаред почувствовал, как на него рухнуло чье-то тяжелое тело. Молодой человек застонал и

пошевелился. Обмякшее тело скатилось с него на мостовую. Джаред с трудом приоткрыл один глаз. В нескольких дюймах от него лежал хозяин таверны.

— Ты что, сдурел? — заорал Мэтерс.

— Незачем было совать нос в мои дела.

Судя по молчанию Мэтерса, заступаться за хозяина таверны он больше не собирался.

— Это все, что у тебя есть?

— Завтра будут еще, — сказал Мэтерс.

— Прекрасно. И убери отсюда Гиббса. Оттащи его в поле.

Дальше все происходило, как в тяжелом, дурном сне. Джаред слышал, как куда-то поволокли хозяина таверны. Потом юноше показалось, что, ступая точно кошка, к нему приблизился еще один человек. Кто-то ногой перевернул его лицом вверх. Джаред приоткрыл глаза и увидел смутные очертания двух людей. Юноша напряг зрение, несколько раз моргнул и наконец понял, кто над ним стоит. Прежде чем потерять сознание, он успел подумать: «Что делает здесь, в глухом бостонском переулке, эта парочка — матрос и индеец?» Спустя мгновение пелена перед его глазами сгустилась, и мир погрузился во тьму.

Джаред страдальчески сморщился и схватился руками за голову. Он смутно соображал, что делает. Его голова напоминала сосуд, внутри которого плескалась боль. Толчок — ион ударился головой о стену. Еще один толчок... О, лучше бы он умер!

Внезапно он ощутил отвратительное зловоние. Смрад был таким тяжелым, что молодого человека начала душить тошнота. «Где это я?»

Джаред приоткрыл глаза и огляделся. Прямо перед ним, привалившись спиной к стене — почему-то изогнутой, — сидел Джеймс Мэйджи. Покачиваясь из стороны в сторону, он тихо и жалобно стонал. В трех шагах от Мэйджи на дощатом полу ничком лежал какой-то незнакомый паренек. Судя по всему, он тоже чувствовал себя преотвратно.

Не успел Джаред хорошенько осмотреться, как откуда-то сверху донеслось:

— Свистать всех наверх! — И тут же все вокруг загремело от дробного топота. Затем раздался лязг замка и со скрипом поднялась крышка люка. Стало светло. На деревянной лестнице показались чьи-то ноги в мешковатых штанах.

Спустя мгновение молодой человек увидел худого мужчину лет тридцати, с впалыми, покрытыми трехдневной щетиной щеками, жидкими черными волосами, стянутыми на затылке в хвост. В правой руке он сжимал длинную кривую морскую саблю.

— А ну кончай валяться, джентльмены! — рявкнул вместо приветствия незнакомец и затем проорал во всю глотку (от его голоса, громкого и резкого, у Джареда заломило в висках): — Живо наверх!

Джаред попробовал встать, но не сумел — у него подгибались колени. Тогда он решил опереться на стену. Наконец кое-как ему удалось подняться. Однако почти в ту же секунду он качнулся и упал на пол.

Горластый человек грязно выругался.

— Ну и товар нам попался! — сказал он сквозь зубы. — Впрочем, никогда не поздно выбросить его за борт.

Между тем Джаред вновь предпринял попытку встать. На этот раз все окончилось благополучно. Мэйджи и незнакомый юноша — худенький и испуганный — были уже на ногах.

— Слава Богу! — ухмыльнулся горластый, поднимая лицо к небу. — Они могут ходить!

И, бросив на молодых людей (все» трое, чтобы не упасть, держались за стены) беглый оценивающий взгляд, ехидно заметил:

— Надеюсь, у вас хватит силенок подняться по лестнице.

Джаред взглянул на товарищей по несчастью. Они осоловели таращась в пространство. Должно быть, он и сам выглядит не лучше.

Первым наверх начал карабкаться Мэйджи, за ним пристроился Джаред, а за Джаредом — незнакомый паренек. Как только Джаред поднял ногу и поставил ее на первую ступеньку, лестница заходила ходуном. Молодой человек судорожно ухватился за нее руками, а затем осторожно, изо всех сил пытаясь не потерять равновесие, стал преодолевать ступеньку за ступенькой.

— Пошевеливайтесь, джентльмены, пошевеливайтесь! — подгонял их снизу горластый матрос.

Джаред задрал голову вверх и чуть не присвистнул от изумления: над ним, точно

огромный купол, распахнулось бескрайнее голубое небо. Потом он заметил замысловатое переплетение канатов, чьи-то босые ноги — и в следующее мгновение шагнул на палубу двухмачтового судна.

На палубе, у самого борта, стояло с десятков матросов. Все они молча смотрели на молодых людей. Джаред ошеломленно озирался по сторонам. Сомнений не было. Они находились в открытом море!

— Сюда, джентльмены.

Джаред оглянулся и увидел, что к ним обращается какой-то краснолицый человек в белой рубахе с широкими рукавами. Нехватку волос на его голове с лихвой возмещала лохматая рыжая борода. В крепкой жилистой руке незнакомец держал свернутый кольцом хлыст. Властным жестом он приказал молодым людям подойти к нему поближе.

— Позвольте мне представить вам, джентльмены, — подал голос горластый моряк, — Патрика Трэйси, первого помощника капитана. Если вы не хотите неприятностей — а я полагаю, что это так, — исполняйте его приказания беспрекословно.

Первый помощник вразвалочку приблизился к Мэйджи. Легонько постучав по его груди хлыстом, он произнес с сильным ирландским акцентом:

— Как тебя зовут, сынок?

По глазам Мэйджи было видно, что он размышляет, надо ли ему отвечать. Заметив это, Патрик Трэйси придвинулся к нему вплотную.

— Не валяй дурака, парень, — сказал он сурово. — Я спросил, как тебя зовут.

— Мэйджи. Джеймс Мэйджи.

Первый помощник улыбнулся и размеренно произнес:

— Рад познакомиться с тобой, Джеймс Мэйджи.

И тут же обратил вопрошающий взор на Джареда и худого паренька. И тот, и другой без промедления назвали свои имена (выяснилось, что нового товарища Джареда и Мэйджи зовут Бенджамин Вир).

С минуту Патрик Трэйси зорко оглядывал молодых людей, а затем указал кнутом на горластого матроса, который стоял за спиной Джареда.

— Это боцман. Витмор. Впрочем, товарищи зовут его Витлес [\[21\]](#). И вот вам мой совет, сынки: прежде чем фамильярничать с ним, узнайте его получше.

Трэйси прошелся взад и вперед по палубе, а потом продолжил:

— Джентльмены, обратите внимание на то, что я называю вас джентльменами, ибо вы таковыми и являетесь, право называться моряком или морским волком еще нужно заслужить, — я хочу поблагодарить вас за то, что вы рискнули попробовать сделать это.

Рыжебородый помощник капитана широко улыбнулся.

— Простите меня, сынки, но таким уж я уродился: не могу и дня прожить без шутки. А теперь, полагаю, вам не терпится узнать, что вы здесь делаете. Так вот, я готов ответить на этот вопрос. Вы стали членами экипажа «Голубки» — лучшего пиратского судна в Атлантическом океане.

— Пиратского? — вырвалось у Бена Вира. Он смотрел на рыжебородого верзилу с каким-то детским недоумением.

Патрик Трэйси вскинул лохматые брови, засмеялся и кивнул. Хлыстом он указал вверх. Там на мачте развевался «Веселый Роджер» — черный пиратский флаг с черепом и костями. Джаред был потрясен.

— Мистер Морган, — обратился к нему ирландец. — Вам матушка никогда не

говорила, что разевать рот неприлично?

Джаред покорно закрыл рот. Что это — он спит и видит сон?

— Кое-кому из вас, — продолжил тем временем первый помощник капитана, — может показаться, что он поторопился подняться на борт «Голубки». Возможно, он даже захочет его покинуть. Что ж, джентльмены, я вас не держу — высаживайтесь на берег!

Округлив от изумления глаза, Джаред, Мэйджи и Вир смотрели на беспредельную гладь океана. Взглянув на их вытянувшиеся лица, Патрик Трэйси от души расхохотался.

— Похоже, вы предпочитаете остаться на борту! Отлично! Ну а теперь, джентльмены, перейдем к делу.

— Не так быстро! — ошетинился Мэйджи. По тому, как вспыхнули его глаза, было видно, что в голове у него начало проясняться. — Для начала потрудитесь объяснить, как так случилось, что мы оказались здесь против своей воли?

— Против своей воли? — переспросил первый помощник. И с деланным изумлением произнес: — Витлее, эти люди оказались на борту против их воли?

— Никак нет, сэр, — бодро ответил боцман. Его правая рука по-прежнему покоилась на рукоятке сабли. — Когда мы несли их на «Голубку», они не проявляли никакого недовольства.

— Нам подмешали в ром какую-то дрянь! — вскричал Мэйджи.

— Ах, вот оно что! Ну, тогда все понятно! — воскликнул Патрик Трэйси, сокрушенно покачав головой. — А я-то, дурень, грешным делом подумал, что вы просто любите поспать!

Он хитро прищурился и продолжил уже совсем другим, суровым тоном:

— Честно говоря, джентльмены, нам необходимо было пополнить команду. Мы увидели вас лежащими на улице и решили, что вы нам подходите. Ну а если у вас раскалывается голова, мы тут ни при чем. Напоили вас вербовщики. Мы вас просто купили.

— Вы купили нас у вербовщиков? — порывисто и звонко спросил Джаред. Он был вне себя от гнева.

— Какая разница, парень? Теперь ты все равно никуда не денешься, — первый помощник перестал улыбаться. Он расправил плечи и сжал рукоятку хлыста.

— Разница есть, — враждебно ответил юноша. — Эти люди убили моего отца.

Мэйджи удивленно взглянул на Джареда.

— Я могу тебя понять, парень, — задумчиво произнес Патрик Трэйси, оглаживая бороду. — Но сердиться на нас не стоит: мы пираты, а не вербовщики.

На его лице появилась брезгливая гримаса.

— Кстати, с этим крысиным племенем тебе никто не мешает разобраться при встрече.

И тут вперед выступил Вир.

— Когда мы вернемся в Бостон? — спросил он дрожащим голосом.

Первый помощник вновь заулыбался.

— Трудно сказать. Видишь ли, сынок, не в каждом порту нас встречают с распростертыми объятьями.

Сзади послышался смешок боцмана.

— Поймите, джентльмены, мы — пираты. И законопослушные граждане Бостона, Лондона, Бристоля и многих других портов мира имеют отвратительное обыкновение вешать нас на реях. Боюсь, в нашем деле есть свои неприятные стороны.

— Потому-то нам и пришлось набирать новых моряков, — хохотнул Витмор.

— И все же, джентльмены, — не обращая внимания на боцмана, продолжил Патрик

Трэйси, — это выгодный промысел, особенно для нашей команды. Ни один корабль, плавающий под «Веселым Роджером», не сравнится с «Голубкой». Как правило, на всех пиратских судах команда в два раза больше, чем у нас. Капитаны этих лоханок думают, что это им поможет, — ирландец презрительно покачал головой. — Глупцы, они просто не умеют драться. Мы нападаем на корабли с такой же командой, как у нас. Вступая в бой, мы сражаемся один на один. Надеюсь, вы, джентльмены, умеете обращаться с саблями. Я не ошибся?

— Никогда не держал ее в руках, — сказал Мэйджи.

— Я тоже.

— И я.

— Жаль, — сказал Патрик Трэйси. — Хочется верить, что вы быстро освоите эту науку.

Так о чем я говорил?

— О тактике боя, — напомнил Витмор.

— Ах, да! Видите ли, джентльмены, нам удалось уцелеть только потому, что мы умеем драться. Хотя, говоря начистоту, это не так уж и сложно — команды торговых судов никуда не годятся. И знаете, что я вам скажу, сынки, — произнес Патрик Трэйси с чувством, — вы вытянули счастливый жребий. Вас ведь могли продать на торговое судно, — он с отвращением передернул плечами. — Об этом даже страшно подумать. Жизнь пиратов во сто крат легче. Да и жалованье у нас больше. На пиратском судне вы можете повеселиться всласть; никто вас за это не осудит и не накажет. Само собой, нам тоже приходится тянуть лямку. Но, повторю еще раз, жизнь у пиратов совсем неплохая! У нас демократия — конечно, в пределах разумного. Даже капитана мы выбираем сами. Вы с ним еще познакомитесь. Его зовут Джек Деверо. В целом свете не сыщешь человека лучше. Хотя должен сразу предупредить: будете ему перечить — вам конец. Но если вы поладите с командой, он станет вам вторым отцом.

С минуту Патрик Трэйси прохаживался по палубе, а потом, бросив веселый взгляд на молодых людей, прибавил:

— Полагаю, джентльмены, с этой минуты для вас начинается новая жизнь, полная самых радужных перспектив!

Джаред оглянулся на своих товарищей. Мэйджи дымился от ярости. Вир выглядел так, точно вот-вот заплачет.

— Приходилось ли кому-нибудь из вас выходить в море?

Все трое отрицательно покачали головами.

— Жаль, — сказал ирландец, а затем громко распорядился: — Витлее, запиши этих сосунков в школу пиратов.

Как ни старался Джаред возненавидеть тех, к кому он попал против своей воли, у него ничего не получалось. Если Мэйджи и Виру была отвратительна сама мысль о том, что они находятся на борту пиратского судна, то Джареду казалось, что настала лучшая пора в его жизни. Он получил все, о чем мечтал, — или почти все. Конечно, теперь у него не было Энн... Но море приводило Джареда в такой восторг, что он позабыл и о ней, и о том, что его за пиратство могут вздернуть на реях.

Перед ним открылся новый восхитительный мир под названием «Голубка». Здесь не было места Кембриджу, Бостону и Гарварду — и Джаред искренне радовался тому, что эта чужая, никогда не интересовавшая его жизнь осталась в прошлом. Новым товарищам

Джаред не было никакого дела до Филипа с его научными амбициями и Присциллы с ее снобизмом, блистательными способностями и любовью к теологии. Здесь ничто не напоминало ему о том, что он не оправдал отцовских ожиданий. Ступив на борт «Голубки», он стал гражданином суверенного государства. И это государство ему нравилось.

Как и положено любому государству, корабль — этот маленький плавучий остров — имел свой язык. Он был кратким и точным — ведь от четкости и скорости выполнения команды зависела жизнь людей. Раздавался приказ, матросы с непостижимой быстротой его исполняли — и корабль послушно повиновался капитану.

Здесь все имело свое название. Первое время Джареду казалось, что команда говорит по-китайски. Однако мало-помалу он освоил язык моряков и запомнил множество морских и географических терминов. Он узнал, чем нос отличается от кормы, правый борт — от левого и сращивание — от узла; что значит дать задний ход, взять рифы, убрать и отдать паруса; что такое кофель-нагель и бочечный строп с гаками; как это — держать курс против ветра, сменить курс и сделать поворот фордевинд. Он вызубрил наизусть названия снастей, мачт и парусов и познакомился с основами навигации.

А еще он узнал, что такое бриз и пассаты, шторм и шквал. Научился определять направление ветра (попутные ветры помогают кораблю двигаться выбранным курсом, а встречный ветер мешает ему), ориентироваться по звездам и разбираться в различных видах облаков.

Матросу полагалось знать мореплавательную науку досконально. Он должен был усвоить разницу между стоячим и бегучим такелажем; в совершенстве овладеть искусством вязания узлов и соединения канатов — как при помощи тросовых талрепов и найтовки, так и путем сращивания концов. Даже в кромешной тьме в безлунную ночь он должен был суметь завязать прямой, рифовый, шкотовый или брам-шкотовый узел. Вся команда по очереди вставала к штурвалу, несла вахту, делала замеры глубины лотом.

Труд на корабле был разнообразным и тяжелым. Помимо всего прочего матросам приходилось сворачивать и смолить канаты, чинить и смазывать оснастку, чинить паруса, чистить оружие, драить палубу и заниматься приемом груза.

Джаред чувствовал себя на «Голубке» как рыба в воде. Никаких книг. Никакой зубрежки. Никаких преподавателей и краски стыда на щеках из-за невыученных уроков. В море работа либо сделана, либо нет. Или узел завязан правильно, или нет. При этом на карту ставилось куда больше, чем твоя репутация в классе. От тебя зависела жизнь товарищей и судьба корабля. Если ты выполнил работу небрежно, кто-то упадет с мачты или будет покалечен упавшей снастью. Поведешь себя неосторожно — смоем волной за борт. Это была опасная, полная изнурительного труда жизнь, от которой Джаред приходил в полный восторг.

В воскресенье команда могла немного перевести дух. Как правило, отдых выливался в дружеские попойки. Выпивка помогала матросам на время забыть об их тяжелой доле. Один из матросов даже прочел Джареду такие незамысловатые стишки:

Коль выпить можно вволю хорошего вина,
Нам наплевать на беды, нам буря не страшна,
Мы наверху блаженства, пируем, как в раю,
И жизнь не вспоминаем нелегкую свою.

Кое-кто из пиратов напивался до полного бесчувствия — впрочем, справедливости ради надо признать, что на борту «Голубки» такое случалось редко. Капитан Деверо доходчивым языком объяснил матросам, что безопасность корабля и жизнь людей не должны зависеть от выпивох и, раз уж команда «Голубки» меньше обычного, а вознаграждение — больше обычного, он вправе требовать ответственного отношения к службе. С тем, кто предпочел своим товарищам бутылку, расставались без особых сожалений. Матрос мог рассчитывать на снисхождение только один раз. Если он продолжал пить, его оставляли в порту, высаживали на какой-нибудь остров или выбрасывали за борт.

Иногда команда, чтобы скоротать время, пускалась в пляс. При этом большинство матросов неуклюже подпрыгивали и топтались на месте. Однако на борту было и несколько довольно искусных танцоров, которые когда-то посещали музыкальные клубы Вапинга, матросского квартала в восточном Лондоне. Порой моряки использовали мачту как майское дерево [22], приплясывая вокруг нее под разные песни, в основном непристойные.

Чаще же всего матросы сидели на палубе или в кубрике и рассказывали друг другу обо всем, что имело хотя бы отдаленное отношение к морю, — о морских приключениях, небывалых случаях и разных чудесах. Особенно охотно слушали на «Голубке» истории о бесстрашных и сметливых моряках — причем рассказчикам случалось говорить и чистую правду. А еще матросы любили стихи, хотя сами сочиняли их редко (за исключением стихов «с очень плохими словами», как сказал Джареду один матрос). Некоторые матросы умели читать, но из-за сырости и плесени книг на корабле не держали.

Прошло более двух недель с того дня, как Джаред попал на «Голубку». За это время он перезнакомился почти со всей командой. Корабельный плотник Томас Бардин — он был родом из Уэльса — ремонтировал на «Голубке» мачты, реи, шлюпки и оборудование, а также следил за тем, чтобы судно не дало течь. В ведении старшего комендора Руди Шоу находились орудия и боеприпасы. Он отвечал за то, чтобы не разорвалась пушка или, к примеру, не перегрелось орудие. Рулевой Джон Венделл был опытным матросом и умел читать и писать. Он вел вахтенный журнал (записи в судовом журнале делал капитан). Хромоногий Натаниель Роупс, как и многие корабельные коки, ничего не смыслил встряпне. На камбузе он обосновался после того, как сломал ногу во время погрузки. Кроме того, на корабле служили матросы Майкл Долтон, Джереми Ли и Джордж Кэбот — настоящие морские волки. Джаред Морган, Джеймс Мэйджи, Бенджамин Вир и Ричард Дерби, появившийся на «Голубке» за неделю до молодых людей (он сбежал с торгового судна), завершали список личного состава.

Теплым воскресным вечером Майкл Долтон сидел, прислонившись спиной к мачте.

— Что это с ними? Они все еще недовольны тем, что попали сюда? — и он кивком головы указал на Мэйджи и Вира, которые, по своему обыкновению, держались в стороне от остальной команды. Свободные от вахты матросы, сидя на палубе, лениво толковали о том о сем. В океане царствовал штиль, легкий ветерок лишь слегка шевелил паруса. Провисший такелаж тихо постукивал о мачты.

— Небось хотят домой, к мамочке, — засмеялся Руди Шоу.

Джаред, не желая обижать друзей, сдержал улыбку.

— О чем еще мечтать? — сказал Ричард Дерби, обращаясь к Мэйджи и Виру. — Я вот, к примеру, сбежал с «Верного Джорджа», когда узнал, что Деверо стоит рядом с Бостоном. Ради того, чтобы попасть на «Голубку», я готов был пойти на все.

— А где в это время находился «Верный Джордж»? — спросил Шоу.

— В Филадельфии. Я потихоньку пробрался на борт шлюпа, который шел в Бостон. Еще две недели я потратил на поиски Деверо. Меня чуть не поймали. Барлоу послал за мной вдогонку своих людей.

— Эдмунд Барлоу? — переспросил Долтон.

— Он самый.

— Я слышал о нем. — Долтон понимающе взглянул на Дерби.

— И это правда, — сказал Дерби. — То, что о нем говорят.

Долтон скроил мрачное лицо и вдруг рявкнул:

— На моем корабле нет справедливости и несправедливости, парень. Есть только долг и бунт. Заруби себе это на носу. Выполнять мои приказы — твой долг. Не подчиняться мне — это бунт.

Дерби расхохотался.

— Ну чистый Барлоу! Ты его встречал?

Долтон отрицательно покачал головой.

— Нет, зато я встречал изувеченных им матросов. Об этом изверге рассказывают во всех портовых тавернах — от Бостона до Бристоля.

— Я видел, как Барлоу бил матроса каменной кружкой. Бедолага лишился четырех зубов, — сказал Дерби. — А еще он сломал о спину одного паренька ручку от метлы.

— Почему его никто не остановил? — удивился Джаред. — Или не сообщил о нем куда следует?

Долтон посмотрел на него прищурившись.

— Ты должен кое-что усвоить, сынок, — сказал он. — Капитан на судне бог и царь. Торговцам и чиновникам плевать на то, чем он занимается у себя на корабле. Главное для них — прибыль. Есть только один способ избавиться от таких людей, как Барлоу, — устроить бунт.

— А это — дело опасное, — вставил Дерби.

— Вот именно, — согласился Долтон. — Хотя ходил слухок, что пару «круглых робинов» ему запустили.

— «Круглых робинов»? — переспросил Джаред.

— Это лист бумаги, на котором нарисованы два круга — один в другом, — пояснил Дерби. — В маленьком круге организаторы мятежа пишут, чего они хотят добиться. Потом те, кто готов их поддержать, вписывают по кругу свои имена (за исходную точку берется одна из частей света). Делается это для того, чтобы у списка не было начала и конца и капитан не мог найти зачинщиков. В первый раз команда хотела выбросить Барлоу за борт. Во второй раз — похитить судно из порта.

— И что из этого вышло?

— Хотя «круглые робины» не попали в руки Барлоу, он о них как-то пронюхал. В первый раз он три дня морил команду голодом. Ну а во второй раз... — Дерби мрачно дернул щекой. — Ему удалось узнать имя зачинщика мятежа. Ночью он спустился в кубрик, разбудил этого матроса и пинками загнал его на палубу. Там он стал бить парня свайкой. У бедняги начались судороги, он истекал кровью. Еще бы чуть — и Барлоу забил бы его насмерть. Однако он вовремя остановился — видимо, хотел все списать на несчастный случай. Он приказал матросу ночью, в холод и дождь, лезть на фок-мачту и отдать паруса. Барлоу прекрасно понимал, что избитому, истекающему кровью человеку это не по силам.

Он неизбежно должен был свалиться за борт. На полпути у парня опять начались судороги. Я бросился ему на помощь, но Барлоу направил на меня пистолет и пригрозил, что пристрелит любого, кто последует моему примеру.

— И что было потом? — тихо спросил Джаред.

— Какое-то время парень держался, но он слишком ослаб от побоев. Он упал за борт. В ту ночь дул сильный ветер. Море проглотило его в минуту, — Дерби понурил голову. — Его звали Ричард Уэрри. Он был моим лучшим другом.

Матросы помолчали.

— Вот тогда-то я и решил бежать с «Верного Джорджа», — хрипло произнес Дерби. — Иначе я убил бы Барлоу. Клянусь, я бы это сделал.

Все снова замолчали. Долтон достал нож и деревянную палочку и принялся обстругивать ее. Ветер совсем стих. Из каюты капитана доносились обрывки какого-то веселого разговора. Смех Патрика Трэйси эхом отдавался на палубе.

— А на «Голубке» случались бунты? — спросил Джаред.

— Не задавай таких вопросов, — резко оборвал его Долтон.

Молодой человек понурил голову. Долтон с удивлением взглянул на него.

— Не при этом капитане, — пояснил он и, усмехнувшись, добавил: — Э, браток, да ты впервые за все эти дни не улыбаешься.

Джаред поднял голову и широко улыбнулся.

— Да! — сказал Шоу. — Почему ты такой, приятель? Почему ты не похож на своих дружков? — Шоу кивнул в сторону мрачных, не желающих ни с кем общаться Мэйджи и Вира.

— Просто мне здесь нравится, — ответил Джаред.

— Вот и славненько! — обрадовался Дерби. — Я же говорю: лучшей жизни просто и быть не может.

— Мне тоже здесь нравится, — сказал Шоу. — Но я не брожу по кораблю с малахольной улыбкой, точно влюбленная пансионерка.

Джаред улыбнулся еще шире.

Меж тем матросы один за другим подтвердили: Джаред Морган не перестает улыбаться ни на минуту. Он улыбается, когда изучает такелаж, вяжет морские узлы, тянет канат, моет палубу и даже когда рулевой Венделл занимается с ним фехтованием.

— Я показываю ему, как человеку выпускают кишки, — сказал Венделл, — а у этого парня рот до ушей. Чудак, право слово.

— Не доверяю я тем, кто слишком много улыбается, — буркнул Шоу.

— Морган — парень что надо, — возразил Венделл.

— Он просто веселый моряк, — сказал Долтон, продолжая обстругивать палочку.

Джаред просиял. Его впервые назвали моряком, а не парнем или джентльменом. Это значило, что команда его признала.

Меж тем, глядя на новичков, матросы принялись вспоминать свою юность, свой первый выход в море, своих первых капитанов, первые штормы, первые сражения, первую встречу с загадочными явлениями природы.

— Когда я плавал на «Эбингтоне», — начал Долтон (около него быстро росла горка стружек), — мы у берегов Африки попали в грозу, страшнее которой я не видел ни до, ни после. Команда бросилась крепить все, что попадалось под руку. На палубу обрушивались волны выше грот-мачты. Едва я успел задраить люк, как меня накрыла набежавшая волна. Не

будь я привязан канатом, меня смыло бы за борт. Пару раз меня подбросило и ударило о палубу. Я находился в полубессознательном состоянии. И вот волна схлынула за борт. Я поднял голову... и оцепенел. На грот-мачте сияли огни святого Эльма!

— Огни святого Эльма? — переспросил Джаред.

— Вот именно, мой мальчик, вот именно, — подтвердил Долтон. — На мачте повис огромный огненный шар. Он освещал всю палубу. Я подумал, что за мной пришел ангел смерти. И тут на корабль обрушилась новая волна. А я... я продолжал смотреть на этот огонь. Я видел его даже сквозь толщу воды.

— Как-то раз я выпивал в Глазго с одним моряком. Он видел на мачте сразу две такие штуковины! — сказал Шоу.

— Если видишь их на мачте — это добрый знак, — поучительно заметил Венделл. — А если они лежат на палубе — быть беде.

— Я хочу увидеть их еще раз, все равно где, — взволнованным голосом произнес Долтон.

Матросы немного помолчали. Первым возобновил прерванный разговор Венделл.

— А со мной произошел один странный случай, когда служил на «Вильяме Гэли», — сказал он. — В тот день я, как обычно, заступил на вахту. Часов в девять вечера, сумерки уже спустились на море, справа по борту я заметил шлюпку. Крохотное суденышко. Сначала мне было трудно рассмотреть его в темноте, но потом оно приблизилось. Я не мог поверить своим глазам: такая скорлупка — и в открытом море. Мой товарищ сбегал за капитаном. Тот был ошарашен не меньше нашего. Мы окликнули гребцов, но ответа не получили. Мы очень хорошо видели их. Они то гребли, то откладывали весла и время от времени поглядывали на нас. После того как они отказались отвечать на наше приветствие, капитан приказал открыть огонь. Я выстрелил в них из пушки, но... шлюпка тихо скользила рядом с нами еще с четверть часа. Мистер Пу, наш старпом, сказал, что это челн Харона^[23]; она приплыла за мистером Несбиттом (он тяжело болел), чтобы переправить его через реку смерти. И вот в ту самую минуту, когда шлюпка исчезла, мистер Несбитт умер.

— Неужто ты и впрямь думаешь, что это была ладья Харона? — спросил Джаред.

— Не знаю, — пожал плечами Венделл. — Я никогда не верил в привидения, но как тогда объяснить то, что я видел?

— Эй, Веселый Моряк! — крикнул Долтон. — Не тебе ли сейчас заступать?

Джаред улыбнулся. Конечно, ему бы не помешало поспать перед вахтой, но он боялся пропустить что-нибудь интересное... Ночь будет долгой. Но это ему даже нравилось.

Дружески беседуя, матросы один за другим потянулись в кубрик. Палуба опустела.

— Не засни на вахте, приятель, а то плохо кончишь, — сказал Венделл на прощание.

— Не тревожься, — с улыбкой ответил Джаред. — Я не подведу.

— Не сомневаюсь, — засмеялся Венделл.

Джаред Морган стоял на вахте, беспечно насвистывая. Время от времени он поглядывал на небо, проговаривая про себя названия созвездий, которые показывал ему рулевой Джон Венделл. Корабль спокойно покачивался на волнах. «Лучшей жизни просто и быть не может», — повторил Джаред слова Ричарда Дерби. И тут же подумал, что кое в чем все-таки жизнь могла бы быть и получше. Он вспомнил Энн, и ему захотелось, чтобы она сию секунду оказалась рядом с ним на палубе «Голубки» и увидела это звездное небо.

В церкви было шумно: со стуком поднимались и опускались сиденья, по толпе волнами прокатывался шепот, время от времени раздавался чей-то кашель, слышались окрики родителей, пытавшихся приструнить расшалившихся детей. Вот-вот должно было начаться судебное разбирательство дела Присциллы Морган.

— Попрошу соблюдать тишину, — наконец возвысил свой хорошо поставленный голос Хорас Расселл. Его преподобие строго обвел глазами всех присутствующих. Но прежде чем прихожане утихомирились, ему пришлось еще несколько раз призвать их к порядку. Помимо пастора за длинным столом разместились член попечительского совета Гарварда Эдвард Чонси, дьякон Эндрю Хейл и городской судья Томас Александр. За их спиной восседали дьяконы. Присцилла сидела на передней скамье, прямо напротив своих обвинителей. Она была одна. Констанция сидела на семейной скамье вместе с Дэниэлом Коулом, который приехал в Кембридж по ее просьбе. Девушка обернулась и бросила быстрый взгляд на галерею. Скамья для молодых леди была пуста. Никто из «Дочерей Деворы» на слушание не пришел.

Присцилла расправила складки на юбке. Она старалась не придавать значения отсутствию подруг. Девора тоже была одна. Пытаясь успокоить свою уязвленную гордость, Присцилла говорила себе, что так даже лучше. Ей не нужны помощники.

— Мы собрались здесь перед лицом Господа и наших прихожан, чтобы обсудить очень серьезную проблему, — голос Хораса Расселла звучал торжественно и громко. — В соответствии с ныне действующим законом вопрос, который нам предстоит решать, является дисциплинарным. Это означает, что мы можем проводить данное разбирательство в стенах нашей церкви. Если мы выясним, что своими действиями Присцилла Морган нанесла ущерб не только нашей общине, дело будет передано в гражданский суд. В этом случае последнее слово останется за мистером Александром, прихожанином нашей церкви и одним из городских судей.

И пастор кивком головы указал на судью Александра, маленького, невзрачного человечка в очках.

Судья сдвинул очки на кончик носа и сурово глянул на Присциллу. Его плешивая голова, лицо и руки были обильно покрыты пигментными пятнами, обычными для старческой кожи. Девушка ответила ему пристальным холодным взглядом. От ее внимания не ускользнуло, что мистеру Александру стало не по себе. Присцилла мысленно улыбнулась. Если они надеются, что она струсит и начнет смиренно каяться, их ждет разочарование.

Пастор поочередно представил собравшимся не только сидящих за столом руководителей общины, но и дьяконов. Затем он обратился к Присцилле.

— Обвиняемая, встаньте.

Все голоса разом смолкли. Стало так тихо, что прихожане слышали, как шуршит юбка Присциллы.

— Присцилла Морган, вы обвиняетесь в распространении еретических взглядов, проведении тайных собраний и оскорблении руководства церкви. Признаете ли вы свою вину?

— Бог свидетель, — сказала Присцилла, — я не сделала ничего, что противоречит Его слову.

— Я бы все-таки попросил вас ответить на мой вопрос, — сказал пастор.

— Я только что сделала это.

Хорас Расселл посмотрел на нее неодобрительно и возмущенно втянул носом воздух.

— Упрямство дурно характеризует девушку, не говоря уже о том, что оно противно христианству. Это усугубляет ваше положение, Присцилла.

— Прошу прощения, ваше преподобие, если я показалась вам упрямой. Просто я хотела сказать, что я не совершила ничего противного Богу. А так как руководство церкви опирается на Слово Божье, вы можете сделать единственно возможный вывод: я не повинна ни в чем таком, что могло бы послужить основанием для моего осуждения.

— Выводы мы в состоянии делать сами, мисс, — рявкнул судья.

— Поскольку вы не смогли ответить на мой вопрос, — не отступал Хорас Расселл, — вернусь к выдвинутым обвинениям. Итак, распространяли ли вы еретические взгляды?

— Нет.

— Проводили ли вы тайные собрания?

— Нет.

— Оскорбляли ли вы руководство нашей церкви?

— Нет.

Пастор тонко улыбнулся.

— Благодарю вас, мисс Морган.

— Я рада, что вы все-таки меня поняли.

— Какая дерзость! — возопил мистер Александр и возмущенно стукнул кулаком по столу. По залу прокатился шепоток: публика была согласна с судьей. — Если вы не будете проявлять к представителю духовенства должного уважения, я засажу вас в тюрьму!

Присцилла осеклась. Она понимала, что зашла слишком далеко. Если она не сумеет придержать язык, все, что ей дорого, будет поставлено под угрозу.

— Прошу прощения, ваше преподобие.

Не обращая внимания на ее извинения, Хорас Расселл продолжил:

— Расскажите нам про «Дочерей Деворы».

— «Дочери Деворы» — это девушки, которые собираются у меня дома для молитв, изучения Библии и взаимной поддержки.

— Для молитв, изучения Библии и взаимной поддержки, — повторил пастор.

— Да, ваше преподобие.

— Значит, для ваших подруг моих проповедей и еженедельных лекций недостаточно?

— Наши занятия дополняют вашу работу.

— Мисс Морган, это означает, что в моей работе есть недостатки. В дополнении нуждается то, что несовершенно. Считаете ли вы, что наша церковь мало знакомит прихожан с Писанием и не удовлетворяет их духовные потребности?

Прежде чем ответить, Присцилла тщательно обдумала каждое слово. Ей очень хотелось сказать, что уровень духовности общины ясно показывает, что в проповедях и лекциях, которые читаются в стенах церкви, чего-то не хватает, но она понимала, что такое объяснение спровоцирует новую вспышку гнева. Поэтому она сказала:

— Полагаю, что Библия неисчерпаема. Ее можно изучать всю жизнь.

— Понимаю, — сказал пастор. — И кто же проводил эти занятия?

— Я.

— Есть ли у вас соответствующее образование?

Присцилла помедлила с ответом.

— Вы имеете ученую степень Гарвардского университета? — уточнил свой вопрос пастор.

— Нет.

— Разумеется, нет. Вы изучали теологию? Вы знаете древние языки? Вы знакомы с правилами герменевтики ^[24]? Вы...

— Да, — тихо сказала Присцилла.

— Да? — удивленно переспросил Хорас Расселл. — Что вы хотите этим сказать?

— Я знаю древние языки. Я изучала теологию и герменевтику.

Прихожане зашумели. Прошло несколько минут, прежде чем порядок в зале был восстановлен. Присцилла повернулась к матери. Констанция орошала слезами жилет Дэниэла Коула. Ее плечи сотрясались от рыданий. Коул сидел с непроницаемым лицом.

— Мисс Морган, — продолжил между тем пастор, — вы утверждаете, что знакомы с теологией и герменевтикой. Будьте любезны, скажите, где вы их изучали?

— В отцовском кабинете.

— Иными словами, пока вашего отца не было дома, вы читали его книги?

— Нет, этого я не говорила.

— Тогда, мисс Морган, сделайте одолжение, объясните нам, что вы имели в виду.

— Во-первых, я никогда не залезала в кабинет отца тайком. Во-вторых, меня учил один из лучших преподавателей Гарварда — мой отец.

Толпа зарокотала.

— Присцилла, ваш отец был всеми уважаемым, благочестивым человеком. Вы думаете, мы поверим, что он тайно обучал вас теологии? — отчеканил жестким тоном пастор.

— Хотите — верьте, хотите — нет, но так оно и было.

Его преподобие вопрошающе взглянул на миссис Морган.

— Констанция, — мягко произнес он, — это правда?

Констанция Морган вытерла слезы и утвердительно кивнула.

— Но для чего? — изумился пастор. — Разве она может преподавать в Гарварде? Стать священником или дьяконом? Можете ли вы, Констанция, объяснить, зачем ваш муж это делал?

— На это могу ответить я, — вмешалась Присцилла. — Он делал это, потому что он любил науку и... меня.

— Смею заметить, это была весьма неразумная любовь, — буркнул пастор. — Посмотрите, в каком затруднительном положении вы оказались из-за ваших занятий науками.

Сказав это, Хорас Расселл достал носовой платок и шумно высморкался. Затем он тяжело опустился на стул и, почесав бровь, начал совещаться с руководителями общины и дьяконами. Через несколько минут он снова встал.

— Ну что ж, продолжим. Поскольку вы изучали Библию вне стен учебного заведения, вы наивно полагали, что можете дать своим ученицам то, чего не дала им церковь. Но вы не пришли в церковь и не попросили разрешить вам проводить эти занятия. Почему?

«Так вот что их волнует! — внезапно поняла Присцилла. — Они боятся потерять власть!»

— Честно говоря, я просто об этом не подумала. Я хотела, чтобы занятия способствовали духовному развитию моих подруг. Я и предположить не могла, что кто-то

сочтет мои действия оскорбительными.

— Мисс Морган, вы прекрасно знаете: Господь заботится о том, чтобы Его наставления и заповеди не искажались!

— Повторяю еще раз: «Дочери Деворы» не ставили под сомнение чей-либо авторитет. Я хотела только одного: чтобы девушки, посещающие эти занятия, могли стать настоящими христианками.

— Лгунья! — Эндрю Хейл в волнении вскочил со стула и гневно указал трясущимся пальцем в сторону Присциллы. — Эти собрания не что иное, как злонамеренная попытка подорвать авторитет семьи и церкви. Ты отравила разум моей дочери! Ты развращала своих подруг!

Присциллу потрясла злорада, с которой говорил этот человек. Он совершенно не владел собой, его лицо побагровело, глаза налились кровью, на лбу вздулись вены.

— Десять заповедей для тебя ничего не значат? — пронзительно крикнул он.

— Я не вполне понимаю... что вы хотите... — пробормотала Присцилла.

— Хочу напомнить тебе одну из них: «Почитай отца твоего и мать твою»!

— Я по-прежнему не понимаю, что вы...

— Что вы хотите сказать, Эндрю? — вмешался Хорас Расселл.

— Хорошо, я объясню! Моя Табита была такой послушной, такой любящей дочерью. Но стоило ей сблизиться с мисс Морган — и она превратилась в непокорную спорщицу и даже лгунию!

— Могу согласиться с вами только в одном, мистер Хейл, — холодно сказала Присцилла. — Табита — незаурядная, умная девушка. Но я никогда не учила ее не повиноваться вам и уж тем более лгать.

— Ловлю эту змею на слове, — хмыкнул мистер Хейл и, подавшись вперед, спросил: — Ты учила мою дочь читать?

Присцилла высоко подняла голову.

— Да.

— В какой день недели у вас были занятия?

— По средам.

— В два часа пополудни?

— В два часа пополудни мы начинали общую встречу.

— А заканчивали в половине четвертого?

— Общее занятие заканчивалось в три. После этого Табита оставалась, и я учила ее читать.

— Знаешь, что сказала мне Табита, когда я спросил, где она бывает по средам?

Присцилла промолчала.

— Так ты знаешь? — взвизгнул Эндрю Хейл.

— Нет, мистер Хейл, этого я не знаю.

— Она сказала мне, что вдова Андерхилл учит ее вышивать. Как-то раз — дело было в среду — Табита мне срочно понадобилась, и я послал за ней Джона. И что же я выяснил? Вдова Андерхилл вообще не умеет вышивать! А где же была моя Табита? Она сидела у тебя в гостиной и училась читать! Свою ложь эта дрянная девчонка объяснила так: она, видите ли, знала, что мне это не понравится! Тут она была права! Зачем вам, женщинам, уметь читать? Чтение вас только портит. У вас появляются ненужные мысли. Вы становитесь строптивыми. Все вам не по нутру. Помните жену Джоша Хоскинса? — обратился мистер

Хейл к прихожанам. — И трех лет не прошло с тех пор, как она сбежала из дому с другим женщиной. Так вот, начала она с того, что освоила грамоту, а кончила тем, что назвала Джоша невежественным ослом и оставила его! Говорю вам, чтение — это яд. И я не допущу, чтобы в моем доме появилась грамотная женщина!

— Мистер Хейл! — начала было Присцилла. — Я хотела лишь...

— Закрой рот, женщина! Я не нуждаюсь в твоих извинениях! Ты и так достаточно натворила! Ты заманила к себе в дом мою дочь, стала учить ее читать, и теперь, когда я говорю ей «хватит книг!» — она кричит, что ненавидит меня и что будет учиться читать вопреки моей воле! Это твоих рук дело!

— Мистер Хейл, вы меня неправильно поняли! — Присцилла независимо задрала подбородок. — Я не собиралась извиняться. Само собой, Табите не следовало вам лгать. Однако вашей дочери не пришлось бы прибегать к обману, если бы вы желали ей добра и действовали ей во благо.

Весь побагровев, мистер Хейл, заорал фальцетом:

— Выходит, это я во всем виноват? Это я плохой отец? Так вот, юная леди, вас нужно хорошенько выпороть. И знаете что, мисс Морган, раз уж вашего отца нет в живых, я буду рад выбить из вас дурь собственными руками!

И тут вновь вмешался пастор:

— Эндрю, успокойтесь! Сядьте и успокойтесь!

Эндрю Хейл сел на место, но успокоиться не мог.

— Достаточно ли нам того, что мы слышали, или нам нужно провести дополнительный опрос свидетелей? — Вопрос Хораса Расселла был обращен к руководителям общины. Посовещавшись, они решили приступить к обсуждению участи Присциллы Морган. Прихожане остались на своих местах, а пастор, судья, мистер Чонси и Эндрю Хейл гуськом потянулись из зала.

Присцилла села. Целый час, пока за закрытыми дверьми решалась ее судьба, она провела в полном одиночестве. Она слышала, как присутствующие громко обсуждали ее поведение. До нее доносились слова «самоуверенная», «наглая», «заносчивая», «строптивая» и фразы вроде «будь она моей дочерью, я бы...». Дьяконы не сводили с нее недобрых глаз. Все они как один скрестили руки на груди, словно говоря, что они уже вынесли ей приговор. Присцилле почти удалось убедить себя, что мнение прихожан ее не интересует. Но чем дольше она сидела в ожидании приговора, тем больше удивлялась, почему к ней не подошла мать, почему не успокоила ее, не спросила, как она. Присцилла не могла заставить себя обернуться и посмотреть на Констанцию. Она поняла: мать не хочет разделить ее позор. Девушка не осуждала ее за это. Но ей не хватало материнской поддержки.

Наконец пастор, судья, Эндрю Хейл и мистер Чонси гуськом проследовали на свои места. Присциллу вновь попросили встать. На сей раз речь держал отец Пенелопы.

— Около ста лет назад пред судом города Бостона предстала женщина. Ее звали Энн Хатчинсон ^[25]. Хотя тот давний судебный спор имел самое непосредственное отношение к теологии и ущерб, нанесенный церкви, был значительнее, можно провести параллель между нашим заседанием и тем знаменитым процессом. У себя дома миссис Хатчинсон устраивала собрания, на которых толковала Библию и распространяла свои подстрекательские измышления. Она была невысокого мнения о священниках и часто критиковала духовенство. Эту женщину сгубила ее гордыня. Сегодня перед нами стоит девушка, во многом похожая на Энн Хатчинсон. Не имея надлежащего образования и не получив одобрения церкви, она

взялась обучать юных леди Библии. Из-за чего в нескольких семьях возникли неурядицы — то, что произошло с Табитой Хейл, случай не единичный. Упомяну лишь, что это затронуло и меня. Насколько нам известно, вредоносные занятия мисс Морган посещали только пять молодых женщин. За это мы благодарим Господа. К счастью, нам удалось уничтожить зло в зародыше. В заключение я хочу сказать, что наша комиссия на основе свидетельских показаний пришла к следующему выводу: мисс Присцилла Морган виновна в распространении еретических взглядов, проведении тайных собраний и оскорблении руководства церкви. А теперь мистер Александр огласит приговор.

Судья торжественно встал со своего места. Ожидая, пока уляжется поднявшаяся в зале сумятица, он несколько раз поправил очки. Когда прихожане успокоились, он громко зачитал приговор:

— Присцилла Морган, признанная виновной в совершении вышеперечисленных преступлений, будет посажена в колодки в ближайший день чтения лекций. Кроме того, к языку мисс Морган будет прицеплена раздвоенная палочка, напоминающая о характере совершенного Присциллой Морган преступления. Мы находим весьма прискорбным, что у мисс Морган нет отца или мужа, который мог бы присматривать за ней в дальнейшем. Учитывая данные обстоятельства, мы приняли следующее решение: после того как Присцилла Морган будет освобождена от колодок, она подлежит изгнанию из Массачусетса. Только так мы сможем оградить наших детей от ее тлетворного влияния.

Присцилла слышала за своей спиной невнятный людской говор. В общем шуме она различила голос матери. Задышавшись, Констанция Морган воскликнула:

— О, Бенджамин! Наша девочка... наша девочка!

У Присциллы подкосились ноги. Она тяжело опустилась на скамью, ухватившись рукой за ее спинку.

— Вы позволите мне обратиться к высокому собранию? — Девушка была так взволнована, что не сразу узнала этот голос. Она обернулась. Коул! Что ему нужно? Неужели ему мало изгнания? Чего еще он хочет? Ее смерти?

— Представьтесь, пожалуйста, — сказал пастор.

— Меня зовут Дэниэл Коул. Я живу в Бостоне и занимаюсь оптовой торговлей.

— Ваше имя известно далеко за пределами Бостона, мистер Коул, — подобострастно произнес Хорас Расселл. Судя по всему, он взволновался не на шутку. — Для нас большая честь видеть вас в стенах нашей церкви! То, что вы хотите сказать, имеет отношение к судебному заседанию?

— Полагаю, что да, сэр.

— Тогда, пожалуйста, выйдите вперед, чтобы вас слышали все.

Дэниэл Коул двигался неторопливо, наслаждаясь всеобщим вниманием. Важной поступью он подошел к Присцилле и положил руку ей на плечо. Его сопровождал отвратительный запах грязных носков.

— Я хочу помочь тебе, дорогая, — произнес он пронзительным шепотом.

Затем мистер Коул выпрямился и обратился к руководителям общины:

— Хотя я не принадлежу к вашему благородному собранию, я являюсь прихожанином Северной церкви в Бостоне ^[26], где имею честь заседать в совете старейшин. Я хотел бы сказать несколько слов в защиту обвиняемой и остановиться на вынесенном ей приговоре. За короткий срок на семью Морган обрушилось столько несчастий! Не прошло и года, как не стало Бенджамина Моргана.

Затем бесследно пропали два его сына. Я боюсь, что если мы приговорим последнего ребенка Констанции Морган к ссылке, она этого просто не перенесет. Могу ли я предложить свое решение, которое не противоречит вердикту и духу приговора?

— Наказывая дочь, мы не желаем причинить вред ее благочестивой матери, — сказал судья. — Если у вас есть приемлемое решение, мы хотели бы о нем узнать.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, но, по-моему, вы сказали, что вынуждены вынести такой приговор, поскольку у Присциллы нет ни отца, ни мужа?

— Именно так, сэр.

— А если я сумею найти человека, который будет опекать ее до тех пор, пока она не выйдет замуж, я смогу убедить вас смягчить приговор в той части, где упоминается об изгнании?

Судья снял очки и начал вертеть их в руках.

— Вы можете назвать такого человека? — после минутного молчания спросил он.

— Полагаю, что да, сэр, — сказал Коул, самодовольно поглядывая на Констанцию. — Возможно, сейчас не лучший момент для объявлений такого рода, но я хочу сообщить, что мы с Констанцией Морган намерены вступить в брак.

Присцилла судорожно втянула в себя воздух.

— Таким образом, я вскоре стану отчимом мисс Морган, — продолжил как ни в чем не бывало мистер Коул, — и в качестве такового я могу вас заверить: никаких тайных женских собраний больше не будет. Кроме того — я уверен, это обрадует мистера Хейла, — Присцилла покинет Кембридж. Вместе с матерью она переедет ко мне в Бостон и будет жить с нами, пока не выйдет замуж.

Сидящие за столом склонили головы, обсуждая предложение Дэниэла Коула.

— И еще, — добавил Коул, прерывая их шепот. — Я всем сердцем верю, что в случившемся нельзя винить только эту милую девушку. Здесь есть вина и ее отца, Бенджамина Моргана. Ведь это он поощрял ее сомнительные занятия. Став ее отчимом, я позабочусь о том, чтобы мисс Морган позабыла о теологии и герменевтике. Я уверен, что под моим присмотром Присцилла найдет свое место в обществе и станет послушной дочерью, а в один прекрасный день, с Божьей помощью, и покорной женой.

Руководители общины вновь зашептались. Спустя несколько минут они приняли решение, которым мистер Хейл был явно недоволен.

— Мы принимаем во внимание то, что вы благочестивый и порядочный человек, чья душа жаждет не только справедливости, но и милосердия, — торжественно произнес судья. — Мы тронуты вашей готовностью взять на себя ответственность за перевоспитание мисс Морган. Мы молимся за то, чтобы вам удалось довести это благородное дело до конца. Мы принимаем ваше великодушное предложение. — Судья обвел взглядом всех присутствующих и подытожил: — Таким образом, в лекционный день, после того как с Присциллы Морган снимут колодки, она будет передана под вашу опеку.

— Мисс Морган, — обратился он к Присцилле, — вы понимаете, что сделал для вас мистер Коул?

Присцилла сидела на скамье, опустив голову. Внутри у нее все кипело. Мало того, что ее осудили за преступление, которое заключалось в преподавании Священного Писания и поощрении духовного развития женщин, так ее еще и отдадут на поруки безнравственному лицемерному торгашу, которого считают праведником! Но что она может сделать? Одно лишнее слово — и она навсегда покинет Массачусетс. Куда ее могут отправить? В колонию

Род-Айленд? Там она никого не знает. Как она будет там жить?

— Мисс Морган! Мы ждем вашего ответа!

Присцилла подняла голову и дерзко взглянула судье прямо в глаза.

— Я очень хорошо понимаю, что он сделал, — сказала она.

— Присцилла, — вступил в разговор пастор, — разве вам не следует поблагодарить мистера Коула?

«Господи! Неужели этому кошмару не будет конца? Они не только верят лицемерным речам Дэниэла Коула, но еще и хотят, чтобы я рассыпалась перед ним в благодарностях!»

— Присцилла?

Девушка встала с места и взглянула на Дэниэла Коула. Его лицо светилось от удовольствия. Он наслаждался представлением!

— Мистер Коул, я хочу поблагодарить вас за то, что вы за меня заступились, — произнесла она деревянным голосом.

— Позвольте поздравить вас с предстоящим вступлением в брак! — лучезарно улыбнулся пастор.

— Благодарю вас, — сказал Коул. — Я уверен, что мы будем счастливы.

Судебное заседание по предложению Хораса Расселла завершилось молитвой. Пастор благодарил Бога за то, что Он даровал им мудрость и помог сохранить святость церкви и уладить дело в согласии со Словом Божьим. Его преподобие благодарил Господа и за то, что Он послал Присцилле родственника-избавителя в лице Дэниэла Коула.

Однако Присцилла не принимала участия в общей молитве. Она больше не желала разговаривать с Богом.

Утро лекционного дня выдалось ясным и теплым. Был первый четверг мая. Время завтрака миновало, и жители Кембриджа вместо того, чтобы отправиться в свои мастерские или на службу, слонялись по улицам. Лекции начинались не раньше часа — горожане успевали даже пообедать. Тот, кто не собирался идти на лекции, мог поучаствовать в так называемой любительской охоте на волков (зверей заранее ловили в лесу опытные охотники), посмотреть на травлю волка собаками или на то, как волка, еще живого, привязывали к лошадиному хвосту и волокли по городу. Другие виды увеселений включали охоту на медведей и лис, стрельбу по мишени и метание бревна.

Публичное наказание преступников тоже входило в число обычных утренних развлечений в эти праздные дни. На сей раз осужденной была Присцилла Морган.

В сопровождении церковного старосты, который сжимал в руке жезл — символ его власти, — и четырех руководителей общины она шла к подмосткам, где стоял позорный столб. Церковный староста, он же городской глашатай, прокладывал путь среди зевак.

— Посторонись! Дорогу мисс Морган! Сейчас вы станете свидетелями торжества правосудия! Дорогу! Дорогу!

Как воды расступились перед Моисеем, так толпа расступалась перед глашатаем, за которым следовали Эдвард Чонси, Эндрю Хейл, Томас Александр, Хорас Расселл и осужденная. Еще сегодня утром Присцилла наивно полагала, что она готова предстать перед жителями Кембриджа. Ее это даже забавляло. «Интересно, что принято надевать, отправляясь к позорному столбу? — размышляла девушка, рассматривая свой гардероб. — Наверное, что-нибудь скромненькое. Ничего кричащего». И она выбрала синее платье с прилегающим лифом и широкой юбкой. На плечи она накинула белую кружевную косынку,

а на голову надела соломенную шляпу с широкими полями, которую обычно носила в солнечную погоду. И только теперь, пробираясь сквозь толпу, она поняла, как была глупа. Эти люди не обращали внимания на ее платье. Оно их просто не интересовало. Их захлестывала ненависть. Конечно, она не рассчитывала на сочувствие, но и увидеть столько злобных лиц не ожидала. Горожан трясло от отвращения и презрения, словно она — разбойница или убийца. Для них существовало только черное и белое. Любой проступок они приравнивали к греху. Присцилла провинилась, и они считали своим долгом поносить ее и глумиться над ней. Так они помогали преступнице очиститься от скверны.

Кроме того, гнев, точно щит, должен был защитить от греха их самих — ибо грех заразителен по своей природе. Горожане выстроились в боевом порядке, чтобы выступить на стороне Господа против зла во всех его отвратительных проявлениях. Для жителей Кембриджа в то майское утро вся мерзость греха воплотилась в этой миниатюрной рыжеволосой девушке в синем платье.

Не только незнакомцы, но и люди, которых Присцилла знала всю жизнь, осыпали ее упреками, оскорблениями и плевками. Их лица были суровы и безжалостны, глаза прищурены, губы кривились в злой усмешке. Самые смелые норовили ударить девушку кулаком — при этом они, словно боясь подцепить заразу, старались побыстрее отдернуть руку.

Зрители окружили помост, на котором возвышался позорный столб. Присцилла, церковный староста и руководители общины поднялись по ступеням и повернулись лицом к толпе. Пока зачитывалось обвинительное заключение, Присцилла глядела вверх голов, стиснув зубы и гордо вздернув подбородок. Она не вслушивалась в невнятное бормотание этих самодовольных людей, назвавших ее злодейкой лишь потому, что она любила читать, учиться и думать и имела смелость не скрывать своего мнения. Если бы в обвинительном заключении было написано именно это, она с радостью признала бы себя виновной. Но до нее долетали совсем другие слова: «тайные собрания», «еретические взгляды», «оскорбление руководства церкви». Присцилла догадывалась: они учинили расправу не только над ней. Они боролись с тайным грехом ее отца — ведь Бенджамин Морган позволил женщине учиться. Но если бы она могла прожить жизнь заново, она поступила бы так же. Минута, проведенная с отцом, стоила часа каторги. «Папочка, — думала она, — как хорошо, что тебя здесь нет. Я переживу жалкую ярость их ничтожных душ. В тысячу раз тяжелее мне было бы видеть, как они причиняют боль тебе».

Когда глашатай дочитал приговор, Присцилла поняла, как сильно она любит своего отца за то, что он учил ее, как сильно ненавидит этих людей за то, что они осуждают его, и как она обижена на Бога за то, что Он позволил им одержать победу.

— Вы должны снять шляпу, мисс Морган.

— Шляпу?

Церковный староста указал на колодки.

— Ах да, шляпа...

Она развязала ленту, сняла шляпу и протянула ее пастору, который растерянно повертел ее в руках.

— Вы не могли бы отдать ее маме? — попросила Присцилла.

Пастор кивнул.

— Голову сюда, руки сюда, — распорядился церковный староста.

Столб стоял перед ней, точно крокодил, распахнувший пасть, и странный маленький

человечек приказывал ей положить в эту пасть голову. Колодки представляли собой две грубо отесанные доски с тремя полукруглыми выемками в нижней доске и такими же выемками в верхней доске. Когда доски сдвигали вместе, получались три круглых отверстия. Центральное отверстие предназначалось для шеи, по бокам находились два маленьких отверстия для запястий. Нижняя доска крепилась к столбу, установленному на помосте, и соединялась с верхней ржавой петлей.

Присцилла шагнула к столбу.

— Приподнимите волосы, мисс, — попросил церковный староста. И он показал, как ей это следует сделать.

Жестом, исполненным достоинства, Присцилла приподняла свои огненно-рыжие волосы над головой. Она встала так, что ее шея оказалась в среднем полукруге. Стоя за спиной Присциллы, церковный староста осторожно взял ее правую руку. Волосы упали девушке на лицо.

— Сюда, — сказал он, — вставляя в колодку одно запястье, — и сюда, — добавил он, помещая в углубление второе запястье.

Петля пронзительно взвизгнула, и верхняя доска колодки опустилась. Присцилла услышала, как шелкнул, закрываясь, висячий замок. Толпа заплодировала. Кое-кто из горожан требовал, чтобы она взглянула на них. Девушка не обращала внимания на крики.

— Это еще не все, мисс Морган.

Присцилла повернула голову и посмотрела на церковного старосту.

— Откройте рот и высуньте язык, — сказал он.

Она покорилась.

Церковный староста достал раздвоенную палочку и стал прикреплять ее к языку девушки.

— Не убирайте язык! — приказал он.

— Мне больно!

— Вам и должно быть больно, мисс Морган. Это наказание.

Присцилла страдальчески сморщилась. Прищепка мешала говорить и не давала сглотнуть слюну. Слюна текла у нее изо рта, а она даже не могла утереться. Спустя минуту-другую Присцилла поняла, что она также лишена возможности вытереть нос и слезящиеся глаза. Это было неприятно и унижительно.

Удостоверившись, что Присцилла надежно прикована к столбу, церковный староста и руководители общины сошли с помоста. Толпа начала редеть. Время от времени к позорному столбу подходили новые зрители. Среди них были и родители с детьми. Мамы и папы приседали на корточки, пытаясь понять, видят ли лицо Присциллы их малыши. Затем они показывали на девушку пальцами и говорили:

— Видишь эту леди? Ее наказали. Так поступают с дурными людьми. Ты ведь никогда не будешь такой гадкой, как она? Ну конечно, нет. Ты милая, добрая девочка. Но помни: будешь плохо себя вести, поставят к позорному столбу.

Если ребенок спрашивал, за какой проступок наказали Присциллу, родители отвечали:

— Она не слушалась пастора.

Или:

— Она учила других леди делать плохие вещи, поэтому на языке у нее палочка.

Дети, округлив глаза, в ужасе смотрели на Присциллу и обещали родителям во всем их слушаться.

Эндрю Хейл привел к помосту заплаканную Табиту.

— Полюбуйся на нее, Табита! — мистер Хейл со злорадной улыбкой оглядел Присциллу и наставительно добавил: — А ведь ты тоже могла оказаться на этом помосте. И ты могла опозориться на весь город! И это непременно случится, если ты и дальше будешь учиться читать.

Мистер Хейл наотмашь ударил Табиту по лицу.

— Ты меня слышишь? — он снова ударил ее. — Поняла, что я имею в виду? Иногда мне кажется, ты тупее мула! Я хочу, чтобы ты никогда не прикасалась к книгам, — произнес он очень медленно, разделяя каждое слово. — Слышишь, что я сказал? — и он вновь залепил дочери пощечину.

— Да, папа, — глотая слезы, тихо ответила девушка.

— Ты что-то сказала? — на несчастную Табиту вновь обрушился удар.

— Да, папа! — крикнула она.

Эндрю Хейл удовлетворенно хмыкнул и обернулся к Присцилле:

— А ты держись от нее подальше. Подойдешь — пеняй на себя. Я и тебе всыплю! — Мистер Хейл побагровел от злости, его глаза вылезли из орбит, и Присцилле показалось, что у него вот-вот начнется припадок.

— Не подходи к ней! Не подходи! Не подходи! — судорожно взвизгнул он и, дернув за руку дочь, увлек ее за собой. Табита так рыдала, что мистеру Хейлу приходилось ее поддерживать.

Присцилла стояла у позорного столба уже больше часа. Она чувствовала себя смертельно уставшей. Колодки натирали ей шею и руки, в тело впивались занозы. У девушки ломило спину, поясницу начало сводить судорогой. С каждой минутой боль нарастала.

— Смотрите-ка, кто там!

Присцилла попыталась приподнять голову, но лишь ударилась затылком о верхнюю доску колодок. Ей оставалось только ждать, когда тот, кто это сказал, подойдет к помосту. Спустя мгновение она увидела трех молодых парней. Они пригнулись, чтобы разглядеть ее получше. Присцилла их не знала.

— Ну я же говорил, это сестра Филипа! — сказал один из них.

— Уверен?

— А то! В прошлом году я видел ее в университете.

Теперь все трое сидели на корточках у помоста, глядя на девушку снизу вверх.

— Что она натворила? — спросил один.

Двое других недоуменно пожали плечами.

— А она хорошенькая. Взгляните на ее волосы!

— Да что там волосы! А фигурка?

— Видал я и получше!

— Да уж! Во сне!

— Уйдите! — попросила Присцилла.

Один из трех приятелей встал на колени и прижал руки к груди:

— О! Она заговорила! Красавица Джульетта обрела дар речи!

— Убирайтесь! — сказала девушка.

Тем временем молодой человек, изображавший из себя Ромео, воровато огляделся по сторонам и, переходя на шепот, обратился к одному из пареньков:

— Никого нет! Плачу фунт, если ты ее поцелуешь!

— Нет! — возвысила голос Присцилла.

— Как же я ее поцелую? У нее изо рта торчит палка!

— В щеку, дурачина! В щеку.

— Два фунта, если ты... — молодой человек что-то тихо сказал друзьям, те засмеялись.

— Нет! — закричала Присцилла. Она повернула голову в одну сторону, потом в другую.

Поблизости никого не было.

Тот парень, которого подзадоривал приятель, тоже огляделся:

— Значит, фунт за поцелуй, по рукам?

— По рукам!

— Только давай быстрее! — вмешался их друг.

Парень вспрыгнул на помост и подошел к столбу.

— Нет! — закричала Присцилла.

Она попыталась лягнуть юного нахала ногой, но не сумела: он был недосягаем. Прямо перед собой она видела его небритое ухмыляющееся лицо.

— Тебе не будет больно, — сказал он, нагибаясь к ней. Присцилла изо всех сил затрясла головой. Она попыталась просунуть руки поглубже в отверстия колодок, чтобы достать обидчика, но у нее ничего не выходило.

— Не дергайся! — сказал паренек, придерживая ее голову. Когда он приблизил к ней свое лицо, Присцилла почувствовала запах перегара. Больше всего на свете ей хотелось исчезнуть.

— Что тут происходит? А ну отойдите от нее!

Как дикие звери, почуявшие охотника, приятели на мгновение застыли, а потом бросились наутек.

— Проваливайте, проваливайте! — неслось им вслед.

Пытаясь разглядеть своего спасителя, Присцилла изо всех сил вытягивала шею. Однако он находился вне поля ее зрения.

— Спасибо! — сказала она.

— Не за что, — тепло и сердечно ответил ее избавитель.

— Кто вы? — спросила Присцилла.

Ответа не последовало. Тогда Присцилла скосила глаза вправо, и увидела, что невдалеке, у деревьев, стоит, прислонившись к стволу старой сосны, высокий русоволосый человек. Ей показалось, что она его где-то видела, но где?

В эту самую минуту в двух шагах от нее раздался негромкий женский голос:

— Присцилла! — От неожиданности девушка вздрогнула.

На помост поднималась Энн Пирпонт. Она шла прижав к груди руки и опустив голову.

— Наверное, ты не хочешь меня видеть, — еле слышно сказала Энн. Но она ошиблась. Это было первое приветливое лицо, которое Присцилла сегодня увидела.

— Прости, что я не пришла на суд, — покаянно сказала Энн. — Может, тебе станет легче, если ты узнаешь, что я хотела прийти?

Энн медленно приблизилась к столбу.

— Меня не пустил отец. Он запер меня в комнате. Вообще-то он и сюда меня не пустил. Но я вылезла в окно и спустилась по дереву.

— О, Энн! — увидев боль и сострадание в глазах подруги, Присцилла заплакала.

— Позволь я помогу тебе. — Энн достала носовой платок и осторожно промокнула Присцилле глаза. Потом она бережно вытерла ей губы и подбородок.

— Спасибо, — только и могла выговорить Присцилла.

— Бедняжка, как же тебе неудобно стоять! — воскликнула Энн. Мгновение спустя Присцилла почувствовала, как маленькие, нежные руки растирают ей поясницу.

Это было так приятно, что она невольно застонала от наслаждения. А ласковые руки Энн уже массировали ей плечи. Присцилле стало легче.

— Спасибо, Энн, — поблагодарила она подругу и грустно спроси — Теперь тебе попадет?

— Наверное, — тихо улыбнулась Энн. — Думаю, отец меня побьет. Но я должна была прийти. Я ведь виновата не меньше тебя.

И после короткой паузы она быстро добавила:

— Присцилла, мы же не делали ничего дурного?

Присцилла кивнула в знак согласия.

Время шло. Тени на лужайке перед помостом становились все длиннее, а Энн Пирпонт по-прежнему стояла рядом с Присциллой; она читала подруге стихи, растирала ей спину — словом, помогала, как могла, выдержать это тяжелое испытание.

На закате явился церковный староста и освободил Присциллу из колодок. Пытаясь распрямиться, Присцилла пошатнулась, и ей пришлось опереться на Энн.

Выразив надежду, что Присцилла извлекла урок из того, что случилось, церковный староста отпустил ее. Энн решила проводить подругу до дома.

Над Кембриджем сгустились сумерки. Присцилла и Энн, держась за руки, шли по обсаженной деревьями дороге к дому Морганов. Внезапно из-за деревьев вышел человек. От неожиданности девушки вздрогнули.

— Что вам угодно, сэр? — воскликнула Энн и, шагнув вперед, заслонила собой подругу.

— Не бойтесь, я не причиню вам зла, — сказал незнакомец, показывая, что в руках у него ничего нет.

— И поэтому вы прячетесь? — спросила Энн.

— Видите ли, кое-кому может не понравиться, что я приехал в Кембридж. Простите, но мне необходимо поговорить с мисс Морган.

Присцилла окинула незнакомца взглядом. Этот человек в треуголке и длинном сюртуке кого-то ей напоминал. Ну да, она видела его сегодня днем. Это он стоял, привалившись спиной к дереву. Это он прогнал ее обидчиков.

— Не волнуйся, Энн, — успокоила она подругу. — Я его узнала.

— Неужели? — с надеждой спросил незнакомец. Он снял треуголку, обнажив длинные, почти до плеч, темно-русые волнистые волосы, и улыбнулся. У него было молодое, красивое лицо.

— Разумеется, сэр, — сказала Присцилла. — Я благодарна вам за помощь.

И она рассказала Энн о том, что случилось у позорного столба. Энн взглянула на незнакомца с признательностью.

— Так вы об этом... А я-то думал, вы меня не разглядели, — разочарованно протянул молодой человек. — Значит, вы не помните нашу первую встречу?

— Первую? — переспросила Присцилла.

— Ну да, в Бостоне.

Присцилла недоуменно подняла брови.

— «Таверна доброй женщины»...

Девушка все еще не понимала, о чем идет речь. Молодой человек не мог скрыть своего огорчения.

— Я Питер Гиббс, хозяин таверны.

Присцилла улыбнулась. Наконец-то она вспомнила.

— Конечно, глупо было надеяться, что вы меня запомнили, — сказал Питер Гиббс. Он усмехнулся и бросил лукавый взгляд в сторону помоста. — А вам, судя по всему, нетрудно произвести впечатление на жителей как Бостона, так и Кембриджа.

Приветливая улыбка Присциллы растаяла в мгновение ока. Боль в спине и онемевшая шея мешали должным образом оценить эту шутку. Взяв под руку Энн, она обошла хозяина таверны и зашагала к дому.

— Пойдите, мисс! — растерянно крикнул Питер Гиббс. — Прошу вас, не сердитесь. В присутствии красивых женщин я часто несу чушь. Не надо уходить. Я не хотел вас обидеть.

Не останавливаясь, Присцилла бросила через плечо:

— Чего же вы в таком случае хотели?

— Откровенно говоря, не знаю. — молодой человек не отставал от девушек ни на шаг. — Видите ли, мисс, в последнее время в мою таверну зачастили люди по фамилии Морган, а еще те, кто ими интересуется. С теми, кто спрашивал о Морганах, я знаком...

Короче, мисс, мне кажется, здесь что-то не так.

Присцилла остановилась.

— В вашей таверне бывали Морганы? Кто-то, кроме меня?

Гиббс кивнул.

— Возможно, это всего лишь совпадение.

— Мистер Гиббс, — перебила его Присцилла, — не могли бы вы об этом рассказать?

Молодой человек смущенно уставился на свою треуголку и, повертев ее в руках, сказал:

— Вы, конечно, помните тот день, когда зашли в мое заведение... — он широко улыбнулся и, повернувшись к Энн, спросил: — Мисс Морган рассказывала вам об этом? Есть один кузнец в Бостоне, довольно неприятный тип. Так вот, у мисс Морган были с ним проблемы. Когда она не обнаружила его в мастерской — а он там он появляется нечасто — мисс Морган отправилась в «Таверну доброй женщины» и...

— Мистер Гиббс, — перебила его Присцилла, — если не возражаете, эту историю я расскажу моей подруге в другой раз. У меня был нелегкий день. Вы можете сообщить мне то, чего я не знаю?

— Я опять оказался бестактным, — извинился Гиббс и еще энергичнее принялся терзать свою треуголку. — Конечно, у вас выдался очень тяжелый день. Видите ли, я приехал в Кембридж, чтобы повидать вас... Но я понятия не имел, что обнаружу вас...

— Вы приехали из-за меня? — уточнила Присцилла.

Хозяин таверны кивнул.

— Как я уже говорил, мне не нравится то, что происходит с Морганами.

Присцилла вопросительно взглянула на молодого человека. Он молчал.

— Так что же с нами происходит, мистер Гиббс? — девушка подняла брови, давая понять, что ждет дальнейших объяснений.

— Да-да, конечно, — смущенно пробормотал Гиббс. — В общем, помните тот день, когда вы оказались в моем заведении? Прямо перед вами к таверне подъехала почтовая карета...

Присцилла кивнула. Это она отлично помнила.

— Кэмп, кучер, привез почту из Провиденса и с юга. Обычно я отправляю письма дальше, в Роксбери, Уотертаун, Кембридж и так далее. В тот день он отдал мне два письма от некоего Филипа Моргана...

— Филипа? — воскликнула Присцилла.

— Вы его знаете?

— Да! Это мой брат! Мы думали, он погиб!

Гиббс нахмурился и кивнул.

— Я так и знал. Здесь действительно творится что-то неладное. Письма были адресованы Констанции Морган.

— Это моя мать.

— И Пенелопе Чонси.

— Это невеста Филипа.

Питер Гиббс задумчиво ущипнул себя за нижнюю губу.

— Вы привезли эти письма? — взволнованно воскликнула Присцилла.

Хозяин таверны отрицательно покачал головой.

— У меня их нет.

— Где же они? Мы их не получали.

— Я знаю. И не могли получить: они попали к другому человеку.

— Откуда вы знаете?

— Я предпочел бы об этом не говорить.

— Иными словами, вы сами отдали их этому человеку?

Питер Гиббс улыбнулся. Было видно, что он удивлен.

— Как вы догадались? — спросил он.

— Когда я зашла в таверну, вы спросили, как меня зовут. Кучер — а он присутствовал при нашем разговоре — сказал, что я пришла как раз вовремя. Тогда я не поняла, что он имел в виду. Выходит, он привез письма Филипа и думал, что я их заберу.

— Вы просто чудо! — сказал Гиббс.

— А вы ничтожество! — закричала Присцилла. Ее лицо вспыхнуло, а на глаза навернулись злые слезы. — Почему вы отдали письма моего брата неизвестно кому?

Молодой человек перестал крутить в руках треуголку. Судя по всему, слова Присциллы задели его за живое.

— Я не могу ответить на ваш вопрос, — ответил он после минутного молчания. — Но, смею вас заверить, мисс Морган, у меня на то были причины. Скажем так: это не имеет никакого отношения к вашей семье.

— Боюсь, вы ошибаетесь, мистер Гиббс, — мягко возразила Энн Пирпонт. — Это имеет самое непосредственное отношение к семье моей подруги. Хотели вы того или нет, но вы заставили близких Присциллы думать, что Филип мертв. Вам должно быть стыдно: своим поведением вы усугубили их страдания.

— Да поймите вы, я понятия не имел, что Филип Морган пропал! — возмутился Питер Гиббс.

— Однако ж вы не переслали нам письма! — закричала Присцилла. — А теперь, если позволите... — И она повернулась, чтобы уйти. Энн последовала за ней.

— Это еще не все, — сказал Гиббс, понизив голос, из которого исчезло дружелюбие.

Присцилла остановилась, но не обернулась.

— Я хочу, чтоб вы знали, мисс Морган: я никогда не желал вам зла. Но я должен был защитить свою таверну. В это заведение вложены все мои средства. Потеряв ее, я потеряю все!

Присцилла круто повернулась. В ее глазах зажегся опасный огонек. Губы девушки были сжаты в тонкую решительную линию.

— Вы сказали, что это еще не все.

— Возможно. Не уверен.

Их взгляды встретились. Внезапно Присцилла поняла, что она недооценила этого человека. Тогда, в Бостоне, Питер Гиббс показался ей веселым, бездумным торговцем элем, который с утра до вечера лениво обменивается разными небылицами с бездельниками, умеющими только одно — отлынивать от работы. Но в карих глазах Питера Гиббса светился ум. У обманщика или проходимца не бывает таких глаз. Они смотрели на нее с искренним состраданием.

— В моей таверне побывал еще один Морган, — сказал Гиббс. — Молодой человек. Светло-русые волосы, крепко сбит. Юноша, с которым он пришел, называл его...

— Джаред! — вскричала Энн.

Питер Гиббс озадаченно взглянул на нее:

— Верно, Джаред!

— Сэр, вы знаете, где он? — Энн бросилась к хозяину таверны, схватила его за руку, умоляюще заглянула ему в лицо. Ожидая ответа, Присцилла шагнула к Питеру Гиббсу.

— Джаред и Энн влюблены друг в друга, — объяснила она ему.

— Мы собираемся пожениться! — воскликнула Энн.

— Он мой брат, — сказала Присцилла.

— Мне очень жаль, — произнес Питер.

— Он погиб? — заплакала Энн.

— Не знаю, — ответил молодой человек. — Джаред пришел в таверну с приятелем. Оба стали жертвами шайки вербовщиков. Насколько я понимаю, теперь он на борту какого-нибудь корабля, хотя и не уверен в этом на все сто. Те, кто увел его, шутить не привыкли. Либо он в море, либо погиб.

— Он жив! Я знаю, он жив! — закричала Энн. — Ах, мистер Гиббс, как же я вам признательна за то, что вы приехали в Кембридж. Вы подарили мне надежду!

— Не обольщайтесь, Энн, — сказал Питер Гиббс. — Быть может, он погиб.

— А вы умеете утешить женщину, — ехидно заметила Присцилла. — Уверена: теперь у Энн просто камень с души свалился.

— Вот что, мисс Морган, я вообще мог сюда не приезжать, — Питер Гиббс осторожно высвободил свою руку из рук Энн. — Я просто хотел вам помочь.

— Так почему же вы не помешали этим бандитам забрать моего брата! — закричала Присцилла.

— Я пытался это сделать! — закричал Гиббс в ответ. — И заработал огромную шишку на затылке! Своими размерами она значительно превосходит вашу благодарность!

— Благодарность? — не унималась Присцилла. — Благодарность? Я должна благодарить вас за то, что вы отдали неизвестно кому наши письма? А может, за то, что я считала моего старшего брата погибшим? Или за то, что вы привечаете в своей таверне вербовщиков, которые похитили моего младшего брата? Прошу прощения, но я почему-то не испытываю благодарности!

— И впрямь не стоило сюда приезжать! — воскликнул Питер. — С самого начала было ясно: с вашей семьей лучше не связываться! Да что же вы за люди? За что вас можно так возненавидеть... Впрочем, забудьте! Я ничего не желаю знать! Забудьте, что я здесь был, и я тоже постараюсь забыть об этом!

И Питер Гиббс резко повернулся и зашагал по дороге.

— Ну уж нет! — Присцилла бросилась за молодым человеком и схватила его за руку. — *Кто* нас возненавидел? Я хочу знать, кто?

Питер посмотрел на руку Присциллы, сжавшую его локоть, а потом перевел взгляд на лицо девушки.

— Мисс Морган, — улыбнулся он, — вы ударите меня, если я откажусь ответить на ваш вопрос?

Не проронив ни слова, Присцилла еще крепче сжала его руку.

— Если этот человек узнает, что я проболтался, — мне не жить. Он не остановится ни перед чем. Вы хотите сломать мне руку? Так вот — он способен на большее.

— Но если вы не можете назвать мне имя этого человека, зачем вообще вы сюда явились? — спросила Присцилла.

Питер Гиббс смутился.

— Ты ему понравилась, — пояснила Энн. — Он приехал сюда, потому что хотел тебя

увидеть.

Молодой человек весело расхохотался.

— Увы, Энн, вы ошибаетесь, — сказал он. — Я приехал из-за тайны. Я хотел узнать, есть ли какая-то связь между Морганам, которые приходили ко мне в таверну.

— И она существует, — сказала Присцилла, отпустив руку Питера. — И вы знаете, что или, вернее, кто за всем этим стоит, правильно?

Хозяин таверны промолчал.

— Неужели вы не понимаете, что для моей семьи это вопрос жизни и смерти? — спросила Присцилла. — Если вам что-то известно, прошу вас, расскажите мне.

Молодой человек смотрел себе под ноги — он разрывался между личными интересами и желанием помочь этой девушке. Когда он заговорил, его голос был чуть громче шепота:

— Человека, которому я отдал письма вашего брата и на которого работает шайка вербовщиков, зовут Дэниэл Коул.

Было видно, что Энн потрясена. А вот Присцилле слова хозяина таверны не удивили. Скорее она испытала удовлетворение. Наконец-то у нее появился беспристрастный свидетель, который мог дать показания о преступлениях Дэниэла Коула!

— Не знаю, что затаил против вас Коул, — продолжил между тем Питер Гиббс, — но я советую вам держаться от него подальше и, уж конечно, не становиться ему поперек дороги!

— Благодарю вас за предостережение, — сказала Присцилла. — Но я, к сожалению, не могу последовать вашему совету.

— Почему?

— Это касается только меня.

— Не делайте этого! — молодой человек схватил Присциллу за руку.

— Не прикасайтесь ко мне! — взбеленилась Присцилла.

— Послушайте-ка, мисс Морган, рассказав вам правду о Дэниэле Коуле, я рискнул своим состоянием, а может быть, и жизнью! Когда я пытался помешать вербовщикам похитить Джаред, мне разбили голову. По-моему, я имею полное право знать, чем ваша семья насолила Коулу!

— Все очень просто, мистер Гиббс: мы встали ему поперек дороги, — сказала Присцилла. — А теперь отпустите меня. Я должна попытаться остановить его.

— Если вы думаете, что вам это удастся, вы просто сошли с ума! — вскричал хозяин таверны.

— Она должна попробовать, — сказала Энн.

— Почему? Зачем ей это нужно?

Энн взглянула на Присциллу. Та не пыталась остановить подругу.

— Вчера в церкви Дэниэл Коул объявил, что намерен жениться на матери Присциллы, — тихо сказала Энн.

Присцилле так и не удалось убедить мать, что к исчезновению Филипа и Джареда приложил руку Дэниэл Коул. После встречи с Питером Гиббсом девушка поспешила домой и выложила Констанции все, что знала о мистере Коуле. Не желая подвергать опасности жизнь Питера, она сохранила в тайне его имя. Хотя Присцилла понимала, что Констанция не захочет прислушиваться к словам какого-то безымянного хозяина таверны, она решила рискнуть. Она была готова на все, чтобы помешать Констанции выйти замуж.

Именно в этом и обвинила ее мать. Констанцию не интересовало, существовал ли на

самом деле хозяин таверны. Если его не выдумала Присцилла, значит, он был злодеем и прохвостом, который затаил злобу на бедного Дэниэла. В любом случае ему не удастся очернить порядочного человека. Да и у Присциллы это тоже не получится. Не помогла даже Энн Пирпонт, которую Констанция Морган очень любила. Констанция заявила, что Энн разочаровала ее, и разговор закончился слезами. Ничто не могло поколебать Констанцию в ее решимости стать миссис Дэниэл Коул. Что до исчезновения Филипа и Джареда, то Коул лично пообещал Констанции выяснить, что с ними случилось. Продолжать обсуждение этой темы с дочерью Констанция отказалась.

В течение двух месяцев Присцилла делала все возможное, чтобы дискредитировать бостонца. Однако чем усерднее она пыталась переубедить Констанцию, тем с большим пылом та защищала Коула. В конце концов девушка была вынуждена признать свое поражение.

Скрепя сердце она согласилась с тем, что Питер Гиббс был прав. Мистер Коул сосредоточил в своих руках огромную власть. Констанция привыкла думать о своем избраннике как о честном, заботливом труженике, и этот положительный образ ничто не могло разрушить.

Хотя Присцилле не удалось отговорить мать от замужества, она твердо решила, что ни одной минуты не проведет в доме Дэниэла Коула. В этом случае ей придется немедленно покинуть Массачусетс либо... стать чьей-то женой.

Увидев на пороге своего дома Присциллу Морган, Нейтан Стернз очень удивился. Как он ни мечтал о женитьбе, то, что Присцилла оказалась у позорного столба, было делом нешуточным. Дядюшка и тетюшка Нейтана смотрели на незваную гостью с подозрением и осуждением. Впрочем, у этой парочки на то имелись свои причины: после свадьбы племянника их безбедному существованию придет конец.

Присцилла считала, что этот брак спасет их обоих. Нейтан избавится от назойливых родственников, а она — от Дэниэла Коула. Выслушав девушку, Нейтан заявил, что такой подход его вполне устраивает (он, по-видимому, нисколько не обиделся на то, что в ее планах не было и намека на романтические отношения). Со своей стороны молодой человек обязался не вспоминать о позорном столбе. Таким образом, дело было улажено.

Присцилла так и не поняла, что заставило ее будущего мужа забыть о позорном столбе — желание избавиться от докучливых родственников или любовь к ней, которая оказалась сильнее каких бы то ни было сомнений нравственного характера. Впрочем, Присцилле это не особенно волновало. Главное — Нейтан согласился на ней жениться.

Через две недели после того, как Присцилла Морган нанесла визит Нейтану Стернзу, молодые люди обвенчались. Тетюшка и дядюшка Нейтана навсегда покинули его дом. Свадьба Присциллы состоялась на неделю раньше свадьбы Констанции Морган. Таким образом, девушка сдержала данное себе обещание: Дэниэл Коул ни одной минуты не был ее опекуном.

Так в солнечный июльский день 1729 года два доведенных до отчаяния человека стали мужем и женой. В брачную ночь Присцилла Морган Стернз не спала. Рядом с ней, свернувшись калачиком, тихонько посапывал ее муж. Присцилла безропотно вытерпела его неуклюжие попытки заняться любовью и теперь, подтянув ноги к подбородку и обхватив их руками, сидела в темной спальне и думала о Бенджамине Моргане. Она очень скучала по отцу. Всего год назад их семья жила совсем иной жизнью. В это время отец обычно сидел в кабинете, мать — в своей комнате, Филип занимался, а Джаред болтался неизвестно где.

Это был мир, в котором царил покой, порядок и любовь.

И вот миновал этот кошмарный год; она лежит в постели с тем, кого не любит, и чувствует себя униженной и опустошенной. Ей и раньше случалось испытывать одиночество. Но не такое. Присцилле казалось, что у нее похитили душу. Ей было незачем жить. На свете не осталось человека, которого она любила бы по-настоящему.

Присцилла задумалась о своем положении. Ее отец умер. Мать не разговаривает с ней. Одному Богу известно, где сейчас находятся Филип и Джаред, живы они или нет. Единственный человек, который выиграл от всего этого, — Дэниэл Коул. Он получил акции и дом Морганов на реке Чарлз. И где же Господь? Он безмолвствует! В то время как негодяй торжествует, Всевышний отвернулся от нее! У нее не было семьи. У нее не было Бога. У нее не осталось надежды.

Присцилле Морган Стернз стало так больно, что она захотела умереть.

Тыльной стороной ладони Филип стряхнул со лба капельки пота, обмакнул перо в чернила и закончил предложение. Он привык к тому, что в вигваме Кристофера Моргана стоит невыносимая жара. Нанаувета, как называли Кристофера индейцы, был стар. Его кровь текла медленно. Поэтому круглый год в его жилище пылал огромный костер.

Отложив перо, Филип потер глаза. Дым разъедал ему глаза, однако когда он принялся их тереть, зуд только усилился. Молодой человек распрямил плечи и потянулся, стараясь не уронить неглубокую чернильницу, которая покачивалась на доске, лежащей у него на коленях. Он сидел на земле, поджав под себя ноги, и доска служила ему столом. В двух шагах от Филипа, накинув на плечи одеяло, сидел Нанаувета и мирно читал Библию Джона Элиота на алгонкинском языке. Кожа на руках Нанаувета была такой морщинистой, точно ему перевалило за двести лет. В одной руке он держал Библию, а указательным пальцем другой водил по строчкам. Старик плохо видел, поэтому книгу он поднес к самому носу.

Рядом со Нанаувета сидела Мэри Витамоо. Она добросовестно проверяла работу Филипа: не допустил ли он ошибок, когда писал на алгонкинском языке. Молодой человек решил размяться не просто так, а с тайной целью — он хотел украдкой взглянуть на Витамоо (Филипу больше нравилось индейское имя девушки — христианское было таким обыкновенным). Все в этой прекрасной индианке казалось Филипу особенным. Отблеск костра пробежал по иссиня-черным волосам девушки, и они отсвечивали оранжевым блеском. На секунду лицо Витамоо стало серьезным, и она задумчиво сомкнула губы. Филип считал, что она вообще очень редко улыбается. Но когда ее лицо расцветало улыбкой, он был по-настоящему счастлив, хотя изо всех сил старался это скрыть.

— На сегодня хватит, — Кристофер Морган опустил Библию и устало взглянул на молодого человека. — За год работы с Филипом я усвоил одно правило: если мы позволим ему любоваться красотой Витамоо, толку от его работы будет немного.

Филип вспыхнул и принялся тереть перо.

— Просто я решил размяться, — смущенно пробормотал он и быстро добавил: — Готов сделать еще одну страницу.

Он бросил взгляд на Витамоо и увидел, что она, недовольно скривив губы, низко склонила голову. Девушке явно что-то не нравилось.

Взяв перо, Филип поспешно обмакнул его в чернила.

— Я серьезно, — упрямо повторил он, — я сделаю еще страницу, не меньше.

Витамоо поднялась.

— Пойду приготовлю еду, — сказала она с ноткой раздражения в голосе. И, даже не взглянув на Филипа, вышла. Из груди молодого человека вырвался огорченный вздох.

— Она тебе нравится? — спросил старый миссионер и посмотрел на Филипа смеющимися глазами.

Молодой человек взял кусочек ткани и вытер перо. Затем отложил в сторону доску, служившую ему столом, и ответил вопросом на вопрос:

— Это заметно?

Старик усмехнулся.

Филип снова вздохнул.

— Я не должен себя так вести, — сказал он. — Я все время напоминаю себе, что в

Кембридже меня ждет невеста, — по крайней мере я надеюсь, что она меня ждет. Но когда речь идет о Витамоо, я не властен над своими чувствами и мыслями.

— Никогда не стыдись своих чувств, — сказал старик. — Мысли — это голос разума, а чувства — голос сердца. Чтобы понять истину, нужно прислушиваться и к тому, и к другому.

— Но разве можно одновременно любить двух женщин?! — воскликнул Филип.

— Это говорит твой разум.

Молодой человек посмотрел на своего собеседника с изумлением.

— Неужели вы считаете, что я могу жениться на обеих?

Старик улыбнулся.

— У наррагансетов такое случается, — сказал он. — Но тебе не стоит так поступать. Это неразумно.

— Но вы только что сказали...

— Мы говорили о любви, а не о браке.

— Думаете, это нормально — одновременно любить двух женщин? — спросил Филип.

— По-моему, это возможно.

— Но как мне узнать, которую из них выбрать? Как не совершить ошибку?

Старик засмеялся.

— Ответ на этот вопрос требует великой мудрости, — сказал он, поднимая глаза к небу и указывая вверх пальцем, — а мудростью наделяет Господь.

— Мне она нужна сейчас, — буркнул Филип.

Старик отложил индейскую Библию и взял в руки Библию на английском языке. Это была фамильная Библия Морганов, та самая, на поиски которой год назад отправился Филип.

— Моего отца, Эндрю Моргана, любили две женщины, — сказал старый миссионер. — Они были сестрами.

Филип весь превратился вслух. За прошедший год старик много рассказывал ему о своем отце, о том, как Эндрю Моргану пришлось бежать из Англии, спасаясь от гнева печально известного епископа Лода [\[27\]](#).

— Нелл и Дженни Мэтьюз были дочерьми vicar из Эденфорда, маленького городка в Англии, — продолжал миссионер. — Мой отец получил задание следить за их отцом, Кристофером Мэтьюзом, в честь которого меня и назвали. К несчастью, он влюбился в дочерей того, за кем шпионил, а они полюбили его.

— Но Энди женился на Нелл. Если его любили две женщины и он любил обеих, как он понял, кого выбрать?

Старик покачал головой.

— Этого я не знаю. Видимо, в какой-то момент Господь помог ему разобраться в своих чувствах.

— Дженни очень страдала, когда Нелл вышла замуж за вашего отца?

Кристофер Морган опустил глаза и осторожно погладил Библию, лежащую у него на коленях.

— После того как мои родители поженились, она прожила недолго. Когда отец сказал ей, что любит Нелл, она испытала страшные душевные муки. Боль сделала ее беззащитной перед одним из агентов Лода, который оказался в колонии, не помню, как его звали. Этот человек сумел убедить Дженни, что он стал христианином и пуританином, как мой отец. Дженни поверила ему, и они поженились.

— И что было дальше?

— Он избивал Дженни и хотел, используя ее, уничтожить Энди. И он бы добился своего, если бы не Дженни. Она застрелила мужа в ту самую минуту, когда он намеревался убить моего отца. В тот день она погибла. Последние слова Дженни были словами любви к моему отцу.

Филип слышал, как рядом с вигвамом напевает Витамоо. Девушка толкла зерно в ступе. Негромко постукивая пестом, она отбивала ритм.

— Нанауветеа, — сказал Филип, — вы знаете, как я люблю слушать ваши рассказы о моих предках, но эта история не поможет мне принять верное решение. Теперь я и вовсе растерялся. Получается, что какой бы выбор я ни сделал, я причиню кому-то боль.

— А я и не говорил, что решение будет простым, — ответил миссионер. — Я сказал, что оно требует великой мудрости.

С тех пор как Филип вернулся в резервацию наррагансетов, прошел целый год. Сначала молодой человек страшно злился на лидера группы «молящихся индейцев» за то, что тот подверг его суровому испытанию. Но, узнав, кто такой Нанауветеа, он успокоился и понял, что у старика на то были свои причины.

Так называемую Библию короля Якова подарил своему тайному агенту Энди Моргану могущественный епископ Лод. Эту книгу епископ и его агент использовали для обмена зашифрованными посланиями. Подлинную ценность Библии юноша осознал, выполняя задание Лода в Эденфорде. Местный викарий, Кристофер Мэтьюз, открыл для него глубину данного свыше Слова Божьего, которое помогает во всем, что касается жизни и веры. Личное влияние викария и чтение Библии сделали Энди христианином.

Молодой человек больше не желал участвовать в гонениях на пуритан, организованных епископом. Он помог жителям Эденфорда бежать в Новый Свет. Сам Энди бежал вместе с ними и привез с собой Библию.

Больше всего на свете Энди Морган дорожил двумя вещами: своей семьей и своей Библией. Именно это и побудило его положить начало традиции, которая должна была связать и сохранить то, чему он придавал такое значение, — семью и веру. По замыслу Энди привезенная им из Англии Библия становилась символом веры семьи Морган. Ее хранитель отвечал за то, чтобы следующее поколение Морганов не отступило от Слова Божьего. Кроме того, он должен был найти себе достойного преемника. Имя этого человека следовало внести на титульный лист Библии во время особого семейного торжества.

Кристофер Морган, старший сын Энди и Нелл Морган, уже не одно десятилетие хранил фамильную Библию у себя, стараясь понять, что же уготовано ему Господом. Долгие годы его беспокоило то, что он не оставил наследника. Подобно апостолу Павлу, он чувствовал, что брак и семья помешают его служению. В то же время это лишило его возможности передать Библию следующему поколению Морганов. У него не было своей семьи, он потерял связь с братом, сестрой и их детьми. И вот, по словам Кристофера, однажды ночью Господь послал ему сон, который успокоил его сердце. Старый миссионер назвал его «видением Симеона». Как Господь обещал Симеону, что тот не умрет, пока не увидит Иисуса [\[28\]](#), так Кристофер Морган увидел во сне, что не отойдет на лоно авраамово, пока не встретит своего преемника.

Казалось бы, сон старого миссионера сбылся в тот день, когда в его вигвам вошел Филип. Но для того, чтобы стать хранителем семейных традиций, недостаточно было носить

фамилию Морган.

По возвращении Филипа в резервацию Кристофер показал ему отцовскую Библию. И они вместе прочли то, что написал Энди Морган о человеке, которому предстояло хранить фамильную Библию:

- «1) Кандидат должен представить очевидные подтверждения спасения и ревностного служения Господу и Спасителю нашему Иисусу Христу;
- 2) кандидат должен признавать, что Библия имеет первостепенную значимость для его жизни и веры;
- 3) кандидат должен добровольно принять на себя обязательство воспитать следующее поколение Морганов в соответствии с нашей верой и передать им духовное наследие нашей семьи».

На внутренней стороне обложки, рядом с титульным листом, рукой Энди Моргана были написаны два имени. Около них стояли ссылки на Священное Писание.

«Энди Морган, 1630, Захария 4:6.

Кристофер Морган, 1654, Матфей 28:19».

Когда Филип сказал, что не помнит стих из Захарии, старый миссионер процитировал его по памяти. «Не воинством и не силою, но Духом Моим, говорит Господь Саваоф». Кристофер объяснил, что его отец был смелым и деятельным человеком. Перестать полагаться на собственные силы и научиться вверять свою судьбу Господу было для него непросто. Он заплатил за этот урок слишком дорого: из-за него погиб Кристофер Мэтьюз — человек, который вызывал у него глубочайшее восхищение. Именно Мэтьюз перед тем, как умереть на плахе, еще раз напомнил Энди мудрость этих слов.

Для своего сына Энди Морган выбрал стих из Евангелия от Матфея. «Итак идите научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Он остановился на этих строках не случайно: Кристофер уже в те годы помогал Джону Элиоту, пастору из Роксбери, проповедовать Евангелие индейцам. Энди гордился скромностью старшего сына, его готовностью отказаться от эгоистических устремлений ради благородной цели.

Энди Морган передал Кристоферу фамильную Библию в торжественной обстановке. Это произошло в Бостоне, под старым деревом, — там, где когда-то первые поселенцы проводили воскресные службы. Кристоферу шел тогда двадцать первый год. Он оставался верен своему миссионерскому призванию на протяжении семидесяти шести лет.

Обращение коренного населения Северной Америки в христианство было одной из целей пуритан, провозглашенных в Хартии колонии залива Массачусетс. На печати хартии был изображен индеец и слова македонянина из Деяний святых апостолов: «Приди... и помоги нам» [\[29\]](#). Однако для того, чтобы выжить в Новом Свете, первым поселенцам потребовалось такое напряжение духовных и физических сил, что они на время позабыли о миссионерской деятельности.

Лишь в 1646 году священник из Роксбери Джон Элиот начал проповедовать Евангелие индейцам на их родном языке. Два года спустя Ваубан, вождь племени нипмуков, первым среди индейских вождей принял крещение. К 1651 году появилось достаточно индейцев-христиан, чтобы основать первое поселение «молящихся индейцев» — Нейтике. Община

индейцев-христиан была создана по образу и подобию пуританских поселений. В таких поселениях индейцы могли не только креститься и изменить свой доселе безнравственный образ жизни, но и приобщиться к благам христианской цивилизации. На основе Ветхого Завета Элиот написал устав поселений. Под надзором колониальных властей индейцы, как это предлагалось в Исходе [\[30\]](#), избрали стона начальников, пятидесятиначальников и десятиначальников.

Кристофер Морган впервые увидел Джона Элиота в 1652 году на проповеди. Услышав, как миссионер рассказывает о своей работе, молодой человек понял, что он тоже хочет нести Благою весть индейцам. Он чувствовал себя так, словно Господь обратился к нему, говоря: «Вот дело, к которому Я призываю тебя. Ты должен стать миссионером. Поведай обо Мне индейцам. Через тебя Моя слава воссияет в их поселениях и среди их народа». После службы Кристофер попросил отца пригласить Элиота к ним на обед. Энди выполнил просьбу сына, а миссионер принял приглашение.

На этом обеде Кристофер выяснил, что большую часть времени Элиот проводит со своими прихожанами в Роксбери, а миссионерской деятельности посвящает лишь один день в неделю. Поэтому ему нужны помощники — как англичане, так и индейцы. Позже Джон Элиот признался молодому человеку, что он сразу понял, сколь горячо Кристофер желал ему помочь. В тот же день, получив отцовское благословение, восемнадцатилетний Кристофер Морган уехал с Джоном Элиотом в Роксбери.

Кристофер помог Элиоту перевести Библию на алгонкинский язык. В 1661 году они закончили работу над Новым Заветом, а спустя два года — и над Ветхим Заветом. Когда индейцы смогли читать Библию на родном языке, христианизация пошла быстрее. К 1675 году около двадцати процентов индейцев Новой Англии уже называли себя христианами. Было создано тринадцать процветающих селений «молящихся индейцев».

Однако восстание Метакома резко затормозило работу миссионеров. Кристофер был свидетелем того, как Элиот пытался пробудить у Метакома интерес к религии. Дело закончилось тем, что индеец бесцеремонно взял Элиота за пуговицу сюртука и, покрутив ее, сказал, что религия интересует его не больше, чем эта штукавина. Враждебная позиция Метакома повлияла на настроение вождей других племен. Когда колонисты попросили вождя наррагансетов Нинигрета позволить миссионерам проповедовать Евангелие его народу, он ответил, что священники должны уйти и заняться перевоспитанием англичан. Напоследок Нинигрета добавил, что пока в вопросах веры англичане не пришли к согласию между собой, им не пристало учить других.

Поводом к войне стало убийство индейца Джона Сассамона. Он был христианином, хорошо владел английским, учился в Гарварде и считался среди индейцев-христиан человеком влиятельным. В минуту слабости он оставил христиан, среди которых вырос, и вернулся к своему народу, став помощником Метакома. Для вождя вампаноагов Сассамон, великолепно говоривший по-английски, был настоящей находкой. Однако вскоре блудный сын раскаялся в том, что порвал с христианством, и возвратился в Нейтик. С этого дня он стал образцовым христианином. Когда индейцам понадобился проповедник, говорящий на их родном языке, выбор пал на Сассамона. Он безупречно исполнял свои обязанности, и его уважали и англичане, и индейцы.

За несколько дней до своей гибели Сассамон предупредил руководителей колонии Плимут, что Метаком организовал заговор против англичан. Губернатор Джосайя Уинслоу отнесся к его предостережениям беспечно. Однако, когда у озера Ассавомпсетт нашли тело

Сассамона, власти Плимута не на шутку встревожились.

Группа индейцев случайно заметила шляпу и ружье Сассамона на льду озера. Самого проповедника нашли в полынье. Его голову покрывали многочисленные кровоподтеки, шея была сломана. При осмотре выяснилось, что Сассамона сначала убили, а потом бросили в воду.

В ходе расследования был найден свидетель, индеец, который заявил, что с вершины близлежащего холма он видел, как произошло убийство. На основании его показаний осудили трех вампаноагов. Приговор им вынес суд присяжных, в состав которого входило двенадцать англичан и несколько индейцев. Они признали подсудимых виновными в убийстве и приговорили их к смертной казни. Кроме того, удалось выяснить, что умертвить Сассамона приказал Метаком.

Вождь вампаноагов считал, что англичане притесняют индейцев, мешают им жить свободно. Для Метакома Джон Сассамон, принявший христианство и проповедовавший Евангелие, был воплощением зла, которое представляла собой Новая Англия. Он приказал убить Сассамона, желая преподать урок другим индейцам — дабы те не последовали примеру этого христианина. Так Джон Сассамон стал первым христианским мучеником Новой Англии.

После того как осужденных за убийство Сассамона вампаноагов казнили, отношения между колонистами и индейцами накалились. Во время массовых выступлений вампаноагов первой пострадала маленькая приграничная деревушка Свонси. Затем последовали новые стычки, которые привели к массовой гибели людей и уничтожению поселений.

Индейцев-христиан и их духовных лидеров — Джона Элиота и Кристофера Моргана — почти сразу начали подозревать в изменнических связях с Метакомом. Колонисты устраивали облавы на «молящихся индейцев» и ссылали их на пустынный Олений остров, который находился в окрестностях Бостона. Там, на Оленьем острове, они жили, не имея крыши над головой и влача полуголодное существование.

В ходе одной из карательных экспедиций колонистов против воинственно настроенных индейцев погиб сподвижник Джона Элиота Джоб Несутан. Как и Кристофер Морган, он участвовал в переводе Библии на алгонкинский язык.

Гибель преданного помощника и близкого друга потрясла Элиота. С этой минуты он с полной ясностью осознал, что во время боевых действий никто не может чувствовать себя в безопасности. Как пастор церкви в Роксбери, Элиот должен был остаться с прихожанами и семьей. Но он боялся за Кристофера Моргана, своего соратника и брата во Христе. Чтобы защитить его, евангелист разработал хитроумный план.

Элиот решил отправить Кристофера на Олений остров. Он объяснил своему помощнику, что в эту тяжелую годину индейцам Оленьего острова необходим духовный лидер, который поможет им сохранить веру. По его словам, после гибели Джона Сассамона и Джоба Несутана остался только один человек, хорошо понимающий индейцев, — Кристофер Морган. Он знает их язык, он жил с ними, учил их, руководил ими, а значит, он идеальный кандидат в священники Оленьего острова.

Кристофер не мог послушаться своего учителя. Пока шла война, он безвыездно жил на Оленьем острове. Изо дня в день он учил индейцев, молился с ними и за них, проповедовал им Слово Божье, помогал больным и умирающим, вместе со всеми страдал от голода, холода и болезней. Многие индейцы — те, что были ослеплены ненавистью, — отвернулись от Христа; но были и другие — эти люди, увидев, как бескорыстно и самоотверженно ведет

себя Кристофер, только укрепились в своей вере.

Во время войны Короля Филипа наррагансеты были почти полностью истреблены, а их поселения — на протяжении пятидесяти миль от Провиденса до Стоунингтона — сожжены дотла. По окончании боевых действий именно это индейское племя оказалось в самом тяжелом положении. Вот тогда-то Кристофер Морган и почувствовал, что Господь призывает его к служению. Кристофер знал, что он выбирает нелегкий, возможно, смертельно опасный путь. Тем не менее он принял решение не дать угаснуть искре христианской веры в сердцах наррагансетов. Жизнь на Оленьем острове убедила его в том, что ничто не сближает больше, чем совместно пережитые страдания. Он понимал: индейцы прислушаются к нему лишь тогда, когда он станет одним из них. Так он сможет убедить их, что Бог, о котором говорит Библия, — это не только Бог англичан, но и Бог наррагансетов, нипмуков и вампаноагов.

Немало английских священников и миссионеров выступали против его методов. Но Кристофер Морган не обращал внимания на критику, и десятилетие за десятилетием жил среди наррагансетов, завоевывая их доверие и проповедуя христианство. Когда Филип попытался понять, как Кристоферу удалось расположить к себе индейцев, старый миссионер рассказал ему одну историю.

— В 1643 году между наррагансетами и могиканами начались вооруженные столкновения. Вождь могикан Ункас ^[31] обвинил вождя наррагансетов Миантономо ^[32] в том, что тот пытался его убить. Тогда Миантономо собрал войско — около тысячи человек — и решил вторгнуться на территорию могикан. Хотя войско могикан было вдвое меньше, Ункас сумел одолеть противника хитростью. Он сделал вид, что намеревается вступить в переговоры, а сам внезапно напал на наррагансетов. Те отступили. Из-за тяжелых доспехов — их подарил вождю наррагансетов его друг, колонист Сэмюэль Гортон, — Миантономо отстал от соплеменников, был взят в плен и убит. Долгие годы наррагансеты оплакивали смерть своего вождя. Если кто-то из индейцев этого племени шел мимо могилы Миантономо, он оставлял там в знак скорби и уважения камень. До сих пор каждый сентябрь приходят наррагансеты к месту погребения Миантономо. Они приносят на его могилу камни, плачут и поют печальные песни.

Затем Кристофер провел параллель между этой историей и своей миссионерской деятельностью.

— Никто не спорит — в бою доспехи незаменимы. Но есть разная тактика ведения боя. И то, что доспехи помогали воинам Европы, еще не означает, что их надо использовать в Северной Америке. Здесь они не только не принесли пользы, но и привели к гибели Миантономи. Точно так же наш образ жизни и наша культура становятся камнем преткновения, едва речь заходит об обращении наррагансетов. Я говорю индейцам, что Иисус хочет быть Богом их вигвамов и деревень. Но из этого вовсе не следует, что они должны одеваться, как англичане, вести себя, как англичане, есть английскую еду. Для того чтобы спастись, им просто нужно открыть свое сердце Господу и воззвать к Нему.

Выслушав старого миссионера, Филип понимающе кивнул и сказал:

— Так Давид сразил Голиафа камнем, выпущенным из пращи. Вы отказались от совета Саула ^[33] и не надели броню и шлем, а вступили в бой, взяв привычное для вас оружие, веря, что Господь дарует вам победу.

И молодой человек увидел, как Кристофер Морган улыбнулся.

— Нет писем из дома, англичанин?

Джон Вампас оторвался от миски с кукурузной кашей. По злому огоньку, промелькнувшему в его глазах, Филип догадался, что Вампас хочет причинить ему боль.

Шел сентябрь 1729 года. Минуло больше года с тех пор, как Филип покинул Кембридж. Каждый месяц он писал матери и Пенелопе. Каждый месяц с замиранием сердца ждал писем из дома — и не получал их. Это сводило Филипа с ума. Почему ему никто не отвечает? Если близкие сердятся на него за то, что он так долго не возвращается в Кембридж, они по крайней мере могли бы сообщить о своей обиде. Он обрадовался бы любому, даже ругательному письму. Молодой человек пребывал в растерянности. Ну хорошо, допустим, его письма до них не доходят. Но почему они в таком случае никого не послали на его поиски?

Филип чувствовал, как растут его негодование и обида. В течение последних четырех месяцев он не раз давал себе слово не писать домой до тех пор, пока ему не ответят. Но когда очередной месяц подходил к концу, он вновь садился за письмо — и вновь испытывал разочарование. Зная об этом, Вампас старался уколоть его побольнее.

Филип закусил губу и пробормотал:

— Нет. Пока писем нет.

Он отставил свою миску в сторону. Как он ни любил горячую маисовую кашу, ему расхотелось есть.

А вот Кристофер Морган, вычистив всю миску, победоносно шлепнул ее на землю. Витамоо это только порадовало. Несколько недель подряд старик почти не притрагивался к еде. Он много спал, что было для него не характерно, и с каждым днем уделял работе над букварем все меньше времени. Как-то раз обеспокоенная Витамоо попыталась его разбудить. Он не просыпался. Лишь приложив ухо к его груди, она определила, что он еще жив. Поэтому то, что Нанаветеа ел с таким аппетитом, ей показалось добрым знаком.

— Витамоо, — весело сказал старик, — а не полакомиться ли нам каштанами?

Индианка взглянула на него вопросительно:

— Ты так хорошо себя чувствуешь? — В ее голосе звучало сомнение.

— Да, — улыбнулся старый миссионер. — К тому же нам надо немного встряхнуться. А каштаны — отличное средство против дурного настроения.

Витамоо поднялась со своего места и подошла к рядам корзин и мешков (в вигвамах не было полок, и съестные припасы и разная утварь стояли прямо на земле). Сунув руку в пеньковый мешок, она извлекла оттуда маленькую корзинку с каштанами. Филипу очень нравилось это вкусное лакомство, которым индейцы баловали себя круглый год.

Старик был прав: настроение обитателей вигвама и в самом деле оставляло желать лучшего. Отношения между Филипом, Вампасом и Витамоо стали такими напряженными что Филип начал подумывать о возвращении домой. В сущности говоря, в резервации он оставался только из-за Кристофера Моргана: тот был слишком слаб и стар.

Впрочем, молодой человек даже сам себе не мог точно объяснить, почему он не хочет покидать старика. То ли потому, что ощущал глубокую внутреннюю связь с ним и высоко ценил его духовный опыт, то ли потому, что Кристофер был живой историей семьи Морган. А может, и потому, что в его присутствии у Филипа возникало особое чувство — то самое,

что он испытывал, когда находился рядом с отцом. Кто знает, не подарил ли ему Господь встречу со старым миссионером, чтобы возместить потерю отца?

В общем, Филип решил остаться в резервации и помочь старику закончить работу над букварем на алгонкинском языке. За это ему были обещаны еда и кров. Кристофер Морган очень хотел дописать букварь. Он утверждал, что эта книга — лучшее наследство, которое он может оставить людям; она позволит индейцам Новой Англии самостоятельно прочитать Библию. Разумеется, Филипу нужно было выучить алгонкинский язык, чем он охотно и занялся — ведь ему предстояло прожить несколько месяцев у наррагансетов.

Однако у молодого человека оказалось гораздо больше времени, чем он предполагал. Год назад он был уверен, что старик не дотянет до весны. Но день летел за днем, наступил сентябрь, а Филип все еще находился в резервации.

Хотя молодой человек уже неплохо говорил на языке алгонкинов и мог участвовать в любой беседе, букварь пока так и не был закончен. Конечно, Филип расстраивался из-за того, что еще один учебный год в Гарварде начался без него. Но Кристоферу Моргану исполнилось уже девяносто пять лет. Сколько он еще проживет? Поэтому, несмотря на то что отношения с Вампасом и Витамоо стремительно ухудшались, Филип мысленно пообещал себе, что он не уедет из резервации, пока старик жив, а букварь не написан.

Витамоо протянула Кристоферу Моргану каштаны. Тот наклонился над миской, точно ребенок, выбирающий конфету. Коричневыми морщинистыми пальцами он долго ощупывал круглые коричневые плоды, пока не нашел тот, который его удовлетворил. Затем Витамоо подошла с миской к Вампасу — индеец улыбнулся и бросил в сторону Филипа торжествующий взгляд. Он явно считал, что, получив угощение первым, одержал над англичанином маленькую победу. Наконец настала очередь Филипа.

— Спасибо, я не хочу, — сказал молодой человек, надеясь удостоиться взгляда Витамоо. Но девушка упорно не отрывала глаз от миски с каштанами.

— Возьми парочку! — старый миссионер сделал приглашающий жест рукой. — Ты же так их любишь! Возьми!

Витамоо, все с тем же бесстрастным и замкнутым видом, протянула Филипу каштаны. Молодой человек невольно бросил взгляд на нежные смуглые пальцы, сжимавшие миску. Затем его глаза скользнули по изящному запястью индианки, ее плечу, изгибу шеи и остановились на щеке. Поняв, что он делает, Филип быстро посмотрел на Вампаса. На скулах индейца играли желваки, глаза зло сверкали. Филип протянул руку и, взяв несколько каштанов, сдержанно поблагодарил девушку.

Не ответив ему, Витамоо вернулась на свое место, поставила миску с каштанами рядом с собой и вновь принялась за еду.

— Давайте споем! — воскликнул старый миссионер. И, не дожидаясь ответа, он запел:

Слава Господу Отцу, Слава Сыну,
Слава Богу, Святому Духу, единому Богу.

Он пел, закрыв глаза и поднимая улыбающееся лицо к небу. Голос у него был старческий, надтреснутый, зато он пел искренне и с воодушевлением.

Аллилуйя, аллилуйя, осанна, осанна!

— подхватили молодые люди. Когда песня закончилась, старик затянул другую. Филип почувствовал, как к нему возвращается доброе расположение духа. Четыре голоса сливались, вознося хвалу Господу, и мрачное настроение обитателей вигвама мало-помалу рассеивалось.

Филип украдкой взглянул на Вампаса. Джон Вампас был сильным, красивым и уверенным в себе человеком. Глядя на него, Филип невольно вспоминал Джареда. Его младший брат походил на молодого наррагансета не только внешне. И с тем и с другим Филип не мог найти общий язык. Хотя, к примеру, с Вампасом он всячески пытался наладить отношения.

Когда после долгих странствий по лесу Филип вместе с Вампасом вернулся к Нанауветае, он не испытывал к молодому наррагансету, который спас его от медведя, ничего, кроме любви и благодарности. Да и Вампас на протяжении трехдневного перехода относился к нему тепло. Однако по возвращении в резервацию индейца словно подменили. Он стал держаться холодно и отстраненно, постоянно вызывал Филипа на спор. Филип был сбит с толку и смущен.

Тем не менее он решил не обращать внимания на выпады наррагансета. От Кристофера Моргана он узнал, что Витамоо и Вампас были сиротами. Миссионер взял к себе Вампаса после того как его родителей убил белый перебежчик из колонии Провиденс. Спустя год в его вигваме появилась Витамоо — родители девочки умерли от лихорадки. Так Кристофер Морган обзавелся двумя детьми. Он считал их Божьим даром и воспитывал как своих собственных.

Осиротевшие в раннем детстве, Вампас и Витамоо не знали иной семьи. Первое время Филип не переставал удивляться тому, с какой любовью, доверием и взаимопониманием относятся друг к другу члены этой образовавшейся по воле случая семьи. Филип, к примеру, не мог похвастаться тем, что между ним, Джаредом и Присциллой существует какая-то особая близость. Однако мало-помалу молодой человек стал замечать, что в вигваме Нанауветае происходит что-то неладное. Причем он не мог избавиться от ощущения, что неурядицы в семье Кристофера Моргана начались после его, Филипа, появления.

Тогда молодой человек задался целью во что бы то ни стало завоевать расположение Джона Вампаса. Он старался всячески выказать ему свою симпатию; он помогал ему по хозяйству; он даже хотел вместе с Вампасом участвовать в увеселительных мероприятиях, которые проводились в резервации. Однако, против его ожидания, индеец продолжал относиться к нему враждебно.

Когда Филип узнал, что Вампас и его друзья собираются посетить Дом горячих камней, он тоже решил туда пойти. Молодой человек полагал, что, если он сумеет сблизиться с друзьями Вампаса, тот станет относиться к нему лучше. Итак, Вампас отправился в Дом горячих камней, а Филип выждал несколько минут и последовал за ним.

Дом горячих камней находился в другом конце резервации, около озера Паскуисет. Это была пещера шести-восьми футов в глубину и восьми футов в высоту, высеченная в скале. В центре пещеры, на груде камней, наррагансеты разводили огонь. Когда камни раскалялись докрасна, угли убирали — и Дом горячих камней был готов. Десять-двенадцать мужчин раздевались у входа в пещеру и заходили внутрь. Около часа или более того они беседовали,

курили и потели — индейцы верили, что пот очищает кожу и лечит тело. Потом они выбегали из пещеры и прыгали в озеро.

Когда Филип приблизился к Дому горячих камней, наррагансеты уже находились в пещере. Филип снял одежду, аккуратно положил ее на землю около одежды индейцев и вошел внутрь.

В пещере стоял тяжелый дух табака и пота. Там было так жарко, что Филип сразу начал хватать ртом воздух. Вдоль стен пещеры в удобных позах сидели одиннадцать индейцев. Увидев англичанина, они разом смолкли. Филип кивнул Вампасу, который, похоже, не обрадовался его приходу, и поискал глазами, куда бы ему сесть, — он надеялся, что сидя он не будет чувствовать себя так неловко. Затем он попросил собравшихся продолжать беседу, что они, слегка поколебавшись, и сделали.

Тогда Филип еще очень слабо владел алгонкинским языком и не мог участвовать в общем разговоре. Однако в целом его план увенчался успехом. Друзья Вампаса отнеслись к нему доброжелательно. Они быстро привыкли к присутствию белого человека, чего нельзя было сказать о Вампасе. Нахмурившись, он сидел у стены и не отрывал глаз от раскаленных камней в центре пещеры.

Внезапно, точно по сигналу, индейцы вскочили и ринулись к выходу. С криками они сбежали вниз к озеру по пологому склону и один за другим бросились в воду. Филип устремился следом за ними и, стиснув зубы, сиганул в озеро. Вода оказалась ледяной, и у молодого человека перехватило дыхание, однако спустя секунду-другую он почувствовал прилив бодрости. Это было восхитительное ощущение. Он не ожидал, что купание принесет ему столько радости. Кроме того, Филипу было приятно вновь оказаться в обществе мужчин. С тех пор как он покинул Гарвард, ему не доводилось бывать в мужской компании. Только теперь он понял, как скучает по своим товарищам.

Но его радости быстро пришел конец. Он вылез из воды последним и сильно отстал от индейцев. Когда он подошел к Дому горячих камней, наррагансеты уже ушли. Но главное — он не увидел своей одежды. Вокруг была лишь голая, как и он сам, земля. Филип обшарил все вокруг: кусты, пещеру, берег озера. Одежда исчезла!

Чтобы вернуться в вигвам Кристофера Моргана, ему нужно было пройти из одного конца резервации в другой.

Филип скрипнул зубами. «Вампас! Это его рук дело!» Он сорвал две самые густые ветки, которые смог найти. «Если уж этим не брезговали Адам и Ева...» — подумал он. Прикрывшись ветками, молодой человек выбрался на пыльную дорогу, шедшую через резервацию. Он морщился, наступая на камни, а когда ему пришлось выйти из зарослей деревьев и кустарника, росших на склоне, на равнину — на ней тут и там были разбросаны вигвамы и прочие строения, — он весь сжался.

По натуре наррагансеты народ сдержанный. Но тот день стал исключением. Они просто изнемогали от хохота. От смеха у них текли слезы. Те, кто видел его, смеялись так громко, что из вигвамов выглядывали соседи. На полпути к дороге Скулхауз-Понд Филипа окружила толпа детей. Ребятишек так потрясла его белая кожа, что кое-кто из них подходил к нему совсем близко и дотрагивался до его ног и груди, чтобы проверить, не краска ли это.

Остаток пути молодой человек бежал бегом. Запыхавшийся, он нырнул в вигвам Нанаувета. Увидев Филипа, старый миссионер и его юная помощница опешили.

Витамоо прыснула, прикрыла рот рукой, а затем быстро вышла из вигвама.

Кристофер Морган сочувственно спросил:

— Вампас?

— Вампас, — ответил Филип.

Песня закончилась, и Филип вернулся в настоящее.

— На каком языке вам почитать Библию? — спросил старик.

— На алгонкинском, — быстро ответил Вампас. И Кристофер Морган взял Библию Элиота. Он открыл Деяния святых Апостолов и начал читать с того места, где он остановился в предыдущий раз. Старый миссионер читал о том, как Павел поссорился с Варнавой из-за Иоанна Марка, которого Варнава хотел взять с собой ^[34]. «Выходит, не один я не умею ладить с людьми», — подумал Филип. Пока Кристофер Морган читал, он размышлял о своих отношениях с Вампасом.

После того случая в Доме горячих камней Филип решил изменить линию поведения. Молодой человек пришел к выводу, что Вампас не желает быть его другом, однако Филипу не хотелось, чтобы он стал его врагом. Поэтому он положил себе за правило никогда не мешать Вампасу — Филип надеялся, что тот ответит тем же.

С тех пор Филип держался с индейцем вежливо, но сухо — никаких лишних разговоров. Ссорились они редко, так как Вампас в основном пропадал в лесу: охотился или заготавливал жерди для починки вигвама. Тем временем Филип вместе с Кристофером Морганом и Витамоо занимался составлением букваря. Это общество и эта работа были ему по душе.

Филип надеялся, что чем реже они станут встречаться с Вампасом, тем меньше у них будет поводов для раздоров. Но он ошибся. С каждым днем Вампас делался все более угрюмым и неприветливым. Он всячески — и словесно, и физически — пытался задеть Филипа.

Как-то раз — дело было днем — Вампас вошел в вигвам, держа в руках жерди. Кристофер Морган спал. Филип и Витамоо просматривали страницы, написанные утром. Индианка, заглядывая через плечо молодого человека в текст, объясняла Филипу, что нужно исправить. Вампаса они заметили не сразу. Ничего не сказав, он швырнул жерди наземь и покинул вигвам. Ужинать он не пришел.

В тот день Кристоферу Моргану нездоровилось, и он рано лег спать. Витамоо пошла к озеру. Филип сидел рядом со спящим стариком и читал в дневнике своего прапрадеда о том, как Нелл и Дженни Мэтьюз подшутили над Энди, заставив его читать вслух отрывок из Песни песней.

Внезапно Филип встрепенулся и напряг слух: до него долетел чей-то неясный, слабый плач. Кристофер Морган спал спокойно. Значит, этот странный, плачущий звук доносится снаружи. Филип вновь прислушался. Плач становился все громче. Молодой человек отложил дневник и вышел из вигвама. Несколько секунд он стоял без движения, настороженно вглядываясь в темноту. В озере отражалась серебристая луна. В глубокой ночной тишине все звуки слышались очень отчетливо. Плакали где-то у озера.

Когда Филип дошел до озера, то на берегу, под деревом, он заметил две черные фигуры. Было похоже, что эти люди борются и один из них вот-вот одержит победу. Теперь Филип мог различить отдельные слова и фразы.

— Нет... нет. Вампас, не делай этого! Нет...

Это был голос Витамоо!

Филип устремился к ним. Вампас, навалившись на Витамоо, неумело пытался сорвать с нее одежду. Он был обнажен до пояса. Не помня себя от ярости, Филип кинулся на него и

ударом отбросил назад. Молодые люди, вцепившись друг в друга, покатались к воде.

Противник Филипа был гораздо сильнее и проворнее. Но при этом он был мертвецки пьян. Тем не менее ему удалось подняться первым. Однако устоять на ногах он мог с трудом. Его шатало из стороны в сторону, он растерянно тер глаза руками, не понимая, кто на него напал. Когда он узнал Филипа, смущение сменила ярость.

Как только Филип попытался встать, Вампас с пронзительным криком пнул его ногой в солнечное сплетение. У Филипа позеленело в глазах, он упал и, скорчившись, несколько минут хватал ртом воздух. Ударив противника, Вампас потерял равновесие и рухнул навзничь на землю. Однако ему вновь удалось вскочить на ноги первым. На сей раз он вытащил из-за пояса кожаных штанов нож. Угрожающе размахивая им, он двинулся на Филипа.

— Нет! — закричала Витамоо. — Вампас, не делай этого! Прошу... ради меня... не делай этого!

Индеец замешкался лишь на мгновение, но этого было достаточно, чтобы Филип успел встать. Держась одной рукой за солнечное сплетение, другую он, защищаясь, выставил перед собой.

Вампас что-то крикнул. Этих слов Филип не знал. Но злая усмешка и угрожающий взгляд Вампаса в переводе не нуждались.

На какое-то мгновение все трое застыли. Филип пригнулся, следя за Вампасом. Витамоо не сводила глаз с Вампаса. Вампас свирепо уставился на Филипа. Лицо индейца стало влажным от пота, он ожесточенно сопел.

— Вампас! Посмотри на меня! — закричала Витамоо.

Вампас не обернулся.

— Вампас...

Внезапно наррагансет сорвался с места и бросился бежать. Его шатало из стороны в сторону, пару раз он даже упал. Спустя минуту он пропал в темноте.

— Ты ранена? — спросил Филип.

Витамоо поправила воротник платья и сказала:

— Я в порядке.

Затем она стряхнула траву, застрявшую у нее в волосах, и тихо спросила:

— А ты?

— Жить буду.

— Хорошо.

Витамоо повернулась и пошла к вигваму.

Филип замер на месте от изумления.

— «Хорошо»? — закричал он ей вслед. — И все? Это все, что ты можешь сказать? «Хорошо» — и уйти?

Витамоо обернулась, прижимая руки к лицу. Она была вне себя от злости, и Филип не понимал, почему.

— Чего ты хочешь? Вечной благодарности?

— Нет! Конечно, нет! Просто... Чего хотел Вампас?

На ее лице мелькнуло раздражение.

— А тебе как показалось?

Филип никак не мог уяснить, почему она так себя ведет, но ее тон ему не нравился.

— Послушай-ка, я не понимаю, чем заслужил такое обращение. Я знаю, что он пытался

сделать. Но я не могу понять — почему...

Витамоо подняла глаза к небу и развела руками.

— Неужели ты ничего не замечаешь?! — воскликнула она.

— Да! — Филип кивнул. — Я ничего не замечаю! А теперь, будь любезна, объясни мне, почему Вампас пытался тебя изнасиловать?

Это слово — «изнасиловать» — будто бы обожгло Витамоо. Пока его не произнесли, она могла делать вид, что у Вампаса были другие намерения. Но притворяться дальше не имело смысла. Девушка обхватила себя руками и разрыдалась. Филип хотел приблизиться к ней, но что-то подсказывало ему — этого делать не стоит.

— Во всем виноват ты, — произнесла она сквозь слезы.

— Я? Ушам своим не верю! Вампас хотел... — молодой человек осекся, а затем, собравшись с мыслями и подобрав нужные слова, продолжил: — Вампас напал на тебя, а виноват я?

— Да, ты! — закричала она. — То, что он пьет, играет в карты, то, что он насквозь пропах табаком... и то, что случилось сегодня... Это все из-за тебя.

— О чем ты говоришь! — закричал Филип. Молодой человек топнул ногой, угодил в воду — во все стороны полетели брызги. — Это просто неслыханно! Изволь объяснить, почему это во всем виноват я?

Витамоо решительным движением вытерла слезы. К ней вернулось самообладание.

— Неужели ты не замечаешь, что Вампас сходит с ума от ревности?

— От ревности? — переспросил Филип. Большой нелепости он никогда не слышал. Такие люди, как Джаред и Вампас, не ревнуют, это они вызывают ревность в других.

— Да, от ревности! Ты — угроза для него! Ты посягаешь на то, чем он дорожит. Он не может соперничать с тобой, Филип!

— У меня нет того, что ему нужно.

— Нет, есть! Ему нужно внимание Нанауветае, которое достается тебе. Он думает, что ты хочешь отнять у него меня! И что он не сможет помешать этому. Вот он и начал пить, играть и... — Витамоо прижала руку к горлу, снова переживая то, что случилось на берегу озера этим вечером. Она перешла на шепот: — И чуть не изнасиловал меня. Вампас зол и обижен.

— Но у него нет никаких причин для ревности! — воскликнул Филип.

— Вот как? Перед тем как появился ты, над букварем собирался работать Вампас. Но Нанауветае быстро понял, что ему это не по силам. У него нет ни твоего образования, ни твоей подготовки. Но и это еще не все. Изо дня в день Нанауветае нахваливает тебя. А Вампас так жаждет его одобрения!

Судя по всему, Витамоо была права.

— И кроме всего прочего, мы... — тихо добавила она.

— Мы?.. — у Филипа бешено заколотилось сердце.

— Работая над букварем, мы проводим вместе много времени, — пояснила она. — Ему кажется, ты отнимаешь у него меня.

— Отнимаю? Ты что, дала ему клятву верности?

Витамоо пожала плечами.

— Мы понимаем друг друга. Здесь почти нет христиан нашего возраста. Когда мы были детьми, мы мечтали стать Адамом и Евой нового поколения «молящихся индейцев».

Сказав это, девушка тут же пожалела, что поделилась с Филипом столь личным

воспоминанием. Она с досадой махнула рукой.

— Я уже не раз говорила Вампасу, что ему не о чем беспокоиться. И все-таки он считает, что ты для него — угроза.

Филип не хотел, чтобы Витамоо увидела, как сильно его огорчили эти слова.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — сказал он. — Но это не означает, что ты можешь обвинять в его выходках меня.

— До того, как ты появился, в нашей семье все было хорошо! — глаза Витамоо наполнились слезами. — Посмотри, что с нами творится теперь!

— Витамоо, — примирительно сказал Филип и шагнул к девушке.

Но она внезапно повернулась и бросилась прочь. Так же внезапно Витамоо остановилась и крикнула ему:

— Обещай, что ты не расскажешь Нанауветае о том, что случилось! Дай мне слово, Филип Морган!

— Обещаю.

С того вечера прошла неделя.

Кристофер Морган отложил Библию.

— Да благословит Господь чтение Его Святого Слова, — сказал он. — Сладких снов, дети.

— Сладких снов, — ответили хором молодые люди.

Филип взглянул на Витамоо и Вампаса. Девушка по-прежнему отводила глаза в сторону, а Вампас смотрел на него так же зло, как всегда.

Воскресное шествие наррагансетов в церковь наглядно демонстрировало глубокое уважение индейцев к своему духовному наставнику Нанаувета. Как и в других поселениях Новой Англии, утро воскресенья здесь начиналось с приглашения верующих на службу. В каких-то церквях для этого использовали колокола, в каких-то — барабаны, а в каких-то, например в резервации наррагансетов, трубили в морскую раковину. При этих звуках индейцы выстраивались вдоль дороги, которая, проходя мимо вигвама Нанаувета, вела в маленькую (всего одно помещение) грубо сколоченную церквушку. Это было бедное сельское население с окраин колоний. Многие жители резервации работали домашней прислугой или чернорабочими в Чарлстоне, небольшом поселении на западе — оно называлось так же, как и город, расположенный к северу от Бостона, в устье реки Чарлз. Переговариваясь вполголоса, наррагансеты терпеливо ждали появления Нанаувета. Когда он выходил из вигвама, они устремлялись за ним следом. Из-за преклонного возраста миссионера процессия двигалась к церкви медленно.

Два индейца — так называемые сопровождающие, избранные общиной, шли рядом с Нанаувета, помогая ему по мере необходимости. Христиане резервации любили своего духовного лидера, а он — их. Он не только наставлял их более пятидесяти лет, но всей своей жизнью являл пример следования христианскому учению. В первые годы своего служения Нанаувета часто говорил наррагансетам, что он прежде всего думает о Боге и лишь потом — о них. Теперь он перестал повторять эти слова — не было необходимости. Хотя служить его Богу были готовы не все, никто не сомневался в искренности Нанаувета и его любви к Господу. Наррагансеты знали: перед ними — святой человек.

Нанаувета сохранял верность пуританскому учению и не придерживался обычаев католической церкви. Однако если в воскресенье в резервации наррагансетов что-то и напоминало о католических ритуалах, то это процессия индейцев, которая торжественно следовала за своим учителем на место богослужения. Впрочем, едва ли те, кто сопровождал папу римского, испытывали такой же благоговейный трепет.

Ходить в церковь с двумя провожатыми Кристофера Моргана вынуждало его физическое состояние. Он был так слаб, что не мог обойтись без посторонней помощи. Причем считалось, что людям, сопровождавшим Нанаувета, оказана великая честь — такая же, как и тем, кто занимал престижные должности в Риме.

Когда в последний раз искали сопровождающего, миссионер попросил, чтобы ему позволили самому присмотреть подходящего человека. Было очевидно, что он давно сделал свой выбор. В тот год Джону Вампасу исполнилось шестнадцать лет, и в знак признания того, что мальчик вырос достойным христианином, Нанаувета рекомендовал на эту почетную должность его. Прихожане с радостью удовлетворили просьбу старика. А Джон Вампас с благодарностью принял назначение. В течение трех лет он с гордостью выполнял обязанности сопровождающего. И не пропустил ни одной воскресной службы.

Но в тот сентябрьский день 1729 года у вигвама Нанаувета стоял только один сопровождающий. И это был не Джон Вампас.

Последовало несколько неприятных минут, в течение которых индейцы пытались найти выход из сложившейся ситуации. Никто не понимал, как такое могло произойти. Сопровождать миссионера считалось столь почетной обязанностью, что не явиться к выходу

Нанауветае было просто кошунственно. Потому-то никто не задумывался о сопровождающих-дублерах. Тем не менее надо было что-то делать. Раковина уже протрубила. Люди ждали выхода Нанауветае. Может ли один человек сопровождать старика? А что если миссионер споткнется и упадет? Мог ли заменить Вампаса тот, кого не выбирала община?

Желая положить конец суматохе, Нанауветае твердо произнес:

— Сегодня Джона Вампаса заменит Филип Морган.

— Но он не утвержден церковью! Да и потом, многие хотели бы получить право...

Не желая слушать возражения, миссионер поднял руку, а затем сказал:

— Филип здесь, мы опаздываем. Не будем заставлять Господа ждать.

С помощью Витамоо Нанауветае облачился в накидку из перьев. Сопровождающий, назначенный общиной, взял его под одну руку, а Филип — после того как отдал свою Библию Витамоо — под другую. Сопровождающий вышел из вигвама. Вдвоем с Филипом — молодой человек находился внутри — они помогли старику выбраться наружу.

Стоял теплый, немного туманный день, с юга дул легкий ветерок. Хотя лето уже ушло, настоящая осень еще не наступила. Миссионер и два его спутника черепашьям шагом направились к церкви; за ними медленно двинулась процессия верующих.

Они прошли не более сотни ярдов, когда их догнал Джон Вампас. Лицо, руки и грудь молодого человека были в грязи. От него несло перегаром.

— Убери от него руки! — крикнул он Филипу. — Это мое место! Меня назначила церковь!

Язык Вампаса заплетался, глаза были воспаленными и красными.

— Я сказал, убери руки! — вновь закричал Вампас. Он бросился на Филипа и изо всей силы толкнул его в грудь.

Филип был к этому не готов. Пытаясь удержаться на ногах, он отклонился назад, но, потеряв равновесие, упал. Миссионер покачнулся. Второй сопровождающий не сумел поддержать его. Прихожане беспомощно наблюдали, как их девятилетний наставник рухнул на землю. В своей накидке из перьев он напоминал покалеченного орла.

— Подожди! Не трогай его! — закричала Витамоо сопровождающему — тому казалось, что упавшего миссионера нужно, точно опрокинутый сосуд, немедленно поднять. Девушка метнулась к Кристоферу Моргану:

— Ты в порядке, Нанауветае? Тебе больно?

Оказавшись в центре внимания, старик смутился. Взгляды всех присутствующих, кроме Филипа и Вампаса, были прикованы к нему. Филип лежал на спине; рядом с ним стоял перепуганный Вампас.

— Если тебе больно — лежи, — предупредила Нанауветае Витамоо.

На лице старика появилась улыбка. Он потрепал девушку по руке.

— Может быть, я и старый глиняный горшок, — сказал он, — но, слава Богу, пока целый.

Назначенный сопровождающий взял старика под одну руку, а Витамоо — под другую; вдвоем они осторожно помогли ему встать.

— Пожалуйста, позволь мне, — раздался голос Вампаса.

Витамоо резко обернулась. Девушка хотела было крикнуть Вампасу, чтобы он не приближался к старику, но, взглянув на лицо молодого человека, она осеклась и отступила в сторону. По щекам Вампаса, смывая засохшую грязь, потоком лились слезы.

Встав на ноги, старик посмотрел на своего приемного сына.

— Иди домой, — сказал он. — Умойся. Потом приходи на службу.

— Но, Нанаувета, я должен сопровождать тебя. Позволь я отведу тебя в церковь, а потом умоюсь.

Старый миссионер покачал головой.

— Важнее подготовиться к встрече с Богом, чтобы Он мог очистить твою душу. Добраться до церкви мне поможет Филип.

Филип уже поднялся на ноги. Он опасался, что Вампас может снова вспылить, а потому держался поодаль. Услышав слова старика, Вампас метнул на англичанина недобрый взгляд. Он не хотел отпускать руку Нанаувета. На скулах наррагансета играли желваки, грудь вздымалась, было видно, что он с трудом сдерживает ярость.

Старик положил руку ему на плечо.

— Вампас, — сказал он. Молодой человек не услышал его, и он настойчиво повторил: — Вампас!

Индеец с трудом отвел глаза от Филипа и обернулся к Нанаувета. Тот дождался, пока их взгляды встретятся, и сказал:

— Делай, что я сказал.

Вампас в оцепенении посмотрел на руки старика, потом перевел невидящий взгляд на свои руки. Медленно, разжимая палец за пальцем, он отпустил руку Нанаувета. Затем сделал полшага назад — и еще полшага.

Филип встал между Вампасом и Нанаувета и бережно взял старика под руку. Процессия вновь тронулась, на этот раз верующие шли очень медленно. Филип оглянулся. Вампас, как вкопанный, стоял посреди дороги.

Служба в здешней церкви почти во всем напоминала службу в кембриджской церкви. Разница заключалась в том, что богослужение шло на алгонкинском языке. Прихожане сидели на грубых скамьях без спинок. Семейных скамей или постоянных мест не было. Филип понял это, увидев, как несколько человек поменялись местами.

Нанаувета, как патриарх, восседал на специальном возвышении за кафедрой. Внизу, тоже лицом к прихожанам, сидели дьяконы. Со своего места старый проповедник наблюдал за службой, пел вместе с верующими гимны и молился (когда все вставали, он продолжал сидеть). Проповедь читал священник — индеец средних лет по имени Джедедия Помхам. Она была короткой и простой — никаких сложных теоретических рассуждений, к которым привык Филип, выросший в университетском городке. Тем не менее в стенах этой маленькой церкви ощущалось присутствие Бога и звучало Его Слово. Когда служба — она длилась не более часа — закончилась, никто не вставал со своих мест до тех пор, пока сопровождающие не вывели Нанаувета из здания. Затем храм покинули пастор и дьяконы. После чего разошлись и прихожане.

— Я беспокоюсь за Вампаса, — убирая кости, сказала Витамоо. Индианка, Филип и Нанаувета только что пообедали холодными голубями. Вампас после утреннего происшествия исчез.

— Он в руках Господних, — сказал, обсасывая косточку, Нанаувета.

Девушка нахмурилась. Судя по всему, слова старика ее не успокоили.

— Может быть, мне пойти поискать его? — спросил Филип.

Его предложение удивило и Витамоо, и старика. Индианка улыбнулась уголками губ.

— Думаю, его лучше не трогать, — ответил Нанаувета. — Подобно блудному сыну, он придет в себя и вернется домой.

— Тогда, если позволите... — решительно произнесла Витамоо. — Я загляну к Намумпум.

— Похоже, она вот-вот разрешится от бремени, — сказал старик.

— Малыш должен был родиться две недели назад. Бедняжка очень страдает. Говорит, что чувствует себя настоящей коровой. Многие женщины думают, что у нее родится двойня.

— Это ее первый ребенок? — спросил Филип.

Нанаувета и Витамоо заулыбались.

— Четырнадцатый, — сказала девушка. — А может быть, заодно и пятнадцатый, если женщины не ошибаются.

— Передай, что я молюсь за нее, — промолвил Нанаувета.

Витамоо собрала в узелок кое-какие вещи и ушла, оставив Филипа наедине со стариком. Филип дорожил такими минутами. Нанаувета и Филипу редко удавалось побыть вдвоем. Свободного времени у старого миссионера почти не было. Помимо работы над букварем он много общался с прихожанами, которые тянулись в вигвам нескончаемым потоком; кто-то приходил со своими обидами и жалобами, а кто-то — за советом и духовной поддержкой. Время, отпущенное Нанаувета, текло медленно — как песок, сыплющийся в часах. Видимо, такую жизнь уготовил ему Господь. А вот часы Бенджамина Моргана разбились раньше, чем песок успел пересыпаться из одного сосуда в другой. По какой-то причине Господь даровал Филипу возможность разделить со стариком его последние дни, и молодой человек это ценил.

Филип задумчиво обвел глазами жилище Нанаувета; он старался запечатлеть в своем сердце каждую мелочь. Костер, пылавший в центре вигвама, отбрасывал на стены оранжевые отсветы. Большая часть дыма выходила наружу через отверстие в крыше, оттуда же внутрь попадал солнечный свет. У этого незамысловатого индейского жилища не было ничего общего с великолепным белоколонным зданием, возвышавшимся на берегу реки Чарлз. Тем не менее здесь, в убогой, пропахшей дымом хижине с земляным полом, Филип чувствовал себя так, словно он находился дома. В глубине вигвама стояли корзины и мешки, а книги, Библии (в том числе и фамильная Библия Морганов), бумага и письменные принадлежности лежали около Нанаувета. Сам миссионер, укутанный в накидку из перьев, сидел поджав ноги, слегка сторбившись. Мудрый и бескорыстный, настоящий святой.

— Собираешься уезжать?

Услышав голос старика, Филип вздрогнул.

— Уезжать? Почему вы об этом спрашиваете?

— Ты смотришь вокруг так, словно видишь это в последний раз.

— Боюсь, я мешаю вам спокойно жить.

— Вампасу, — тихо уточнил миссионер.

— И Витамоо.

Старик испытующе взгляделся в лицо Филипа, словно проверяя, искренен ли он.

— Витамоо разрывается на части.

— Не понимаю, — сказал Филип.

— Тогда пусть Господь откроет тебе глаза. Ты хочешь уехать, не закончив работу над букварем?

Филип понурился. Прежде чем ответить — он долго искал нужные слова, — молодой

человек наклонил голову сначала к одному плечу, а потом к другому.

— Я попал в трудное положение, — сказал он наконец. — Мои отношения с Вампасом с каждым днем ухудшаются. Это огорчает Витамоо. Вот и выходит, что мне лучше покинуть резервацию.

Но есть еще букварь... Я хочу закончить работу над ним. Уехав, я решу только одну проблему, другая останется.

Старик бесстрастно молчал. Казалось, он вообще не понимает, что тут сложного.

— Теперь вы понимаете, в каком безвыходном положении я оказался, — тихо произнес Филип.

— Расскажи мне о сестре и брате, — внезапно попросил миссионер.

Старик явно хотел сменить тему. «Он дает мне понять, — сообразил Филип, — что решение я должен принять сам».

— Ладно... — медленно начал молодой человек. — Моя сестра Присцилла — девушка как девушка, невысокого роста, рыжеволосая. Она ужасно упряма, молодым людям предпочитает книги. А Джаред — его, пожалуй, можно назвать красивым — ленив и несобран. Отцу было нелегко справляться с ним, вечные проказы... У него просто талант попадать в переделки.

— А твоя мать?

Вспомнив о Констанции, Филип улыбнулся.

— Она очень добрый и мягкий человек. Замечательная жена и мать. Мама никогда не спорила с отцом, всегда поддерживала его.

— Ты любишь ее?

— Маму? Конечно люблю!

— А брата с сестрой?

После минутной заминки Филип произнес:

— Пожалуй... Как брат любит сестру и брата.

— Они тебе нравятся?

Молодой человек изумился:

— Нравятся? Я же сказал, что люблю их. Почему вы спрашиваете, нравятся ли они мне?

— Потому что я чувствую: они тебе не нравятся, — сказал Кристофер Морган. — И ты их не любишь.

Слова старика задели Филипа за живое, и он разозлился. Да кто такой Кристофер Морган, чтобы говорить, что он, Филип, не любит близких? Кому как не ему, Филипу, знать, что он чувствует? Молодой человек пытался убедить себя, что Кристофер Морган имел в виду что-то другое, не столь обидное для его самолюбия. Но старик высказался с грубой прямоотой. Стараясь подавить закипавшее в нем раздражение и изо всех сил пытаясь не дать обиде вырваться наружу, Филип спросил:

— С чего вы взяли, что я их не люблю?

— Ты сказал, что твоя сестра упряма, а брат ленив. Это неприятные черты характера. Кто же любит бездельников и упрямцев?

Филип смутился:

— Но я же говорю это как брат. Они наверняка тоже не очень-то лестно отозвались бы обо мне.

Старик устало смежил веки. Он немного запрокинул голову, и солнечный свет, который попадал в вигвам через отверстие в крыше, смыл с его лица отблеск пламени. Теперь

Кристофер Морган выглядел еще более дряхлым. Он так долго сидел без движения, что Филип запаниковал. Старик был бледен как смерть. Вдруг он не заснул, а... Молодой человек позабыл о своем раздражении и, подавшись вперед, попытался определить, жив ли его наставник. Создавалось такое впечатление, что Кристофер Морган перестал дышать. Его руки неподвижно лежали на коленях. Лицо застыло. Филип бережно дотронулся до плеча старика, и в ту же секунду заметил, как у того что-то блеснуло в уголке глаза. Это была слеза.

Тем временем Кристофер Морган заговорил. Его голос звучал глухо, словно со дна колодца.

— Наши семьи очень похожи, — сказал он, не открывая глаз. — Моя сестра Люси была решительной и прямой женщиной. Она всей душой верила в Божье милосердие, а потому взяла на себя миссию возродить дело Энн Хатчинсон в Бостоне. Ее приняли ничуть не лучше, чем миссис Хатчинсон, и ей пришлось вместе с семьей бежать в Провиденс. Мой брат Роджер так и не нашел своего призвания. Он был сильным и обаятельным человеком. Вот только любил пропустить рюмочку, пьяным он и умер. Единственное, что объединяло нас, — фамилия. Я тоже вел себя дурно. Из-за своей увлеченности миссионерской работой я не видел ничего вокруг. Она поглотила меня целиком.

Старик сделал паузу. А затем глубоко и судорожно вздохнул. По его лицу медленно текли слезы. Тревога Филипа росла. Кристофер Морган вдруг стал таким уязвимым. Он больше не был живой легендой и великим патриархом, теперь он напоминал маленького ребенка, который стоит перед своим отцом.

— Мы не оправдали надежд нашего отца, — горько произнес он наконец.

— Вы не правы, — мягко возразил Филип. — Уверен, он гордился бы вашими достижениями.

Казалось, старик не слышит его.

— Отец мечтал, что его семья будет похожа на семью моей матери. Он не мог забыть, как дружны были Мэтьюзы. Это сыграло важную роль в его обращении. Он надеялся воссоздать атмосферу той любви в своем доме. Он изо всех сил старался, чтобы любовь восторжествовала в нашей семье. Как же он старался!.. Каждый день он молился об этом. Каждый день.

Старик медленно повернулся к Филипу и грустно усмехнулся.

— Тогда я думал, что он молится, чтобы пристыдить нас и заставить прекратить ссоры. Мне казалось, он просто эгоист, и все, что ему нужно, — покой и тишина в доме.

Филип неловко пошевелился. Он хотел утешить старика, но ему никак не удавалось подобрать верные слова, а говорить банальности не стоило. Поэтому он промолчал.

— Только с твоим появлением я осознал, как много значила для него семья.

Филип озадаченно взглянул на старика.

— Дневник. Я прочел дневник отца.

Филип понимающе кивнул.

— Отец много и мучительно думал о нашей семье.

Кристофер Морган снова прикрыл глаза, на этот раз — чтобы процитировать по памяти одну из записей:

— *«24 апреля 1652 года. Я буду страдать до тех пор, пока не увижу в моих детях любовь Господа Иисуса Христа. Господь Всемогущий, я так боюсь, что они никогда не узнают счастливого дара любви друг к другу. Я все время вспоминаю, как близки были моя любимая*

Нелл и ее сестра Дженни — их души были неразрывны. Я вспоминаю о том, как Кристофер Мэтьюз, их отец, не задумываясь пожертвовал ради дочерей своей жизнью, как Дженни погибла ради меня и Нелл, хотя могла спастись. А мои дети... они вечно ссорятся. Каждый из них думает только о себе. Господи, в чем моя ошибка? Я с радостью отдал бы жизнь за то, чтобы они жили в любви и согласии».

Теперь слезы текли по лицу старика без остановки. Филип чувствовал, что должен что-то сказать.

— Но ведь в ту пору, когда он написал эти строки, вы были детьми, не так ли?

— В 1652-м мне исполнилось восемнадцать лет. Я был достаточно взрослым для того, чтобы оставить родительский дом и уехать с Джоном Элиотом к индейцам. Возраст тут ни при чем. Просто я вел себя как бездушный эгоист. Я любил свою работу больше, чем сестру и брата, отца и мать. Я мог послать им весточку — и не написал ни строчки. Сколько же упущено... Мне стыдно об этом вспоминать. Что я мог им сказать? Что работа для меня важнее, чем они? Я дал себе слово, что наверстаю упущенное, навещу родителей, Люси, Роджера. Но у меня так и не нашлось на них времени, а потом началась война. И знаешь, Филип, я даже испытал некоторое облегчение. Ведь у меня появилась законная причина не ехать к ним. После войны я много трудился в резервации. Совершенно случайно, от охотника, я узнал, что отец умер. А значит, его молитвам не суждено было сбыться.

Кристофер Морган взял в руки Библию, ту самую, что когда-то принадлежала его отцу. Старик держал ее с огромным трудом — казалось, подняв эту книгу, он одновременно взвалил на себя груз ответственности за то, что случилось с его семьей.

— После смерти отца я начал просить Бога, чтобы Он открыл мне Свою волю в отношении этой Библии. Милосердный Господь даровал мне уверенность, что ответит на мои молитвы. Я обещал Господу, что если он мне позволит, я сделаю все, чтобы исправить то, что случилось в семье Морган.

— Должно быть, я разочаровал вас, — сказал Филип.

После этих слов Кристофер Морган словно очнулся.

— Сначала ты и впрямь разочаровал меня, — старик пристально смотрел на Филипа. Он снова стал прежним Нанаувета. — Ты был поглощен только собой, как и я в твоём возрасте. Но ты изменился. Повзрослел. Взять хотя бы Вампаса, ты тревожишься за него. Прежний Филип не обратил бы внимания на какого-то индейца, разве только тот помешал бы ему двигаться к цели.

— А как же мое отношение к сестре и брату?

— Эта Библия, — продолжил миссионер, прижимая книгу к своей груди, — представляет историческую ценность. Приняв ее, я взял на себя ответственность за то, что она будет передаваться из поколения в поколение, от одного верующего к другому. Если этого не случится, придется задать вопрос, продолжает ли существовать христианство. Однако, к своему стыду, должен признать: я упустил из виду одно очень важное обстоятельство — это не просто Библия. Это Библия семьи Морган. Вот они, ключевые слова. Что будет значить наше наследие, если Библия уцелеет, но Морганы, которые могут читать ее, изучать ее, жить по ней, исчезнут? Мы — семья. На свете не так много вещей более важных, чем семья.

Душа Филипа не могла не откликнуться на слова старого миссионера. Сказанное им было так похоже на то, что говорил, умирая, отец. «Семья так важна, сынок, — быть может, важнее и нет ничего на свете. Помни об этом».

Разговор о прошлом утомил Кристофера Моргана, и вскоре он уснул. Слушая шум огня, Филип размышлял о том, что сказал старик. Он думал о матери, Присцилле и Джареде. Он больше не сердился на них за то, что они ему не пишут. Филип попытался представить, чем они сейчас занимаются. Здоровы ли они. Счастливы ли они. Ладят ли между собой. Молодой человек улыбнулся, подумав, что Присцилла, наверное, содержит отцовский кабинет в образцовом порядке, и каждая книга, каждая бумажка лежат на своем месте. Да и за счетные книги тоже не стоит беспокоиться. Затем он вспомнил о брате. Интересно, нашел ли он работу? Женится ли на Энн? Он пытался представить, каково приходится матери, которая стала вдовой, привыкла ли она к этому. Страдает ли от одиночества. В первый раз со дня отъезда из Кембриджа Филип со слезами на глазах молился за своих близких.

После молитвы он мысленно вернулся к Кристоферу Моргану, Витамоо и Вампасу — с этими людьми он делил последний год кров. Его семья была далеко, и пока он ничего не мог для нее сделать. Ему оставалось лишь довериться Господу и терпеливо ждать той минуты, когда он сможет что-то исправить. Однако ничто не мешало ему наладить отношения с Вампасом и Витамоо.

Небо подернулось легкой голубой дымкой. Солнце поднялось — как сказали бы индейцы, определяя время, — чуть выше уровня глаз. Осень была уже в разгаре, и солнце почти не прогревало землю. Роса на листьях кукурузы еще не высохла, и одежда на Филипе промокла. Молодой человек полз по кукурузному полю на четвереньках, стараясь не задевать стебли, чтобы не выдать себя.

Добравшись до середины борозды, Филип вдруг подумал, что, возможно, ему не стоило этого делать. Но кукуруза росла слишком тесными рядами, и он не мог повернуть назад, не обнаружив себя, поэтому он полз на четвереньках до тех пор, пока не увидел Витамоо.

Попав в резервацию, Филип сразу обратил внимание на деревянную вышку, стоявшую на краю кукурузного поля. Тогда он не понял ее назначения. Позже он выяснил, что это сооружение служит для охраны поля от черных дроздов, которые были не прочь полакомиться зерном, особенно в утренние часы. В обязанности Витамоо входило сидеть на вышке и бросать в надоедливых птиц камни и палки.

Филип увидел девушку, преодолев примерно три четверти борозды. Стараясь не задевать стебли, он расположился так, чтобы ему было лучше ее видно в просвете между листьями. Витамоо его не замечала.

Молодой человек слышал, как бешено колотится в груди его сердце. Какое волнующее зрелище — женщина, которая не догадывается, что за ней наблюдают! Но Филип хотел подкрасться к Витамоо, а не шпионить за ней. Тем не менее он не мог несколько минут отвести глаз от прекрасной индианки — ведь в вигваме ему удавалось лишь мельком взглянуть на нее.

Витамоо с невозмутимым видом сидела на вышке. Подле девушки лежали палки и камни. Взгляд Витамоо был устремлен вдаль — видимо, она унеслась мыслями куда-то далеко-далеко.

Время от времени она шевелила беззвучно губами. С кем она разговаривала? Сама с собой? Может быть, она говорила с Богом.

Девушка выпрямилась, потянулась, стряхнула с рукава какую-то невидимую пушинку. Ее движения были легки и изящны, даже когда она делала самые обычные вещи: отряхивала что-то с одежды или отбрасывала назад свои длинные черные волосы. Филип мог бы

наблюдать за Витамоо часами, но он чувствовал, что поступает не вполне честно, и чем дольше он подглядывает, тем сложнее ему будет объясниться с ней. С трудом оторвав взгляд от девушки, он взялся за кукурузный стебель и потряс его.

В ту же секунду над его головой пролетел камень. Второй угодил ему щеку.

— Ой! — молодой человек вскочил на ноги. — Перестань! Это я!

— Филип? — Витамоо, держа в руке камень, стояла у края вышки. — Филип Морган, что ты делаешь на моем кукурузном поле?!

— Пытаюсь увернуться от камней.

— Как ты здесь оказался? Я не видела, как ты подошел.

— Вообще-то, я подкрался, — признался он.

— Тогда ты получил по заслугам. И можешь получить еще!

Филип дотронулся до щеки. Она была в крови.

— Ты ранен?

— У меня разбита щека.

— У тебя идет кровь? Я отсюда не вижу.

Витамоо положила камень, который держала в руке, и спустилась с вышки.

— Покажи, — приказала она, подбежав к молодому человеку. Девушка отвела руку Филипа, обеспокоенно взглянула на его щеку, а затем с облегчением сказала: — Ранка неглубокая. Тебе больно?

— Нет.

Филип не преувеличивал. Боли он не чувствовал. Щеку перестало саднить, едва к нему приблизилась Витамоо. Ему полегчало от той теплоты, с которой она прикасалась к его щеке. От нежного взгляда ее черных глаз.

— Ты слишком высокий, — сказала она. — Нагнись, я не вижу твою щеку.

Филип послушно наклонился. Он сделал бы все, что бы она ни попросила. Пока приблизив свое лицо к его лицу, девушка разглядывала ранку, молодой человек изучал ее глаза. Они были черными, с коричневыми крапинками.

— Ранка неглубокая, — еле слышно повторила она. Если бы сила ее тревоги зависела от глубины раны, Филип согласился бы даже на сквозное ранение.

Витамоо отступила назад.

— Ты так и не объяснил, что ты делаешь на моем поле... и почему ты пробрался сюда тайком!

Перед ним вновь была та Витамоо, к которой он привык. Собранная и суровая.

— Я знаю, как тебе досаждают дрозды... — он чувствовал, как нелепо это звучит.

— И что с того?

— Мне кажется, я похож на них... я тоже раздражаю тебя... и если тебе захочется бросить в меня камень, может быть, нужно позволить тебе сделать это. Вдруг тебе станет легче, — и молодой человек быстро добавил: — Правда, я не догадывался, что ты такая меткая!

— Ты пришел сюда, чтобы я бросала в тебя камни?

— Ну, я ведь тоже досаждаю тебе...

— То есть так ты решил попросить прощения?

Филип смущенно уставился себе под ноги и пожал плечами:

— В общем, да!

Девушка молчала. Тогда Филип не без робости поднял глаза на Витамоо. Индианка,

сложив руки на груди, недоверчиво качала головой. Наконец ее зубы сверкнули в улыбке.

— Ты просто невозможен! — сказала она. — Почему ты просто не мог извиниться?

Филип машинально прикоснулся к ранке на щеке и сморщился от боли.

— Но что мне было делать, Витамоо? Ты не позволяешь мне даже приблизиться к тебе.

Девушка перестала улыбаться.

— Ты знаешь, что это правда! — сказал Филип.

Индианка в свою очередь потупила взор.

— Но если я признаю, что ты говоришь правду, мне нельзя будет больше кидать в тебя камни?

Сквозь упавшие на глаза волосы Витамоо лукаво поглядела на Филипа. На ее губах играла озорная улыбка.

Они сидели друг напротив друга на вышке.

— Ты меня удивляешь, — сказала Витамоо.

— Чем?

Витамоо держала в руке небольшую палку, которой она была готова в любую секунду запустить в дрозда. Девушка рассеянно водила ею по дощатому полу вышки.

— Когда ты приехал сюда, ты был совсем другим человеком.

— Думаю, я остался прежним. Просто ты меня не знала.

— Нет, ты стал другим. Филип Морган, который приехал к нам за Библией, был высокомерным и самовлюбленным господином.

— Что ж, надеюсь, я стал лучше, — улыбнулся Филип.

Витамоо ответила ему улыбкой и шутливо ударила его палкой по ноге.

— Так ты окончательно меня искалечишь!

— Сам виноват, что в тебя попал камень! — воскликнула девушка.

— Ну что ж, признаю свою вину, — согласился Филип.

Витамоо посмотрела на его щеку. Потом скользнула взглядом по шраму, который оставил на лбу молодого человека медведь.

— Даже медведь не научил тебя уму-разуму, — она указала на шрам палкой и полюбопытствовала: — Он длинный?

Филип откинул волосы назад. Желая рассмотреть шрам получше, девушка подалась вперед.

— Ужасный шрам, — сказала она. — К счастью, его закрывают волосы. Знаешь, когда ты все-таки вернулся, да еще с такой раной, я удивилась.

— Здесь была наша Библия. Я не хотел сдаваться: мне столько пришлось из-за нее пережить.

Витамоо кивнула.

— Когда ты вернулся, ты был таким же высокомерным и самовлюбленным. Ты думал только об одном: как бы заполучить Библию. Ты был ранен, я тебя, конечно, жалела — и в то же время ненавидела. Но потом ты изменился.

— Ты говоришь так, будто это произошло в одно мгновение.

— Думаю, так оно и было, — сказала Витамоо.

— И когда это случилось?

— В ту самую минуту, когда ты узнал, что Нанаувета — это Кристофер Морган.

Девушка тихо засмеялась.

— Видел бы ты себя! У тебя была такая потрясенная физиономия!

— Спасибо на добром слове, — Филип засмеялся вместе с ней.

— С тех пор ты стал другим, — сказала она.

— Правда?

Она кивнула.

— Ты так на него смотришь... Не могу подобрать нужных слов... С любовью и благоговением одновременно.

— Он удивительный человек, — сказал Филип.

— Да, — согласилась Витамоо и прибавила: — Иногда мне становится стыдно.

— Почему?

— В отличие от многих моих соплеменников я никогда не знала голода или страха — и все потому, что попала в его дом. Когда я стала достаточно взрослой, чтобы думать о вере, мне было легко принять тот факт, что на небесах у меня есть любящий Отец, ведь такую любовь подарил мне Нанаувета — мой отец на земле.

— Когда я нахожусь рядом с ним, я тоже думаю об отце.

— Наверное, ты очень скучаешь по нему.

Филип кивнул.

— Нанаувета помог мне пережить эту боль.

— Ты остался из-за него?

Филип снова кивнул.

Витамоо положила палку. Взглянув на солнце, она сказала:

— Нам пора возвращаться. Нанаувета ждет нас, — и направилась к лестнице.

Филип тоже встал.

— Витамоо, подожди, — крикнул он. — Я что-то не то сказал?

Девушка, не проронив ни слова, начала спускаться. Филип устремился за ней. Витамоо была уже внизу и, не оборачиваясь, шла к вигваму. Тогда молодой человек спрыгнул с лестницы и преградил ей путь. На лице Витамоо Филип не увидел ни гнева, ни раздражения... ни дружелюбия.

— Сегодня нам предстоит много работать над букварем, — холодно произнесла она.

— Вот и отлично. Но я хочу знать, чем я тебя расстроил.

— Ничем, — девушка отошла назад, к лестнице, с независимым видом оперлась на нее спиной и обхватила рукой перекладину.

— Я же чувствую: ты расстроена.

Ее глаза вспыхнули.

— В том-то и дело, мистер Морган, — сказала она. — Думаешь, я не видела, как ты на меня смотришь?

Сначала Филип хотел как-то это оспорить, но потом передумал. Она ведь частенько ловила на себе его взгляды.

— По-твоему, я не знаю, что ты не равнодушен ко мне? — спросила она.

Несмотря на то что она произнесла это раздраженным тоном, Филип почувствовал волнение.

— Мне казалось, что ты не захочешь иметь со мной никаких дел, — сказал он.

— Я и не хочу!

Филип растерялся.

— Это неправда! — внезапно воскликнула девушка. И совсем тихо, почти неслышно

добавила: — Я ничего не могу с собой поделать.

Филип шагнул к Витамоо и положил свою ладонь на ее руку. Их пальцы переплелись. Молодой человек подошел еще ближе. Ее агатовые глаза были влажными и взволнованными. Он медленно наклонился к ней... Губы индианки оказались мягкими и теплыми.

Неожиданно Витамоо отвернулась, отстранила его и заплакала.

— Нет... нет... нет... — и девушка устремилась к вигваму.

— Витамоо! Подожди! — закричал Филип. — Почему ты уходишь?

— Неужели ты не понимаешь? — сказала она сквозь слезы. — Ты запретный плод!

— Запретный плод? Не понимаю.

— Ты не можешь быть моим.

— Но почему?

— К чему это может привести? Ты готов забыть об университете и остаться со мной?

— Я заберу тебя в Гарвард! — сказал Филип.

Девушка сокрушенно покачала головой.

— Я не могу поехать с тобой! — она продолжала плакать. — Моя жизнь здесь! И так будет всегда. Ты для меня — искушение, Филип Морган! Ты чудесный, любящий... Но нельзя поддаваться соблазну. Я не должна любить тебя!

И с этими словами Мэри Витамоо повернулась и побежала к вигваму Нанаувета.

Филип прилежно скрипел пером. Он заставил себя сосредоточиться на том, что пишет. Кажется, ошибок нет. Молодой человек вздохнул. Заниматься букварем было гораздо легче, пока он считал, что Витамоо его ненавидит. Всю неделю работа шла медленно из-за большого количества ошибок. Ошибок, которые делал Филип. Не поднимая головы, он украдкой посмотрел на Витамоо и увидел, что ее черные глаза устремлены на него. В тот момент, когда их взгляды встретились, девушка нахмурилась и склонилась над страницей рукописи. Застав врасплох Витамоо, Филип слегка улыбнулся и окунул перо в чернильницу.

Надежда Филипа то росла, то таяла в зависимости от поведения прекрасной индианки. Порой девушка была мила и нежна. Временами же она всем своим видом давала понять, что не намерена уступать дьявольскому искушению, — в такие мгновения она была холодна и тверда, как камень. Филип никогда не мог предугадать, как она поведет себя в следующую минуту. Иногда он с досадой говорил себе, что нельзя допускать, чтобы кто-то имел над ним такую власть. Придет час, и он уедет из резервации. Он вернется в Кембридж и Гарвард, вернется к Пенелопе. Витамоо не желает поддаваться искушению? Это он должен устоять перед соблазном! Но когда, протягивая ему страницу рукописи или миску с едой, она умышленно прикасалась к его руке, Филип забывал о том, что решил не обращать на нее внимания.

Почти все вечера они проводили вдвоем: Вампас так и не вернулся, а Нанаувета засыпал рано. Молодые люди обсуждали букварь, говорили о здоровье Нанаувета и о Вампасе, о церкви и духовном самочувствии прихожан. О том, что произошло на кукурузном поле, они ни разу не вспомнили. Ночью Витамоо уходила на свою половину вигвама, а Филип — на свою. Раньше, когда с ними был Вампас, она сразу поворачивалась спиной к огню и мужчинам. Теперь она иногда ложилась лицом к огню и глядела на Филипа. Она не произносила ни слова. Она не улыбалась. Она просто смотрела на него широко открытыми глазами, пока не засыпала.

— Филип! Ты должен его остановить!

День догорел. Наступил вечер. Сквозь дым, который поднимался к небу через отверстие в крыше вигвама, можно было увидеть звезды. Филип рассказывал Нанаувета, как его отец по ночам занимался с Присциллой. Витамоо отправилась навестить Намумпум — та еще не разрешилась от бремени. Внезапно послышались торопливые шаги, и в вигвам, задыхаясь, вбежала Витамоо. Ее глаза были расширены от страха. Она опрометью кинулась к Филипу, схватила его за руку и потянула к выходу.

— Быстрее! — крикнула она с отчаянием. — Тебе нужно успеть до начала игры. Необходимо остановить его.

— погоди, Витамоо! — воскликнул Филип. — Успокойся. Кого остановить? Зачем?

— Вампаса! — прерывистым голосом закричала индианка. — Сегодня мужчины собираются играть... с вампаноагами. От нашего племени играть будет Вампас... они думают, это принесет удачу, потому что Вампасу помогает Бог Нанаувета.

Первым заговорил старик.

— И Вампас согласился?

— Думаю, да. Он должен играть за наше племя. Филип, останови его!

— Это может навредить общине, — сказал молодой человек Нанаувета. — Если Вампас победит, все станут думать, что это Бог даровал ему удачу; если он проиграет, скажут, что Бог Нанаувета слаб и ничего не может.

— По-твоему, мы не должны позволить ему нанести урон репутации церкви? — спросил старик и выжидательно взглянул на молодого человека.

Что-то в глазах Нанаувета говорило Филипу о том, что это не просто уточнение. Старый миссионер хотел преподать ему какой-то урок. И так, что он упустил? Филип улыбнулся. Он знал ответ. Впервые в жизни он мог дать правильный ответ на этот вопрос.

— Нет, — твердо сказал он. — Мы должны остановить Вампаса не потому, что он может скомпрометировать церковь. Мы должны помешать ему ради него самого, ведь мы его любим.

Наградой ему был взгляд старого миссионера: Нанаувета посмотрел на него с гордостью.

— Ступай и приведи Вампаса домой, сынок.

Место, где проходила игра, располагалось к северу от Длинного дома. Шагая по дороге Скулхауз-Понд, Филип пришел к тревожному выводу. Он не на экзаменах в Гарварде, в этой ситуации недостаточно знать правильный ответ. Экзамен, который ему предстояло сейчас выдержать, требовал не только знаний, но и действий. А что, если он что-то сделает не так и подведет Нанаувета и Витамоо?

Вокруг было темно. Лишь луна отбрасывала к ногам Филипа свой призрачный свет. Молодому человеку приходилось тщательно обдумывать каждый шаг и то и дело огибать выбоины на дороге. Впрочем, помимо него к Длинному дому шло много индейцев. Причем чем ближе Филип подходил к месту игры, тем их становилось больше. Кто-то шел по дороге, а кто-то пробирался прилегающим к ней полем.

Филип имел смутное представление об азартных играх. Он помнил, в каком болезненном возбуждении его сокурсники отправлялись в игорные заведения. Возвращались они обычно в куда менее приподнятом настроении. Как правило, они были пьяны, а их карманы — пусты. Индейцы, шедшие к Длинному дому, не обнаруживали и намека на радостное волнение. На их лицах застыло бесстрастное выражение. На шее у индейцев висели раковины, которые служили им деньгами, а их лица, руки, ноги и грудь покрывали фантастические узоры. Казалось, все они находились в трансе — точно их влекла к месту игры какая-то неведомая сила. Могучий, высокий наррагансет со страшным шрамом на левом плече оценивающе оглядел Филипа. Поймав его взгляд, молодой человек расплылся в улыбке, в ответ индеец зло сверкнул глазами. Больше Филип не улыбался.

За Длинным домом, на поляне, ярко горели костры. С поляны доносился шум. Уже сами эти звуки, которыми индейцы выражали свое возбуждение, напомнили Филипу, что он находится среди представителей иной культуры. Звуки Бостона, например в лекционный день или в День благодарения, были другими. В такие дни там слышались смех, шутки, оживленные восклицания и ругательства. Индейцы же издавали высокие пронзительные крики. Смутное беспокойство охватило Филипа. Он понял, что так и не узнал этот народ. За тот год, что Филип провел у Нанаувета, он соприкоснулся с жизнью резервации только один раз, когда вслед за Вампасом отправился в Дом горячих камней. Воспоминание не из приятных. Остальное время он общался только с индейцами-христианами — теми, кто любил и уважал Нанаувета. С ними у Филипа было много общего. Но те люди, с которыми

молодому человеку предстояло встретиться через несколько минут, внушали ему опасение. Внезапно он почувствовал себя Давидом, вышедшим в одиночку сражаться с филистимлянами. Но у Давида по крайней мере были праща и камни.

Неожиданно у него сдавило грудь. Чем ближе был рев толпы, собравшейся на месте для игр, тем труднее Филипу становилось дышать. «Нет! Не сейчас! — взмолился молодой человек. — Только не сейчас!» Однако чем усерднее он пытался справиться с неприятным ощущением, тем сильнее оно становилось. Казалось, его грудь сжимают чьи-то гигантские руки. Филип начал хрипеть и задыхаться. Со дня последнего приступа минуло несколько месяцев. Месяцев настоящего блаженства.

Филип изо всех сил старался не упасть. Он свернул с дороги и, спотыкаясь, на ослабевших, непослушных ногах пошел к Длинному дому. Спина молодого человека изогнулась дугой. Пошатываясь и кашляя, он кое-как доковылял до дома и, прильнув к его стене, укрылся в тени — Филип не хотел, чтобы кто-нибудь увидел его в таком состоянии. Стоя в самом темном углу, он вспомнил о Витамоо и Нанауветае и подумал, что они очень расстроятся. Конечно, они поймут и простят его. Скажут, что он сделал все, что мог.

— Нет! — воскликнул Филип. Он не хотел их сочувствия. Он не хотел оправдываться. Он не хотел оказаться побежденным. «Господи, помоги мне выдержать этот экзамен!» В следующий миг молодой человек почувствовал сильнейшее жжение в груди. Филип упал на колени и согнулся пополам, хрипя и кашляя. Он пробовал встать — и не мог. «Господи, помоги мне!» Его пальцы судорожно хватали землю. Пытаясь поймать ртом воздух, он поднял голову. Его рука наткнулась на камень; Филип сжимал его до тех пор, пока пальцам не стало больно.

«У Давида были по крайней мере праща и камни».

Филип взглянул на камень, который держал в руке, и вновь повторил про себя: «У Давида были по крайней мере праща и камни».

Нет, это — голос страха. Не камни помогли Давиду победить. Не камни сделали его смелым. Победу ему даровал Господь! «И узнает весь этот сонм, что не мечом и копьем спасает Господь, ибо это война Господа» [\[35\]](#). Филипу были не нужны камни Давида. Ему нужен Бог Давида.

В эту минуту, стоя в тени Длинного дома и прислушиваясь к возбужденным крикам индейцев, Филип вверил свою судьбу Господу.

Игорным домом служила постройка, сделанная из четырех длинных (около восемнадцати-двадцати футов), вбитых в землю шестов. Шесты были соединены горизонтальными поперечинами — на них висели ставки играющих: выделанные шкурки, вампум [\[36\]](#), ожерелья из белых раковин и связки черных раковин. В два раза дороже вампума ценились черные раковины с синеватым отливом. Каждое племя выбирало своего представителя, который кидал раскрашенные камешки — так же играют в кости. Вампас должен был играть за наррагансетов.

Филип неуверенным шагом подошел к «игорному дому». Костры пылали так ярко, что о времени суток напоминало только звездное небо. На поляне собралось великое множество индейцев. Здесь можно было увидеть представителей самых разных племен. Разыскивая Вампаса, Филип пробирался сквозь толпу, то и дело заглядывая в лица мужчин. У большинства из них лица и тела были расписаны кругами и полосами — в основном красными (кроме того, индейцы использовали желтую, зеленую, синюю, белую и черную

краски). Филип видел приземистых индейцев с кисетами табака, высоких индейцев в ожерельях и браслетах, индейцев с перьями в волосах, индейцев в шкурах и кожаных штанах, индейцев, в одежде которых встречались элементы колониального стиля, индейцев, чьи прекрасно сложенные фигуры одежда едва прикрывала. Над головой Филипа плыл сизый табачный дым; многие индейцы насквозь пропахли ромом.

Внимание всех присутствующих было приковано к «игорному дому». Наррагансеты стояли с одной стороны от него, а вампаноаги — с другой. И гости, и хозяева держали в руках связки вампума, кричали, делали ставки, толкались, вытягивали шеи — им хотелось получше разглядеть то, что происходит в «игорном доме». Филип благодаря своему росту мог следить за игрой поверх голов.

Рядом с «игорным домом» он увидел Вампаса, тот его тоже заметил. На шее индейца висело несколько нитей вампума. Его щеки были разрисованы черными и красными полосами. При виде Филипа Вампас помрачнел, мускулы на его шее напряглись, глаза угрожающе сверкнули.

Филип сделал глубокий вдох. «Ибо это война Господа», — напомнил он себе и, расталкивая индейцев локтями, стал пробираться к Вампасу.

— Возвращайся домой, англичанин. Здесь тебе делать нечего, — такими словами встретил его Вампас. Глаза и голос индейца были холодны как лед. В руках он держал камешки для игры. От него пахло ромом.

— Я уеду домой, — ответил Филип, — если сейчас ты пойдешь со мной.

Вампас лениво метнул камешки в Филипа. Они ударились о его грудь и упали на землю. Посмотрев на то, как легли камешки, Вампас сказал:

— Тебе повезло. Ты выиграл. Если ты уедешь прямо сейчас, я тебя не трону.

— В чем дело? — обернулся к ним высоченный мускулистый наррагансет. Этот гигант как раз вешал ожерелья, которые он только что снял с нескольких своих товарищей, на перекладину для ставок. Индеец был такого высокого роста, что Филипу пришлось задрать голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Рядом с Вампасом высокий индеец выглядел настоящим Голиафом. Он посмотрел на Филипа тусклыми воспаленными глазами и легонько щелкнул его длинным костистым пальцем, словно отгоняя назойливую муху.

— Уходи отсюда, — сказал он. — Тебе здесь не место.

— Я не уйду без Вампаса, — ответил Филип.

Еще несколько индейцев обернулись в их сторону. Все больше гневных лиц смотрело на Филипа. Между тем Вампас вплотную подошел к своему недругу.

— Я ненавижу тебя, англичанин, — процедил он тихо. — Уходи, или я тебя убью.

Гигант сделал знак двум индейцам. Один из них мгновенно оказался по правую руку от Филипа, а другой — по левую.

— Идем, Вампас, — сказал высокий индеец, подбирая камешки и вкладывая их в руку Вампаса. — Не стоит так переживать из-за какого-то англичанина. Я прослежу, чтобы его увели.

Филипа взяли под руки. Молодой человек попытался высвободиться, но хватка у индейцев была железная. Каждый из них играючи справился бы с Филипом в одиночку. Мгновение спустя Филип почувствовал, что его ноги отрываются от земли. Индейцы проворно оттащили его от «игорного дома».

— Вампас, подожди! — крикнул он. — Послушай меня!

Но наррагансет уже повернулся к Филипу спиной. Никто больше не обращал внимания

на англичанина. И тогда молодой человек заорал во все горло:

— Вампас! Мекаунтитеа! Мекаунтитеа!

Вампас ошеломленно застыл на месте — впрочем, замерли все присутствующие, включая и высокого индейца, который взглянул на Филипа со злой усмешкой. Индейцы, державшие молодого человека, остановились, но хватку не ослабили.

Вампас порывисто обернулся.

— Ты хочешь драться со мной?

— Да.

Пробравшись сквозь толпу, Вампас с холодной невозмутимостью приблизился к Филипу и посмотрел ему прямо в лицо.

— Я убью тебя, — сказал он, самоуверенно улыбаясь.

— Я пришел сразиться именем Всемогущего, — ответил Филип. — Он дарует мне победу.

Из этой словесной дуэли он явно вышел победителем. Вампас был обескуражен. Филип заставил его почувствовать что-то вроде раскаяния. Однако Филип решил на этом не останавливаться.

— Выслушайте меня! — закричал он, обращаясь к индейцам. — Вы хотите, чтобы Вампас играл за вас, потому что он верит в могущественного Бога. Что ж, вы правы: нет Бога сильнее, чем тот, в которого верит Вампас. И если бы Он сегодня был на вашей стороне, вы бы победили. Но Он не с вами. Вампас не сказал вам главного: Господь оставил его!

Наррагансеты пришли в неистовство. Гигант схватил Вампаса за плечи.

— Твой Бог оставил тебя?

— Этот человек лжет! — закричал Вампас. — Бог по-прежнему со мной.

— Пусть он докажет это! — сказал Филип.

При этих словах гигант обернулся к нему.

— В бою?

Филип кивнул.

— Бой докажет, что я говорю правду.

— Ты слаб, англичанин, — презрительно сказал гигант. — Тебе не победить.

— Победа будет за мной, Бог на моей стороне. Он даст мне силу!

— Он лжет! — закричал Вампас. — Я докажу это, когда одолею его в бою!

Толпа одобрительно загудела.

— Ставки! Ставки! Ставки! — хором начали скандировать индейцы.

Филип поднял руки.

— Никаких ставок!

— Ставок не будет?! — вскричал гигант.

Филип покачал головой.

— Вы выиграете в любом случае, — пояснил он. — Если я одержу победу, вы будете знать, что Бог оставил Вампаса. И это уберет вас от поражения в игре против вампаноагов. Если я уступлю Вампасу, значит, Бог все еще с ним. И так и так вы не останетесь внакладе.

Гигант кивнул в знак согласия. Затем он приказал освободить место для боя. Наррагансеты и вампаноаги встали в круг. Филип видел, что индейцы потихоньку заключают пари. Они спорили не на то, кто победит, а на то, каковы шансы Филипа остаться в живых.

Через минуту-другую живое кольцо вокруг противников сомкнулось. Индейцы осыпали Филипа насмешками. Молодой человек понимал, что он идет на авантюру, но у него не было выбора. От Вампаса разлило ромом, глаза наррагансета горели злым огнем. Филип надеялся, что Вампас достаточно пьян для того, чтобы шансы на победу сравнялись. Между тем индеец снял с себя ожерелье из раковин. Затем он растер себе руки и ноги. Филип помассировал грудь и горло. Жжение в груди не проходило. Он поднял глаза к небу и сделал глубокий вдох.

— Да будет воля Твоя, — твердо произнес он.

Вампас выглядел как настоящий борец.

— Я хочу позабавиться от души! — воинственно заявил он.

— Никакого оружия, — сказал гигант, подойдя к Филипу и Вампасу. — Это испытание вашей силы. Бой будет закончен, когда один из вас не сможет подняться.

Он развел противников в разные стороны и скомандовал:

— Бой!

С воинственным криком Вампас бросился на противника. Плечом он ударил Филипа в грудь, отбросив его назад. Молодые люди упали на землю. Навалившись на Филипа всей тяжестью, наррагансет сдавил ему грудную клетку. У Филипа потемнело в глазах. Глупо было надеяться на то, что от алкоголя Вампас ослабеет. Между тем Вампас приподнялся и ударил Филипа в лицо так сильно, что тот едва не лишился чувств.

Филип задыхался. Необходимо было как-то выиграть время. Он схватил Вампаса за шею и изо всех сил прижал его голову к своей груди. В таком положении Вампас не мог причинить ему особого вреда. Индеец попытался высвободиться, но Филип не отпускал его, стараясь отдышаться. Его горло и легкие горели огнем.

Вцепившись друг в друга, молодые люди катались в грязи, а сотни индейцев, не спуская с них глаз, восторженно кричали и улюлюкали. Наконец Вампасу удалось вырваться из объятий противника. Он вскочил на ноги. Филип перевалился на бок. Приподнявшись, он пытался отдышаться. Вокруг стоял оглушительный гвалт. Мгновение — и Филип был уже на ногах. Послышались одобрительные возгласы. Бой продолжался.

Вампас, пригнувшись, стоял в центре круга. Он дразнил Филипа, уговаривая его подойти ближе. Филип уперся руками в колени, надеясь, что сумеет обмануть Вампаса. Внезапно он кинулся на индейца. Вампас не растерялся. Он сделал шаг в сторону, схватил противника за плечи и швырнул его вперед. Филип, подняв облако пыли, с глухим стуком шлепнулся на землю.

Зрители неистово заорали, Вампас победно поднял руки. Но его торжество было преждевременным. Филип, пошатываясь, встал на ноги.

Тогда индеец вновь, дразня, начал манить его к себе. Филип двинулся на противника, на сей раз медленно. Они схватились, как борцы на ринге, голова к голове. Молодые люди стояли, широко расставив ноги, и пытались повалить друг друга.

— Зачем ты сюда пришел? — громко спросил Вампас. — Я могу убить тебя, если захочу.

— Однажды ты спас мне жизнь. У тебя есть право отнять ее.

Вампас резко опустил плечо Филипа и, пронзительно закричав, приподнял противника и бросил его через себя. Филип рухнул на спину. Он не знал, как долго он еще продержится. Но сдаться он не мог. Он перевернулся и встал сначала на колени, а потом и на ноги. Спустя мгновение он вновь атаковал Вампаса, и они опять обхватили друг друга.

— Почему ты не используешь захваты? — крикнул Вампас.

— Не умею!

Вампас молниеносно обогнул Филипа, подставил ему подножку и толкнул его назад. Филип грохнулся на землю. Вампас бросился на него. Глаза Филипа вылезли из орбит, когда индеец навалился на него сверху. Филип задыхался. Ему казалось, что он умирает. На какую-то долю секунды он даже обрадовался этому, подумав, что, если его убьют, он перестанет чувствовать боль. Когда он решил, что все кончено, он увидел перед собой лицо Вампаса. В глазах наррагансета не было злобы. В его взгляде мелькнуло сострадание.

В следующее мгновение Вампас вскочил на ноги. Он поднял руки.

— Бой окончен!

Филип медленно, с усилием встал.

— Нет, не окончен! — отчеканил он.

Вампас резко обернулся.

— Спятил, англичанин?

— Ты повторяешься.

Противники вновь изготавились к бою. Они двигались по кругу, не сводя друг с друга глаз. Вампас начал медленно сокращать расстояние между ними. Внезапно он опустил голову и как баран боднул Филипа в живот.

— Не смей вставать! — прошипел он.

— Я не уйду без тебя, — ответил Филип.

На этот раз для того, чтобы подняться, ему понадобилось больше времени. Вампас покачал головой и страдальчески сморщился.

Теперь Филип пошел в атаку первым. Индеец нырнул ему под руки и схватил его поперек туловища. Затем он распрямился и бросил противника за спину.

Филип успел подумать, как это странно — видеть звезды у своих ног. В следующую секунду он с грохотом ударился оземь, и в этот момент ему показалось, что его тело пронзила молния. Перед тем как сознание молодого человека угасло, он увидел встревоженное лицо Вампаса — и понял, что победил.

Филипу Моргану вновь приснился тот давний кошмар. По лесу бежит отец. Торговое судно, раздвигая деревья как воду, стремительно его настигает, подминает под себя и несется дальше, на Филипа. С борта судна, перегнувшись через поручень, на него смотрят матрос и индеец. Нос корабля врезается в землю, неумолимо приближаясь к груди Филипа, но в последнюю секунду на него обрушивается исполинская волна.

Филип отплевывается и кашляет. Вода бежит по его подбородку, он пробует сесть, но снова падает. Он моргает, пытаясь понять, где он. Корабль — это сон, но ведь вода и боль — настоящие. Мало-помалу сознание проясняется, и Филип начинает различать очертания предметов: он сидит, привалившись спиной к стволу дерева. Перед ним в лунном свете слабо поблескивает озеро. Озеро Адамс? Возможно.

Филип попытался оглядеться. И тут же его пронзила острая боль.

— Ох! — страдальчески застонал молодой человек.

— А ты упрямый, англичанин.

Филип расплылся в улыбке и снова застонал. Улыбаться тоже было больно. Очень осторожно он повернул голову и увидел Вампаса. Индеец был весь в грязи и синяках; его правый глаз почернел и заплыл. В руках он держал мокрый кожаный мешок.

— Что с тобой? — спросил Филип.

— Твоя работа.

— Глупости. Мне не удалось ударить тебя ни разу.

— Помнишь того верзилу?

— Это он тебя избил?

Вампас кивнул:

— За то, что я отказался играть.

Филип не смог удержаться от улыбки.

— Значит, я победил, — сказал он.

— Спятил! Да ты проиграл бой!

Филип покачал головой.

— Ты здесь. Я своего добился.

— Я мог тебя убить! — закричал Вампас. — Наверное, так и надо было поступить.

— Ты бы меня не убил, — убежденно сказал Филип. — Я полагался на твою веру в Иисуса Христа. Я знал, что если ты веришь по-настоящему, ты не сможешь убить меня. Тебе не позволит Господь.

Вампас опустил голову. Он потрогал свой распухший глаз и поморщился.

— Почему ты встал, я же говорил тебе: лежи? — спросил он.

— Я обещал привести тебя домой.

— Откуда ты знал, что я пойду с тобой?

Филип с усилием отодвинулся от дерева и сел прямо.

— Я видел твое лицо. Уже теряя сознание, я понял, что победил.

— Нет, — Вампас покачал головой и поднялся. — Ты не мог знать, что после драки я уйду оттуда. Более дурацкого плана нельзя себе и представить.

Филип пожал плечами.

— Но он сработал.

Вампас повернулся к Филипу спиной и зашагал к озеру. Внезапно он остановился.

— Зачем? — спросил он, стремительно обернувшись к Филипу. — Посмотри на себя! Зачем ты это сделал?

Экзамен продолжался. Но теперь Филип знал не только правильный ответ, он принял верное решение и сделал все как полагается. Хотя в горле у него саднило, а тело болело, он испытывал восхитительное чувство. Впервые в жизни он совершил бескорыстный поступок. Причем он не просто уступил приятелю любимое лакомство. Он рискнул жизнью ради другого человека — это было неповторимое ощущение!

— Я сделал это, — сказал он, сияя от радости, — потому что ты мой брат во Христе и потому что я люблю тебя.

На лице Вампаса появилось смущенное выражение. Он отвернулся.

— Я не могу пойти с тобой, — буркнул Вампас. — Я расстроил Нанаувета и Витамоо и предал дело Иисуса.

Филип с трудом встал. От слабости у него закружилась голова. Он прислонился к дереву. Когда ему немного полегчало, он, прихрамывая, зашагал вниз по склону туда, где стоял индеец.

— Как ты думаешь, кто просил меня привести тебя домой?

Вампас задумался.

— Это ничего не меняет, — сказал он. — Я вернусь домой, но не пройдет и нескольких

дней, как все начнется сначала.

— Дело во мне? — уточнил Филип. Вампас промолчал. Тогда он спросил:

— А если я уеду?

— Если ты уедешь, Нанаувета и Витамоо будут винить в этом меня.

Филип понимал, что индеец был прав.

— Вампас, — сказал он. — У меня и в мыслях не было занять твое место. Просто, после того как я узнал, что Нанаувета мой родственник, я захотел ему помочь.

— Когда ты приехал в резервацию, я превосходил тебя в одном: я знал алгонкинский язык. Но ты быстро выучил его, и теперь у меня не осталось и этого преимущества.

— Мне всегда легко давались языки, — засмеялся Филип. — Я помню, как сказал тебе, что владею латынью, греческим и древнееврейским. А ты ответил: «Здесь мало кто говорит по-латыни и по-гречески».

Вампас засмеялся вместе с Филипом, а потом спросил:

— На что похож Гарвард?

Вопрос индейца застал Филипа врасплох. Он пристально взглянул на Вампаса. Тот явно интересовался Гарвардом неспроста.

— Почему ты спросил об этом?

— Просто так. Забудь.

— И все же, Вампас, будь другом, скажи мне правду.

Индеец взглянул на противоположный берег озера.

— Я не говорил об этом никому, — произнес он ровным голосом. — Ни Нанаувета. Ни Витамоо. Я ненавижу тебя за то, что ты мог учиться в университете. Я мечтаю туда попасть с той самой минуты, как Нанаувета сказал мне, что ты — студент Гарварда.

— Ты учился в школе для индейцев?

Вампас кивнул.

— Прекрасно! — воскликнул Филип. — Я сразу понял, что ты спрашиваешь о Гарварде не из праздного любопытства. Но почему ты хочешь там учиться?

Вампас опустил голову и тихо сказал:

— Это помогло бы мне стать таким же мудрым, как Нанаувета.

— Знаешь, а мы с тобой похожи. Я тоже надеюсь когда-нибудь стать таким же мудрым, как Нанаувета. Но почему ты никому не сказал, что хочешь учиться в Гарварде?

— Потому что это невозможно, — ответил Вампас. — У меня нет образования. Меня никогда туда не примут. Я слышал, что вступительные экзамены сдать очень трудно.

— Вовсе нет, если ты готов к ним, — улыбнувшись, сказал Филип. — Вампас, брат мой, давай заключим сделку.

— Сделку?

— Если ты сегодня вернешься вместе со мной в вигвам Нанаувета, я научу тебя латыни и всему, что нужно знать, чтобы выдержать вступительные экзамены в Гарвард. Кроме того, я лично представлю тебя ректору университета.

Глаза индейца загорелись точно у ребенка.

— Ты представишь меня ректору? Несмотря на все, что я тебе сделал? Почему?

Филип улыбнулся.

— Перефразируя слова одного моего друга, отвечу: «Потому что ректор Гарварда не говорит на алгонкинском языке».

Филип Морган и Вампас спустились по склону холма к вигваму Нанаувета. Дорогой молодые люди оживленно обсуждали, как подготовить Вампаса к собеседованию. Витамоо услышала их шаги и вышла из вигвама. Хотя девушка была очень рада увидеть и Филипа, и Вампаса, разглядев их, она ахнула.

— Вы подрались!

— Это был тактический прием, — ответил Филип.

— Из-за которого мы оба чуть не погибли! — добавил Вампас.

— Ничего подобного! — возразил Филип. — Все было под контролем!

Витамоо перебила его:

— Надеюсь, вы подробно расскажете нам, что случилось. Даже если об этом неприятно слушать. А сейчас вас ждет Нанаувета.

Филип и Вампас взглянули на девушку с изумлением: было уже очень поздно.

— Он не ложился и весь вечер молился за вас обоих, — пояснила индианка.

Молодые люди вошли в вигвам, и Витамоо подвела их к старику. И была великая радость, потому что блудный сын вернулся домой.

Стоял один из тех дивных солнечных дней, когда все вокруг дышит надеждой и заставляет радоваться жизни. Для конца октября было довольно тепло. Кое-где эту пору — на нее как раз приходится День святого Мартина — называют летом Святого Мартина [\[37\]](#).

Ожидая начала церемонии, Филип молча стоял под красивым раскидистым деревом. Воздух был благоуханен и свеж. Вдали поблескивало на солнце озеро Адамс.

— Тот день, когда отец вручил мне фамильную Библию, очень напоминал сегодняшний. — Старый миссионер прижал книгу к груди. — Мы собрались в похожем месте, под большим деревом. Под этим деревом первые поселенцы устраивали службы, пока не построили церковь. Мама стояла рядом с отцом. В тот день она была еще красивее, чем всегда. Люси и Роджер тоже присутствовали на церемонии. А еще на наше семейное торжество пришел жених моей сестры, Вильям Синклер. Мне тогда было двадцать лет.

Джон Вампас и Мэри Витамоо переглянулись. Они с трудом могли представить, что этот глубокий старик, которого они так любили, был когда-то двадцатилетним юношей. Они участвовали в церемонии по предложению Филипа. Этим Филип доставил Кристоферу Моргану огромную радость. В отсутствие членов семьи Морган Вампас и Витамоо были приглашены на торжество как брат и сестра Филипа по вере.

— В тот день мой отец положил начало традиции, которая, как он надеялся, будет соблюдаться до второго пришествия. У него было для этого два побудительных мотива. Он считал, что Слово Божье, Библия, может дать ответ на все касающиеся жизни и веры вопросы. И он свято верил, что здесь, на земле, у нас нет ничего дороже семьи.

По щекам Кристофера Моргана потекли слезы.

— Я никогда не забывал о первом, но, как это ни прискорбно, совершенно упустил из виду второе. О чем теперь горько сожалею. Я благодарен Богу за то, что Он даровал мне долгую жизнь и позволил познать радость, которую доставляет человеку семья. Джон Вампас, Мэри Витамоо, Филип Морган, вы самое дорогое, что у меня есть.

— Я люблю тебя, Нанаувета, — еле слышно прошептала Витамоо.

— Эту Библию... — руки Кристофера Моргана дрожали, — привез в Новый Свет мой отец Энди Морган. — Старик открыл книгу, достал из нее закладку, маленький кружевной крестик, и сказал: — А крестик сплела моя мать. Это тоже фамильная реликвия; она напоминает нам о том вкладе, который внесла в духовное наследие нашей семьи моя мама, Нелл Морган. — Он положил крестик на место и захлопнул книгу. — Библия и крестик — символы веры семьи Морган.

Старик с минуту помолчал, переводя дыхание. Было видно, что он утомился. Но когда молодые люди спросили, не хочет ли он отдохнуть, он настоял на завершении церемонии.

— Тому, кто станет хранителем этой Библии, предстоит нести двойную ответственность. Ему придется отвечать за то, чтобы следующее поколение Морганов сохранило духовные традиции нашей семьи. Кроме того, этот человек должен подыскать себе достойного преемника. Когда отец вручил мне фамильную Библию, он молил Бога о том, чтобы Он дал мне сына, которому я смогу ее передать. Этого не случилось. Но Божьей милостью судьба свела меня с моим кровным родственником, правнуком моего младшего брата. И я полюбил его как родного сына.

С трудом переставляя ноги, Кристофер Морган подошел к Филипу.

— Сынок, я вручаю тебе эту Библию не только потому, что ты мой единственный кровный родственник, с которым свела меня судьба. Если бы я не был убежден, что Господь избрал тебя моим преемником, я ждал бы до тех пор, пока Он не привел бы ко мне человека, достойного этой чести.

Старик помолчал, улыбнулся и добавил:

— По правде сказать, после первого разговора с тобой я хотел поступить именно так. Но ты доказал, что эта честь будет оказана тебе по праву. Во-первых, ты проявил настойчивость. Посылая тебя на Великую Топь, я умышленно указал ту дорогу, которая должна была вывести тебя к дому. Ты мог вернуться в Кембридж. Но ты пришел назад, в резервацию. Во-вторых, я наблюдал, как крепнет твоя вера, как ты превращаешься в настоящего христианина, о чем говорит твое поведение в отношении твоего брата во Христе, Джона Вампаса. Ты вел себя смело и самоотверженно. А это — свойства истинного христианина, и я молюсь о том, чтобы остальные члены семьи Морган были похожи на тебя.

Секунду старый миссионер стоял неподвижно, а затем с чувством произнес:

— Филип Морган, я с гордостью вношу твое имя в список имен на титульном листе Библии.

И Кристофер Морган открыл Библию и написал: «Филип Морган, 1729, Филиппийцам 2:3,4».

— Напомню вам эти строки Священного Писания: «Ничего не делайте по любопрению или по тщеславию, но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя. Не о себе только каждый заботься, но каждый и о других». Запись сделана Витамоо, поскольку мои руки дрожат. Напиши это я, боюсь, вы бы не разобрали ни слова.

Филип благодарно улыбнулся Витамоо. Лицо девушки просияло ответной улыбкой.

— Сын мой, тебе я вверяю будущее семьи Морган. Не повторяй моих ошибок и не забывай своих близких. Когда ты закончишь работу над букварем, возвращайся в Кембридж. Учи других любви Господней и Его всемогущему Слову. Служи им примером.

И если в чем-то ты потерпишь неудачу, помни о главном. Позаботься, чтобы твои близкие жили в любви и согласии. Я буду молиться за тебя.

И с этими словами Кристофер Морган протянул молодому человеку Библию. Теперь она принадлежала Филипу. Символ веры семьи Морган был передан следующему поколению.

— Могу я сказать несколько слов? — спросил Филип. Старик кивнул.

— Мне кажется, в списке хранителей недостает имени моего отца, Бенджамина Моргана. Это он послал меня на поиски фамильной Библии. Это он понял, как важна пропавшая Библия для нашей семьи. Я могу лишь надеяться, что сейчас он стоит рядом с Энди и Нелл Морган и наблюдает за нами с небес — ведь эта церемония положит начало осуществлению его мечты. Бог свидетель, я приложу все силы, чтобы завершить то, что начато сегодня: семья Морган должна воссоединиться.

Остаток дня Кристофер и Филип Морган, Витамоо и Вампас пребывали в праздничном настроении. Хотя они и не были кровными родственниками, они чувствовали себя одной семьей. Они сидели в тени дерева и, глядя на озеро, ели кукурузу с олениной и каштаны. Вампас и Витамоо осыпали Филипа поздравлениями. А еще, стараясь не упустить ни слова, молодые люди слушали миссионера — он рассказывал им об истоках веры семьи Морган.

— Эта история ведет свое начало со времен короля Карла I [38], с того самого дня, когда Энди Морган встретил епископа Лода. С тех пор все в его жизни пошло не так...

Витамоо внимательно следила за тем, сколько времени она проводит с Филипом, и это очень удручало молодого человека. Порой ему казалось, что она играет с ним как кошка с мышью. Когда ему больше всего на свете хотелось остаться с ней наедине, она вела себя сдержанно. Когда же он склонялся к тому, чтобы отпустить ее, она вдруг давала ему надежду. Эти мучительные отношения пора было прекращать. От принятия окончательного решения Филипа удерживало только одно: в те редкие минуты, что ему удавалось побыть рядом с Витамоо, он испытывал ни с чем не сравнимое счастье. Вечером, в день церемонии, когда сознание Филипа было целиком поглощено мыслями о Кембридже и семье, Витамоо шепнула ему, что она хотела бы встретиться с ним на кукурузном поле, после того как Нанаувета уснет.

Увидев, что Филип направился к выходу, Вампас не стал задавать ему никаких вопросов. Насколько было известно Филипу, Вампас и Витамоо ни разу не говорили о том вечере у озера. Судя по всему, Витамоо предпочла выкинуть его из памяти. А Вампас — Филип видел это по его глазам — мучился угрызением совести. Он не мог простить себе того, что натворил. Хотя Вампас и Витамоо остались друзьями, Вампас больше не пытался ухаживать за девушкой.

Он с головой погрузился в занятия. В тот вечер Вампас как раз занимался латинской грамматикой. Филипу еще не доводилось встречать такого прилежного и жадного до знаний ученика. Он требовал от Филипа все новых и новых заданий. Молодые люди достигли полного взаимопонимания куда быстрее, чем зажили их раны и синяки. Филип искренне радовался тому, что они сблизились. Как правило, он легко находил общий язык с теми, кто был старше: с отцом, преподавателями, Кристофером Морганом. Но отношения со сверстниками у него не складывались. Вампас неожиданно стал исключением.

Вечер был чудесный, тихий и ясный. Яркая полная луна низко стояла над кукурузным полем. Она залила все вокруг своим спокойным серебристым светом. С того дня, когда Витамоо поранила Филипа камнем, кукурузное поле стало для молодых людей местом свиданий. Их встречи были мимолетными. Несколько слов. Случайное прикосновение руки. Ничего более.

— Витамоо! — негромко позвал Филип. На вышке ее не было, и он подошел к высохшим, словно бы поржавевшим стеблям кукурузы. Почти все початки уже убрали.

— Витамоо! — крикнул Филип, шагая краем поля.

— Тсс! — донеслось откуда-то.

Молодой человек на мгновение замер, прислушался, а затем углубился в заросли кукурузы. Он перешагнул первую, вторую, третью... шестую борозду и наконец увидел Витамоо. Филип остановился как вкопанный. Витамоо стояла перед ним, стиснув руки, она выглядела такой трогательной и невинной. Девушка смотрела на Филипа чуть исподлобья, пряди черных волос — их серебрил свет луны — падали ей на глаза; Витамоо улыбалась мягкой, чарующей улыбкой. Филип почувствовал, как его захлестнула волна любви и нежности.

Он шагнул навстречу Витамоо, и весь мир перестал для них существовать. Они словно оказались в отдельной комнате — кукурузные стебли были ее стенами, а звездное небо — потолком.

— Спасибо, что пришел, — тихо сказала девушка.

Филип улыбнулся. Его позабавили слова Витамоо: они звучали слишком официально. Если бы она знала, как сильна ее власть над ним!

— Ты смеешься надо мной?

— Нет, что ты... — Филип смутился. — Просто я... Я собирался спросить... — Молодой человек мысленно одернул себя. Он не должен выдавать своих чувств. Этот прекрасный вечер так легко испортить. — Ты меня хотела видеть?

Витамоо с сомнением поглядела на Филипа и после недолгого раздумья — она, по-видимому, поняла, что не совсем верно истолковала его улыбку, — сказала:

— Я хотела тебя поздравить. Еще раз. Нанаувета гордится тобой. И я тоже.

— Спасибо. Это очень много для меня значит.

Витамоо застенчиво улыбнулась.

— Никогда бы не подумала, — произнесла она мягко. — Ты меня удивляешь. Ты ведь получил то, что хотел.

— И даже больше! — ласково улыбнулся он.

Девушка нахмурилась.

— Не начинай, — предостерегла она. — Ты же знаешь: между нами ничего не может быть...

Филип поднял руку, не давая ей продолжить.

— Подожди, подожди... Я хотел сказать, что я смог познакомиться с Кристофером Морганом! Когда я отправился на поиски Библии, я никак не ожидал встретить в резервации своего родственника.

Витамоо смущенно прикрыла рот рукой.

— Прости, — пристыжено пробормотала она. — Я неправильно тебя поняла.

Воцарилось неловкое молчание, первым его нарушил Филип:

— Но раз уж ты заговорила о нас...

— Нет никаких «нас»! И быть не может! — Витамоо сделала шаг назад.

Признавая свое поражение, Филип поднял руки.

— Когда ты уезжаешь? — тут же смягчилась Витамоо.

— Скоро зима... Я бы уехал прямо сейчас, но Нанаувета ослабел, и работа над букварем пошла медленнее. Вампас делает большие успехи, однако в нынешнем году он уже не успеет подготовиться к вступительным экзаменам. Пока не знаю. Посмотрим, как пойдут дела.

Витамоо кивнула.

— Я так рада за Вампаса, — сказала она и красивым жестом отвела прядь волос, упавшую ей на глаза. — Филип, а ведь я так и не поблагодарила тебя за то, что ты занимаешься с ним.

Она засмеялась.

— Ты поступил благородно — учитывая то, что он стянул твою одежду и заставил тебя идти нагишом по резервации!

Филип тоже засмеялся.

— Не напоминай!

— После вашего отъезда в резервации будет скучно.

— Витамоо, я постоянно думаю об этом... Я должен уехать, у меня нет выбора, но я обязательно вернусь.

То, как девушка отреагировала на его слова, Филипа совершенно обескуражило. Он ожидал чего угодно, но только не этого.

— Не пори чушь! — воскликнула она с чувством. Печаль в ее глазах мгновенно сменил гнев.

— Да пойми же ты — я тебя не обманываю!

— Я тебе не верю. Ради чего тебе возвращаться? Нанаувета уже не будет в живых. Вампас тоже уедет.

Для наглядности она сорвала сухой кукурузный стебель и потрясла им пред носом Филипа.

— Здесь нет ничего, кроме жалкой резервации, которая питается объедками со стола жителей Чарлстона. Что тебе тут делать? Ты должен заниматься наукой. Это твоя жизнь! И она никак не связана с резервацией! — и девушка снова потрясла сухим стеблем.

— Я вернусь, чтобы быть с тобой, — сказал он.

— Для студента Гарварда ты порой бываешь глуповат!

Филип увидел, что лицо и шея Витамоо покраснели от гнева.

Он погрозил ей пальцем.

— Мне надоело, что здесь, в резервации, меня постоянно называют дураком! — закричал он. — И мне надоело, что ты все время попрекаешь меня моим образованием, словно я должен стыдиться этого! Если я говорю, что вернусь, ты должна мне верить!

— Не смей так со мной разговаривать! — Витамоо скрестила руки на груди и повернулась к молодому человеку спиной. — Вот что, Филип, или мы меняем тему, или я ухожу. Сейчас я не хочу это обсуждать.

— Ну и прекрасно!

— Что прекрасно? — переспросила она с обидой. — То, что я уйду?

— Нет, — Филип немного успокоился. — Я хотел сказать: прекрасно — давай сменим тему.

Повисла пауза. Решить сменить тему было куда проще, чем сделать это. Замолчав, молодые люди почувствовали себя неловко.

— Намумпум сегодня родила, — наконец выдавила из себя Витамоо.

— Правда? Я думал, она должна была родить месяц назад.

Витамоо кивнула. Она не оборачивалась.

— Она всегда ошибается. Видимо, неправильно считает месяцы. А может, ей и впрямь понадобилось больше времени, чем обычно. У нее родились близнецы!

— Близнецы?!

Витамоо с улыбкой взглянула через плечо на Филипа, кивнула и медленно повернулась к нему.

— Оба крупные и здоровые. Намумпум рада, что они наконец-то появились на свет. Ожидание далось ей нелегко, — и усмехнувшись девушка добавила: — Правда, основная работа только начинается.

Стоило Витамоо заговорить о детях — и ее лицо просияло от радости. Филип подумал, что когда-нибудь она станет прекрасной матерью.

— Что? — Витамоо с недоумением взглянула на Филипа.

— Ничего. Я просто задумался.

— О чем? Мне показалось, ты унесся мыслями куда-то далеко-далеко.

— Я и был далеко. В будущем.

— Расскажи мне, какое оно, будущее, — девушка умоляюще дотронулась до его руки. — Пожалуйста.

— Просто я обратил внимание на то, как изменилось твое лицо, когда ты заговорила о детях.

Филип взглянул на Витамоо и поспешно добавил:

— Но я не хотел сказать ничего такого! Честное слово! К тому же ты сама меня спросила!

Она убрала руку.

— Ну что ж, это правда, — призналась она, потупив глаза. — Мне было приятно говорить о детях.

Непоправимое свершилось. Витамоо дотронулась до Филипа. Словно от искры, упавшей на трут, от этого прикосновения где-то у него внутри вспыхнуло пламя, которое не находило себе выхода. Он должен был что-то сделать или сказать, иначе оно просто сожгло бы его дотла.

— Витамоо, нам надо поговорить, — начал он не без волнения. Посмотрев на девушку, Филип понял, что она вновь приготовилась к обороне, но он уже не мог остановиться. — Я испытываю к тебе глубокое чувство. Чувство, которое никогда не умрет. Я пытался делать вид, что равнодушен к тебе, но мне не удалось себя обмануть. Я действительно хочу вернуться в резервацию — поверь, я говорю это не ради красного словца! Я с радостью останусь здесь до конца своих дней! Витамоо, я люблю тебя!

— Не говори так! — индианка сделала шаг назад.

— У меня больше нет сил скрывать свою любовь! Нравится тебе это или нет, но я тебя люблю — и это правда!

— Нет, это неправда! — закричала Витамоо. Филип заметил на ее щеках дорожку от слез. — Ты вернешься в Гарвард и забудешь меня. Там тебя ждет Пенелопа. Ты уедешь навсегда! Я не верю тебе, Филип Морган! Я не верю тебе!

Витамоо заплакала и опрометью бросилась прочь. Она добежала до конца борозды, повернула и исчезла из виду.

Некоторое время Филип стоял сторбившись и смотрел на звезды. Но это было секундной слабостью. Вспышка Витамоо не могла потушить в его сердце огня любви. Чем больше он думал о том, что случилось, тем ярче разгоралось это пламя; сердце молодого человека было готово выскочить из груди. Филип Морган потряс над головой кулаками и заорал во все горло:

— А-а-а!

Он в бешенстве пнул ногой кукурузный стебель, тот сломался. Филипу стало легче, и он сбил еще один стебель.

— Почему она так со мной поступает? — крикнул он стеблям. — И почему я позволяю ей это делать? Она сводит меня с ума!

Тяжело дыша, он метался взад-вперед по борозде, сбивая кукурузные стебли; постепенно его гнев начал угасать. К нему вернулась способность мыслить спокойно, и он замедлил шаг. Хотя пламя в его душе бушевало не так уж и долго, оно лишило его сил. Филип Морган закрыл глаза и в изнеможении опустился на колени.

— Боже милосердный, — обратился он к Всевышнему, — может, они правы. Может, я и впрямь не умнее высохшего кукурузного стебля: я ведь не знаю, как себя вести. Когда дело касается Витамоо, как бы я ни поступал — все не так! Что бы я ни сказал — все не так! Я

мечтаю быть рядом с ней, но каждый раз, когда мы остаемся наедине, я умудряюсь ляпнуть что-нибудь не то, и она убегает прочь. Она не хочет, чтобы я говорил ей о своих чувствах. И я пытался скрывать их — о, как я старался, Господи, Тебе ли этого не знать! — но я не могу не думать о Витамоо. Я не могу не любить ее. Чем больше я боролся со своим чувством, тем сильнее оно разгоралось! Неужели я обречен до конца своих дней боготворить девушку, не отвечающую мне взаимностью? Как мне жить дальше? Должен ли я просить Тебя убить мои чувства к ней? Нет. Никогда. Я предпочту любить ее безответно. Господи, я глупец. Научи меня быть мудрым. Объясни, что делать. Если ради Витамоо я должен навсегда покинуть резервацию, я уеду. Дай мне понять это, Господи!

Филип открыл глаза. Легкий ветерок шелестел кукурузными стеблями; ярко мерцали звезды; пахло прелой листвой. Молодой человек сделал глубокий вдох и поднялся, отряхивая землю с брюк. Ему стало легче. Теперь он был не одинок. Он не сомневался: Господь ему поможет.

Филип не хотел сразу возвращаться в вигвам: наверняка Витамоо еще не спит, а Вампас попросит поговорить с ним по-латыни или станет задавать вопросы по другим предметам. Ну, не мог Филип сейчас отвечать на его вопросы! Дойдя до конца борозды, он повернул к озеру. И увидел Витамоо.

— Ты действительно чувствуешь то, о чем говорил? — спросила она.

— Ты слышала, как я молился?

— Да. Так это правда? — В ее черных глазах, мерцая, отражался лунный свет.

— Каждое слово — правда, — ответил он, глядя ей в глаза.

— О Филип! — Витамоо бросилась в объятия молодого человека так стремительно, что едва не сбила его с ног.

— Прощу тебя, прости меня... за то, что я причинила тебе боль... я... просто я... мне было страшно, — она осыпала его лицо быстрыми поцелуями.

Разжав объятия, Филип чуть-чуть отстранился от девушки. Он не верил, что это происходит наяву. Он хотел увидеть ее лицо. Филип взглянул на ее черные глаза — они были полны любви, затем посмотрел на нежные, соблазнительные губы. Сердце молодого человека забилося от радости, и он прижал Витамоо к себе с такой силой, что она тихонько охнула.

— Прости, любимая, — молвил он. — Я не могу поверить, что это...

— Не надо ничего говорить, Филип, лучше поцелуй меня.

И он сделал это раз, а потом еще и еще.

Филип Морган и Мэри Витамоо сидели на вышке. Девушка прижималась к груди своего возлюбленного спиной, его руки обвивали ее талию. Они смотрели, как луна медленно скрывается за верхушками деревьев. Филип прильнул щекой к волосам Витамоо.

— Как хорошо, — сказала девушка и потерлась щекой о руку Филипа.

— Не стану спорить.

Она запрокинула голову назад. Они поцеловались.

— Когда ты понял, что любишь меня? — спросила Витамоо.

— Не знаю, — ответил он. — Мое чувство росло постепенно.

— Росло? Как грибы?

— Ах, Витамоо, то, что ты необыкновенная, я понял сразу. Я часто ловил себя на том, что наблюдаю за тобой. Временами я тешил себя надеждой, что когда-нибудь мы будем вместе, а временами запрещал себе думать об этом. Но то, как сильна моя любовь, я осознал

сегодня. Мысль о том, что нам не суждено быть вместе, для меня невыносима.

— Ты запрещал себе думать о нас... Почему?

— Из-за твоего поведения. Каждый раз, когда мы оставались наедине, ты делала что-нибудь, что лишало меня веры в себя. Я думал, ты меня ненавидишь.

— Нет, — сказала Витамоо, ласково понижая голос. — Совсем наоборот.

Филип вопросительно заглянул девушке в лицо.

— Я не подпускала тебя к себе, потому что рядом с тобой чувствовала себя незащищенной. Я знала: одного твоего слова, жеста или взгляда достаточно для того, чтобы я сдалась. Я позволяла тебе находиться около меня только тогда, когда чувствовала в себе достаточно сил, чтобы устоять перед тобой.

— Но почему ты не призналась мне в своей любви?

Филип почувствовал, как Витамоо вздрогнула. Он крепче прижал ее к себе.

— Потому что знаю: если ты уедешь из резервации, я тебя больше не увижу, — сказала девушка горестно.

— И ты говоришь это после того, что сейчас случилось?

— Думаешь, мне не хочется тебе верить? Но сердце мне твердит одно: ты не вернешься.

— Тогда почему мы целуем и обнимаем друг друга?

Витамоо ласково потерлась щекой о плечо Филипа.

— Потому что я люблю тебя, — сказала она. — Ты не можешь стать моим навсегда, но я хочу, чтобы ты принадлежал мне хотя бы сегодня ночью.

Филип наклонился к девушке и нежно прошептал ей на ухо:

— Я люблю тебя, Витамоо. И я обещаю: ничто на свете не помешает мне вернуться к тебе.

— Давай поговорим о чем-нибудь другом, сказала она.

— Ну вот опять... — произнес Филип. — Как мне убедить тебя, что я вернусь?

Прежде чем ответить, Витамоо на мгновение задумалась.

— Я поверю в это только тогда, когда увижу тебя здесь, на кукурузном поле.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Зимой в груди Кристофера Моргана появились хрипы, он начал кашлять. Оправиться от этой болезни старый миссионер так и не смог. Он умер в мае, вскоре после того, как на смену необычайно долгой и суровой зиме пришла поздняя весна. В свой последний день, вечером, он сказал, что букварь вот-вот будет дописан и что он очень доволен результатом. По его просьбе Витамоо в честь скорого окончания работы угостила всех каштанами. Нанауветае пожелал Филипу, Витамоо и Вампасу доброй ночи и отправился спать. Когда на следующее утро девушка не смогла его разбудить, она позвала Филипа. Молодой человек подтвердил, что случилось то, чего они боялись. Кристофер Морган скончался.

Нанауветае всегда спокойно говорил о своей смерти. Он хотел быть похороненным в резервации — там прошла большая часть его жизни. Он был тесно связан с двумя культурами, а потому завещал, чтобы церемония погребального обряда проходила с соблюдением как христианских, так и индейских обычаев.

Подобно тому, как колонисты, потеряв близких, одевались с головы до ног в черное, наррагансеты в знак скорби покрывали лица сажей. Кристофер Морган никогда не выражал своего отношения к этой традиции, считая, что каждый волен поступать по своему усмотрению. Обычно индейцы соблюдали траур целый год, особенно если усопший был

уважаемым человеком. Никому не позволялось произносить вслух имя покойного; тех, кто нарушал этот запрет, сначала предупреждали, а затем штрафовали. Человек, которого звали так же, как и умершего, должен был сменить имя. Во время погребения индейцы придавали покойному позу младенца в утробе матери, причем тело укладывали лицом на юго-запад. По представлению наррагансетов, между рождением и смертью существовала тесная связь, а потому смерть они воспринимали как возрождение к новой жизни. Согласно их верованиям повелитель загробного мира Каутантоввих (его царство, говорили наррагансеты, охраняет огромная собака) жил на юго-западе, туда-то и отправлялись души усопших.

Кристофер Морган завещал похоронить его так, как было принято у наррагансетов, — в позе неродившегося младенца, лицом на юго-запад. При этом он попросил, чтобы на могиле — в соответствии с традициями его предков — поставили камень. Кроме того, он высказал особое пожелание. Ни пуритане, ни индейцы не произносили во время погребения речей. Однако Кристофер Морган хотел, чтобы Филип сказал наррагансетам несколько слов. Старый миссионер попросил молодого человека разъяснить индейцам, что он, Кристофер Морган, согласился на то, чтобы его похоронили в позе плода в утробе матери, не случайно: он тоже верит, что смерть — это возрождение к новой жизни. Однако, несмотря на то что его тело будет лежать лицом на юго-запад, его душа поднимется на небо, а не отправится в жилище Каутантоввита.

День похорон выдался пасмурным и мрачным. Жители резервации были печальны — даже те, кто не разделял взглядов Кристофера Моргана. О мудрости, честности и порядочности старого миссионера знали все — такими достоинствами, по мнению индейцев, редко может похвастать белый человек. Особенно остро переживали потерю прихожане церкви. Один за другим они тянулись в вигвам Нанауветеа, чтобы выразить соболезнования семье умершего и утешить Витамоо, Вампаса и Филипа традиционной фразой «кутчимоке», «не падайте духом», — произнося ее, индейцы гладят того, кто потерял родственника, по щеке.

У могилы Кристофера Моргана Филип прочел на алгонкинском языке строки из четвертой главы Первого послания к Фессалоникийцам; в них говорилось о возрождении к новой жизни. Апостол Павел обращается к верующим с такими словами: «Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды» [\[39\]](#). Затем Филип описал присутствующим, как Кристофер Морган воссоединится со своими родителями, как припадет к чистому источнику у трона Господнего и как поселится в жилище, которое подготовил для него Иисус Христос.

После похорон Витамоо, Вампас и Филип до поздней ночи рассказывали друг другу о Кристофере Моргане. Когда молодые люди стали укладываться спать, они почувствовали, что без Нанауветеа вигвам опустел. Им не хватало отца, советчика и друга.

Весь май и июнь Витамоо и Филип усердно трудились над букварем. Отдавая последний долг автору книги, они работали медленно, скрупулезно проверяя каждое слово. Впрочем, им не хотелось торопиться еще по одной причине. Оба прекрасно понимали: как только букварь будет закончен, Филип уедет домой.

В течение этих двух месяцев Филип продолжал готовить Вампаса к поступлению в Гарвард. По вечерам, пока Вампас грыз гранит науки, Филип и Витамоо гуляли в поле, у озера или просто сидели на вышке и разговаривали. Филип боялся, что Вампас вспылит, узнав об их отношениях с Витамоо. Предупреждая возможную ссору, он прямо спросил

индейца, не обижает ли его то, что они с Витамоо проводят много времени наедине. К облегчению Филипа, Вампас ответил, что он этому даже рад.

— В жизни человека может быть только одна настоящая любовь, — сказал Вампас, — и для меня это — любовь к знаниям. Я буду всегда любить Витамоо как сестру, но я не могу дать ей большего. Главное для меня — учеба. Ну а Витамоо... Думаю, она достойна лучшей участи.

Витамоо была рада этим словам не меньше Филипа. Все трое стали дружны как никогда.

Филипу приходилось заниматься еще одним, не привычным для него делом. Даже после смерти Нанауветеа прихожане продолжали приходить в его вигвам. В течение двух месяцев Филип улаживал споры, мирил тех, кто был в ссоре, беседовал с молодыми людьми, которые решили пожениться. На эту работу Филип не жалел времени. Он не знал, что радует его больше: то, что наррагансеты приняли его, или то, что они видят в нем преемника мудрого Нанауветеа. В любом случае ему было тяжело думать о том, что ему придется оставить работу в резервации; еще горше было думать о разлуке с Витамоо. Тем не менее он больше не мог откладывать отъезд.

Работу над букварем они с Витамоо завершили. Оставалось только отдать рукопись типографу в Бостоне. Вампас был готов к вступительным экзаменам — занятия начинались через месяц. Филипу Моргану, новому хранителю фамильной Библии, пора было возвращаться к родным, в Кембридж. Пришло время прощаться.

Они стояли под деревом у озера. Это была последняя ночь Филипа в резервации. Утром он и Вампас уезжали в Кембридж. Молодой человек держал в объятиях Витамоо. Мысль о том, что он должен оставить ее, была невыносима.

— Лошадь готова? — Девушка прижимала лицо к груди Филипа, и он чувствовал, как шевелятся ее губы.

— Да. Думаю, она меня забыла. На Великой Топи ее избаловали.

— Вы ведь не собираетесь взгромоздиться на бедное животное вдвоем?

Филип улыбнулся.

— Мы будем ехать по очереди. Пару миль я, пару миль Вампас. Пока один едет верхом, второй пойдет пешком.

— Я буду скучать по тебе.

Филип взял Витамоо за плечи и заглянул ей в глаза.

— Я вернусь, — сказал он. — Обещаю!

Ее черные глаза наполнились слезами.

— Хотела бы я в это верить.

— А ты верь!

Внезапно девушка обвила Филипа своими смуглыми руками так сильно, что у него перехватило дыхание.

— Год? Два? — спросила она.

— Если я вернусь сюда, я могу не получать диплом, — сказал он.

Витамоо устало покачала головой.

— Мы уже обсуждали это, — сказала она в ответ. — Ты ведь не знаешь, что происходит в твоей семье. Для того чтобы разобраться во всем и уладить дела, тебе понадобится время. По меньшей мере год. За год ты успеешь закончить учебу.

Они действительно говорили об этом не впервые, к тому же Витамоо была права. Филип кивнул, соглашаясь с ней.

— Ты будешь мне писать? — спросила она.

— Ты же знаешь, с письмами мне не везет, — ответил он. Девушка усмехнулась. — Но я обещаю делать это регулярно.

Филип с минуту помолчал, а затем добавил:

— И я вернусь!

До глубокой ночи Филип и Витамоо сидели на берегу озера Адамс, глядя, как на поверхности воды играет лунный свет. Несмотря на заверения Филипа, они оба не были уверены, что когда-нибудь снова обнимут друг друга.

Лошадь Филипа звонко цокала копытами по деревянному мосту, переброшенному через реку Чарлз. Молодой человек стремительно приближался к дому. Шедший пешком Вампас находился примерно в миле от Кембриджа. С того дня как Филип отправился на поиски фамильной Библии, минуло около трех лет. Все это время Филип не имел вестей от родных. Он не знал, что его ждет.

Увидев знакомые с детства дороги, мосты, дома, он почувствовал волнение. Но особенно его поразили цвет. Все вокруг выглядело таким ярким и красочным. В резервации было только два цвета — синий и коричневый. Синее небо над коричневой землей. Здесь, в Кембридже, дома, изгороди, вывески радовали глаз разнообразием красок. Это был другой мир.

Весь трепеща, Филип подъехал к родному дому; взгляд молодого человека невольно задержался на пристани; он надеялся, что Джаред и его друзья, Чакерс и Уилл, по своему обыкновению, плещутся в реке. Но там никого не было. Внимательно изучая каждый дюйм перед домом, Филип спешил. Когда он взбежал на крыльцо и распахнул дверь, его сердце от волнения чуть не выскочило из груди.

— Мама? Джаред? Присцилла? Это я — Филип. Я вернулся!

Но ответом ему была тишина. Филип с удивлением огляделся вокруг. Он не узнавал ни мебели, ни картин. Его охватило смутное беспокойство. Однако он тут же одернул себя. Разумеется, за эти три года все должно было измениться.

— Молодой человек! Что вы делаете в моем доме?

Из отцовского кабинета выкатился приземистый человечек с круглым животом. Его очки съехали на кончик носа. Поверх оправы на Филипа смотрели сердитые глаза.

— Я требую, чтобы вы немедленно ушли!

На лестнице показалась женщина средних лет, тоже полная и невысокая.

— Артур? Ты что-то сказал? О! — увидев Филипа, она осеклась. — Кто это, милый? — спросила она, недовольная тем, что ее не предупредили о приходе гостя.

— Не знаю, — кратко ответил Артур.

— Тогда зачем ты впустил его?

— Я его не впускал, он вошел без приглашения!

— Боже мой! — женщина судорожно вцепилась в воротник платья.

— Что вы здесь делаете? — недоуменно спросил Филип.

— Думаю, этот вопрос следует задать вам! — Артур начал волноваться.

— Но это мой дом! — сказал Филип. — Я здесь живу!

Артур сделал несколько шагов и оказался между женой и Филипом.

— Молодой человек, я не люблю таких шуток! Либо вы немедленно покинете мой дом, либо мне придется взять в руки саблю!

— Я никуда не уйду, пока вы не объясните, что происходит! — воскликнул Филип.

— Проблемы, сэр? — В дверях появился здоровенный чернокожий слуга.

— Эйбел, этот молодой человек — незваный гость! Выпроводи его, пожалуйста.

— Да, сэр.

— Погодите! — закричал Филип. Но Эйбел уже схватил молодого человека за руку, и не успел Филип опомниться, как его спустили с крыльца. Кипя от негодования, Филип вскочил на ноги: он хотел призвать здоровяка к ответу, но тот, судя по всему, разгадал его намерения. Ухмыльнувшись, он зашагал к Филипу. Чем ближе он подходил, тем огромное становился. Поняв, что ему не совладать с таким противником, Филип вспрыгнул на свою лошадь и поскакал прочь.

Он нашел Вампаса, и они вдвоем устремились на Брэтл-стрит. Пенелопы дома не было, а ее отец встретил Филипа холодно. Между доктором Чонси и Филипом состоялся краткий разговор, из которого молодой человек узнал несколько тревожных новостей. Его мать вышла замуж за Дэниэла Коула, после чего — около двух лет назад — они продали дом Морганов. Кроме того, доктор Чонси напрямик заявил Филипу, что, поскольку тому не достало порядочности написать Пенелопе, лучше ему на Брэтл-стрит не появляться.

Филип был обескуражен. Он не знал, что делать дальше. Вампас посоветовал ему прежде всего встретиться с матерью. Сам Вампас хотел подождать друга в лесу. Но Филип и слышать не хотел об этом. Он настоял, чтобы индеец остался с ним. Вдвоем они сели на паром, который шел из Чарлстона в Бостон.

Найти дом Дэниэла Коула оказалось нетрудно. Все знали, где он живет, да и огромный оловянный чайник над дверью помогал его дому выделиться среди других особняков. Филип постучал в дверь. Ему открыла горничная. Он отрекомендовался и сказал, что хочет видеть мать.

Мгновение спустя за дверью раздался взволнованный женский голос:

— Мой Филип? Мой Филип? Неужели это правда? Филип?!

Дверь распахнулась. На пороге стояла Констанция Морган Коул.

— Я вернулся, мама, — сказал Филип.

Констанция посмотрела на него, потом перевела взгляд на Вампаса. Ее глаза закатились, и она упала в обморок. Две служанки помогли Филипу внести ее в гостиную, а горничная побежала за мокрым полотенцем. Через несколько минут Констанция Коул открыла глаза.

— Филип, это ты? Это действительно ты?! — воскликнула она.

Ее прервал бас Дэниэла Коула.

— Что здесь происходит?

Мистер Коул большими шагами вошел в гостиную — и увидел Филипа. Молодой человек успел заметить, что на лице коммерсанта мелькнуло выражение досады. Однако его быстро сменила жизнерадостная улыбка.

— Ах, это ты, Филип! — пророкотал он, бросив настороженный взгляд в сторону Вампаса, который молча стоял в стороне. — Какой приятный сюрприз! Как я рад тебя видеть, сынок! Добро пожаловать домой!

Очень быстро Джаред обнаружил, что жизнь на пиратском судне подчиняется раз и навсегда заведенному распорядку. И ему, как ни странно, это пришлось по душе. Он охотно выполнял рутинную работу, которую большинство матросов считали скучной. Джареду нравилось все: драить палубу, очищать якорь от ржавчины, укладывать канаты бухтой. Первое время эта тяга к работе удивляла его самого, ведь в Кембридже он виртуозно уклонялся от выполнения домашних обязанностей. Но здесь, на «Голубке», он вел себя по-другому. Возможно, это объяснялось тем, что мир Джареда Моргана стал теперь маленьким и его легко было привести в порядок. В любом случае ради своего нового мира, двухмачтовой шхуны «Голубка», юноша мог разбиться в лепешку. Благодаря исполнительности и усердию Джаред выгодно отличался от Джеймса Мэйджи и Бенджамина Вира — они осваивались на корабле с трудом.

Матросы принимались за дело на рассвете; они драили палубу, наполняли бак для питьевой воды, укладывали канаты бухтой. Этой работой команда занималась около двух часов — до седьмых склянок (половины восьмого утра); затем матросы завтракали. Завтрак обычно состоял из солонины и галет. После восьмых склянок начиналась дневная работа, которая продолжалась до заката.

Помимо всего прочего матросам полагалось следить за состоянием судна. Как говорил первый помощник Трэйси, «корабль подобен дамским часикам — постоянно требует ремонта». После того как судно покидало порт, его оснастку регулярно проверяли и по мере необходимости заменяли вышедшие из строя части.

Матросы следили за тем, не истерлись ли канаты, не нуждаются ли они в починке. Короткие линии изготовлялись на борту из обрывков старых канатов — их распускали на пряди, которые затем связывали и сматывали в клубки. Обычно при починке такелажа замена одного линия требовала замены нескольких других. Кроме того, нужно было смолить, смазывать, покрывать лаком, красить, чистить, скоблить и мыть то, что в этом нуждалось, — в итоге день пролетал незаметно. Если же у матросов выдавалась свободная минутка, они конопатили пропитанной смолой паклей щели в корпусе корабля.

Первые слова, которые услышал Джаред от капитана корабля Джека Деверо, были словами упрека. Молодой человек закончил драить палубу задолго до завтрака. Не зная, что матрос не должен слоняться без дела, он в ожидании седьмых склянок, стоя у фальшборта, любовался восходом солнца. Капитан вышел на палубу и, заметив бездельничающего матроса, сделал ему внушение, после чего приказал смазать грот-мачту снизу доверху. Джаред пришел в такой восторг от этого поручения, что совсем не обратил внимания на выговор. Он схватил ведро со смазкой, источавшей такой же затхлый запах, как трюмная вода, и в одно мгновение вскарабкался на мачту. Залезть на нее он мечтал с того самого дня, как появился на судне. Вцепившись в верхушку мачты, он весь светился от счастья.

Джаред привык к морю быстрее, чем большинство новичков. Обычно первые два дня те проводили с подветренной стороны судна, где, свесившись за борт, исторгали содержимое своих желудков. Джаред вообще не страдал морской болезнью. Он, проворно делая свое дело, раскачивался на мачте, словно перевернутый вверх ногами маятник. До завтрака он успел смазать мачту, после чего ел с таким аппетитом, точно был морским волком. Единственное отличие заключалось в том, что морской волк не улыбается беспрестанно.

Подняв все паруса, «Голубка» шла на юг, к Багамам. Многочисленные острова и удобные бухты делали Багамы излюбленным местом стоянки пиратских кораблей. Капитан Деверо собирался войти в одну из бухт, перевернуть «Голубку» на бок при малой воде и очистить ее корпус от ила, ракушек и рачков. Это позволяло кораблю стать более быстроходным. У джентльменов удачи скоро начиналась горячая пора, и капитан хотел, чтобы и корабль, и команда встретили ее во всеоружии. Чтобы подготовить людей — а для команды «Голубки» это было пробное плавание в новом составе, — Деверо решил устроить соревнование между вахтой левого борта (ее возглавлял комендор Руди Шоу) и вахтой правого борта (ею руководил первый помощник Патрик Трэйси). Однако перед тем как первый помощник внесет имена новичков в постоянные списки личного состава вахт, Джареду Моргану, Бенджамину Виру и Джеймсу Мэйджи предстояло пройти проверку.

Джаред быстро стал любимцем первого помощника капитана, и Руди Шоу уже смирился с тем, что Трэйси возьмет молодого человека к себе. Что до двух других новичков, похоже, комендор не горел желанием брать Мэйджи — впрочем, еще меньше он хотел видеть среди своих подчиненных Виру.

Когда все свободные от вахты матросы собрались на полубаке, горизонт затянуло штормовыми тучами. Патрик Трэйси объяснил новичкам, в чем состоит задача, которую они должны были выполнить, для того чтобы их приняли в члены экипажа.

— Посмотрите на это бревно, джентльмены! — Первый помощник указал на нос корабля. — Запомните, оно называется бушприт. Если на бушприте заклинивает конец, кому-то приходится залезть туда и освободить его. Как вы думаете, кто сейчас это будет делать? — Патрик Трэйси широко улыбнулся, и его рыжие брови поползли вверх. Взглянув на оробевших юношей, матросы громко рассмеялись. Первый помощник между тем продолжил:

— Помните, без этого на корабле не обойтись. Вир, ты первый! Доберись до конца бушприта, дотронься до него рукой и возвращайся. Это несложно! — И он беспокойно глянул в сторону надвигающихся туч. — Давайте покончим с этим, пока не начался шторм! — сказал он. — Вир, вперед. Пошел!

Вир сделал шаг и замер, глядя, как бушприт вместе с судном ходит ходуном. Это был обыкновенный брус, с канатами, а под ним — только море. Поскольку судно не стояло на месте, тот, кто падал с бушприта, сразу оказывался под корпусом корабля, и у него не было никаких шансов выплыть.

— Давай же, Вир, — сказал Шоу. В его голосе слышалось презрение.

Молодой человек покосился на бушприт и покачал головой.

— У меня ничего не выйдет, — пробормотал он.

— Это должен уметь каждый матрос, — сказал первый помощник.

— У тебя получится, Вир, — подал голос Джаред.

Бенджамин Вир бросил взгляд на Джареда. Тот ободряюще кивнул.

Молодой человек двинулся к бушприту. Он оседлал его, наблюдая за тем, как конец длинного бруса то вздымался вверх, устремляясь к небу, то падал вниз, в пучины моря.

— У тебя получится! — следом за Джаредом ободрил друга Мэйджи.

Вир обхватил бушприт и начал медленно, словно гусеница по ветке яблони, продвигаться вперед. Сначала его голова, потом торс, а затем и ноги оказались над kloкочущей бездной. Он посмотрел вниз — и обмер.

— До конца, Вир! — закричал Шоу. — До самого конца! Останавливайтесь и дремать нет времени!

— Не слушай его! — не выдержал Джаред, за что тут же удостоился злого взгляда комендора. — Не смотри вниз! Смотри только на бушприт и двигайся вперед!

— Давай, Вир, пошевеливайся! — прикрикнул на юношу Патрик Трэйси.

Но Бенджамин Вир словно примерз к бушприту. Он не мог двинуться ни вперед, ни назад. Вцепившись в брус, он прижал к нему голову и зажмурил глаза. В конце концов за ним полез первый помощник. Когда он дотронулся до ноги Вира, юноша испуганно вздрогнул и, в ужасе вытаращив глаза, ухватился за бушприт еще крепче. Трэйси долго уговаривал его начать двигаться назад. Наконец Бенджамин Вир рухнул на палубу. Трэйси отвел его в сторону, где он и сел, прислонившись спиной к фальшборту и обхватив руками колени. Молодой человек не поднимал глаз от палубы.

— Прекрасный пример мужества! — громко съязвил Шоу.

— Заткнись! — рявкнул Джаред.

Комендор мгновенно рассвирепел и бросился на Джареда. Патрик Трэйси остановил его предостерегающим взглядом, потом обернулся к Джареду:

— Не забывайся, Морган! — отчеканил он. — Мэйджи! Ты следующий.

Ветер крепчал, и волны раскачивали судно так сильно, что бушприт вставал почти вертикально. Джеймс Мэйджи осторожно приблизился к бушприту, обхватил его руками и ногами и стал медленно продвигаться вперед. Брызги летели вверх, и бушприт стал ослизлым. Мэйджи поскользнулся и едва не потерял равновесие, но сумел удержаться. Когда он коснулся конца бушприта, пираты одобрительно загудели и захлопали в ладоши. Обратный путь занял у Мэйджи в два раза больше времени, но вскоре улыбающийся новичок коснулся палубы. Он был вознагражден новым взрывом аплодисментов.

— Для первого раза неплохо, — сказал Патрик Трэйси. — Хотя, дожидаясь тебя, мы могли бы налететь на скалы.

В следующее мгновение «Голубку» настиг шторм. Хлынул дождь с градом. Волны перекатывались через борт. Корабль вставал на дыбы, словно норовистая лошадь, а потом стремительно опускался в бездну, при этом бушприт полностью скрывался под водой.

— Извини, Морган, — заглушая рев ветра, прокричал Трэйси, — но тебе, похоже, придется пройти это испытание в другой раз.

— Ну уж нет — сегодня! — возмутился Шоу.

— Слишком трудно!

— Что ты с ним нянчишься? Или он может сделать это, или нет. Почему бы не выяснить, на что он способен?

В эту самую минуту на баке появился капитан Деверо. Он был одет в плащ с капюшоном. Трэйси попросил капитана принять решение. Ответа не последовало.

— Я могу это сделать! — сказал Джаред Трэйси.

Между тем шторм перешел в настоящий ураган. Корабль то вздымался на гребень морского вала, то опускался вниз.

— Слишком опасно, — повторил Трэйси. — Бушприт скользкий, канаты тоже. Это и для опытного матроса серьезное испытание.

— Перестань возиться с ним, как с младенцем! — закричал Шоу. — Матрос он или нет?

— Здесь решаю я, Шоу! — рявкнул Трэйси.

— Матрос должен уметь это, верно, мистер Трэйси? — спросил Джаред.

Первый помощник зорко взглянул на молодого человека.

— Я справлюсь! — сказал Джаред.

— Ну что ж, давай!

Джаред одним прыжком преодолел расстояние до бушприта. Он посмотрел, как тот встает на дыбы, точно необъезженная лошадь.

— Ну, чего ждешь? — закричал Шоу.

Джаред прыгнул вперед за секунду до того, как бушприт поднялся почти вертикально. Он выбрал самый подходящий момент. Оказавшись на бушприте, молодой человек обхватил его руками и ногами. Корабль тем временем одну за другой разрезал носом две волны, и Джаред погрузился в воду. Молодой человек крепко ухватился за бушприт; затем нащупал на такелаже опору для ног и соскользнул к самому концу бруса. В тот миг, когда волна расступилась под кораблем, он коснулся конца бушприта. Угодив с головой под воду, Джаред потерял опору под ногами. Молодой человек не знал, держится ли он еще за бушприт, пока тот не вынырнул из воды и не начал вновь подниматься. Джаред висел на конце бушприта, ухватившись за него руками. Бушприт вновь высоко поднялся. Джаред скользнул вниз. Не двигайся бушприт вверх, Джаред упал бы в воду. Молодой человек обхватил брус поудобнее и взглянул вниз. В следующее мгновение он увидел, что море стремительно приближается. Каким-то чудом ему удалось перебросить ногу через брус, прежде чем тот коснулся воды. Когда Джаред снова вынырнул из воды, он оказался прямо над судном! Молодой человек еще дважды качнулся на бушприте вверх-вниз, после чего ему удалось благополучно вернуться на палубу.

Оценить его подвиг было некому. На полубаке не осталось ни одного матроса. Управление кораблем в шторм требовало слаженных действий всей команды. Джареда дожидался только первый помощник.

— Молодчина, матрос! — голос Трэйси заглушал шум моря. Первый помощник схватил руку Джареда и энергично потряс ее.

На баке стоял Джек Деверо и не двигаясь смотрел на то, как Патрик Трэйси и Джаред Морган обмениваются рукопожатиями.

Ураган свирепствовал два дня. Все это время Руди Шоу осыпал Бенджамина Вира оскорблениями. Под градом насмешек юноша замкнулся в себе. Он ни с кем не разговаривал, работал точно во сне и почти ничего не ел. Джеймс Мэйджи, напротив, смирился со своей участью, и Джаред начал узнавать в нем того дерзкого молодого человека, с которым он познакомился на складе Дэниэла Коула.

Рассвет третьего дня, ласковый и солнечный, порадовал моряков. Погода выдалась славная. Ветер был достаточно сильным, чтобы судно двигалось вперед, море — спокойным, а небо — ясным. После завтрака, когда матросы принялись за повседневные дела, раздался крик: «Земля!» Джаред, как опытный матрос, посмотрел в подветренную сторону и увидел на горизонте зеленую полосу земли. С той минуты, как молодой человек оказался на борту «Голубки», он видел берег впервые.

На капитанском мостике совещались Джек Деверо, Патрик Трэйси и второй помощник. Насколько понял Джаред, увидеть берег они никак не ожидали. Капитан распорядился идти левым галсом, пока он будет проверять приборы. Земля быстро приближалась. Вахтенные получили приказ следить за береговыми ориентирами, которые могли бы помочь определить местоположение корабля, в это время капитан и его первый помощник пытались выяснить,

какой навигационный прибор подвел их, — хронометр или секстан. До суши было уже недалеко, когда Джек Деверо и Патрик Трэйси пришли к выводу, что во всем виноват хронометр. Капитан полагал, что перед ними берега Флориды. Он дал команду правым галсом идти в открытое море.

Внезапно раздался всплеск воды.

— Человек за бортом! Человек за бортом! — раздался тревожный голос вахтенного.

— В чем дело? — взревел капитан.

— Это Вир, сэр, — пояснил Витмор. — Он прыгнул за борт. Умышленно.

Пока «Голубка» поворачивала и ложилась на новый курс, матросы смотрели на Вира, плывущего в сторону суши. По его движениям Джаред сразу понял, что он пловец неопытный.

— Ему не доплыть, — сказал Трэйси. — Земля дальше, чем это кажется.

Корабль развернулся, и Джаред потерял Вира из виду. Однако Трэйси все еще видел его.

— Кажется, дела у него идут неважно, — сказал он. — Его тянет ко дну одежда.

Джаред до рези в глазах вглядывался в морскую гладь — и видел только волны.

— Вон там! — закричал Трэйси.

На какую-то долю секунду над поверхностью воды показалась голова Вира. Он ловил ртом воздух, отчаянно молотя руками по воде.

Вновь раздался всплеск.

— Человек за бортом!

— Еще один? — капитан разразился проклятиями.

Сбросив одежду, Джаред Морган с разбегу бросился в воду.

Сильными, ровными гребками он подплыл к тому месту, где только что находился его приятель. Никого! Должно быть, Вир пошел ко дну. Джаред нырнул. Чем глубже он погружался в воду, тем становилось темнее. Вира он не обнаружил. С корабля до него долетели какие-то крики, и он всплыл на поверхность.

Он увидел Патрика Трэйси, который что-то кричал и знаками показывал, куда плыть. Молодой человек повинился; он плыл в указанном направлении до тех пор, пока первый помощник не приказал ему жестом остановиться. Джаред быстро нырнул. Время работало против Вира. Медлить было нельзя.

На какую-то долю секунды Джареду показалось, что он очутился в подводном лесу: тихо покачиваясь из стороны в сторону, вокруг него стояли рядами бурые водоросли. Вода была мутной от песка — он искрился там, где толщу воды пронизывали солнечные лучи. Несколько рыб, испугнутых появлением Джареда, в страхе метнулись врассыпную. Молодой человек погружался в заросли водорослей, то и дело раздвигая их рукой. Он надеялся, что вот-вот обнаружит Вира, но того нигде не было.

Когда Джаред почувствовал, что ему не хватает воздуха, он поднялся на поверхность. Корабль покачивался на волнах примерно в сотне ярдов от него. Молодой человек сделал глубокий вдох и снова нырнул. И опять безрезультатно. Джаред вынырнул. На «Голубке» тоже не видели Вира. Джаред снова опустился под воду. И еще раз.

— Он погиб, — крикнул Шоу. — Не трать время попусту.

Скажи это кто-то другой, возможно, Джаред и послушался бы.

Вир пробыл под водой слишком долго, чтобы остаться в живых. Но слова Шоу разозлили юношу. Разве человек, спасая чужую жизнь, тратит время попусту? В гневе Джаред нырнул снова. По некоторым приметам он догадался, что уже искал здесь Вира. Но

он не хотел мириться с собственным бессилием.

— Джаред, ты сделал все, что мог! — прокричал Патрик Трэйси.

— Пойми же, Морган, он утонул! — подал голос Шоу. — Это лучшее, что мог сделать трус!

Джаред нырнул снова. Ему казалось, что, если он найдет Виру и поднимет его на поверхность, все будет в порядке. Бенджамин станет хорошим матросом. Ему нужно время. Конечно, он испугался. Но все чего-нибудь бояться. Нужно только дать ему шанс. Этому парню надо дать шанс!

Джаред оставался под водой до тех пор, пока его легкие не взмолились о пощаде.

— Морган! Возвращайся на судно. Это приказ! — голос звучал сурово и властно. Это был капитан Деверо.

Джаред еще раз огляделся. Он продолжал надеяться на чудо.

— Повторяю, Морган, это приказ! — рявкнул капитан. — Обсушись и зайди ко мне в каюту!

У капитана Джека Деверо была огромная плешь. Джаред не мог не заметить этого поскольку стоял навывтяжку перед капитанским столом. Деверо, склонившись над судовым журналом, усердно скрипел пером. Пламя свечи, стоявшей на столе, отражалось на его сияющей лысине.

Джаред в замешательстве разглядывал плешь капитана: до этой минуты он не подозревал о ее существовании. Молодой человек видел Джека Деверо сотни раз, чаще издали и всегда — на палубе. Капитан никогда не снимал своей треуголки, из-под которой выглядывали черные, с проседью волосы. Они были не очень густыми, но достаточно длинными, и на концах вились. Джаред полагал, что такой же растительностью покрыта вся голова капитана. Однако, как он теперь выяснил, она напоминала гору, которая поросла лесом лишь у подножия.

Скрип пера смолк.

— Неприятное занятие — делать запись о гибели матроса.

Глаза Джека Деверо были так же печальны, как и его голос. Судя по всему, он не на шутку расстроился. До этой минуты Джаред полагал, что все капитаны суровы, бессердечны и гневливы. А уж тем более — пираты. Им сам Бог велел быть жестокими и хладнокровными. Но человек, который сидел пред ним, казался совсем другим.

Деверо положил руки на открытый судовой журнал. С минуту он внимательно глядел на Джареда. Может быть, капитан хочет напугать его? В таком случае ему это почти удалось.

Из-под кустистых седых бровей на Джареда смотрели глубоко посаженные светло-голубые глаза. Они поблескивали хитрецей и были такими светлыми, что казались прозрачными. Глаза эти напомнили Джареду светло-голубые глаза матерого волка, с которым они с Чакерсом и Уиллом столкнулись ночью в лесу.

Лицо, шею и руки капитана покрывал густой коричневый загар. Нос у Джека Деверс был картошкой. Под носом воинственно топорщились седые усы.

— Морган, когда человек оказывается за бортом, принимаются определенные меры, — наконец обратился капитан к Джареду. — Они не предусматривают того, что кто-то еще прыгнет за борт.

Он говорил ровным, отеческим тоном, словно объяснял сыну, как следует вести себя в церкви в воскресенье. Это тоже было для Джареда неожиданностью. Он приготовился к

ругани и зуботычинам. Но капитан не обнаруживал ни малейших признаков ярости. Джаред наслушался столько леденящих душу историй о капитанах-кровопийцах, что даже почувствовал себя обманутым. Если Джек Деверо внезапно не превратится в бесчеловечное чудовище, Джареду нечего будет рассказать новичкам!

Размышляя об этом, молодой человек вспомнил, как Патрик Трэйси объяснял им, что команда пиратского судна сама выбирает капитана и его помощников. Во время выборов составлялся контракт — он определял полномочия начальствующих лиц, правила поведения на корабле, взыскания за различные нарушения и условия, на которых распределялась добыча. Это во многом объясняло поведение Джека Деверо. Капитаны торговых судов были диктаторами, на пиратских же кораблях царила демократия. Как правило, капитан пиратского судна имел исключительные полномочия лишь во время сражения или преследования кораблей. Все остальные вопросы выносились на общее обсуждение, а решения принимались большинством голосов.

— Морякам неизбежно приходится сталкиваться со смертью.

Заговорив, капитан вернул Джареда в настоящее.

— Несчастные случаи, штормы, бои, болезни всегда рядом с нами, как, впрочем, и наши товарищи. Так вот: смерть тоже член экипажа, и с этим ничего не поделаешь, можно лишь соблюдать осторожность и выполнять приказы, следуя установленным правилам. Понимаешь?

Джаред кивнул.

Взгляд капитана стал суровым, а тон — почти угрожающим.

— Надеюсь, что это так.

Джек Деверо сердито ткнул в молодого человека пальцем.

— Ведь от этого зависит человеческая жизнь!

Шквал стих так же внезапно, как и налетел, и лицо капитана вновь стало дружелюбным. Он улыбнулся, и Джаред увидел немного неровные зубы и ямочку на подбородке.

— Одно могу сказать, Морган. Если эта лоханка пойдет ко дну, мне бы хотелось, чтобы ты оказался неподалеку. Ты плаваешь, как дельфин. В жизни не видел ничего подобного. Где ты этому научился?

— Я вырос на реке.

Капитан кивнул. Он встал, достал трубку, набил ее табаком и закурил, присев на край стола.

— Я давно наблюдаю за тобой.

Джареду пришлось напрячь слух: капитан сжимал зубами трубку, и его речь стала невнятной.

— Ты прирожденный моряк, Морган. Все схватываешь на лету. Твой отец был матросом?

Джаред отрицательно покачал головой.

— Мой отец преподавал в Гарварде. Он умер.

Капитан глубоко затянулся. Над его головой кольцами поднимался дым.

— Ты учился в Гарварде?

— Я не большой любитель книг и наук. Надежд отца я не оправдал. Он хотел, чтобы я поступил в университет, но это не для меня. Хватит с нашей семьи и двоих ученых.

— Двоих?

— Моего отца и брата.

- Ты играешь в шахматы?
- Правила знаю. Но играл я немного.
- Я ищу партнера. Сыграем в воскресенье?
- Конечно.
- Отлично! — капитан хлопнул ладонью по столу и встал. — Это все, Морган.
- Капитан...
- Да?
- Вир не хотел быть матросом. Он из другого теста.
- Знаю.

После слов Джареда по лицу капитана точно облачко прошло, но молодой человек все равно не смог бы промолчать. Он хотел, чтобы Деверо выразил сожаление или сказал что-нибудь в свое оправдание. Но этого не случилось.

- А как насчет Мэйджи? — спросил капитан. — Он моряк?
 - У него все наладится, — ответил Джаред. — Из него получится хороший матрос.
- Капитан кивнул. Вокруг него плавали кольца дыма.
- Отлично, — сказал он.

Траурная церемония прошла в тот же день у грот-мачты. На море похоронный ритуал отличается предельной простотой. Как правило, сначала произносится молитва, затем кто-нибудь из команды говорит несколько слов в память о покойном, и напоследок матросы стреляют из пушек. Комендор Руди Шоу с жаром доказывал, что давать залп в память Бенджамина Вира — напрасная трата пороха и оскорбление настоящих матросов. По его словам, мальчишка не заслужил того, чтобы его провожали в последний путь как матроса. Капитан возразил ему, что Вир погиб, служа на корабле, а значит, обряд похорон должен соответствовать морским обычаям. Тогда Руди Шоу потребовал, чтобы вопрос был поставлен на голосование. Команда единодушно поддержала капитана, и погребальная церемония началась.

Деверо прочитал краткую молитву, а потом сказал несколько слов о погибшем. «Если бы Вир не попал на «Голубку», — задумчиво произнес он, — его жизнь сложилась бы по-другому, ведь у мальчика не было склонности к морскому делу». Размышляя вслух, капитан добавил, что человек не знает своей судьбы, а потому он должен извлечь как можно больше из того, что имеет. Затем выступил Джеймс Мэйджи. Хотя Бенджамин не отличался разговорчивостью, он все-таки кое-что рассказал другу. Он вырос в Хингхэме, его воспитывала мать и две старшие сестры. Отца он не знал, тот умер от оспы, когда Бенджамин был еще маленьким. У Вира были способности к математике, и он приехал в Бостон, чтобы устроиться в доки счетоводом, там-то он и попал в лапы вербовщиков. Перед смертью он говорил только о том, как жалеет, что уехал из Хингхэма, и как хочет туда вернуться. По мнению Мэйджи, потому-то Бенджамин и прыгнул за борт.

После того как молодой человек произнес речь, выстрелили пушки, и прощание закончилось. Обычно за погребальной церемонией следовал еще один ритуал, который позволял матросам дать выход своим чувствам. Через несколько дней после похорон устраивалось что-то вроде распродажи вещей покойного — его сундука, постельных принадлежностей, одежды. Но поскольку все имущество несчастного юноши состояло из подвесной койки — куска парусины размером шесть на три фута, — капитан и команда решили этот обычай не соблюдать.

После гибели Бенджамина Вира комендор Руди Шоу стал подыскивать нового мальчика для битья. Этой сомнительной чести он решил удостоить Джеймса Мэйджи. Как и ожидалось, при составлении списков вахтенных первый помощник взял Джареда к себе, а Мэйджи отдал Шоу. Тот определил Мэйджи в ученики комендора, или, как говорил сам Шоу, «в пороховые обезьяны». Это означало, что Мэйджи находился в полном распоряжении комендора двадцать четыре часа в сутки. С утра до позднего вечера Шоу осыпал Мэйджи градом замечаний и насмешек.

Джаред не мог безучастно смотреть на то, как его друг страдает от грубости комендора. Несколько раз он говорил о жестокости Шоу боцману и первому помощнику. И Витмор, и Патрик Трэйси согласились с тем, что Шоу склонен к оскорбительным выходкам и что у него скверный характер, но отказались вмешиваться, так как его поведение не представляло угрозы для корабля. Джареду оставалось только наблюдать за тем, как день ото дня Мэйджи все больше падает духом. При любой возможности — а это случалось нечасто, поскольку приятели стояли на вахте в разное время, — Джаред старался выслушать и поддержать Мэйджи.

Джаред выяснил, что Шоу ленив и неупорядочен. Единственное, в чем он хорошо разбирался, — это пушки и боеприпасы. Причем он ничего не делал своими руками. Помыкая Мэйджи, словно рабом, он заставлял его выполнять всю работу, а сам посиживал в сторонке. Когда кто-нибудь спускался на батарейную палубу, Шоу вступал с ним в беседу, в основном критикуя капитана и первого помощника. Во время вахты он частенько спал — Мэйджи должен был разбудить Шоу, если Патрик Трэйси или капитан вздумают проверить добросовестность комендора.

Слушая разглагольствования Шоу, Мэйджи понял, чем тот недоволен. Прошлым летом команда «Голубки» значительно увеличилась, и возникла необходимость во втором помощнике капитана. Шоу ожидал, что на эту должность назначат его — как опытного моряка. Но Джек Деверо провел выборы. В результате вторым помощником капитана стал другой человек. Однако комендор не умел красиво проигрывать. Ему нужно было сорвать на ком-то свою злость. На радость Шоу, несколько месяцев спустя на борту «Голубки» появились три новичка.

Мэйджи просил Джареда держаться подальше от Шоу. Хотя комендор и издевался над своим подчиненным с утра до вечера, по-настоящему он ненавидел именно Джареда. Он называл его прихвостнем первого помощника. «Когда-нибудь я доберусь до этого прихвостня Трэйси», — то и дело повторял он.

По молодости Джаред отвечал на угрозы Шоу проказами и розыгрышами. Сначала юноша действовал в одиночку. Как-то раз, за обедом, Шоу отвлекся, и Джаред бросил ему в пиво таракана. Большинство матросов покатывались со смеху, наблюдая, как комендор рассеянно сделал несколько глотков, прежде чем обнаружил сюрприз. Со временем проделки стали более замысловатыми, причем Джаред никогда не испытывал недостатка в добровольцах, готовых ему помочь. Однажды ночью матросы привязали крепко спящего Шоу к койке. Прежде чем он успел разглядеть озорников, ему завязали глаза и вставили в рот кляп. Когда комендор опоздал на вахту, первый помощник пошел его искать и обнаружил взбешенного Шоу связанным по рукам и ногам. В другой раз Шоу подстерегли несколько человек — их лица были скрыты капюшонами. С него сорвали штаны и вымазали спину и зад смолой. Шоу не без труда удалось отвоевать у матросов свои штаны, которые,

впрочем, еще долго прилипали к его телу.

Венцом изобретательности Джареда была идея, которую он воплотил в жизнь после того, как судно в течение трех суток безжалостно трепал шторм. Капитан опасался, что сезон ураганов начнется раньше, чем всегда, а потому подумывал встать на зимовку в порт или перебраться в другое место. Команда устала от жестокой битвы с непогодой. Обессиленные, промокшие насквозь матросы дошли, пошатываясь, до кубрика и упали на койки. Все, кроме Руди Шоу. Джаред потихоньку разрезал парусину на его койке — и комендор провалился в дырку.

Джаред не знал, почему на него набросился Шоу: потому ли, что догадывался, кто стоит за этими проделками, или просто из-за того, что он смеялся громче всех. Так или иначе, комендор кинулся на Джареда, и они покатались по палубе, награждая друг друга тумками.

Услышав шум, на палубу вышел Патрик Трэйси и разнял дерущихся. В уставе корабля четко говорилось, как следует поступать в таких случаях. Специальный раздел, посвященный поддержанию порядка, гласил: «Драки на борту не допускаются. Конфликты разрешаются на суше посредством боя на саблях или пистолетах».

Трэйси прокомментировал эту статью следующим образом:

— Когда мы доберемся до Багамских островов, вам предстоит драться на пистолетах. Если, сделав первый выстрел, вы оба промахнетесь — будете сражаться на саблях. Победит тот, кто первым ранит противника. Эта статья помогает поддерживать мир и согласие на корабле и в кубрике.

Джаред и Шоу согласились отложить выяснение отношений до того дня, когда они ступят на твердую землю. До конца плавания они заключили перемирие.

Обхватив голову руками, Джаред Морган склонился над шахматной доской. Напротив него за столом сидел капитан Деверо. Стоял погожий воскресный день. Джаред должен был заступать на вахту через два часа.

— Что ж, упорства тебе не занимать, — сказал капитан, скользнув беглым взглядом по доске, — но ты не видишь дальше своего носа.

Предугадав ход противника, он передвинул своего слона и поставил Джареда перед выбором: отступить или пожертвовать конем. Поскольку конь был одной из немногих оставшихся у молодого человека фигур, он досадливо вздохнул и убрал его в безопасное место.

— У тебя неплохое чутье, — продолжил между тем капитан, взяв в руки ладью, — и творческий подход к стратегии. Однако...

Деверо помолчал, ожидая, пока Джаред сделает ход конем, улыбнулся и через два хода объявил шах.

— ...как это ни прискорбно, твои предыдущие ходы были ошибочными. И это, — попытожил он, — твой конец.

— На этот раз нет, сэр, — возразил Джаред. — Через два хода я поставлю вам мат.

Капитан, прищурившись, взглянул на доску и поскреб подбородок.

— Вот как! — он снова почесал подбородок и сделал ход слонем. — Возможно, так бы оно и вышло, будь у тебя эти два хода, — и добавил: — Шах.

Джаред взял слона пешкой, а капитан — пешку ладьей.

— Шах, — вновь сказал Деверо.

Молодой человек убрал с шахматной доски ладью капитана и поставил на ее место свою ладью.

Деверо оставшейся у него ладьей побил ладью противника.

— Мат!

Джаред откинулся на спинку стула и сокрушенно покачал головой. Почти все партии заканчивались его поражением. Ему удалось обыграть капитана только один раз.

Деверо улыбнулся. Ему нравилось побеждать.

— Твоя ошибка в том, что ты играешь отдельными фигурами, — объяснил он, заново расставляя шахматы. — Главное — понимать, в чем преимущества каждой фигуры, чтобы правильно пользоваться ею во взаимодействии с остальными.

— Я так и делаю, — возразил Джаред, — но вы все равно выигрываете.

Капитан покачал головой.

— Нет, ты поступаешь иначе. Ты атакуешь одной фигурой, а другие используешь только для ее поддержки. Я же говорю о том, что любое перемещение на доске должно быть подчинено общей задаче. Причем сильные стороны одной фигуры должны компенсировать недостатки других — это позволяет обыгрывать противника. Видишь, как закончилась партия. Ты не мог ничего сделать, потому что я атаковал сразу несколькими фигурами, которые взаимодействовали друг с другом.

Джаред внимательно глядел на доску. Кажется, он начал понимать, о чем говорит капитан.

— Успеет еще сыграть? — спросил Деверо.

— Думаю, да, — рассеянно ответил юноша; он был уже целиком поглощен следующей партией.

С минуту оба молча передвигали фигуры. Затем капитан откинулся на спинку стула, потянулся и раскурил погасшую трубку.

— Завтра у нас стоянка.

Джаред поднял глаза. Это означало, что завтра он будет драться с Руди Шоу.

— Тебе доводилось стрелять из пистолета? — спросил Деверо.

— Нет. Только из мушкета, — ответил Джаред и, атакуя, сделал ход ферзем.

— Мне нужно кое-что сказать тебе, сынок.

Джаред удивленно посмотрел на капитана. Так Деверо обращался к нему впервые.

— Ты не обязан драться с Шоу.

Джаред мгновенно забыл о шахматах.

— Не понимаю. В соответствии с корабельным уставом я не могу отказаться.

— Уставу подчиняется только команда корабля.

— Но я тоже член команды.

— Нет.

Джаред не верил своим ушам. Чувствуя, как нарастает его гнев, он вскочил на ноги.

— Думаете, я так боюсь поединка, что едва мы окажемся на берегу, сбегу с судна?

— Сядь, Морган! — властно приказал капитан. — Я давно хотел кое-что тебе рассказать, и сейчас самое время это сделать.

Джаред сел.

— Видишь ли, пираты не покупают людей у вербовщиков. На наши корабли и так хотят попасть гораздо больше матросов, чем мы можем принять. Каждый раз, когда мы берем на бордаж торговое судно, мы обращаемся к его команде и предлагаем сложить оружие. Частенько после этого предложения команда торгового судна сдается без боя, ведь многим матросам осточертела их жизнь, они сыты по горло издевательствами капитанов. Иногда желающих стать пиратами так много, что нам приходится отправляться в ближайший порт — там матросы могут поступить на другие корабли.

— Тогда почему вы купили меня, Джеймса Мэйджи и Бена Вира?

Деверо смотрел сквозь Джареда — казалось, его светлые глаза видели кого-то еще. Прежде чем ответить, он дважды глубоко затаился.

— Вас хотели продать Эдмунду Барлоу. Когда-то я плавал под началом этого деспота и садиста. И я поклялся сделать все, что могу, чтобы помешать Барлоу и тому торговцу, который платит ему за перевозку рабов.

— Выходит, вы купили нас, чтобы спасти?

— Судя по всему, ты чем-то насолил одному очень опасному человеку. Мне хорошо известно, что чужая жизнь, как, впрочем, и чужая собственность, для него ничто. Вербовщика, у которого я тебя купил, нанял Дэниэл Коул.

— Коул? — Джаред сжал кулаки и скрипнул зубами. — Я должен был догадаться! — воскликнул он, а потом быстро добавил: — Вы уверены в этом?

Капитан Деверо мрачно кивнул:

— Вербовщик, который работает на него, — мой брат.

Джаред потрясенно молчал.

— Трэйси говорит, — продолжил между тем Деверо, — что ты считаешь, будто мой брат вместе со своим напарником-индейцем убил твоего отца.

Молодой человек утвердительно кивнул.

Капитан опустил голову и тихо произнес:

— Приношу свои искренние извинения. Мой брат и его напарник Сиконк давно занимаются всякими грязными делишками, выполняя поручения Коула. Они наемные убийцы. Когда случай свел нас в Бостоне, брат похвастался, что скоро получит кучу денег. Дэниэл Коул обещал заплатить ему за то, что он избавится от тебя и Мэйджи. Между прочим, Коулу было наплевать, как они с Сиконком это сделают. Сначала мой брат хотел убить тебя, но потом у него появилась идея получше. Он решил продать тебя Барлоу и таким образом в два раза увеличить свою прибыль. Я заплатил ему вдвое больше того, что предлагал Барлоу. Я знал, что он согласится: как-никак он мой брат.

Деверо прокашлялся.

— Я подумал, что для тебя будет лучше оказаться как можно дальше от Коула, Барлоу и моего брата. Багамы — неплохое местечко. Как только мы войдем в бухту, ты можешь отправляться на все четыре стороны. Тебе незачем драться с Шоу.

После рассказа капитана Джаред долго не мог прийти в себя. Шахматы его больше не интересовали.

— А как же Мэйджи и Вир?

— Твой друг тоже свободен. Что касается Вира... — капитан помолчал. — Если бы он сумел продержаться еще чуть-чуть!

— А мы можем остаться на «Голубке»?

Было видно, что Деверо этот вопрос пришелся по душе.

— Тебе решать. Но если останешься, поединка с Шоу не избежать.

— Я должен обсудить это с Мэйджи, — сказал Джаред, а затем совсем по-детски спросил: — А мы будем грабить корабли Коула?

Деверо улыбнулся.

— Пока хватит сил.

— Мне бы хотелось поучаствовать в этом, — улыбнулся в ответ Джаред.

— Берегись, — предостерег его капитан. — Месть — дама капризная. В один прекрасный день она может охладеть к тебе.

— Я рассчитываю лишь на флирт, жениться на ней я не собираюсь.

Капитан поднялся из-за стола. Едва ли сейчас им удастся сосредоточиться на игре.

— Если ты решишь присоединиться к нам, — сказал он, — возможно, тебе будет приятно узнать, что ты служишь на корабле, который раньше принадлежал Коулу.

— Вы купили у него «Голубку»?

— Не совсем так. Когда-то капитаном этой шхуны был Барлоу. Однажды — мы стояли тогда в Глазго — несколько матросов решили, что по горло сыты стариной Барлоу, — в глазах у капитана вспыхнули озорные огоньки. — И мы украли «Голубку»! Так я стал пиратом.

Джеймс Мэйджи лежал на песке и шурился на солнышке.

— Так ты хочешь сказать, что мы можем вернуться домой? Друзья отдыхали на песчаном берегу одной из бесчисленных лагун атолла Кэт-Айленд. Неподалеку от них на боку лежала «Голубка». В то время как жители Бостона готовились к первой зимней буре, молодые люди нежились на солнце. Они расположились у небольшой бухты с прозрачной голубой водой. Солнце стояло высоко и светило так ярко, что Джаред ощущал его свет даже

когда закрывал глаза.

— Так сказал капитан, — ответил он, пересыпая в ладонях горячий песок. — Мы можем вернуться домой, можем остаться здесь, на Багамах, или на корабле — как захотим.

Мэйджи сел и посмотрел на друга.

— Выходит, нас похитили не для того, чтобы сделать пиратами?

Джаред улыбнулся. У Мэйджи было все в порядке со слухом, просто ему, как и Джареду, было трудно поверить в то, что у него есть выбор.

— Деверо вступился за нас.

Мэйджи хмыкнул.

— Я не нуждаюсь в его защите. Мне нравилось то, что я делал.

— Если мне не изменяет память, — сказал Джаред, — в Бостоне мы не сумели защитить себя. Нас могли преспокойно убить или продать в рабство на торговое судно. Деверо спас нашу шкуру.

— Это я понимаю, — Мэйджи взял в руку горсть песка и бросил его в воду. — Просто мне нравилась моя работа. Я уже собирался найти девушку, обзавестись семьей, потом начать свое дело и все такое.

— Но ведь Коул продал тебя!

— Не понимаю, почему он это сделал. Почему? Я думал, он меня любит!

— Может, он просто использовал тебя для того, чтобы добраться до меня. Ему было нужно, чтобы ты заманил меня в ловушку, а когда она захлопнулась, ты тоже попался.

— Слушай, Джаред, а за что он на тебя зуб имеет?

— Не знаю. Но когда-нибудь я сам задам Коулу этот вопрос, и ему придется ответить на него как можно подробнее.

Мэйджи обхватил руками колени.

— Значит, ты хочешь вернуться в Бостон?

Джаред не торопился с ответом. Он задумчиво смотрел на морскую гладь. Заметив на горизонте крохотный парус, он чуть было не крикнул: «Вижу корабль!» — но вовремя спохватился, что не стоит на вахте.

— Я остаюсь на «Голубке», — сказал он Мэйджи.

— Если тебя схватят — повесят.

— А еще меня могут убить в бою, меня может смыть за борт волна, на меня может упасть мачта, меня могут съесть акулы. Мало ли что может случиться со мной на море. Но поступить по-другому я не в состоянии. Я хочу участвовать в нападении на корабли Коула, мне не терпится попортить ему кровь. Да и потом, мне нравится быть пиратом!

— С чего ты взял? Ведь ты не представляешь, что это такое.

— Мне нравится быть матросом. И команда мне нравится — разумеется, за одним исключением. А еще мне хочется повидать мир. Что до нападений на другие корабли... посмотрим, что это такое. А ты? Что будешь делать ты?

Мэйджи нахмурился.

— Не знаю...

— Нет, знаешь! — воскликнул Джаред и вскочил на ноги. — Помнишь, о чем ты говорил мне в таверне, перед тем как мы попали в лапы вербовщиков?

Мэйджи отрицательно покачал головой.

— Ты говорил о своем знакомом, которого посылали на Барбадос. Ты очень хотел, чтобы по его рекомендации туда направили и тебя. Ну вот... — Джаред неопределенно

махнул в сторону моря. — Ты получил, что хотел! Это где-то совсем близко... По-моему...

Джареду показалось смешным собственное незнание географии, и он рассмеялся. Мэйджи тоже захохотал.

— Отдаю тебе должное, — заметил он, — ты выбрал отличное место для того, чтобы показать товар лицом. Но зачем тебе и дальше терпеть Шоу?

— Поговорим об этом завтра, — сказал Джаред, — после того, как я пристрелю его.

Он произнес эту фразу почти небрежно, стараясь не обнаружить тревоги, с которой думал о предстоящем поединке.

— В таком случае, — промолвил Мэйджи, — я тоже готов стать морским волком.

Старший комендор Руди Шоу выглядел ужасно. Увидев его взлохмаченную, с проседью бороду, воспаленные веки и желтые зубы, ощутив его зловонное дыхание, Джаред решил, что тот болен, и поэтому предложил:

— Если не хочешь драться сегодня, можем перенести поединок на другой день.

— Что, щенок, струсил? — протянул Шоу, и его глаза злобно сверкнули. Он наклонился к Джареду, поводя носом так, словно надеялся учуять запах страха.

— Ты уверен, что хочешь драться? — спросил у Джареда Патрик Трэйси.

Молодой человек расправил плечи.

— А почему бы и нет?

— Почему бы и нет? — повторил возмущенно Трэйси. — Да потому, что тебя могут убить! Вот почему!

Слова первого помощника слегка отрезвили Джареда. Мысль о смерти как-то не приходила ему в голову. В нем жила непоколебимая уверенность: он не может погибнуть. Умирают старые или невезучие, а он не относил себя ни к тем, ни к другим. Джаред был проворен, как волчонок, и ему казалось, что те, кто вступает в бой, подобно волчатам, визжат, кусаются и катаются по земле. Поединок с Шоу представлялся ему не более серьезным занятием, чем воскресная возня с Чакерсом и Уиллом. Порой кому-то из них случалось вспылить, если товарищ причинял боль, но они знали, что тот сделал это не нарочно. Джареду казалось, что сегодняшней поединок — обычное воскресное развлечение, только в другой компании. По крайней мере так он считал, пока Трэйси не упомянул о смерти. Может, Шоу имел потрепанный вид потому, что боялся умереть?

— Я должен это сделать, — сказал Джаред, — если хочу остаться на «Голубке».

По-видимому, такой ответ удовлетворил первого помощника, и он занял свое место между противниками. Все трое стояли на песчаном берегу одной из бесчисленных лагун Кэт-Айленда. Вдали виднелась неуклюже завалившаяся на бок «Голубка». Она вошла в бухту во время прилива. После отлива корабль оказался на песчаной отмели. Шхуну положили на бок, чтобы очистить ее корпус от ила, рачков и ракушек и хорошенько проконопатить щели и залить их смолой. Корабельный плотник Томас Бардин и несколько матросов, которых он взял подручными, занялись очисткой. Остальные пираты слонялись по берегу, наблюдая за поединком между комендором и Джаредом.

Патрик Трэйси вручил противникам заряженные пистолеты и дал время осмотреть оружие. Затем он поставил Джареда и Шоу спиной друг к другу.

— Правила просты.

Он указал на две воткнутые в песок сабли, одна из которых оказалась перед Джаредом, а другая — перед комендором.

— До каждой сабли по десять шагов. По моей команде вы расходитесь, поворачиваетесь и стреляете. Если крови не будет, вы возьмете сабли и продолжите поединок. Победит тот, кто первым ранит противника так, чтобы появилась кровь. Возражений нет?

— Нет, — отозвался Шоу.

— Нет, — согласился Джаред.

Трэйси отошел на безопасное расстояние.

— По моей команде! — крикнул он. — Раз! Два! Три!

На каждый счет Джаред делал по шагу, чувствуя на себе взгляды нескольких матросов, которые наблюдали за ним со скалы, возвышавшейся справа от него. Рядом с ними он заметил Джеймса Мэйджи и подумал, что нужно рассказать ему о том, что капитан Деверо сожалеет о гибели Виры. Мэйджи будет приятно узнать об этом.

— Четыре! Пять! Шесть! Семь!

Смешно, что такая ерунда пришла ему в голову в момент поединка. Джареду всегда хотелось узнать, о чем думают перед смертью. Ему казалось, что в такие минуты вспоминают любимых, сожалеют о дурных поступках — короче, размышляют о чем-нибудь эдаком. Будь это правдой, его бы сейчас не покидали мысли об Энн. Однако, хотя он и любил думать о ней, теперь это показалось ему совершенно неуместным.

— Восемь! Девять!

«Может, я не могу думать о ней, потому что мне не суждено умереть?» — спросил себя молодой человек.

— Десять!

Джаред стремительно повернулся и сразу же прицелился. Однако комендор еще не обернулся. Пришлось ждать, пока он повернется и вскинет свой пистолет. Джаред знал: нужно нажать на спусковой крючок и спустить курок. Пистолет молодого человека был направлен прямо в сердце противника. Он не промахнется.

Прогремел выстрел. И в тот же миг Джаред почувствовал, как обожгло его левое плечо. Он страдальчески сморщился и опустил оружие. Ему показалось, что кто-то прикоснулся к плечу раскаленной кочергой.

— Ты ранен? — крикнул Джареду Трэйси.

— Кажется, да.

Трэйси велел Шоу оставаться на месте, а сам поспешил к Джареду.

— Пуля вошла здесь, — он просунул палец в отверстие, проделанное пулей в рубахе, а затем показал еще одно отверстие — там, где пуля вышла. Потом Трэйси закатал рукав рубахи Джареда и осмотрел рану.

— Пуля всего лишь коснулась твоего плеча, — сообщил он. Обернувшись к Шоу и матросам, наблюдавшим за поединком, он крикнул:

— Царапина! Крови нет! — и обратился к Джареду: — Твой выстрел!

Джаред взглянул на человека, который понуро стоял в двадцати шагах от него, держа пистолет в безжизненно опущенной руке. Никогда еще он не видел этого задиру таким жалким. Молодой человек поднял пистолет и прицелился в нос Шоу. Нет, он не может стрелять ему в лицо! Он стал опускать ствол все ниже и ниже, пока тот не оказался на уровне груди комендора. Но и в грудь стрелять тоже не хотелось. Может, в руку или ногу? А вдруг пуля порвет ему мышцы или связки? У комендора должны быть сильные руки и ноги, иначе он никому не нужен.

И тут Руди Шоу разразился бранью:

— Стреляй же! Стреляй! Ну, за что ты меня мучаешь, злобная ты скотина?

Джаред опустил пистолет.

— Да не хочу я в тебя стрелять! — крикнул он.

— Ты должен! — возвысил голос Трэйси. — Таковы правила.

— А если я не хочу?

— Ты должен выстрелить!

— Хорошо! Стреляю!

С этими словами Джаред поднял пистолет и спустил курок. Прогредел оглушительный выстрел. Облако дыма медленно рассеялось в воздухе. Запахло порохом.

— Сабли! — скомандовал Трэйси.

«Это куда лучше пистолетов», — одобрительно подумал молодой человек и, выдернув из песка саблю, двинулся навстречу противнику.

Он занял исходную позицию, ожидая, пока комендор придет в себя. Шоу отбросил пистолет и дрожащей рукой выдернул саблю из песка. Он повертел ее в руке, все сильнее и сильнее сжимая рукоятку. Казалось, это движение ободрило его. Наконец он медленно повернулся к Джареду. Молодой человек увидел его лицо, покрытое испариной, судорожно стиснутые желтые зубы, недобрую усмешку. К Шоу вернулась его ярость.

— Старайся держать его на расстоянии, — говорил между тем Трэйси Джареду. — Шоу плохо владеет саблей и знает об этом. Дерется он нечестно. Но кто из нас, пиратов, вспоминает в бою о хороших манерах! Ты можешь справиться с ним. Хоть опыта у тебя и маловато, но саблей ты владеешь лучше.

Джареду было приятно услышать похвалу от своего наставника. А Трэйси продолжил:

— Руки у тебя длиннее, ты моложе и подвижнее, да и реакция у тебя лучше. Используй свои преимущества. Главное, не подпускай его к себе!

— А-а-а! — держа саблю перед собой, Шоу с протяжным криком ринулся на Джареда.

Молодой человек ловко отступил в сторону, словно тореадор перед бросившимся на него разъяренным быком. Однако неожиданно для тореадора бык проворно развернулся и вновь устремился к нему. «Он слишком близко! Слишком близко!» — промелькнуло в голове у Джареда.

Звенели клинки. Джаред отражал удар за ударом, не переставая поражаться, с какой силой Шоу наносил их. У комендора были мощные, хорошо тренированные руки, ведь он всю жизнь имел дело с пушками и ядрами. Джаред понял, что не сможет победить, если будет просто обмениваться с ним ударами. Он должен использовать свою гибкость и проворство. Комендор сделал следующий выпад — и Джаред в последнюю секунду шагнул в сторону. Шоу промахнулся вчистую. Продолжая по инерции двигаться вперед, он не сумел сохранить равновесие и ничком упал на песок.

Вокруг послышались одобрительные возгласы.

— Прикончи его! Прикончи! — вопили матросы.

Джаред мог легко убить или ранить упавшего противника. Но он не сделал этого. Он дождался, когда Шоу перевернулся и сел.

— Почему ты не прикончил меня? — взвизгнул комендор.

— Я не хочу причинять тебе боль, — смущенно пробормотал Джаред.

— Чертов недоносок!

Шоу схватил пригоршню песка, швырнул его в лицо молодому человеку и одновременно сделал выпад в его сторону, а затем вскочил на ноги. Песок попал Джареду в глаза, и он

почувствовал такую жгучую боль, как будто от него бросили не песок, а каменную крошку. Слезы хлынули у него из глаз. Тем не менее он успел заметить молниеносное движение сабли противника. Еще один удар — еще один шаг в сторону. И вот клинок Шоу просвистел у самого лица Джареда.

Левый глаз пострадал больше, и молодой человек им ничего не видел. Правым же он, отступая, следил за яростной атакой комендора. Каждый промах Шоу был маленькой победой Джареда.

Пираты, стоявшие вокруг, кричали и улюлюкали. Кто-то из них болел за Джареда, кто-то за комендора, а кто-то драл глотку просто так, от избытка чувств.

Все это время Джареду удавалось держать противника на безопасном расстоянии. Мало-помалу молодой человек смог видеть и левым глазом. Однако его глаза продолжало жечь, да так, что он от боли рассвирепел и кинулся в атаку. Теперь, с величайшим трудом увертываясь от ударов, отступал Шоу. И это при том, что Джаред по-прежнему сдерживал себя. Несколько раз он мог ранить комендора, но он не сделал этого. В некоторые моменты Шоу был на волосок от смерти, но Джаред не наносил решающего удара.

Меж тем Шоу начал уставать. По его лицу струился пот, он тяжело и часто дышал, и его выпады становились слабее и слабее. Было видно, что Джаред может расправиться с ним в любой момент, но не хочет этого. Теперь уже нападал Шоу, а молодой человек отпрыгивал, увертывался и тянул время.

— Кровь! Пока не будет крови, поединок прекращать нельзя! — крикнул Трэйси.

Джаред шагнул назад и обернулся.

— Я не могу!

В эту секунду клинок просвистел в дюйме от его щеки.

Джаред, сделав несколько ответных выпадов, заставил Шоу отступить; он опять не воспользовался тем, что уставший противник допустил ошибки. Пытаясь увернуться от Джареда, Шоу упал.

— Ты можешь не убивать его! И калечить не обязательно! Достаточно царапины! — крикнул Трэйси.

Джаред был озадачен: куда надо нанести удар, чтобы не причинить Шоу сильной боли? В щеку? В плечо? В грудь? В ногу? Какое место менее чувствительно к боли? Пока он ломал над этим голову, комендор встал на четвереньки и проворно, словно краб, пополз к Джареду. Молодой человек не заметил, что противник подобрался к нему слишком близко. Он понял, что оплошал, лишь после того, как Шоу ударил его тяжелым башмаком по ноге. Джаред точно сноп рухнул на спину. В ту же секунду Шоу попытался вонзить ему клинок между ребер.

Молодой человек перекатился на бок, и сабля Шоу вошла в песок в том месте, где только что лежал Джаред. Комендор наносил все новые удары, но Джаред катался по песку и каждый раз вовремя уходил от удара. Тогда Шоу встал на колени и вновь попытался нанести удар, однако Джаред в эту самую секунду вскочил на ноги. Теперь уже он приставил клинок к горлу противника.

— Хватит, — сказал Джаред.

Ожидая решения своей участи, потный, обессиленный комендор поднял глаза на противника.

Клинок скользнул по подбородку Шоу. На песок упала капля крови.

Хотя победа осталась за Джаредом, ее нельзя было назвать полной. Товарищи Джареда смотрели на него с недоумением, ведь пират не должен бояться причинить противнику боль. Молодой человек уверял всех, что в смертельной схватке с настоящим врагом его рука не дрогнет. Однако эти слова команда встретила с недоверием.

Даже Шоу не поверил этому.

— Может быть, в сегодняшнем поединке ты и победил, парень, — сказал он, — но если ты не научишься убивать, погибнешь в первой же схватке.

Патрик Трэйси был в восторге от того, что его подчиненный показал мастерское владение саблей и был хладнокровен во время боя. Однако и его беспокоила та же самая мысль.

— Подождите до первого боя! — сказал ему Джаред. — Вот увидите, я сумею убивать не хуже других!

Капитан Деверо наблюдал за поединком издали. Когда все закончилось, он повернулся на каблуках и зашагал к «Голубке», чтобы проверить, как конопатят и смолят судно. В разговорах с Джаредом он никогда не вспоминал об этой дуэли.

Джек Деверо занимался морским разбоем уже пять лет. До сих пор ему удавалось уцелеть благодаря своей осмотрительности.

Всегда готовый к любым неожиданностям, он был блестящим стратегом и отличным моряком. Он никогда не объединялся с капитанами других пиратских кораблей, хотя это делали почти все.

— Много капитанов — много споров, а малейшее промедление в бою — смерть, — говорил он и требовал, чтобы на его корабле царил образцовый порядок, команда была хорошо обучена, вымуштрована и экипирована. В схватке он рассчитывал в первую очередь на выучку своих людей, а не на слабость противника и никогда не позволял овладевать собой жажде мести.

Из-за такого подхода к разбою на море Джек Деверо приобрел репутацию пирата-джентльмена. Само собой, это не означало, что владельцы торговых судов ненавидели его меньше, чем других пиратов, и не хотели увидеть его болтающимся на рее. Но сами моряки, и в первую очередь команда «Голубки», уважали капитана Деверо.

Пока корабль лежал на боку, у матросов появилось свободное время, и они решили пуститься во все тяжкие. Многие из них отправились на остров Нью-Провиденс, где их ждали два излюбленных развлечения — выпивка и женщины. Естественно, морские волки не забыли познакомить молодых, неопытных матросов с ритуалами, которые следует соблюдать в увольнении.

Джеймс Мэйджи и Джаред Морган охотно присоединились к остальным. Но если Мэйджи уже доводилось бывать с женщинами, да крепкими напитками он не брезговал, то Джареда никогда не тянуло к выпивке; а если говорить о женщинах, то самое большое, что он мог себе вообразить — это ночь с Энн, проведенная под наблюдением ее матери.

Немного выпив, Джаред заскучал. Тот день, когда он впервые в жизни напился, закончился тем, что он очутился сначала в грязном вонючем переулке, а потом и на пиратском корабле. Поэтому, несмотря на уговоры Майкла Долтона, Джереми Ли и Ричарда Дерби, Джаред решил уйти из таверны. Однако Долтон не желал и слышать об этом. Он держал под руки двух девиц и настаивал, чтобы Джаред взял себе одну из них, ту, которую звали Менуэт. Долтон уже оплатил ее услуги. Это был его подарок Джареду за то, что он поставил на место Руди Шоу.

После недолгих препирательств девушке удалось уговорить Джареда подняться наверх. Как только она закрыла дверь комнаты, молодой человек понял, что не хочет прикасаться к Менуэт. Даже ее духи не могли заглушить запах, которым пропиталась насквозь эта убогая каморка, — здесь пахло чужими телами. Джаред мечтал об одном: побыстрее выбраться отсюда. Он чувствовал себя так, словно случайно оказался в спальне незнакомых людей.

Он попытался уйти от Менуэт под благовидным предлогом. Однако девушка решила, что все дело в застенчивости молодого матроса и его просто надо немного подбодрить. Она попробовала снять с Джареда рубашку, он воспротивился — Менуэт нашла это очень милым. Чем настойчивей она соблазняла Джареда, тем большее отвращение вызывала у него. В конце концов он сбежал: вылез через окно на крышу и с восьмифутовой высоты спрыгнул на мостовую.

Впрочем, в этой истории с Менуэт был один положительный момент: Джаред вдруг с особой остротой почувствовал, как он соскучился по Энн Пирпонт. Пока его товарищи находились в таверне, молодой человек слонялся по острову и думал о своей возлюбленной. Он напишет ей. Энн должна знать, что он обязательно вернется. Как ни странно, ему и в голову не приходило, что она может выйти замуж. Джаред и Энн всегда были вместе. Она никогда не проявляла интереса к другим мужчинам. Только сейчас Джаред понял, что воспринимал это как должное. Он не сомневался, что, если он попросит, Энн дождет его. Но ведь Энн даже не знает, жив ли он. Как долго она будет ждать пропавшего без вести? Нет, он должен ей написать!

Джаред зашел в мастерскую типографа, купил там бумагу и чернила и попросил перо. С разрешения хозяина типографии он сел за стол в дальней комнате и написал своей возлюбленной такое письмо:

«21 ноября 1728 года

Моя дорогая Энн,

Ты наверняка удивишься этому письму, особенно после того, что я говорил тебе той ночью, сидя на дереве под окном твоей спальни. Поверишь ли, иногда мне кажется, что с тех пор прошла целая жизнь. Спешу сообщить тебе, что я жив и здоров. В Бостоне меня силой посадили на корабль. Пока я вынужден скрывать свое местопребывание, но зато могу сообщить тебе, что теперь я матрос. Мне очень жаль, что я не могу написать тебе обо всем. Уверен: после того как я расскажу тебе о том, что случилось, ты меня поймешь.

Хотя теперь я свободен и мог бы вернуться домой, я решил остаться на корабле. У меня для этого есть свои причины, о которых я пока не хочу говорить. Я лишь прошу тебя поверить, что они очень веские.

Не знаю, когда я увижу тебя снова. Может, это случится через год или два, а может, и позже. Конечно, это несправедливо по отношению к тебе, но я и впрямь должен кое-что сделать. Жди меня. Понимаю, что прошу слишком многого, но, как только речь заходит о тебе, я становлюсь эгоистом. Я готов отдать все за несколько минут свидания с тобой. Я согласен встретиться даже у вас в гостиной, в которой полно орущих малышей. Я готов разговаривать с тобой даже через ту дурацкую трубку. Я закрываю глаза и думаю о тебе, вспоминаю твою кожу, ласковые серые глаза, чудесные рыжие волосы и то, как забавно ты надуваешь губы. Я так люблю тебя и так по тебе скучаю, что не могу выразить это словами.

Не знаю, получишь ли ты мое письмо, но все равно попытаюсь его отослать. Дорогая, любимая моя Энн, прошу, дождись меня. Я понимаю, это нелегко, но надеюсь, что когда-нибудь сумею вознаградить тебя за это.

С любовью Джаред.

P.S. Пожалуйста, передай маме, что я жив и здоров. А Присцилле скажи что-нибудь такое, о чем я раньше не догадался бы ей сказать: например, что я скучаю по ней. Мне жаль, что Филип так и не услышал от меня этих слов».

Джаред бродил по докам, пока не нашел корабль, отплывавший в Бостон. Представившись матросом с торгового судна «Левант», которое перед отправкой в Африку стояло на якоре в порту, он попросил рулевого доставить письмо по указанному адресу.

Молодой человек испытывал смешанные чувства. Он всей душой тосковал по Энн и в то же время радовался, что сумел отослать ей письмо. Джаред нашел своих товарищей и вместе с ними на шлюпке отправился на Кэт-Айленд. Слушая, как о борт суденышка плещется вода, Джаред думал, что ему все-таки намного лучше, чем его пьяным приятелям. Что ни говори, а из-за душевной боли по утрам не мучаются похмельем.

— Вижу корабль! — услышав крик вахтенного, из каюты, держа в руке подзорную трубу, вышел капитан. — Справа по борту, сэр.

Деверо поднял подзорную трубу и всмотрелся в горизонт — там, едва различимый невооруженным глазом виднелся крохотный парус.

Прошло шесть дней с тех пор, как обновленная «Голубка» снялась с якоря и вышла в открытый океан. Со спущенным флагом шхуна рыскала по Атлантике в поисках богатых торговых судов. Это был первый корабль, встретившийся им на пути после того, как они покинули Кэт-Айленд.

Пробило восемь склянок. Джаред поднялся из кубрика на палубу, и его на какую-то долю секунды ослепило яркое солнце. Едва ступив на палубу, молодой человек почувствовал напряжение, висевшее в воздухе. Казалось, весь корабль, затаив дыхание, ждет, когда капитан отдаст приказ и судьба неизвестного судна будет решена. Люди не сводили глаз с паруса на горизонте. Впрочем, кое-кто из матросов молча продолжал делать свое дело, лишь время от времени бросая вопросительные взгляды на Деверо.

Джаред тоже глянул на капитана, пытаясь угадать, о чем он думает. Деверо стоял неподвижно, точно один из тех памятников, что можно увидеть на городских площадях. Лишь ветер трепал полы его сюртука и выбившиеся из-под треуголки черные, с проседью волосы. Чем дальше Джаред вглядывался в фигуру капитана, тем бешеней колотилось у него сердце.

В ту самую секунду, когда Джаред почувствовал, что больше не в силах терпеть, капитан опустил подзорную трубу.

— Поворачивай, Трэйси! — приказал он первому помощнику, а затем крикнул: — Похоже, он наш, ребята!

Восторженный рев разорвал тишину. Громче всех орал Джаред.

Спустя минуту «Голубка» сделала крутой поворот и пошла левым галсом. При развороте она сильно накренилась вправо, и волны исступленно забились о борт всего в нескольких футах от поручня. В эти мгновения матросы испытали небывалый душевный подъем. Опасность кружила им голову. Все устремились к одной цели и действовали слаженно, как никогда. Казалось, сама «Голубка» преисполнилась решимости догнать добычу. Жертва была намечена. Охота началась.

Вскоре Джаред обнаружил, что, как это и бывает охоте, волнение первых минут сменилось долгим, мучительным ожиданием. Хотя «Голубка» летела по океанской глади на всех парусах, расстояние между нею и неизвестным судном сокращалось медленно. А то, что требует времени, требует и терпения — как раз того качества, которым Джаред похвастаться не мог. Из разговора капитана и первого помощника он понял, что преследуемый корабль — это большегрузное трехмачтовое торговое судно Ост-Индской компании. Корабль шел без сопровождающих судов; он не менял ни курса, ни скорости, то есть, судя по всему, не замечал «Голубку». Тем не менее капитан Деверо считал, что они догонят его в лучшем случае к вечеру. Услышав это, Джаред решил, что сделает все возможное, чтобы обуздать свое нетерпение, иначе к началу боя он просто обессилит.

— Они нас заметили! — доложил капитану Патрик Трэйси.

Погоня продолжалась уже несколько часов, когда торговое судно внезапно изменило курс. Деверо направил «Голубку» наперерез. Преследуемое судно изменило курс еще раз. «Голубка» немедленно сделала то же самое. Несколько минут спустя на судне Ост-Индской компании подняли все паруса. Но это лишь отсрочило неизбежное. Большое неповоротливое торговое судно с прямым парусным вооружением не могло соперничать с быстрой и легкой двухмачтовой шхуной.

К заходу солнца расстояние между кораблями значительно сократилось. На торговом судне не зажигали огни, надеясь в кромешной тьме уйти от преследования. За ужином матросы «Голубки» переговаривались тихими голосами. Теперь им оставалось только ждать. Весь день они, готовясь к сражению, таскали порох, ядра, картечь, кошки и лини. Для того чтобы вступить в бой, им недоставало только противника.

Свободные от вахты матросы лежали на койках и разглядывали сучки на деревянных бимсах. Бой надвигался на них, как грозовая туча. За плечами у большинства матросов было немало морских сражений, и все же не один из них не был уверен, что ему удастся пережить еще и это. Сколько коек завтра будет пустовать? Какие изменения ждут команду? Ведь в зависимости от потерь, которые они понесут, сменится и состав вахтенных. Грядущий день сулил перемены, а они на море не к добру.

Закончив одно дело, Джаред механически принимался за другое, но даже за работой не переставал думать о торговом судне, идущем где-то впереди. В эту ночь он нес вахту на корме. Опираясь на гакаборт, он до рези в глазах вглядывался в черноту безлунной ночи. С наступлением темноты «Голубка» потеряла из виду судно Ост-Индской компании, и капитан Деверо, чтобы снизить скорость, приказал взять рифы. Скорее всего под покровом ночи капитан торгового судна сменил курс. Пиратам ничего не оставалось, как ждать рассвета и надеяться, что торговое судно не успеет от них скрыться.

Изнемогший от нервного напряжения, которому он так и не дал выхода, Джаред потянулся и зевнул. Внезапно он заметил вдали слабо мерцающий свет. Молодому человеку показалось странным, что свет мерцал ниже линии горизонта (в безлунную ночь горизонт представляет собой смутно различимую расплывчатую линию). Джаред еще раз внимательно вгляделся во тьму. Да, что-то мерцало ниже линии горизонта. Вскоре свет погас.

— Сэр! — позвал Джаред стоящего у штурвала Патрика Трэйси.

— В чем дело, Морган?

— Я только что видел свет.

Первый помощник бросился к корме.

— Покажи, где, — сказал он.

Джаред указал рукой. Трэйси схватился за подзорную трубу.

— Ничего, — пробормотал он. — Ты уверен, что там что-то было?

— Да, сэр.

Первый помощник ругнулся.

— Может, они решили вернуться по своему следу. Надеются уйти от нас, — буркнул он себе под нос и приказал Джареду: — Пойди позови капитана.

Молодой человек разбудил Деверо и рассказал ему о том, что видел. Капитан, выйдя из своей каюты, тоже начал вглядываться в темноту.

— Ты уверен, что видел свет? — спросил он Джареда, не опуская подзорной трубы.

Хотя Джаред уже ни в чем не был уверен, он решил, что для сомнений сейчас не самое

подходящее время.

— Да, сэр. Я видел мерцающий свет ниже линии горизонта.

Деверо дал команду изменить курс и идти в обратном направлении. Шхуна уже развернулась на сто восемьдесят градусов, а капитан и первый помощник все еще всматривались в темноту, пытаясь понять, правильно ли они поступили, изменив курс. И тот, и другой не хвалили и не ругали Джаред, но он знал, как много поставлено на карту. Если ему показалось, что он видел судовые огни корабля Ост-Индской компании, «Голубка» будет уходить от своей добычи все дальше и дальше.

Вахта тянулась бесконечно. Свет больше не появлялся, и капитан вернулся в каюту. С каждым часом Джаред тревожился все больше и больше. «Если я ошибся, — говорил он сам себе, — значит, из-за меня упустят добычу. Что будут говорить о матросе, которому мерещится черт знает что?» После вахты Джаред не ушел с палубы, а перебрался на нос корабля. Он надеялся вновь увидеть судовые огни, но их не было.

Наконец небо на востоке начало светлеть. Серо-зеленые полосы потянулись вдоль горизонта, и предрассветные тени пробежали по океанской глади. Джаред по-прежнему пристально всматривался в даль, то и дело протирая воспаленные, слипающиеся от усталости глаза.

— Вижу корабль!

Долтон — он нес вахту на левом борту — указал рукой прямо по курсу. Деверо и Патрик Трэйси вышли из своих кают на капитанский мостик. Джаред не сводил глаз с горизонта. В эту минуту взошло солнце, и паруса торгового судна стало видно как на ладони.

Капитан взглянул в подзорную трубу и сказал:

— Это оно. Молодчина, Морган!

— Молодец! — присоединился к его похвале Патрик Трэйси.

Джаред посмотрел на них затуманенным взором, облегченно вздохнул и улыбнулся в ответ.

«Голубка» быстро приближалась к судну Ост-Индской компании, сильно осевшему под тяжестью груза. Это был «Герцог Йоркский»; он шел из Англии по своему обычному торговому пути. После того как по приказу Деверо над пиратской шхуной взмыл «Веселый Роджер»; «Герцог Йоркский» оставил свои попытки уйти от погони и изготавился к бою, развернувшись к «Голубке» левым бортом. Через несколько секунд над «Герцогом Йоркским» появились клубы дыма, и Джаред узнал, что такое орудийный огонь. Начался бой.

Деверо взял курс прямо на торговое судно. Шхуна — ее пушки располагались вдоль бортов — двигалась вперед, не открывая огня; однако при таком положении «Голубки» противнику было трудно вести прицельный огонь. Над головами пиратов свистели ядра. Они поднимал фонтаны брызг за кормой и около носа «Голубки». С каждым разом ядра ложились все ближе к бортам. Деверо приказал рулевому держать устойчивый курс.

Теперь Джаред хорошо видел торговое судно. Разглядывая его носовую фигуру — деревянную скульптуру, изображающую какого-то сурового мужчину, молодой человек невольно задался вопросом, не герцог ли это Йоркский? Корма корабля была богато украшена деревянной резьбой: окруженные орнаментом из листьев бюсты женщин, русалки, разнообразная морская символика. Джаред слышал, что некоторые судовладельцы тратят на украшение корабля не меньше средств, чем на его постройку. Глядя на «Герцога Йоркского»

в это нетрудно было поверить. На палубе судна суетились встревоженные матросы.

Капитан Деверо приказал рулевому разворачиваться бортом. Матросам заняли свои места. Паруса спустили, пушки навели на противника. Джаред чувствовал, как от каждого выстрела вздрагивает палуба «Голубки». Обстрел торгового судна велся умело, несколько ядер поразили цель, однако прочный корпус «Герцога Йоркского» почти не пострадал.

Затем «Голубка» развернулась по ветру и обошла торговое судно сзади. Пушки Руди Шоу были наготове. На корму «Герцога Йоркского» с грохотом обрушились ядра — и во все стороны полетели щепки, обломки рей, обрывки снастей. Откуда-то из-под палубы повалил дым.

Шхуна еще раз сделала поворот и зашла со стороны кормы к правому борту, чтобы остаться недосягаемой для вражеских пушек.

— На абордаж!

Джаред выхватил саблю. Застыв, он стоял рядом с товарищами, приготовившись к тому, чтобы в любую минуту прыгнуть на палубу «Герцога Йоркского». На борт торгового судна полетели абордажные крюки; пираты начали подтягивать корабль к себе. Наконец с торжествующим криком Джаред ринулся на палубу «Герцога Йоркского». На полуюте уже вовсю кипел бой, и молодой человек побежал дальше. На нок-реях он заметил матросов торгового судна, они спускались по вантам. Однако их оказалось гораздо меньше, чем он ожидал.

Из трюма выскочил смуглый усатый матрос и, размахивая саблей, кинулся на Джареда. Молодой человек отразил один удар, мастерски увернулся от второго и парировал третий. Матрос оказался медлительным и неуклюжим, и Джаред мог без труда ранить его. Видя, с какой легкостью защищается юный пират, усатый испугался. Джаред же по беспорядочным и неточным ударам противника догадался, что тот в панике. Совладав со своим страхом, матрос размахнулся изо всех сил. Джаред увернулся. Следующий удар усатый решил нанести из-за головы. Однако Джаред шагнул в сторону, и сабля воткнулась в палубу. Джаред наступил на нее ногой; клинок его собственной сабли оказалась в дюйме от горла матроса.

Усатый ничего не говорил. По его лицу градом лился пот, глаза вылезли из орбит. Джаред не шевелился.

— П-п-по-ч-ч-е-м-м-му... т-ты... н-не... уд-д-дарил? — просипел матрос.

А Джаред точно врос в палубу. «Подождите до первого боя! Вот увидите, я сумею убивать не хуже других!» — услышал он свой собственный голос. В эту минуту он чувствовал себя так же, как на той злополучной охоте: перед ним резвились волки, а он не мог спустить курок. Теперь в его власти был человек, но он не мог нанести последний удар.

Воспользовавшись нерешительностью Джареда, матрос выдернул из-под его ноги саблю, и схватка возобновилась. Неожиданно противник Джареда подпрыгнул, и сабля молодого человека вонзилась в правую руку матроса. Усатый выронил саблю — та со звоном ударилась о палубу — и упал на колени.

— Ну, бей, дьявол! Бей! — закричал он.

Джаред взглянул на свой клинок. Вид крови заставил его содрогнуться. Он хотел ее вытереть, но не мог сделать этого, пока перед ним на коленях стоял человек. Если он не в состоянии убить его, то что с ним делать?

— Прыгай за борт! — приказал Джаред.

— А?

— Делай, что я сказал! — Джаред приставил клинок к горлу матроса. — Прыгай!

Матрос взглянул на поручень, потом на Джареда. Мгновение — ион кинулся за борт. Послышался всплеск.

В тот день Джаред никого не убил. Кого-то оглушил, кого-то запер в трюме, кого-то выбросил за борт, но не убил ни одного человека. Это стало для него игрой; он выдумывал все новые и новые способы бескровного устранения противников. Меж тем он успел сразиться с пятнадцатью матросами.

После того как Трэйси взял в плен капитана «Герцога Йоркского», бой закончился. Стороны быстро пришли к соглашению: в обмен на груз капитану торгового судна и его людям была обещана жизнь. Джек Деверо дал слово, что как только товары перенесут на «Голубку», команда «Герцога Йоркского» будет свободна; на корабль пираты тоже не претендовали. Это предложение сильно отличалось от обычной практики пиратов: грабежа и убийств, — но ведь капитан и матросы «Голубки» не были заурядными морскими разбойниками. Капитан «Герцога Йоркского» согласился выполнить все условия, хотя и не поверил пиратам. Он твердил, что как только эти головорезы получают то, что хотят, его убьют, а само судно пустят ко дну.

Матросы обеих кораблей погрузили табак, меха, рис, шелк и индиго на «Голубку». Кроме того, на борту судна Ост-Индской компании нашли много золота. К великому изумлению капитана «Герцога Йоркского», после того как погрузка была закончена, пираты сняли абордажные крючья и «Голубка» поплыла прочь.

— Вы видели, как дрался наш Веселый Моряк? — спросил Дерби.

— Я же говорил: у него кишка тонка убивать! — дрожа от злости, буркнул Шоу. — В один прекрасный день из-за него нас всех прикончат!

На следующий день после схватки капитан устроил команде выходной. Он сказал, что за долгие годы его морской карьеры это первый случай, когда корабль практически не получил повреждений и никто из моряков не погиб. Капитан не скупился на похвалы, вспоминая о том, как быстро и слаженно выполнялись команды, как точно стреляли артиллеристы Руди Шоу, особо он отметил Джареда — благодаря его наблюдательности они не упустили сменившего курс «Герцога Йоркского».

Для того чтобы составить опись награбленных товаров — пираты собирались их продать — и отпраздновать победу, «Голубка» укрылась в небольшой бухте. Желая отметить радостное событие, матросы открыли трофейный бочонок рома.

Выделывая ногами кренделя и размахивая воображаемой саблей, Ричард Дерби встал с скамьи.

— Значит так: разделался я с тощим рябым матросом, поднял глаза — и увидел нашего Веселого Моряка, — он ткнул воображаемой саблей в сторону Джареда. — Приставив клинок к горлу одного типа, он приказал ему прыгать за борт! И тот послушался!

Раздался дружный хохот. Матросы, сидевшие рядом с Джаредом, добродушно толкали его в бок и похлопывали по плечу. Довольный реакцией слушателей, Дерби снова заговорил:

— Я продолжаю наблюдать за нашим весельчаком. Думаю, почему бы и нет? Мне ведь интересно, что он еще выкинет? Как обойдется со следующим противником? Так он огрел его блоком по голове!

Снова раздался взрыв хохота.

— Еще одного он швырнул в трюм и запер на замок! Если мы не примем меры, Морган добьется того, что пираты станут уважаемыми людьми! Мы не можем этого допустить,

верно?

— Верно! — хором ответили морские разбойники.

Патрик Трэйси наклонился к Джареду и тихо спросил:

— Ты действительно все это делал?

Джаред улыбнулся и пожал плечами.

— Гляньте на него! — закричал Дерби. — Самый натуральный Веселый Моряк!

Руди Шоу потрянул хмельной головой.

— Он опасен! Он чертовски опасен, говорю вам. Дело пирата — пускать мерзавцев в расход! Запомните мои слова. Из-за его трусливых выходов мы все погибнем.

Из своей каюты вышел капитан Деверо. Матросы притихли.

— Наслаждайтесь победой, ребята, — сказал он. — Вы это заслужили. Вы потрудились на совесть!

Раздались одобрительные возгласы.

— Но я хочу вас предупредить. Эта победа далась нам легко. Слишком легко. У половины команды «Герцога Йоркского» была цинга и чахотка, включая артиллеристов, которые стреляли из рук вон плохо. Неудивительно, что «Герцог Йоркский» отстал от других кораблей. Из-за того, что матросы этого судна были больны, я не предложил им присоединиться к нам. Не хотел, чтобы «Голубка» превратилась в лазарет, — капитан оглядел своих матросов, прокашлялся и добавил: — А пока наслаждайтесь победой, ребята. И помните: вряд ли следующий бой будет таким же легким.

Два дня спустя «Голубка» подняла паруса и взяла курс на Бристоль. Судно разгрузилось на порядочном расстоянии от порта, в небольшой бухте у мыса Бэгги, к северу от залива Барнстепл. Входить в Бристольский залив было слишком опасно: английский военный флот постоянно патрулировал его воды и мог отрезать шхуну от моря. Сбив награбленное добро, выручку пираты поделили следующим образом: простые матросы получили по одной части, комендор, боцман и плотник — по части с четвертью, а капитан, первый помощник и рулевой — по полторы.

Возвращаясь в Северную Америку, «Голубка» наткнулась на судно, которое везло в Бостон китовый жир, имбирь и железо. После встречи двух кораблей товары отправились в Бостон иным путем, через остров Лонг-Айленд, где капитан Деверо сбыв их своему приятелю. Продвигаясь к югу, пираты отбирали рыбу, зерно и лес у колониальных судов, направлявшихся в Гваделупу. И каждый раз команда «Голубки» демонстрировала отличную выучку и прекрасное знание морского дела. Ни одно торговое судно не могло тягаться с «Голубкой».

Джаред, которого теперь все, кроме капитана, звали Веселый Моряк, продолжал расправляться с матросами торговых судов нетрадиционными методами. Он заставлял своих противников прыгать за борт, бросал их в воду, связывал попарно, оглушал ударом по голове — словом, придумывал тысячу способов, как лишить врага боеспособности, не убивая его.

В команде «Голубки» были первые потери. Утонул боцман Витмор, когда пушечное ядро весом в тридцать два фунта оторвало кусок полуяота. Джереми Аи и Джордж Кэбот погибли в бою. На борту корабля появилось семь новых матросов — они перешли на сторону пиратов во время захвата торговых судов. Джаред переживал смерть своих товарищей гораздо тяжелее, чем остальные матросы.

Мало-помалу «Голубка» и Джаред Морган стали настоящей притчей во языцех. О

красавице-шхуне и Веселом Моряке с одобрением говорили на Багамах (там находилось гнездо пиратов) и с осуждением — в Бостоне, Бристоле и Лондоне. Во всех портовых тавернах были развешаны объявления о выплате вознаграждения тому, кто окажет содействие в поимке любого матроса «Голубки». Основную часть денег за поимку внес бостонский коммерсант. Две трети кораблей, на которые нападала «Голубка», принадлежали ему. Его звали Дэниэл Коул.

После небольшой передышки на острове Нью-Провиденс «Голубка» вновь вышла в море в поисках добычи. Когда судно проходило по Северо-Восточному каналу, вахтенные заметили у берегов пролива Чероки-Зунд, рядом с островом Грейт-Абако, тяжело нагруженный бриг. Корабль шел под английским флагом, и «Голубка» изменила курс, чтобы «помочь» судну доставить товары из Англии по назначению.

На бриге почти сразу заметили «Голубку» и сменили курс, направившись в противоположную от берега сторону. Хотя судно шло полным ходом, капитану Деверо показалось, что оно не очень-то и пытается уйти от преследования. Он приказал двигаться наперерез. Расстояние между кораблями стремительно сокращалось.

Как только «Голубка» вышла из пролива Чероки-Зунд, из бухты к ней устремились два английских военных корабля. Это была ловушка!

Преследуемая военными кораблями, «Голубка» развернулась и взяла курс на юг. Сначала шхуна шла вдоль побережья, а затем, миновав Юго-Западный мыс, повернула на север к острову Морейз. Около западного побережья острова Грейт-Абако находилось много маленьких островков, бухт и лагун. Деверо решил, что, если уж ему суждено играть в кошки-мышки с военными кораблями, он займется этим там, где можно спрятаться. В течение четырех дней «Голубка», пытаясь оторваться от преследователей, укрывалась то в одной, то в другой бухте, кружила среди островов и пряталась в укромных лагунах.

Во время этой погони Джаред впервые в полной мере оценил достоинства двухмачтовой шхуны. Это было идеальное пиратское судно: быстроходное, с небольшой осадкой и широким корпусом. Шхуна могла развивать достаточную скорость, чтобы догнать жертву или уйти от преследователей; малая осадка позволяла ей проходить через узкие проливы, куда не могли войти военные корабли; а в трюме помещалось немало награбленного добра.

Капитан Деверо уверенно ушел от погони. За исключением двух-трех моментов, реальная опасность быть схваченными пиратам не угрожала. Поиграв несколько дней в прятки, «Голубка» оторвалась от преследователей и вышла в открытый океан со стороны северного побережья.

— Похоже, мы имеем дело с караваном, джентльмены!

Три парусных торговых судна, идущих в шахматном порядке, показались с наветренной стороны. До сих пор Деверо избегал нападать на караваны. Однако на этот раз он приказал развернуть корабль против ветра и выжать из него все возможное. Он дал команду поднять черный флаг, прежде чем их успели заметить.

Капитан послал Джареда за подозрительной трубой в свою каюту, а затем велел молодому человеку встать рядом с ним.

— Три корабля, идущие в Ост-Индию, — сказал Деверо. С этими словами он наклонился к Джареду, давая понять, что обращается к нему. — Сколько батарейных палуб ты видишь на каждом корабле?

Джаред прищурился, вглядываясь вдаль. Нос «Голубки» поднимался вверх, на мгновение замирал, а потом нырял вниз. Это мешало молодому человеку хорошенько разглядеть корабли, однако ему показалось, что на каждом судне по две батарейные палубы.

— Возьми-ка трубу и взгляни еще раз.

И капитан протянул Джареду подозрную трубу. Молодой человек приставил ее к глазам. Как только он направил трубу на одно из судов, «Голубку» качнуло, и он потерял корабль из виду. Ему понадобилась уйма времени, чтобы вновь навести подозрную трубу на торговое судно.

— Не пытайся бороться с качкой, двигайся вместе с кораблем, — посоветовал капитан.

Балансируя руками, Джаред попробовал приноровиться к движению шхуны. Получилось! Теперь он мог рассмотреть корабли как следует.

— Похоже, по два ряда пушек на каждом... Хотя погодите!

— Нижний ряд нарисован, — подтвердил Деверо. — Думаю, это суда Коула. Он любит такие трюки. Видишь ли, ему нравится пугать, но он слишком жадный, чтобы освободить место для орудий — ведь там можно поставить груз.

— Все равно пушек у них в три раза больше, чем у нас, — сделал Джаред неутешительный вывод.

— Любопытная комбинация, верно? — с улыбкой спросил капитан у своего партнера по шахматам.

Молодой человек знал Деверо достаточно хорошо, чтобы доверять его чутью и признавать за ним талант стратега. И все же раньше они никогда не нападали на караваны.

— Полезно знать своего врага, — сказал Деверо Джареду, а затем пояснил свою мысль: — Понимаешь, Морган, капитаны торговых судов получили свою должность не потому, что они умелые стратеги. Этим людям, как правило, и в голову не приходит нарушить предписание, и они оказываются связанными им по рукам и ногам. Большинство из них — настоящие деспоты; они придирчиво следят за тем, чтобы никто из команды не отступал от правил, и сурово наказывают нарушителей в назидание другим матросам. Как ты думаешь, что они сделают, заметив справа по борту пиратскую шхуну?

— Будут действовать согласно инструкции.

— По правилам им полагается вести бой в кильватерной колонне. — Капитан руками показал взаимное расположение кораблей. — Три корабля встанут друг за другом, развернувшись носами в одну сторону, перпендикулярно траектории нашего движения.

— Иными словами, все три корабля смогут одновременно обстреливать нас из пушек.

— Это не все. Какое еще преимущество дает такой боевой порядок?

Капитан вновь жестом показал Джареду, как будут стоять корабли во время сражения.

— Они защищают уязвимые места друг друга — нос и корму!

— Молодчина! — улыбнулся Деверо. Такую же улыбку Джаред видел на лице капитана, когда они, завершив очередную шахматную партию, переходили к ее разбору. Но теперь все было намного серьезнее: фигурами служили корабли, а шахматной доской — Атлантический океан. Проигравшего ждала смерть.

Капитан кивнул в сторону судов.

— Они выстраиваются в боевом порядке. Отправляйся на пост. Нам надо пошевеливаться.

Выполняя приказ, Джаред проворно вскарабкался вантам на грот-мачту. Когда капитан сказал, что они должны пошевеливаться, Джаред догадался, что от него скоро потребуется.

Как только молодой человек оказался на грот-мачте, последовала команда развернуть паруса. Джаред натянул лить. Нос судна выровнялся по ветру, и «Голубка» начала набирать скорость. (Есть направление, близкое к мертвой точке ветра, которое обеспечивает максимальную скорость судна. Если пройти через эту точку, судно пойдет в бейдевинд, и импульс движения будет потерян. Умение держать этот курс очень важно, если от скорости движения судна зависит жизнь его команды.) Первый помощник стоял у штурвала, не сводя глаз с парусов, чтобы точно выдерживать выбранный курс.

Как и предполагал капитан, торговые суда выстроились в кильватерную колонну. «У них в три раза больше орудий!» — повторял про себя Джаред; по мере того как расстояние между «Голубкой» и караваном уменьшалось, торговые суда казались молодому человеку все более громадными.

«Голубка» летела по океанской глади прямо на колонну судов. На торговых судах дали залп из пушек. Три корабля одновременно окутались клубами дыма. На пиратскую шхуну градом посыпались ядра весом в тридцать два фунта каждое. Они свистели над головами пиратов, падая то у правого, то у левого борта.

Первый выстрел орудий не причинил «Голубке» особого вреда, но от Мэйджи Джаред знал, что первый залп, нужен лишь для того, чтобы определить расстояние до цели; опасны следующие залпы.

Над торговыми судами вновь показались клубы дыма. Теперь одно из ядер попало в левый борт «Голубки». Джаред ощутил сильный толчок, потом шхуна накренилась, но тотчас вернулась в прежнее положение. Спустя минуту Джаред увидел новые клубы дыма и услышал сначала свист, а затем оглушительный треск прямо у себя над головой. С грот-мачты прямым попаданием сорвало парус. Теперь «Голубка» стала похожа на птицу с перебитым крылом. Она потеряла скорость.

— Самый опасный момент боя тот, когда на нас обрушивается сокрушительный залповый огонь, — сказал однажды капитан. И сейчас наступил именно такой момент.

Джаред быстро залез по вантам на верхушку грот-мачты. Сама мачта не пострадала, зато весь такелаж нуждался в замене. Однако сейчас было не до него. Главное — приладить парус на место.

С верхушки грот-мачты торговые суда были видны как на ладони. Джареду казалось, что все они целятся прямо в него. Это настоящее самоубийство — стоять точнехонько на линии огня трех кораблей. При таком курсе шхуна не сможет открыть ответный огонь. У команды «Голубки» почти нет шансов остаться в живых; и если он немедленно не починит парус, они погибнут.

Джаред схватил оборванный конец паруса. Стараясь работать как можно быстрее, он стал сращивать концы с помощью литья.

— Попробуйте! — крикнул он матросам, стоявшим внизу и крепко ухватился за мачту. Лить натянулся, и судно, накренившись на правый борт, снова стало набирать скорость. Джаред начал спускаться, чувствуя облегчение, оттого что перестал быть живой мишенью для противника.

В эту минуту он услышал громкий хлопок. Концы литья, которые он только что срастил, разошлись! Джаред вновь вскарабкался на верхушку мачты.

— Дайте слабину! — закричал он.

Натяжение литья уменьшилось. Джаред принялся лихорадочно сращивать концы. Затем опять крикнул, чтобы снизу натянули лить, и судно вновь накренилось вправо.

На торговых судах в очередной раз ухнули пушки. Несколько ядер просвистели над головами пиратов. Одно из них попало в полую и, проломив палубу, вышло со стороны кормы; гакаборт разнесло в щепки. Грот-мачта покачнулась, Джаред ударился об нее скулой и едва не потерял от боли сознание; чтобы не упасть, он вцепился в мачту мертвой хваткой.

«Голубка» приближалась к кильватерной колонне сзади; она хотела проскочить между вторым и третьим кораблем. Теперь пиратская шхуна была вне зоны досягаемости большей части носовых орудий первого и второго корабля и кормовых пушек третьего. Однако остальные пушки по-прежнему били по пиратскому кораблю прямой наводкой. «Голубка» все еще не открывала огонь и на всех парусах шла прямо на колонну. Чем ближе шхуна подходила, к торговым судам, тем крепче Джаред прижимался к мачте.

Залпы гремели подобно раскатам грома. Стволы пушек плевались огнем. Полубак правого борта разлетелся на куски, и взрывная волна отбросила рулевого Джона Венделла за борт. Грот-мачта так тряслась, что Джареду казалось, будто его лупят гигантской палкой.

Нос шхуны окутали клубы густого дыма; теперь торговые суда не могли обстреливать ее из пушек. «Голубка» находилась уже в нескольких сотнях ярдов от колонны. Спустя мгновение она оказалась между вторым и третьим кораблем. Раздался громовой раскат, шхуна содрогнулась с такой силой, что Джареду понадобилось какое-то время, чтобы прийти в себя. «Голубка» открыла сокрушительный огонь по противнику. Пушки левого борта, стреляя без передышки, снесли корму второго торгового судна, а пушки правого борта разнесли в щепки нос и полубак третьего, замыкающего корабля (ему досталось больше всего). На это судно со свистом обрушивалось ядро за ядром; пробив верхнюю палубу, они падали на батарейную палубу. Из пробоин вырывался огонь и валил дым. Одно из ядер угодило прямо в грот-мачту. Она переломилась и рухнула, выломав при этом кусок палубы; ее верхняя часть вместе с парусами обрушилась за борт, подняв фонтаны брызг.

На торговых судах, находившихся справа и слева от «Голубки», царил хаос. Матросы были в панике. Всматриваясь в их лица, Джаред понял: «Голубка» не просто разнесла в щепки вражеские корабли, она подорвала боевой дух моряков.

Как только опасность для шхуны миновала, капитан Деверо дал команду к отступлению, чтобы с новыми силами атаковать третий, замыкающий корабль. На палубе этого корабля валялись обломки рей, спутанные линии, обрывки парусов и снастей — обломок грот-мачты упал на пушки и вывел из строя более половины орудий. Пока Шоу и его подчиненные наносили мощные удары по изрешеченному ядрами судну, Патрик Трэйси следил, чтобы «Голубка» была недосыгаема для орудий противника. Между тем два других корабля на всех парусах покидали поле битвы. Несколько минут спустя на атакуемом судне подняли белый флаг.

На борту захваченного корабля — он назывался «Ллойд Джордж» — произошла встреча старых знакомых. Дело в том, что капитаном «Ллойда Джорджа» был печально знаменитый Эдмунд Барлоу.

— За это тебя вздернут на реях, Деверо, — поприветствовал он своего бывшего матроса. Низкий голос Барлоу звучал угрожающе.

Увидев этого человека, Джаред понял, что все те жуткие истории, которые о нем рассказывают, — чистая правда. У капитана «Ллойда Джорджа» было худое, безгубое лицо, острый нос и льдистые глаза.

— Не сегодня, Барлоу. — Капитан «Голубки» почти вплотную приблизился к своему заклятому врагу, и стало заметно, что тот выше Деверо на голову. — Зато сегодня мы

избавим тебя и твое судно от тяжелого груза.

С минуту капитан Деверо молча глядел на Барлоу, а затем, хмыкнув, полюбопытствовал:

— Что, Барлоу, ты все такой же узколобый самодур? Совсем не изменился с тех пор, как командовал «Голубкой»?

— Зря ты не переименовал шхуну, Деверо, — оставив без внимания его вопрос, сквозь зубы процедил Барлоу. — Похоже, ты слишком много о себе воображаешь.

— Видишь ли, Барлоу, мне никогда не нравилось то, как называют свои корабли пираты, разные там «Отмщение» да «Возмездие». Меня устраивает то, что шхуна называется «Голубка». Зачем же ее переименовывать? А теперь это название нравится мне еще больше. Согласись, довольно унижительно проиграть битву своему бывшему судну.

Услышав эти слова, капитан «Ллойд Джорджа» даже бровью не повел. По его взгляду Джаред понял, что он не из тех, кто склонен прилюдно проявлять свои чувства. Судя по всему, этот человек будет терпеливо ждать той минуты, когда сможет свести счеты со своим обидчиком.

Капитан Деверо обратился к матросам «Ллойд Джорджа» со своим обычным предложением. Те, кто хотел, мог присоединиться к морским разбойникам. Большая часть команды сделала шаг вперед. При других обстоятельствах Деверо принял бы на борт «Голубки» не всех. Но, поскольку речь шла о матросах Барлоу, он сказал, что понимает, как им хочется уйти от своего капитана. Деверо пообещал, что в первом же порту они смогут перейти на другие пиратские корабли.

Следующие несколько часов с торгового на пиратское судно тянулась непрерывная вереница людей, переносивших товары. Несколько матросов, включая Ричарда Дерби, обратились к капитану «Голубки» с просьбой позволить им повесить Барлоу за жестокое обращение с матросами. Деверо ответил отказом.

— Ну тогда разрешите нам хотя бы заставить его попотеть, — взмолился Дерби.

Он имел в виду одну из форм наказания принятую на море: команда встает в круг у мачты, вокруг которой бегают наказуемый, при этом матросы саблями, ножами, вилками и другими острыми предметами тыкают его в ягодицы.

Капитан отказал ему и в этой просьбе.

— Дерби, — сказал он, — не будь мстительным. Не позволяй этому чувству управлять твоей жизнью. Мы выиграли бой, забрали у Барлоу людей и груз. Давай остановимся на этом.

Ричард Дерби подчинился приказу неохотно: капитану так и не удалось его переубедить.

После того как груз перенесли на «Голубку», пираты начали покидать палубу «Ллойд Джорджа». Джаред оставался рядом с капитаном Деверо до тех пор, пока последний матрос не перебрался на шхуну.

— Все было просто восхитительно, — сказал Деверо и, приложив руку к своей треуголке, слегка поклонился Барлоу. — Может, еще свидимся.

С этими словами он повернулся к Барлоу спиной и зашагал к доске, соединявшей корабли. Развернувшись на каблуках, Джаред пошел за ним следом. Подойдя к доске, он краем глаза увидел, как Барлоу выхватил из-за пояса небольшой однозарядный пистолет.

— Я так не думаю, — зловеще прошипел он, целясь в спину Деверо.

— Капитан, пригнитесь! — успел крикнуть Джаред.

Он бросился на Барлоу с саблей и, сделав выпад, вонзил ее в правое плечо злодея в ту самую секунду, когда прогремел выстрел. Джаред оказался так близко от капитана «Ллойд Джорджа», что выстрел из пистолета показался ему таким же оглушительным, как залп из пушки. Порох припорошил лицо молодого человека. У Джареда возникло ощущение, что его левое ухо прострелено насквозь. Не удержавшись на ногах, он шлепнулся на палубу.

Тем временем капитан «Ллойд Джорджа» схватился за раненую руку и, морщась от боли, выронил пистолет. Выкрикивая проклятия, Барлоу медленно осел на палубу.

«Деверо! Что с Деверо?» Джаред с тревогой посмотрел на своего капитана. Увиденное потрясло его. На спине Деверо — он упал на колени — медленно расплывалось кровавое пятно. Значит, он не успел пригнуться. Капитану пытался помочь встать Ричард Дерби. Руки Деверо беспомощно повисли, тело обмякло, голова запрокинулась назад.

Выстрел Барлоу стал для матросов, которых не смогли завербовать пираты, сигналом к бою. Вооруженной лавиной они хлынули на палубу. Джаред вскочил на ноги и оттолкнул в сторону сначала одного, а потом еще двух нападающих. Тем временем Дерби пытался перетащить Деверо на «Голубку».

На Джареда набросилось слишком много людей. Для того чтобы добраться до доски, ведущей на «Голубку», ему пришлось бы сразиться с четырьмя матросами. В эту минуту пираты открыли огонь из мушкетов, и два матроса, стоявших рядом с Джаредом, рухнули на палубу. Это позволило молодому человеку выиграть время. Поскольку путь на шхуну был отрезан, он по вантам полез к нок-рее. Двое матросов устремились за ним, но Джаред был мастером игры в пятнашки. Когда «Голубка» останавливалась где-нибудь для отдыха и ремонта, он от скуки мог развлекаться так часами. Однако на сей раз это была не игра, и Джаред не мог позволить себя поймать.

Он увидел, что доска, соединявшая корабли, полетела в воду, и «Голубка» стала отходить от «Ллойд Джорджа». В мачту, рядом с его ступней, вошла пуля, и щепки полетели во все стороны. Молодой человек нащупал канат, ухватился за него и прыгнул. В ушах у Джареда засвистел ветер. Держась за канат, он пролетел над бимсом «Ллойд Джорджа», над головами орущих матросов и взлетел вверх. В ту же секунду он отпустил канат и на лету протянул руки к вантам с правого борта «Голубки». Джаред крепко ухватился за них, но сила инерции увлекла его вперед, и он не удержался. Джаред рухнул на палубу, сбив с ног нескольких матросов — они упали, словно кегли при игре в боулинг.

Перестрелка между кораблями продолжалась. Сначала матросы обстреливали друг друга из мушкетов, затем открыли орудийный огонь. Наконец «Ллойд Джордж», накренившись на правый борт, скрылся из виду; грот-мачта торгового судна была сломана, в носовой части зияла пробоина.

Тело Джека Деверо в соответствии с морским ритуалом опустили за борт сразу после его смерти. Иметь на корабле покойника считалось дурной приметой. Помрачневшие матросы собрались у грот-мачты; они по очереди делились воспоминаниями о своем капитане. Траурная церемония завершилась орудийным залпом в его честь. Во время прощания Джаред не проронил ни слова. Он скрывал свои чувства. По окончании церемонии он ушел на нос корабля и тихо заплакал.

Команда «Голубки» проголосовала за нового капитана — рыжебородого ирландца Патрика Трэйси. По его рекомендации Ричард Дерби был выбран рулевым, а Джаред Морган — Веселый Моряк — первым помощником. Правда, после убийства капитана Деверо никто

больше не видел Джареда улыбающимся. Руди Шоу взялся доказывать, что должность первого помощника больше подходит ему. Тогда Трэйси сказал комендору, что на шхуне нет человека, который бы лучше Шоу разбирался в оружии и содержал бы его в идеальном порядке. Услышав столь лестные слова, комендор немного смягчился. И все же он предпочел бы, чтобы первым помощником стал кто-нибудь другой.

Что до самого Джареда, то ему было приятно, что выбор Трэйси пал именно на его, но радости от нового назначения он не испытывал. Слишком дорогой ценой досталось ему эта должность. После гибели Деверо Джаред Морган стал другим человеком. Возможно, он слишком долго оставался ребенком. Пора было взрослеть. Он начал понимать, что жизнь состоит не из одних развлечений. Все было всерьез. При взгляде на океан Джареда больше не посещало романтическое настроение. Он смотрел на голубую гладь Атлантики — и не видел ничего, кроме бесконечного водного простора. А еще он чувствовал боль оттого, что здесь нашел свое последнее пристанище Джек Деверо. Он думал и о том, сколько матросов «Голубки» вскоре последуют за своим капитаном.

Через две недели имущество Деверо: его сундук, постельные принадлежности, одежда, книги и прочие личные вещи — было выставлено на аукцион. Так пираты воздавали последние почести погибшим товарищам. Обычно вещи, выставленные на торги, покупались по очень высокой цене, а вырученные деньги передавались семье покойного. У Деверо остался младший брат, который жил в Мейдстоне, к югу от Лондона. Джаред наблюдал за происходящим с недоумением и отвращением, думая о том, как глупо принимать участие в таком аукционе. Но, увидев шахматы Джека Деверо, он почувствовал, как что-то обожгло его сердце. Он заплатил за них огромную сумму. Для Джареда эти шахматы были настоящим сокровищем: они напоминали о его теплых отношениях с капитаном.

Большую часть сезона штормов «Голубка» провела на Кэт-Айленде. Команда занималась обучением новых матросов и ремонтом, в котором шхуна нуждалась после Сражения с караваном судов. К тому времени, когда у пиратов началась горячая пора, морские разбойники были во всеоружии.

В портовых тавернах поговаривали, что из Бостона на остров Мартиника вышел торговый бриг «Брикстон», загруженный рыбой, зерном, лесом и золотом, которое предназначалось для предприятий Вест-Индии. Несколько недель «Голубка» бороздила океан вдоль побережья Флориды, подстерегая это торговое судно. В конце концов терпение команды вознаградилось.

На «Брикстоне» заметили приближающуюся пиратскую шхуну и, надеясь уйти от нее, подняли все паруса. На капитанском мостике «Голубки» стоял Патрик Трэйси, у штурвала — Джаред Морган. Дул восточный ветер, и корабли шли левым галсом. «Голубка» постепенно набирала скорость.

На горизонте в туманной дымке показалась земля. «Брикстон» держал курс прямо на нее.

— Если они доберутся до берега, — сказал Трэйси, — мы останемся без добычи. Мы сможем ударить по ним из пушек, комендор?

— Я их достану, — ответил Шоу.

— Ну тогда давайте уменьшим скорость и обстреляем их из орудий левого борта, — предложил Трэйси.

— Капитан, не спешите! — вмешался в разговор Джаред. — У меня есть идея.

— А поточнее?

— Сначала мне нужно взглянуть на карту.

Принесли карту. Изучив ее, Джаред сказал:

— Думаю, это сработает, сэр. Посмотрите, мы находимся здесь, — он указал на карту. — «Брикстон» — здесь, а берег — вот здесь. Так?

Все кивнули.

— Прямо по курсу «Брикстона», в самой гуще тумана, находится острова. Следовательно, капитану брига придется сменить курс, отклонившись зюйд-зюйд-ост. Когда они окажутся в зоне прибрежного тумана, им захочется одним выстрелом убить двух зайцев: они попытаются, во-первых, оторваться от нас и, во-вторых, выйти из тумана. Мне кажется, если они решат, что мы идем за ними следом, они развернутся по ветру, а потом пойдут на север, чтобы покинуть зону тумана. Я предлагаю сделать вид, будто мы продолжаем преследование; на самом деле мы спрячемся вот с этой стороны, — Джаред ткнул в карту пальцем, — и подстережем их.

— Ага, если они будут действовать так, как ты говоришь, — проворчал Шоу. — Какое-то гадание на кофейной гуще. Пушки надежнее. Либо мы попадем, либо промажем.

— Они почти недосыгаемы для выстрелов, — напомнил Джаред.

— Но это лучше, чем сидеть, сложа руки! — возвысил голос Шоу.

Капитан Трэйси задумчиво вцепился в бороду.

— Если бы я был капитаном «Брикстона», я бы поступил так, как сказал Джаред. Хотя...

Джаред и Шоу замерли в ожидании.

— Сделаем так, как предлагает Джаред, — сказал Трэйси. — Будем преследовать бриг, пока он не скроется в тумане. Потом развернемся и будем ждать. Руди, приготовь батарею правого борта к бою. Думаю, мы преподнесем им сюрприз.

Уже целый час «Голубка» стояла по ветру параллельно берегу и ждала, когда «Брикстон» выйдет из тумана. Однако бриг не появлялся. Джаред понимал, что чем дальше «Брикстон» отклонится на восток, тем дольше им придется ждать его. Прошло еще полчаса — брига не было. Возможно, Джаред просчитался.

Вопросительно подняв лохматые брови, Патрик Трэйси взглянул на Джареда, словно спрашивая: «Ну и что нам теперь делать?» В ту же минуту в нескольких сотнях футов от них из тумана вынырнул «Брикстон». «Голубка» действительно заняла самую выгодную позицию. Ее пушки были направлены прямо на торговое судно.

— Огонь! — скомандовал Трэйси.

Потребовался всего один залп. Исход боя решил удачный выстрел пушки Джеймса Мэйджи: прямым попаданием он поразил грот-мачту «Брикстона» и вывел корабль из строя. Когда грот-мачта рухнула в воду, палуба «Голубки» взорвалась радостными криками. Капитан Трэйси одобрительно взглянул на первого помощника.

— По части стратегии, парень, ты не отстаешь от Деверо!

Ветер налетел внезапно, и, когда команда «Голубки» поняла, что начинается шторм, было уже слишком поздно. Впрочем, даже знай моряки об этом заранее, вряд ли им что-то удалось бы изменить. Волны вздымались все выше и выше. Хлынувший дождь смешался со снегом и градом. Матросы быстро свернули паруса. И хотя Трэйси был самым опытным рулевым на борту, несколько человек стояли с ним у штурвала, так как временами ему нужна была помощь просто для того, чтобы держать курс по ветру.

Палубу захлестывали вспененные волны; они были готовы разбить «Голубку» вдребезги. Ветер дул со страшной силой, и шхуну швыряло так, что в трюме со стуком катались из стороны в сторону бочки. Натянутые тросы лебедек и блоков трещали от напряжения. Нос корабля, погружаясь в бездну, полностью исчезал из виду. Спустя мгновение, покрытый белыми хлопьями пены, он вновь показывался над водой.

Чтобы не дать судну перевернуться и сместить центр его тяжести книзу, Трэйси приказал рубить фор-марс и канаты, державшие бушприт. Уцелел только один из выполнявших этот приказ матросов, остальных поглотил разъяренный океан.

Джаред обвязал себя канатом, чтобы его не смыло волной за борт, и изо всех сил вцепился в ванты. Шторм перешел в ураган, и молодому человеку ничего другого не оставалось, как пытаться удержаться на судне, которое немилосердно мотало в океане.

Грот-мачта наклонилась назад со страшным скрипом, который снится матросам в ночных кошмарах. Смотреть на это было так же жутко, как видеть человека, которому ломают руку. К несчастью, это был не сон. Ванты грот-мачты оторвались от бимса и трепыхались на ветру. В эту минуту гигантская волна подхватила шхуну, завертела ее и подбросила вверх. Грот-мачта обломилась и стала падать. В ужасе Джаред наблюдал, как Патрик Трэйси и Ричард Дерби пытаются отскочить в сторону. Но мачта с парусами и такелажем была слишком велика. Она придавила обоих. Жизнерадостный ирландец погиб.

Ветер стих так же внезапно, как и налетел. Но затишье не обрадовало Джареда: это была короткая передышка. Казалось, ураган издевается над людьми, дав им время оценить потери, зализать раны и проститься с погибшими; затем он вновь ринется в наступление.

Как первый помощник Джаред принял командование кораблем. По его приказу тела погибших моряков сбросили в океан. У команды «Голубки» не было времени оплакивать товарищей. Если им удастся выжить, они сделают это потом. Тело своего наставника, рыжебородого Патрика Трэйси, Джаред Морган опустил за борт сам.

Обрубив канаты, сбросили в океан и грот-мачту вместе с оснасткой. Теперь на «Голубке» осталась одна мачта. Подвижный груз был заново привязан и закреплен. Матросам приходилось работать очень быстро. Когда ураган вновь набросился на шхуну, команда была совершенно обессилена.

Джаред с Мэйджи встали к штурвалу. Но и вдвоем им было трудно удерживать курс. Небо почернело, по-звериному завыл ветер, волны вздымались выше мачты. «Голубка» вновь оказалась во власти разбушевавшейся стихии. Шхуну швыряли волны, трепал ветер — и ее запасу прочности наступил предел.

Не выдержав слишком большой нагрузки, судно стало разваливаться на части. Под ударами волн отломился огромный кусок носа, в трюм хлынула вода, и нос ушел под воду.

«Голубка» кренилась все больше и больше, и Джаред приказал команде покинуть судно. Он вместе с Мэйджи прыгнул в воду. Шхуна быстро пошла ко дну.

Мэйджи, уцепившийся за большую доску, оказался в нескольких сотнях ярдов от Джареда, которому удалось найти деревянный ящик и схватиться за него. Волны поднимали Джареда на сотни футов вверх, а потом швыряли в морскую бездну с такой силой, что он почти терял сознание. Вокруг плавали обломки корабля, но никого из людей, кроме Мэйджи, не было видно. Впрочем, Мэйджи тоже вскоре исчез из виду. Джаред остался один в ураганном Атлантическом океане.

Несколько часов спустя шторм утих, и обессиленный Джаред навалился на деревянный ящик, надеясь, что тот его выдержит. В таком положении он и уснул.

Джаред провел в океане четыре дня и четыре ночи. За это время он так и не увидел никого из команды «Голубки». Он совсем изнемог от голода и жажды. Молодой человек не знал, сколько он еще продержится, прежде чем умрет.

На пятый день он увидел судно. Оно прошло бы мимо, но Джаред сорвал с себя рубаху и принялся что было сил размахивать ею. Вахтенный заметил человека за бортом. Джареда на шлюпке доставили на корабль и привели в каюту капитана. От спасших его матросов молодой человек узнал, что судно называется «Мэри Вудли» и направляется из Род-Айленда в Ост-Индию. Для членов только что укомплектованной команды это был их первый рейс на Багамы.

Джареда ввели в каюту капитана. Тот сидел за столом, склонив голову над судовым журналом. Молодой человек подумал, что, должно быть, капитан как раз делает запись о его спасении. Закончив писать, капитан отложил перо и поднял голову.

Это был Эдмунд Барлоу.

В Гарвардском университете Филипа встретили, словно Лазаря, восставшего из гроба [40]. И не мудрено: три года от него не было ни слуху ни духу. Все давно считали Филипа погибшим — как он вдруг объявился, живой и невредимый. Совсем как Лазарь. Только Вифания, в которую из мертвых вернулся Лазарь, за дни его отсутствия измениться не успела. Филипу повезло меньше.

Совсем другая жизнь кипела теперь в Гарварде. Бывшие однокашники Филипа окончили университет и разъехались по всей Новой Англии, кое-кто отправился в Европу. Отец уже три года как умер. Но в университете о нем не забыли, Бенджамина Моргана вспоминали с такой теплотой и болью, точно он ушел из жизни неделю назад.

После приезда Филипа сразу зачислили на последний курс и дали возможность самому составить программу занятий и сосредоточиться на дипломе. Однако со штатной должностью вопрос решался не так легко и просто, все вакансии, само собой, были уже заняты. Лазарю повезло больше: на его место под солнцем никто не успел покуситься.

В кампусе подвиги Филипа не сходили у студентов с языка. Он стал для всех живой легендой. Молодой человек, в свой черед, был поражен тем, как мало студенты знают о жизни индейцев. Его с пристрастием расспрашивали: каково это, жить среди дикарей? Как он мог спать, зная, что в любую минуту с него возьмут и снимут скальп? Какие страшные обряды видел он собственными глазами? Правда ли, что индейцы для укрепления жизненной силы едят своих новорожденных младенцев? Но больше всего Филипа донимали вопросы о Вампасе. Всегда одно и то же: «Как тебе удалось взять в плен этого дикаря Вампаса? Как ты сумел отучить его от кровожадных привычек?»

Филип регулярно навещал «дикаря» Вампаса в Кембридже. В суматошной студенческой жизни эти визиты были для него единственной отдушиной. Вампаса приняли в школу для индейцев, где он скоро стал первым учеником. У молодых людей появились теперь новые общие интересы, они сдружились еще теснее и порой подолгу сидели вдвоем над учебниками. Вампас очень дорожил участием друга, но и Филип ценил острый и живой ум индейца, его способность видеть вещи с неожиданной стороны. Часто, расставшись с Вампасом, он ловил себя на мысли, что их беседа была полезнее именно для него.

Кроме индейца, близких друзей у Филипа не было. Он жил одиноко. К Пенелопе ему возвращаться не хотелось, хотя она все еще надеялась, что их отношения возобновятся. После расставания с Филипом у девушки была целая череда ухажеров, но никто из них надолго не задерживался. Даже богатство будущего тестя не могло перевесить для попавшего в сети кавалера тяготы, которые обещала совместная жизнь с Пенелопой. Не то чтобы она была уж чересчур капризна или требовательна, но эта ее несносная манера постоянно плакать, причитать и жаловаться!.. Теперь-то, безуспешно пытаясь найти мужа, девушка оценила в Филипе его редкий дар терпения. Неудачные попытки Пенелопы завести роман следовали одна за другой, и отец решил сам выдать дочь замуж. За человека, который был на пять лет младше нее. Пенелопа терпеть не могла своего будущего мужа, но мнение дочери не интересовало отца, и помолвка состоялась. Вскоре после этого вернулся Филип.

Филип не забыл, что Эдвард Чонси запретил ему переступать порог своего дома, но ослушался и однажды пришел с визитом. Он посчитал нужным объяснить Пенелопе, куда пропадали его письма. Решив не упоминать имени Дэниэла Коула, Филип достаточно

убедительно свалил всю вину на хозяина таверны. Отец с дочерью слушали его рассказ с деланным удивлением, но глаза их честно говорили: мы не верим ни единому твоему слову.

Пенелопу, правда, больше волновали не пропавшие письма, а ее неудачная помолвка, — ей хотелось снова быть с Филипом. Однако отец проявил на сей раз завидную твердость, стальным голосом отрезав, что этот вопрос больше не подлежит обсуждению. Филипп не стал с ним спорить.

Вечером, когда молодой человек собрался уходить, Пенелопе удалось улучшить минутку и остаться с Филиппом наедине. Бросившись к нему на грудь, она стала целовать своего возлюбленного так страстно, что прокусила ему губу. Филипп не без труда высвободился из объятий чужой невесты и напомнил Пенелопе, что она отдана другому. В ответ потоком полились причитания и слезы.

— Это чудовищно! Зачем ты уехал? Теперь ради папы я должна выходить за какого-то Реджинольда! Я не хочу и не пойду за него. Не пойду! Ни за что!

— Слишком поздно говорить об этом, Пенелопа. Помолвка состоялась, — пытался урезонить ее Филипп.

В глазах девушки блеснул коварный огонек, она чмокнула Филиппа в щеку и хитро улыбнулась.

— Это мы еще посмотрим. Я не собираюсь отказываться от тебя, дорогой.

Филипп пришел в дом Чонси с надеждой, что их расставание будет легким. Надежда улетучилась в один миг, и в тот вечер он твердо решил избегать дома Чонси как чумы.

Филипп снова поселился в кампусе университета, ставшем его единственным пристанищем. Раньше выходные, а иногда и день-другой посреди недели он проводил дома, на реке Чарлз. Теперь у него не было дома — ни на реке Чарлз, ни в Кембридже, ни в Бостоне.

Когда Филипп разыскал мать и приехал к ней вместе с Вампасом, ночевать он не остался, несмотря на уговоры. Мать долго упрашивала сына, тот все отказывался, наконец точку поставил Дэниэл Коул, предложивший Вампасу устроиться вместе со слугами, — и Филипп сказал, что они откланиваются.

Как ни короток был визит, мать успела рассказать Филиппу последние новости: Присцилла вышла замуж, а Джаред исчез. Вот как. И Филипп отправился навестить Присциллу. В тот вечер у сестры он и узнал, почему его письма не доходили до адресатов. Все рассказанное Присциллой очень походило на правду, но пока в отношении Коула они располагали только смутными подозрениями.

Прошло около двух месяцев со дня возвращения Филиппа. Чем было наполнено его время здесь? Он вернулся, чтобы сплотить семью. Но семья-то распалась, ее больше нет. Мать вышла замуж за другого. У сестры была своя жизнь. Джаред пропал без вести. Ради чего он, Филипп, уехал из резервации? Получить ученую степень? Можно подумать, она кому-то в резервации нужна. Однажды Вампас остроумно заметил: «Здесь мало кто говорит по-латыни и по-гречески». Так что же удерживало его?

Тихим теплым вечером Филипп сидел над дипломом, но, признавшись себе, что сосредоточиться не может, отправился на прогулку. Подступали сумерки. Яркие осенние листья деревьев пламенели в лучах заходящего солнца. Молодой человек шел куда глаза глядят и вскоре обнаружил себя неподалеку от дома, который принадлежал когда-то семье Морган. Четыре колонны по фасаду, большие окна на первом и втором этаже, лужайка между рекой и домом — все как раньше. Но воспоминания, связанные с этим местом, далеко

не всегда были приятны. Что же потянуло его сюда? Филип прислонился спиной к дереву и вздохнул. Прошлое осталось в прошлом. Он не стал бы в него возвращаться, даже если б мог. Разве ради того, чтобы вернуть отца.

Молодой человек побрел к реке и скоро вышел на поросший густой травой берег. Неторопливое течение реки успокоило его. Филип сел на землю и стал смотреть на водную гладь, потом на лес вдалеке. Если бы он был птицей, он перелетел бы через реку, через лес и полетел на юг, туда, где на равнине разбросаны вигвамы, а у озера расстилается кукурузное поле и стоит школа. Если бы он был птицей, он сторонился бы кукурузного поля — там меткая рука с легкостью бросит в него камень или палку.

Филип старался угадать, что делает сейчас Витамоо. Может быть, толчет в ступке зерно, чтобы приготовить обед. Он так живо представил себе ее тонкие пальцы, гибкие руки, изящную шею, смуглые щеки и глубокие черные глаза, что у него заныло сердце.

Как-то в таверне Филип услышал песню, которую весело и лихо распевали подвыпившие гарвардские студенты. Слова этой песни запали ему в душу. Филипу песня совсем не казалась веселой, он вспоминал ее в минуту грусти и печали. И пел ее, только когда оставался один. Сейчас он пел ее для Витамоо, которой не было рядом.

Я у моря сидел, праздно слушал прибой,
На ленивые волны глядел.
Наблюдал, как вдали над лазурной водой
Неба край поутру розовел.

И послышался вдруг за моею спиной
Нежный девичий голос. Летел он, звеня.
Индианку увидел я с темной косой
И с глазами, что сразу пленили меня.

«Чужестранец, послушай, — сказала она, —
Мой отец правит этой землей,
За холмами мой дом, стань хозяином в нем,
Я же буду твоею женой».

Улыбнулся я ей, головой покачал.
«Нет, — ответил, — остаться с тобой не могу,
Я вернуться невесте своей обещал,
Что на дальнем туманном живет берегу».

«Что ж, — вздохнула, — не быть нам, как видно, вдвоем,
Если ждут тебя в дальней стране.
Возвращайся домой, но, целуя ее,
Вспоминай иногда обо мне».

Там о борт корабля с плеском билась волна.
Я матросам велел поднимать паруса
И на берег смотрел, где застыла она,

Прикрывая ладонью от солнца глаза.

Без печали о ней в море не было дня.
А когда возвратился домой,
Я узнал, что невеста забыла меня
И что стал ее мужем другой.

Индианка моя! Ты одна мне нужна.
Я оставил свой дом, и семью, и друзей.
И родною мне стала чужая страна,
Где я счастливо зажил с любимой моей.

Супружеская жизнь Присциллы с Нейтаном Стернзом не продлилась и года: через десять месяцев после свадьбы муж Присциллы заболел оспой и умер. Брак их оказался вполне сносным, и ее худшие опасения не подтвердились. Конечно, у Нейтана не было так нравившегося Присцилле светского лоска и галантных манер, зато он был предан жене всей душой. В денежных вопросах муж предоставил Присцилле полную свободу и охотно разделил с ней свое состояние. Однако не все досталось супругам поровну: Нейтан был страстно влюблен в свою жену, чего никак нельзя сказать о Присцилле. Но со временем она начала испытывать к мужу более теплые чувства, напоминавшие искреннюю привязанность. Когда он умер, Присцилла плакала, потому что потеряла друга. Чтобы утешиться и развеяться, вдова Стернз энергично взялась за управление имуществом, которое унаследовала от покойного мужа.

В своем роскошном особняке на севере Бостона Присцилла поселила Энн Пирпонт и создала юной поэтессе все условия для творчества. В бостонском обществе о двух молодых женщинах тотчас стали ходить самые разные слухи, а к дверям их дома вереницей потянулись поклонники, которые обхаживали Присциллу из-за ее денег, а Энн — за девичью свежесть и красоту. Однако все они неизменно получали от ворот поворот. Энн хранила верность Джареду, и то письмо, которое он прислал с Багамских островов, лишь укрепило ее решимость дождаться любимого. Присциллу же не интересовали романы, куда больше ее занимали хитрости капиталовложений.

Вдова Стернз оказалась очень удачливой предпринимательницей. Наделенная подвижным умом и завидной трезвостью, она мгновенно уловила, что мужчины всерьез не воспринимают женщину в качестве главы компании, и все свои дела вела через третьих лиц, неизменно сохраняя инкогнито. Начала Присцилла с вложений в конкурентов Дэниэла Коула, без особого усилия обеспечив им преимущество над преуспевающим коммерсантом. Вторым ее шагом была скупка мелких компаний и вытеснение не очень расторопных предпринимателей, что сделало ее крупным собственником. Присцилла гордилась своими успехами, ее дела пошли, и это доставляло ей определенное удовлетворение. Но не меньше вдову Стернз тешила мысль о неприятностях, которые она доставляет Дэниэлу Коулу. Главному ее конкуренту приходилось все тяжелее, суммы на ее счетах все росли. Конечно, ради этого ей приходилось допоздна сидеть над счетными книгами, что в минуту плохого настроения казалось ей ложкой дегтя в бочке меда.

Энн опустила книгу на колени и вздохнула. Услышав этот вздох, Присцилла оторвалась от своих подсчетов и записей и подняла глаза на подругу. Девушка сидела в кресле-качалке у огромного окна, выходящего в сад. Под окном пышно цвели желтые и красные розы, обсаженная живой изгородью дорожка вела к фонтану с маленьким водопадом, — эта идиллическая картинка как нельзя лучше подходила к облику юной поэтессы, полной надежд и почти детской непосредственности. Теплые солнечные лучи освещали шелковистую кожу Энн, ее ясные светло-серые глаза и милую нижнюю губку, такую пухлую, что она казалась слегка надутой, как у обиженного ребенка. «До чего она не похожа на меня», — подумала Присцилла и почти позавидовала тонкой талии Энн, ее узким запястьям и изящным рукам, с какой-то особой грацией державшим раскрытую книгу. Пожалуй, Энн выглядела бы еще более юной и невинной, если бы вместо книги в ее руках была кукла.

— Извини, Присцилла, я тебе помешала.

Присцилла махнула рукой.

— Скучная механическая работа.

Она отложила гусиное перо и потянулась.

— Я с удовольствием сделаю перерыв. Тебя что-то тревожит, дорогая?

Смешавшись, Энн опустила глаза.

— Да, — тихо сказала она. — То есть нет.

Энн снова подняла на подругу свой чистый ясный взор.

— Немного. Мне кажется... Хотя... Ай, наверное, зря.

— Умеют же эти поэты выразить свою мысль! — восхитилась Присцилла.

Энн рассмеялась и сказала проще:

— Я думаю о Энн Брэдстрит...

— Твоей любимой поэтессе?

Энн кивнула.

— Когда я читаю ее стихи, я все время упираюсь в одно и то же: жаль, что это написала не я. Это мои мысли! И как Брэдстрит умеет дарить их нам словами! Наверное, мне не стоит и пытаться.

— Глупости! У тебя прекрасные стихи.

— Ты очень добра, Присцилла, но... Вот послушай. — Она поднесла книгу к глазам и прочла:

Когда руке послушен штурвал,
Вдали от земных путей
Не тронет тоска души моряка,
Ведь он — хозяин морей.

Но если ветер злой засвистит,
Померкнет неба лазурь,
О тихой гавани он грустит,
Что защитит от бурь.

— Ты все время думаешь о Джареде, — улыбнулась Присцилла.

— Прошло так много времени, а я получила всего одно письмо. Не знаю, помнит ли он

еще обо мне. Может, хотя бы во время шторма ему хочется оказаться дома, рядом со мной.

Ее мечтательный взгляд говорил о том, что мысленно она видит Джареда, где-то далеко в море тоскующего по ней.

— Госпожа Брэдстрит уже написала все, что я чувствую. Ты понимаешь мою беду?

По правде сказать, Присцилла не видела в этом никакой беды, но ведь она не писала стихи. Ее мир состоял из цифр и фактов, прибылей и скидок, выигрышей и потерь. Ее мир был реальным и осязаемым, а вселенная Энн — это переплетение мыслей и чувств с игрой воображения.

— По-моему, ты напрасно робеешь. Твои стихи ничуть не хуже стихов госпожи Брэдстрит.

Поняв, что ее слова не показались Энн убедительными, Присцилла попросила:

— Прочти мне стихотворение, которое ты написала сегодня ночью.

— Боюсь, мне кажется, над ним еще нужно поработать.

— Послушай, Энн, позволь мне самой составить мнение. Пожалуйста.

Отложив в сторону книгу, Энн достала из ящика стола исписанный листок. Чистым, нежным голосом она начала читать:

Мой мальчик,
Вслед за радугой спеши,
Дорогу выбирай, ведущую к вершине,
И помни, что в любой пустыне
Под раскаленными песками есть вода.

Поверь, мой мальчик,
Слезы высохнут, боль сменится надеждой —
Так ночь всегда кончается рассветом.
Ты только не забудь раздвинуть шторы,
Чтоб первые лучи не пропустить.

Мой мальчик,
Пой о радости, не прячься, в полный голос,
Но знай, молитва не должна быть громкой.
Все, что ты скажешь, эхо повторит,
Твою молитву возвратив тебе
С надеждой.

— Как это тебе удастся? — воскликнула Присцилла, не отрывая взгляда от подруги.

Слова Энн показались ей каплями дождя, падающими на иссушенную солнцем землю.

— Что, писать стихи?

Присцилла отрицательно покачала головой; она едва сдерживалась, чтобы не расплакаться.

— Нет, оставаться оптимисткой. Если бы я была способна так сильно верить в надежду!

В этот момент в дверь постучали. Ласково прикоснувшись к плечу Присциллы, которая украдкой смахнула слезы, и шепнув ей: — Мы еще поговорим об этом, — Энн пошла следом

за чернокожим слугой посмотреть, кто к ним пришел.

Оставшись одна, Присцилла рассердилась на себя: ну вот, расчувствовалась, как сентиментальная барышня. Но ей пришлось немедленно взять себя в руки: из гостиной она услышала, как открылась входная дверь и мужской голос спросил что-то про дымоходы. Присцилла вскочила. Она наняла трубочиста почистить дымоходы, но трубочист должен был сделать это *вчера!* Ладно, она объяснит этому трубочисту, что значит опоздать на целый день. И вдова Стернз, готовая к бою, решительным шагом вышла из гостиной.

— Присцилла, дорогая, посмотри, кто пришел чистить наши дымоходы! — воскликнула Энн.

В дверях стоял высокий, статный человек с волнистыми волосами с приятным рыжевато-каштановым отливом, с головы до пят он был покрыт густым слоем сажи. В руках у него была целая охапка метел и щеток, таких же закопченных, как он сам.

— Узнаешь, кто это? — возбужденно тараторила Энн. — Мистер Питер Гиббс! Помнишь? Это он пытался спасти Джареда! Хозяин таверны.

— Бывший хозяин таверны. В прошлом, — сказал покрытый сажой человек и обратился к Присцилле: — А вы миссис Стернз?

— Вдова Стернз, — поправила его Энн.

— Энн, позволь мне поговорить с мистером Гиббсом наедине, — попросила Присцилла и, проводив взглядом удаляющихся подругу и слугу, повернулась к трубочисту:

— А где же Фостер? Он должен был прийти вчера.

На черном лице трубочиста появилась белозубая улыбка.

— Так приятно видеть вас снова, — сказал он.

— Вы не ответили на мой вопрос.

Улыбка медленно сползла с лица трубочиста.

— Два дня назад Фостер упал с крыши и сломал ногу. Но с ним все в порядке, не переживайте. Вот мне и пришлось работать за двоих, поэтому я немного задержался.

— Вам следовало предупредить меня заранее, — Присцилла решительно не обращала внимания на иронию трубочиста. — Элементарные правила вежливости. Если вы хотите и дальше чистить дымоходы в моем доме, зарубите это себе на носу.

— Не беспокойтесь, — сердито ответил Гиббс, — у меня нет ни малейшего желания быть вашим трубочистом, миссис Стернз. Я вообще предпочел бы не иметь с вами никаких дел.

— Отлично! Не сомневайтесь, мистер Гиббс, я сообщу об этом мистеру Фостеру — и он вас уволит немедленно.

— Отлично! — передразнил ее Гиббс. — Из-за вас я лишился таверны, теперь вы хотите оставить меня без работы. Даст Бог, через пару недель я найду новую работу — и у вас будет шанс снова меня чего-то лишиться! Всего доброго, вдова Стернз!

Подхватив свои щетки и метлы, он направился к выходу.

— Как вы смеете винить меня в своей беде! — закричала Присцилла ему вслед. — Да, я пользовалась сведениями, которыми вы меня снабдили, но я ни разу нигде не упомянула вашего имени! Ни разу нигде!

Гиббс резко обернулся:

— Вы говорили кому-нибудь, что получили сведения от хозяина таверны, миссис Стернз?

Присцилла на миг застыла. Она вспомнила фразу, которую в сердцах бросила ей как-то мать: «Слова никому неизвестного хозяина таверны значат для тебя больше, чем слово такого уважаемого человека, как Дэниэл Коул».

— Возможно, и говорила. В Бостоне сотни таверн...

— Сотни. Но хозяин лишь одной из них был в долгу у Дэниэла Коула, — поглядел на нее исподлобья Гиббс. — И для того, чтобы расплатиться с долгами, мне пришлось продать свою таверну.

— Мистер Гиббс, мне очень жаль.

— Всего доброго, миссис Стернз.

Присцилла замялась.

— Так вы собираетесь чистить мои дымоходы? — с трудом выдавила она.

Питер Гиббс, ни слова не говоря, повернулся и пошел прочь.

После ужина Присцилла и Энн пошли прогуляться по саду, благоухавшему ароматами распустившихся цветов. Наконец-то выдался по-настоящему теплый вечер, и подружки, присев на скамейку, наслаждались напоенным дивными запахами воздухом, едва слышным прикосновением к коже ласкового ветерка.

— Ты ему нравишься, — вдруг сказала Энн.

Присцилла сделала вид, что не понимает, о чем это она.

— Ты нравишься мистеру Гиббсу, — отчеканила Энн, раз уж Присцилла не понимает.

— Не говори глупости. Ты уже видела белую розу, распустившуюся у фонтана? — попыталась перевести разговор Присцилла. — Она очень красива.

Но Энн продолжала наступать:

— Почему бы тебе не дать ему шанс? По-моему, он хороший человек.

Смущенная напором подружки, Присцилла поискала, за что ей спрятаться, — и принялась расправлять на коленях платье. Но через несколько мгновений она подняла на Энн уже твердый взгляд.

— Ты заблуждаешься. Мистер Гиббс ненавидит меня, из-за меня он лишился таверны.

— Ты хочешь сказать, Коул узнал, кто рассказал нам про письма?

Присцилла кивнула.

— Я думаю, мы больше не увидим мистера Гиббса.

Она поднялась со скамьи, поеживаясь.

— Что-то стало прохладно. Пойдем в дом.

Энн сделала было несколько шагов вслед за подругой — и остановилась, о чем-то глубоко задумавшись.

— Ты идешь?

— Присцилла, наверное, я не имею права это предлагать. Деньги твои, а не мои. И все же...

— Предлагать что?

— Послушай, а почему бы тебе не купить таверну?

— Зачем?

— Ты сможешь продать ее мистеру Гиббсу, — светло улыбнулась Энн, — и он снова станет хозяином таверны.

Присцилла с удивлением посмотрела на подругу и покачала головой.

— Ничего не получится. Коул ни за что не продаст ее мне, а мистер Гиббс никогда не согласится купить ее у меня.

— А если через третьих лиц? Пойди привычным тебе путем, и тогда ни мистер Коул, ни мистер Гиббс не узнают, чьих это рук дело.

Теперь уже Присцилла остановилась в нерешительности.

— Пожалуй... — задумчиво протянула она. — Ладно, так и поступлю. Но учти, я только хочу загладить свою вину перед мистером Гиббсом, и ничего больше. Ясно?

— Ясно, — улыбнулась Энн.

Агенты Присциллы рьяно взялись за дело и скоро обнаружили, что Дэниэл Коул довольно несговорчив и не торопится продавать таверну. Но Присцилла настаивала: таверну нужно купить любой ценой. Они еще поднажали, и в конце концов Коул уступил — за сумму, в два раза превышающую рыночную стоимость заведения. Все, таверна была в руках у Присциллы. Сразу после продажи были выпущены бюллетени, которые извещали о смене владельца и приглашали к сотрудничеству опытного работника. На это предложение откликнулись несколько достойных соискателей, но один за другим они получали отказ. Наконец на беседу явился Питер Гиббс. Человек Присциллы представил ему дело так, будто нынешний хозяин не заинтересован в долгосрочных вложениях в это заведение и при желании Гиббс может постепенно выкупить таверну и стать ее хозяином. Само собой, Гиббс обрадовался этому предложению. Сейчас же был составлен документ, которым он обязался выкупить таверну за десять лет по текущим ценам.

Филип шел по садовой дорожке, ведущей к дому Стернзов, и с улыбкой отмечал, как здесь все обустроено. Присцилла осуществила свою мечту. Она жила теперь в настоящем особняке, где в каждой мелочи эхом отзывались ее давние чаяния, и Филип, медленно ставя ногу на очередную ступеньку крыльца, с трепетом вспоминал дом своего детства. В углу их общей гостиной у Присциллы был собственный домик. Дни напролет девочка наводила в нем порядок; как положено, без конца переставляла мебель. Два стула заменяли ей входную дверь, перевернутый ящик служил столом, на котором хозяйка аккуратно расставляла столовые приборы. Чашек, правда, было всего три, тарелок — тоже три. Присцилла очень просила маму купить ей полный комплект посуды, но мама сказала: «Когда вырастешь». Теперь-то его сестре есть что расставлять.

Чернокожий слуга открыл дверь. За его спиной стояла Энн Пирпонт.

— Филип! Какая радость! Входи скорее! — Энн обняла Филипа как родного.

Неужели это та самая девчушка, которая бегала за Джаредом, Чакерсом и Уиллом вокруг дома? Да она стала настоящей красавицей! Глаза Энн сияли радостью, она улыбалась от всей души, тепло и искренне. Глядя на Энн, Филип вспомнил слова Иисуса о Нафанаиле: «Нет в нем лукавства» [\[41\]](#). Тени лукавства не нашлось бы и в Энн, она была невинна и чиста.

— Ты, конечно, пришел повидать Присциллу.

Взяв молодого человека за руку, Энн повела его в гостиную.

В гостиной у Присциллы царил идеальный порядок. Стены были обшиты деревянными панелями, на отполированной до блеска мебели ни пылинки. Молодые люди сели на диван, и Энн сразу попросила слугу сделать для гостя чай.

— К сожалению, Присциллы нет дома, — сказала она.

— Жаль. О Джареде есть какие-нибудь новости? — спросил он.

Энн мягко улыбнулась, ничем не обнаруживая своей боли.

— Нет. Спасибо, что спросил.

Филип смотрел на нее и пытался угадать, как удалось его брату завоевать любовь и

преданность такой необыкновенной женщины.

— Я знаю, что это слабое утешение, — сказал он, — но поверь, так несладко писать письма и знать, что они никогда не дойдут до адресата. Я не сомневаюсь, что Джаред все время думает о тебе.

Сложив ладони, словно в молитве, Энн подняла их к губам. Глаза ее увлажнились.

— Мне очень дороги твои слова, Филип.

Она помолчала, как бы что-то взвешивая, и спросила:

— Ты, наверное, очень любишь брата?

Впервые кто-то заподозрил Филипа в любви к брату. Он почувствовал себя так, словно ему предъявили обвинительное заключение. Но неожиданно подоспело спасение.

— Вы только посмотрите, кто сбежал из монастыря! — в дверях стояла Присцилла. Ее огненно-рыжие волосы были аккуратно подняты наверх и спрятаны под широкополой соломенной шляпой, не имевшей ничего общего с домашними чепцами, которые носило большинство женщин в колониях. На ней было платье с прилегающим лифом и пышной юбкой с разрезом спереди, на плечах лежала изящная косынка из узорчатой кисеи. Все в наряде и облике сестры говорило: она богата.

Филип поднялся ей навстречу.

— Решил заняться миссионерской работой в Северном Бостоне? — насмешливо спросила Присцилла, снимая шляпу и протягивая ее слуге, которую тот почтительно принял из рук хозяйки.

— По правде сказать, я пришел повидать *тебя*. И хочу попросить твоей помощи.

— Моей помощи? — Присцилле определенно были приятны его слова. — Молодец, что сказал прямо. Терпеть не могу, когда ходят вокруг да около. И какая же тебе нужна помощь?

Она расположилась в кресле напротив брата.

В дверях неслышно появился слуга с чаем, уже сделавший поправку на появление хозяйки: на серебряном подносе стояли три чашки. Энн принялась разливать чай.

— Хорошо бы, — начал Филип, снова опускаясь на диван, — если бы наш старый дом остался нашим. Знаешь, пару раз я проходил мимо и видел, как там хозяйничают чужие люди. По-моему, в этом есть что-то глубоко неправильное. Отец всегда хотел, чтобы мы дом не продавали, а передавали его из поколения в поколение.

— Что же тебе мешает его купить? — Присцилла прекрасно знала, какой ответ может дать Филип, и спросила с единственной целью — позлить его.

— Я пытался одолжить денег, но у меня ничего не получилось.

Присцилла молча смотрела на брата. Она не собиралась помогать ему сказать то, что он пришел сказать.

— Я думал, может, ты одолжишь мне денег на покупку дома. Тебе ведь тоже безразлична его судьба. А я верну тебе долг.

Сделав маленький глоток, Присцилла посмотрела на Филипа поверх чашки.

— У тебя есть залог или найдешь поручителя?

— Присцилла! — возмущенно воскликнула Энн. — Как ты можешь! Это же твой брат!

Филип встал. Он почувствовал резкий прилив крови, и лицо его запылало.

— Я вижу, что зря побеспокоил тебя, — извиняющимся голосом произнес он. Понимая, что у Присциллы нет основания разделять его чувства, как нет и желания помочь ему, Филип решил сменить тему: — Ты давно разговаривала с мамой? Как она себя чувствует?

Присцилла поставила чашку на поднос. Легкость, с которой Филип ушел от разговора о

деньгах, вызвала у нее подозрение: не надеется ли он получить деньги хитростью?

— Мы с мамой вообще не разговариваем, — не без вызова ответила она.

— Право же! — не выдержала Энн. — Вы оба просто невыносимы!

Стук в дверь прервал их перепалку. Из прихожей донесся чей-то громкий возмущенный голос, и спустя минуту в комнату вбежал Питер Гиббс. С порога он бросился с криком к Присцилле:

— Мне не нужны ваши подачки, миссис Стернз! Можете забрать свою таверну и хоть сжечь ее, мне наплевать! Вы хотите, откупившись от меня, успокоить свою нечистую совесть. Не выйдет!

Присцилла, как и подобает настоящей леди, не перебивая выслушала все, что несло из уст разъяренного хозяина таверны. И ровным голосом обронила:

— Энн, мне кажется, мистер Гиббс узнал, что таверна принадлежит мне.

— Да, и оставьте ее себе! Я не желаю иметь с вами никаких дел! Я пришел аннулировать наше соглашение.

— Погодите. Кто вам все рассказал?

— Ну уж нет! Этого вы не добьетесь. Я, Питер Гиббс, не позволю вам мимоходом разрушить еще одну жизнь. Мало вам меня? Помахали перед носом наживкой, насаженной на крючок, я и клюнул, точно безмозглая рыба. Тьфу.

— Пожалуй, мне лучше уйти, — поднялся Филип.

— Что, тебя она тоже обвела вокруг пальца, приятель?

— И боюсь, не один раз. Я ее брат.

— Мои соболезнования.

— Довольно! — Присцилла резко встала. — Прекратите эти оскорбительные разговоры обо мне, да еще в моем собственном доме! А что касается вас, мистер Гиббс, я не предложила вам сделку открыто по одной-единственной причине — вы бы отказались.

— Так! — вынужден был согласиться Гиббс.

— Постой-ка, — смешался удивленный Филип, — ты тайно помогаешь чужому человеку выкупить таверну и отказываешься помочь родному брату вернуть дом, в котором жила твоя семья?

Демонстративно повернувшись к Филипу спиной, Присцилла продолжала:

— Мистер Гиббс, вы подписали контракт, и я намерена заставить вас выполнить его условия. Если вы не выполните своих обязательств, вас выставят к позорному столбу!

— Ах, к позорному столбу! — воскликнул Гиббс. — Наконец-то мы перешли к теме, которая вам близка!

Звонкая пощечина стала ему ответом.

— Прошу вас, послушайте меня! — Даже когда Энн повысила голос, он звучал успокаивающе. Она сделала шаг вперед и, оказавшись между тремя спорщиками, поочередно посмотрела в глаза каждому из них. Энн безмолвно умоляла их успокоиться.

— Мистер Гиббс, пожалуйста, выпейте с нами чашечку чая.

— Мне нужно идти.

Энн тронула его за плечо.

— Мистер Гиббс, доставьте мне эту радость, задержитесь ненадолго. Присцилла, Филип, выпьемте все вместе чаю!

Обаяние и доброта этой девушки подействовали на всех примиряюще, и участники перепалки стали нехотя рассаживаться вокруг стола. Не желая себя уронить, они, точно

обиженные дети, сохраняли надутые физиономии.

— Мистер Гиббс, эту таверну я купила с единственным желанием... — начала Присцилла.

Но Энн перебила ее:

— Присцилла, дорогая, остановись, все сказано.

Откинувшись на спинку кресла, Присцилла замолчала. Мужчины сидели, не поднимая глаз. Энн неторопливо помешивала чай.

— Мне кажется, — наконец решилась она, — вам нужно перестать ссориться и сердиться друг на друга. У каждого из вас есть причины для гнева, вас так или иначе оскорбили. Но не вымещайте свой гнев друг на друге. У вас есть общий враг — Дэниэл Коул. Это он пытался прибрать к рукам акции, которые принадлежали вашей семье. Заставил вашу мать выйти за него замуж. Манипулировал мистером Гиббсом и тем самым помешал письмам Филипа дойти до адресата, а когда мистер Гиббс благородно попытался исправить содеянное, лишил его таверны. Я тоже попала в коварные сети Коула — он разлучил меня с моим любимым Джаредом. И да простит меня Господь, не знаю, смогу ли я когда-нибудь забыть Коулу это.

Достав носовой платок, она вытирала набегавшие слезы.

— Этот злодей успешно осуществил все свои планы. Но самую большую победу он одерживает сейчас, прямо на наших глазах, — вы, его жертвы, изо всех сил стараетесь побольнее ранить друг друга.

В комнате воцарилась тишина. Присцилла, Филип и Питер сидели не поднимая глаз.

— Я чувствую себя полным идиотом, — наконец произнес Питер.

Присцилла хотела было что-то сказать, но осеклась и замолчала.

— Ты мудрая женщина, Энн Пирпонт, — сказал Филип.

— Что же нам делать? — спросил Питер.

— Объединить свои усилия в борьбе против Дэниэла Коула, — решила за всех Присцилла.

Филип покачал головой:

— Господь не одобряет мести.

— Это не месть, — возразила Энн, — это спасение и искупление. Кроме того, Коул причинил вред очень многим в Бостоне. Почему бы не помочь и другим людям, пострадавшим от него?

— Товарищество «Искупление», — это было слово Филипа.

— Верно, — поддержала Энн.

Филип посмотрел на сестру.

— Присцилла, здесь ты главная. Без твоего участия у нашего плана нет шансов.

— Это будет нелегко... — вздохнула Присцилла. — Понадобятся деньги... очень много денег. — Присцилла говорила медленно, словно бы размышляя вслух. Но все терпеливо ждали, понимая: сейчас она должна принять очень важное для себя и для всех решение. Наконец она поднялась с гордо выпрямленной спиной.

— Первым проектом Товарищества будет возвращение дома нашей семьи в Кембридже. Я думаю, папа бы одобрил нас.

Все заулыбались.

Констанция Коул сидела за столом. Перед ней на тарелке лежал ее завтрак — вареное

яйцо. Затверженным до механичности движением она разбила скорлупу. Еще одна частичка ежедневной рутины. Дом Коула с его закоснелым устоем превратился для Констанции в настоящую тюрьму. Для прогулки нужно было испрашивать специальное разрешение, с редкими гостями можно было общаться только в присутствии мужа. Ей некому было поплакаться, не о ком заботиться. И Констанции казалось, что душа ее высохла. Она не знала, для чего живет. Работать по дому ей не давали — это обязанность слуг. В общество она не выезжала — значит, у нее в жизни не было никаких событий. Филип учился в Кембридже, Присцилла прекратила отношения с ней, а Джаред исчез. В то утро, не отличавшееся от любого другого, она опять была наедине со своим завтраком. Иногда вместе с ней завтракал и Дэниэл, но за столом он никогда не разговаривал с женой — читал газету, просматривал финансовые отчеты или еще какие-нибудь бумаги. Сегодня к нему спозаранок пришел посетитель. Коул не представил его жене, но, разбивая ножом скорлупу своего яйца, Констанция слышала, как муж в соседней комнате разговаривает с гостем.

— Что у тебя? — спросил Коул неизвестного Констанции визитера.

— Если коротко, то дело вот в чем: за последний год вы понесли значительные убытки. Пираты, и те причиняют компании меньше ущерба.

Визитер вздохнул.

— Но есть надежда, что скоро ваши дела наладятся. На днях капитан Барлоу сообщил нам кое-что... — он помолчал и произнес совсем тихо: — Капитан Деверо мертв.

Коул выругался.

— А что с капиталовложениями в Бостоне?

— И здесь мы трещим по швам.

— В чем дело? — закричал Коул.

— Ваши конкуренты обходят вас во всем — в торговле, складском деле, в розничных продажах. Сначала мы списывали неудачи просто на неблагоприятное стечение обстоятельств, но более серьезный анализ вопроса показал, что везде заправляет некая компания, действующая при помощи целой армии подставных лиц.

— Что за компания? — рявкнул Коул.

— Товарищество «Искупление».

— Впервые слышу.

— Странно, но мне тоже неизвестно это имя. Мои люди пытались выяснить, кто стоит за Товариществом «Искупление», но это мастера действовать инкогнито. Умеют себя защищать.

— Товарищество «Искупление», Товарищество «Искупление», — вновь и вновь твердил Коул, шагая взад-вперед по комнате.

Констанция почувствовала запах сигары. Значит, ее муж чем-то очень взволнован. Обычно он не курил сигар до ленча. Сейчас еще раннее утро, а он уже курит.

— Я хочу знать об этом Товариществе все. Я хочу знать, кому оно принадлежит, какие цели у его владельцев, а главное — найди мне их уязвимые места! Ты понял меня? — Коул опять невольно повысил голос.

Констанция наконец очистила свое яйцо. Она отложила нож в сторону и откинулась на спинку стула. Ей не хотелось торопиться с завтраком, поскольку других занятий на утро у нее не предвиделось.

Чарлстон, морская жемчужина Южной Каролины, имел репутацию города, сурово относящегося к пиратам. Жесткая позиция властей Чарлстона была выработана в 1718 году, в ходе суда над майором Стидом Боннетом [\[42\]](#), «пиратом-джентльменом», как его называли. В прошлом Боннет был богатым владельцем плантаций в Бриджтауне. Почему он стал пиратом, никто толком не знал. Его друзья и близкие рассказывали, что издавна он восхищался сэром Генри Морганом, морским разбойником, который, окончив свою «пиратскую карьеру», стал губернатором Ямайки [\[43\]](#). Привлекал его и образ Вильяма Кидда [\[44\]](#), отчаянного пирата, впоследствии превратившегося в преуспевающего губернатора на Багамах. Некоторые считали, что, подобно своим кумирам, майор надеялся стать губернатором Вест-Индии.

Тайно ото всех Стид Боннет построил по собственному проекту корабль, нанял внушительный экипаж из семидесяти человек — и превратился в пирата. Майор не имел ни малейшего представления о навигации и морском деле, но поначалу ему просто фантастически везло. Полоса везения, однако, быстро прошла, и после нескольких «подвигов», совершенных в союзе с Блэкбирдом, майор Боннет был схвачен и предстал перед судом Чарлстона вместе с тридцатью тремя членами своего экипажа.

Председательствовал на суде вице-адмирал, судья Николас Тротт. В своей обвинительной речи он с большим знанием дела объявил, что море даровано человеку Богом во благо и является таким же объектом собственности, как и земля. Но у нарушивших имущественные права на дарованную Господом собственность есть еще путь принести пользу обществу: их смертная казнь может послужить предостережением для других искателей приключений. Майор Боннет был повешен в Уайт-Пойнте 10 декабря 1718 года. Этот случай создал судебный прецедент, с оглядкой на который выносились приговоры пиратам.

Капитан Эдмунд Барлоу отлично знал о суровом отношении к пиратам в Чарлстоне. Потому-то и решился сдать местным властям недавно пойманного Веселого Моряка — на другие имена Джаред не отзывался ни на борту, ни во время суда. Парень был передан в руки правосудия весь в синяках и кровоподтеках — по словам Барлоу, когда Веселого Моряка вытащили из воды, разъяренные матросы зверски набросились на него, отбивая ему бока за непонятную жестокость, с которой этот пират и его дружки с «Голубки» грабили торговые суда. Если бы не он, Эдмунд Барлоу, Веселого Моряка тут же вздернули бы на рее, но капитан, руководствуясь высоким чувством гражданской ответственности, решил, что будет много лучше, если казнь этого разбойника послужит добрым уроком целому городу матросов, а не команде одного судна.

Суд над Джаредом был коротким. Подвиги Веселого Моряка сильно приукрасили — в вину пирату вменяли гибель тридцати семи матросов, будто бы павших от его сабли, а также пропажу бесчисленных грузов и кораблей. Барлоу лично засвидетельствовал, что обвиняемый пронзил ему плечо, причем в тот момент, когда «Ллойд Джордж» уже капитулировал и трюм был пуст. Можно ли найти более убедительное доказательство кровожадной природы этого пирата? Капитан красноречиво описал героические действия матросов, помешавших Веселому Моряку убить его. Выступление Джареда в свою защиту заняло всего несколько минут. Он признал, что был членом экипажа «Голубки», и к этому

не добавил ничего. Присяжные, посоветовавшись в течение получаса, признали его виновным в пиратстве и приговорили к смертной казни через повешение.

Джаред забился в угол своей одиночной камеры и закрыл глаза. Мыслями он был далеко от этой сырости и грязи, от ложных обвинений и надвигающейся казни. Он вспоминал прошлое: вот Энн дотрагивается до его плеча, вот слегка подтрунивает над ним, когда во время их последней встречи он залез на дерево, росшее у девушки под окном, чтобы походить на Ромео. С трепетом вспомнил их первый поцелуй. Потом Джаред стал думать об отце. Правда ли, что отец ждет его на небесах, как написано в Библии? Что скажет он с пиратской жизни сына и его казни? Вспомнив о матери, Джаред постарался успокоить себя: она никогда не узнает, что ее сына повесили. Пусть лучше считает, что он погиб в море. Присцилла, узнай она о казни брата, скорей всего сказала бы: «Этого следовало ожидать». Забавно, подумал Джаред, как все меняется, когда стоишь перед лицом смерти. По большому счету его никогда не волновали отношения с Филипом и Присциллой, но теперь, когда времени осталось совсем немного, Джареду захотелось повидать их. Он нервно засмеялся. Скоро, если все пойдет своим чередом, он увидит своего брата. На небесах.

Филип издавна не любил путешествовать, потому пребывал в самом мрачном расположении духа, вынужденный по просьбе Присциллы отправиться в Чарлстон.

Дела Товарищества «Искушение» между тем шли в гору, особенно в торговле. Присцилла быстро раскусила стратегию Коула — устранять конкурентов и устанавливать монопольный контроль цен. Соответственно ее стратегия тоже была достаточно простой — умножать конкурентов Коула. Она купила четыре судна — шлюп, два брига и шняву — и без проблем наняла для них матросов — многие были рады работать не на Коула. Сложнее оказалось найти опытных капитанов. Ни один капитан никогда не подпишет контракт с женщиной: моряки уверены, что женщина в их деле приносит несчастье.

Взяв в университете учебный отпуск и запасясь терпением, молодой человек неохотно отправился в путь. Решено было, что он начнет поиски подальше от Бостона — Товариществу не стоило привлекать к себе внимание Коула. Начал Филип с Филадельфии, где нашел двух капитанов, в Нью-Йорке он подрядил еще одного, но вот в Плимуте ему не повезло — достойных кандидатов не оказалось. Устав скитаться, Филип решил, что Чарлстон будет последней остановкой в его пути и здесь он во что бы то ни стало должен найти четвертого капитана.

Шлюп пришвартовался в доке Уайт-Пойнта. В заливе теснились самые разные суда — от мощных английских военных кораблей до маленьких рыболовных суденышек. Сразу за портом начинался город.

Филип сошел на берег и одиноко стоял, озираясь по сторонам: его должен был встретить некий мистер Купер. Убедившись, что никакого мистера Купера в доках нет, молодой человек отправился в город один.

Первой «достопримечательностью», которую он увидел, была виселица — два десятифутовых столба с перекладиной между ними. На столбах здесь и там красовались листки, извещавшие, что ровно через неделю на этом самом месте будет повешен пират по прозвищу Веселый Моряк. Филип содрогнулся: все же странно ставить виселицу на въезде в город.

На следующий день Филип сидел на пристани за старым обшарпанным столом и старался внимать претендентам в капитаны, которые, не стесняясь в выражениях и

сдабривая свою речь солеными шуточками, расхваливали себя на все лады. С тоской в глазах слушал он рассказ высокого костлявого моряка, имевшего дурной запах изо рта. Со всеми ужасающими подробностями он живописал Филипу, как во время шторма капитану корабля прищемило руку упавшей мачтой и ради спасения его жизни костлявый вынужден был сам отрезать мешавшую капитану руку. Тем временем в доках за спиной моряка вовсю кипела жизнь. И Филип безотчетно фиксировал ее глазами. Туда-сюда сновали ялики, выгружая с пришедших в гавань кораблей товары и перевозя людей; рабочие спешно загружали одни суда и разгружали другие, ставшие на прикол; на пристани сгрудились экипажи и с шумом перекатывалась самая пестрая толпа, которую ему когда-либо доводилось видеть.

Внезапно взгляд Филипа выхватил в толпе две знакомые фигуры, и сердце его екнуло. Неужели они? Спиной к молодому человеку стояла, похоже, та самая парочка — матрос и индеец, они почтительно беседовали с хорошо одетым господином, сидевшим в экипаже. Пальцы Филипа похолодели, дыхание участилось.

— Было так: нас окружили три пиратских судна из Сьерра-Леоне. Капитан ужасно перепугался, но я-то знал, что мы можем вырваться, если... — продолжал тараторить долговязый моряк, которого Филип, впрочем, почти не слушал.

Джентльмен в повозке был, однако, чем-то разгневан и громко кричал, но Филип находился слишком далеко, чтобы разобрать слова. Он не отрывал глаз от спин тех двоих: вдруг обернутся? Они или нет?

— Так мне рассказывать дальше, как я спас корабль от пиратов?

— Нет, — рассеянно ответил Филип, отсутствовавший в разговоре с долговязым. — Извините, я хотел сказать... Полагаю, вы рассказали вполне достаточно... мистер... м-м-м... — Филип глянул в лежащий перед ним список, — мистер Робертс... Спасибо, что пришли. Я сообщу вам свое решение через неделю.

— Угу. Сообщите. Вы не слышали ни одного моего слова.

— Поверьте, вы произвели на меня самое благоприятное впечатление, — машинально произнес Филип. Он видел, как джентльмен откинулся на сиденье экипажа и приказал вознице трогать. — Еще раз благодарю, что уделили мне время.

На мгновение Филипу пришлось отвлечься от приковавшей его внимание сценки, чтобы пожать руку мистеру Робертсу. Тот презрительно хмыкнул, обозвав Филипа лжецом, и грязно выругался. Сплюнув, он повернулся и пошел прочь.

Филип снова вернулся взглядом к стоящим в отдалении матросу с индейцем — они смотрели на него в упор! У молодого человека перехватило дыхание. Он тяжело опустился на стул и, широким жестом придвинув к себе бумаги, спешно принялся что-то писать. Интересно, узнали они его или нет? Что, если они сейчас подойдут? Звать на помощь? Филип был в полном смятении. А когда наконец отважился поднять глаза, этих двоих уже не было. Филип скользил взглядом по толпе — их простыл и след.

— Вы мистер Морган? — раздался вдруг рядом громкий, решительный голос.

Филип вздрогнул. Перед ним стоял черноволосый парень, ладный и крепкий.

— Меня зовут Пэррис... Сэмюэль Пэррис. Я пришел поговорить насчет места капитана. С вами все в порядке, сэр?

— Да, спасибо. Все нормально, — выдавил из себя Филип. Он подобрал разлетевшиеся бумаги и, делая вид, что приводит их в порядок, пытался унять свои трясущиеся руки.

Кандидат в капитаны сел напротив.

— Ваша фамилия Морган, верно? — переспросил он.

— Да, простите мне мою рассеянность. Меня зовут Филип Морган.

— Филип... Филип... — повторял незнакомец, прикрыв глаза. Он точно что-то припоминал. — Вроде да. Извините, мистер Морган, но это очень важно для меня. Могу я задать вам личный вопрос?

— Мне казалось, что здесь вопросы задаю я.

— У вас есть брат по имени Джаред? — проигнорировал это замечание Пэррис. Он подался вперед и внимательно наблюдал за реакцией Филипа. Судя по всему, результат его устроил.

— Вы знакомы с моим братом?!

— Да.

— Мистер Пэррис, вы знаете, где мой брат? — Филип был ошеломлен. Что выдался за день!

— Меня зовут не Пэррис, а Мэйджи, Джеймс Мэйджи.

Теперь пришедший говорил тихо, почти шепотом.

— Мы с Джаредом плавали на одном корабле и были друзьями. Вот я и решил рискнуть. Дай, думаю, узнаю, часом не родственник ли Джареда Моргана пожаловал в Чарлстон.

— «Решил рискнуть»? — Филип тоже понизил голос. — Не понимаю, о чем вы. И почему называете себя чужим именем?

— Мое настоящее имя приведет меня на виселицу. Такова участь всех пиратов.

— Как?.. На одном корабле... — Филип медленно осмыслял услышанное. — Вы хотите сказать, что мой брат — пират? Это ложь!

— Нет, это правда, — сухо возразил собеседник. — Последний раз я видел Джареда на «Голубке», когда мы попали в сильный шторм.

Филип притворился, будто верит словам Мэйджи. Он решил узнать, что нужно этому человеку.

— Вы сказали, что во время шторма видели Джареда в последний раз. Что же, он погиб? Мэйджи покачал головой.

— Нет, он не погиб.

— Так что с ним?

— По всему городу расклеены плакаты о казни Веселого Моряка. Видели, наверное?

Филип кивнул и осторожно спросил:

— При чем тут Джаред?

— Веселый Моряк — это Джаред, ваш брат.

Как-то разом все рухнуло в Филипе, он потерял дар речи.

— Послушайте, мне очень жаль, что я принес вам дурные вести. Но думаю, вам лучше знать все.

— Ты, наверное, ошибся, — вымолвил наконец Филип. — Я понял: ты перепутал моего брата с другим Джаредом. Ты рассказываешь о ком-то другом.

Долго и пристально Мэйджи смотрел на Филипа, затем начал говорить:

— Я познакомился с вашим братом тоже при найме. Хозяином только был Дэниэл Коул, а работу искал Джаред. Я тогда уже вкалывал на Коула и был вроде как на хорошем счету. Все шло как по маслу. Да. Коул сразу принял Джареда, и мы вместе отправились обмывать это дело в таверне.

— «Таверна доброй женщины»! — воскликнул Филип. Все встало на свои места. Джеймс Мэйджи говорит чистую правду.

— Вы бывали в этой таверне?

— Я знаком с ее хозяином, — начал было Филип, но, увидев, как насторожился Мэйджи, поспешил добавить: — У него с Коулом свои счеты.

Мэйджи облегченно вздохнул.

— В таверне, — продолжал он, — вербовщики напоили нас какой-то дрянью. Потом эти двое... — теперь Мэйджи, в свой черед, осекся на полуслове: лицо Филипа искажилось от ужаса. Он вскочил и начал шарить глазами по толпе.

— Матрос и индеец! Оба только что были здесь.

Филип с испугом посмотрел на Мэйджи и схватился руками за голову.

— Они убили нашего отца.

— Знаю. Джаред мне рассказывал.

— Но почему все же Веселый Моряк — это Джаред?

— Так его прозвали на «Голубке». Мы порой рубились жестоко, не раз были на волосок от смерти, но в любых передрягах Джаред улыбался. Он улыбался всегда. Ему нравилась наша жизнь. И он никогда никого не убивал. Теперь Джареда обвиняют в убийстве тридцати семи человек — это вранье. Конечно, — усмехнулся Мэйджи, — он мог заставить человека прыгнуть за борт или оглушить его ударом по голове, но Джаред не убивал, это точно. Я любил наблюдать за ним в бою.

Мэйджи заулыбался и надолго погрузился в свои воспоминания — вдруг, как поплавок вынырнув на поверхность, он резко помрачнел и сник: Джареда ждет виселица.

— Можете не тревожиться, — поднял он вновь глаза на Филипа, — его настоящее имя никому не известно. А те, кто знает, помалкивает.

— Как думаешь, что привело в Чарлстон матроса с индейцем?

Мэйджи пожал плечами.

— Понятия не имею. Одно ясно — они работают на Коула.

— На Дэниэла Коула?! — Филип с силой ударил кулаком по столу. Потом еще раз. Еще и еще. От гнева и боли у него хлынули слезы из глаз. — Ты не представляешь, что сделал этот человек с моей семьей... От негодования во мне кровь закипает. Господи, не допусти до греха!

Прошло несколько минут, прежде чем молодой человек сумел взять себя в руки.

— Ума не приложу: чем здесь занимаются эти двое?

— Вербовщики. Может, подыскивают матросов.

Филип задумался. Дышал он прерывисто — видно, не до конца справился со своими чувствами.

— Если не секрет, Мэйджи, у тебя сейчас есть работа?

— Какой секрет? Я первый помощник на шняве. В основном мы ходим вдоль побережья.

Как нельзя лучше это укладывалось в план Филипа!

— Вот что, — приступил он к делу. — Прежде всего я должен спасти брата, а уж потом разберемся с Коулом. Ты поможешь мне?

— Да.

Филип схватил первый попавшийся под руку лист бумаги и начал что-то быстро писать.

— Это письмо нужно поскорее отправить в Бостон. Как быть?

— Погоди... — Мэйджи на минуту задумался. — В Бостон сегодня отплывает один корабль, на котором пойдет наш человек, тоже с «Голубки». Его фамилия Шоу. Я попрошу

его взять письмо.

— Он был другом Джареда?

— Едва ли, — усмехнулся Мэйджи.

— И ты доверишь ему письмо?

— Он сделает все как надо.

— Хорошо. Пусть он передаст письмо моей сестре, ее зовут Присцилла Стернз. Вот адрес. Мэйджи, это очень-очень важно. Ты уверен, что на Шоу можно положиться?

— Я же сказал «да», — недовольно буркнул Мэйджи.

— Извини, но под угрозой жизнь моего брата. И еще кое-что поставлено на карту. Как долго ты пробудешь в Чарлстоне?

— Недели две.

— Отлично. Ты сможешь найти нам еще пару помощников?

— Найду. Что ты задумал?

Филип коротко изложил свой план. Главное, чтобы Присцилла вовремя получила письмо, — так и хотелось Филипу еще раз переспросить насчет Шоу. Уж больно ему не понравились слова Мэйджи — «Едва ли».

У Филипа Моргана было всего семь дней. Ему оставалось только уповать на помощь Господа.

День, на который была назначена казнь Веселого Моряка, выдался ясным и солнечным. Джареда вывели из темной камеры на улицу, где его поджидала повозка. Яркий свет с силой ударил Джареду в глаза, и он с непривычки зажмурился.

Накануне к нему не допустили даже священника: пират ведь — это не человек, он сродни хищному зверю, а зачем зверю священник? Впрочем, Джареду так было даже лучше. Долгие годы он не молился Богу, и перед смертью не хотелось лицемерить. Скорей всего, он и без причастия попадет к Богу. Все, что Джаред думал сказать Ему и что мог услышать от Господа, куда лучше прозвучит при их личной встрече.

Когда Джареду помогали забираться в повозку, запряженную понурой клячей, — руки узника были связаны, — он вдруг спохватился, что представлял себе день смерти совсем иначе. Сидя в камере, он думал, что за час-другой до казни все ощущения станут более острыми, небо покажется более синим, воздух — более свежим, цветы будут благоухать сильнее, чем обычно, и все такое — ведь он увидит их в последний раз. На деле все получалось наоборот: его чувства притупились. В сырости и холоде камеры Джаред простудился, нос теперь был сильно заложен, и его решительно ничего не занимало — ему было трудно дышать.

Повозка, громыхая, медленно катилась по улицам Чарлстона. Из всех домов на улицы высыпали мужчины, женщины и даже дети — поглазеть на приговоренного к смертной казни пирата. Ни на одном лице Джаред не нашел к себе сострадания. Толпа глумилась над ним, осыпала его проклятьями, в лицо ему швыряли гнилые овощи и фрукты, его закидывали камнями. Правда, почти никто не попадал в цель, чему Джаред тихонько радовался, интуитивно боясь боли. Потом рассмеялся над собой: какая разница? Пройдет совсем немного времени, и он вообще перестанет что-либо чувствовать.

Повозка неуклонно приближалась к докам. Скоро вдали угрожающе замаячил силуэт виселицы. Еще немного — и лошадь уже прошла под ней, словно это была обыкновенная арка обыкновенного дома. Остановились прямо под виселицей. Джаред поднял глаза и увидел над головой веревку с петлей, свешивающуюся с перекладины.

Дюжий бритоголовый детина с волосатой грудью залез на повозку, накинул петлю на шею Джареда. Затянул поплотнее. Джаред и не шелохнулся. Он смотрел вперед, на целое море злых, возбужденных лиц; его смерть была для этих людей самым захватывающим событием дня. На вантах и мачтах пришвартованных в гавани судов гроздьями висели матросы, жаждавшие получше разглядеть происходящее. Джаред невольно пожалел, что не утонул во время кораблекрушения. Тучи, ветер и волны выглядели куда дружелюбнее, чем толпа, которая собралась посмотреть на его казнь. Дюжий детина сунул в связанные руки узника букетик цветов, коротко пояснив: «Традиция».

Приговор суда был зачитан громогласно, с пафосом — в предостережение тем, кого влекли соблазны пиратской жизни. Покорно дослушав его до финальной точки, дюжий детина слез с повозки и дал вознице знак трогать.

И тут началось. Возле повозки внезапно послышалась какая-то возня. Джаред повернул на шум голову — и был ошеломлен, увидев столь знакомых ему матроса с индейцем! Матрос, странное дело, был в монмутской шапке. Низко пригнувшись, он вцепился в возницу и умудрился столкнуть того с сиденья. Поводья теперь были в руках у матроса. В ту же секунду рядом с Джаредом в повозке оказался индеец, который накинул ему на голову полотняный мешок. Последнее, что успел увидеть пленник, — глубокие черные глаза индейца и сверкнувшее лезвие его ножа. Потом стало темно.

Джаред почувствовал, как петля на его шее ослабла. Кто-то сильно дернул его вниз, и он, больно ударившись, упал на дно повозки. В тот же миг повозка рывком тронулась с места. Вслед раздался выстрел. Потом еще и еще. Со всех сторон слышались истошные вопли, крики, в ответ раздалась сердитая брань индейца. «Индеец, похоже, отгоняет людей от повозки», — решил Джаред. Он весь сжался, пытаясь уловить доносившиеся слова, но тут матрос оглушительно закричал, понукая лошадь и пытаясь заставить ее мчаться во весь опор. Повозка то и дело подпрыгивала на неровной грунтовой дороге, в конце концов налетела на какую-то колдобину, отчего Джареда слегка подбросило. Теперь ее колеса стали глухо гроыхать. «Должно быть, причал. Или пирс?» — лихорадочно соображал Джаред. Почему матрос с индейцем решили спасти его от виселицы? Может, Коул хочет убить его сам? В любом случае он свободен, и теперь главное — сбежать от этих негодяев.

Джаред вдруг вспомнил, что матрос приходится братом капитану Деверо. Надо попытаться этим воспользоваться.

Он попробовал сесть, но его тут же грубо толкнули назад на дно повозки.

— Лежи тихо! — прикрикнул на него индеец.

Сделав несколько резких поворотов, повозка остановилась. Даже слабый свет перестал пробиваться сквозь полотно мешка. Может быть, они въехали на склад? Индеец дернул Джареда за руку и заставил подняться, кто-то стиснул ему другую руку. Джаред попытался было высвободиться, но тут же был схвачен еще крепче.

Пленника потащили по деревянному полу и втокнули в какую-то тесную каморку. Запихивая его туда, индеец изо всех сил пригибал голову Джареда рукой. Тотчас раздался стук молотков — и сердце пленника замерло от догадки: это упаковочная клеть! Его заколачивают в деревянный ящик!

— Эй! Что вы?..

— Если хочешь жить, молчи! — прошипел индеец и заткнул ему рот рукой.

Не успел Джаред осознать свое заточение в упаковочный ящик, как отовсюду послышались громкие крики и топот ног. Зычный голос отдавал приказы:

— Обыщите здесь все! Обшарьте каждый угол! Достаньте их мне из-под земли!

Но поиски, назначенные командиром, закончились, не начавшись.

— Вон они! — истошно завопил один из преследователей.

Рядом кто-то грязно выругался.

— Как они туда попали?

— Да где ты их видишь?

— Вон, в шлюпке! Они плывут к устью залива!

— Джон! Беги на пирс и не спускай с них глаз! Скорее всего, они попытаются подняться на борт какого-нибудь корабля, стоящего в гавани. Чарлз, ты и Генри возьмите шлюпку и следуйте за ними. Остальные — за мной!

Рядом с деревянной клетью опять послышались ругань, и кто-то ударил по ней кулаком. Этот звук отозвался в ушах Джаредда гулким эхом.

Очень скоро все стихло, но беглецы продолжали сидеть не двигаясь; индеец, как и прежде, зажимал Джареду рот рукой. Прошло еще минут десять. Убедившись, что опасность миновала, индеец и матрос взялись за дело. Снова послышался стук и скрежет вытаскиваемых гвоздей — они снимали одну из стенок клетки. Весь сжавшись, Джаред принялся лихорадочно обдумывать план побега. Только бы вырваться! Вдруг ему удастся оторваться от них на складах или прыгнуть с пирса в воду и сбежать вплавь? Да пошлет ему судьба хоть какой-нибудь шанс!

Вот, может быть, теперь, когда открыли клеть... Джареду показалось, что он сейчас схватит удачу за хвост. На какую-то долю секунды матрос отпустил руку пленника, и тот, ударив матроса плечом, повалил его на землю. Развернувшись, Джаред попытался проделать такой же финт с индейцем, однако он оказался попроворнее — падая, индеец не выпустил руку пленника и увлек его за собой. Теперь все трое лежали на земле.

— Джаред Морган! — услышал пленник женский голос. — Мы хотим спасти тебя!

Это был хорошо знакомый ему голос. «Не может быть!» — еще пытался Джаред удержаться на стороне разума, пока ему снимали с головы мешок. Сколько раз за сегодняшний день мир его переворачивался!

Меж тем все было просто — над ним стояла его сестра Присцилла.

В полном оцепенении Джаред переводил взгляд с одного на другого. Присцилла — матрос — индеец. Что за компания? Индеец — матрос — Присцилла. С Джаредом все в порядке? По счастью, его спас матрос — улыбаясь, он стянул с головы свою монмутскую шапочку.

— Привет, братишка!

— Филип!

— Конечно, я. Кстати, хочу познакомить тебя с моим другом. Это Вампас, — вставая, Филип кивнул на индейца. — Вампас, а это мой брат Джаред.

Пока власти были заняты преследованием уплывшего от них на шлюпке Веселого Моряка, Джаред и три его сообщника потихоньку вернулись в город и укрылись в доме, всего на две улицы отстоявшем от виселицы. По расчетам Филипа, который разрабатывал план побега, власти Чарлстона будут считать, что Джаред направился на Багамы, известное убежище для многих пиратов. Так оно и вышло. В Чарлстоне их не искали. Через несколько дней волнения улеглись, и жизнь в городе вернулась в привычное русло. На улицах и в тавернах перестали вспоминать о Веселом Моряке, который, как все полагали, уплывал все дальше и дальше на юг. Теперь следовало выждать еще с недельку, и можно было возвращаться в Бостон. Присцилла и Вампас прибыли в Чарлстон на борту брига «Спасение» — недавнего приобретения Присциллы для Товарищества «Искупление». Этому судну, вообще-то занимающемуся перевозкой грузов, на сей раз предстояло везти и совершившего побег пирата.

— Мне не верится, что ты был пиратом! — начал разговор Филип. Молодые люди сидели в гостиной небольшого дома, принадлежащего другу Питера Гиббса, тоже хозяину таверны, который уехал ненадолго в Филадельфию навестить родственников. Вампас, Филип и Джаред уютно устроились в креслах, намереваясь отпраздновать свою победу. К ним скоро присоединилась и Присцилла, которая вернулась в гостиную, держа в руках большой поднос с нехитрыми закусками и ароматным чаем.

— Вряд ли ты себе представляешь, что значит быть пиратом, — не очень охотно принялся рассказывать Джаред. — Во всяком случае, на борту «Голубки». Наш капитан Деверо был лучшим парнем на свете, а мы совсем не кровожадные головорезы, жаждущие денег и мести. Только раз матросы рвались отомстить за зверство и жестокость капитану одного торгового судна, но Деверо под страхом смерти запретил нам поднять руку. В следующем бою он поплатился за свой приказ жизнью...

— Как Деверо погиб?

— Тот самый капитан «торгаша» выстрелил ему в спину.

— Да уж, — вздохнул Филип, — далековато от банальных историй про пиратов.

Джаред подался вперед, глаза его загорелись.

— Мы жили на корабле в особом мире, — сказал он. — Каждый человек был на вес золота и знал, что его ценят, а трудности нипочем, когда ты нужен. Вместе мы придумывали законы, вместе выбирали капитана и первого помощника, общим советом решали все споры. И не было ни короля, ни диктатора, самая настоящая демократия. По-моему, колониальным правительствам не грех у нас поучиться.

— Ты хочешь сказать, что им нужна демократия? — вмешалась в разговор Присцилла. — С этой демократией в колониях сразу начнется анархия.

Вампас привстал с кресла, машинально расправляя свою льняную рубаху.

— Похоже, и с пиратами, как с индейцами. Какие мы на самом деле, почти никто не знает.

— Могу это подтвердить, — поддержал друга Филип.

Джареду очень хотелось сменить тему разговора. Он давно собирался узнать у Филипа подробности своего побега.

— Зачем вы накинули на меня мешок? Я решил, что меня схватили люди Коула.

— Ну а если бы ты, увидев меня, закричал: «Филип!»? Думаешь, это прибавило бы нам шансов на успех? Тебе лучше было не знать, кто тебя спасает. Мы и надеялись, что ты не успеешь нас разглядеть.

Джаред засмеялся.

— А я разглядел — опять они, индеец и матрос! Но к чему вы затеяли такой маскарад?

— Несколько дней назад я увидел эту парочку в доках: раз уж они объявились в Чарлстоне, пришлось их взять в компанию.

— А вдруг бы они пришли позевать на то, как вздернут Веселого Моряка?

— Не сумели бы. В тот день они очень неважно себя чувствовали, — Филип загадочно улыбнулся. — Скажи спасибо своему другу Пэррису. Нет, Мэйджи, Джеймсу Мэйджи.

— Мэйджи жив?! Последний раз я видел его во время шторма. Нас обоих выбросило за борт, и мы понимали, что обречены.

Джаред разволновался.

— Так он жив?

— Жив. И не дал погибнуть тебе. Это Мэйджи рассказал мне, что Веселый Моряк — мой брат. Мы вместе придумывали план побега, и он вызвался опекать матроса с индейцем, которым его друзья ловко подмешали в вино снотворное.

От восторга Джаред даже хлопнул в ладоши.

— В точности как они когда-то напоили нас!

— Скорее всего, — продолжал улыбаться Филип, — они уже проснулись и узнали, что организовали побег Веселого Моряка!

— Отлично! — Джаред от удовольствия потирал руки. — Ну а я бы прямо сейчас повидал Мэйджи. Не знаешь, где он?

Филип покачал головой.

— Не знаю даже названия корабля, на котором он плавает. Одно точно — на шняве. Между прочим, это Мэйджи придумал трюк со шлюпкой, когда мы гадали, как бы на складах сбить погоню со следа. Догони эти brave ребята шлюпку, они бы лопнули со злости — три матроса просто ехали порыбачить. Вся их вина — индейское одеяло, накинутое на плечи одного из рыбаков.

— Как много людей спасали мне жизнь!

— Да. Вот и Присцилла привезла нам в помощь Вампаса. Ему-то не впервой выручат Морганов, — сказал Филип, вспомнив, как он сам чуть было не достался на завтрак медведю. Тогда его спас Вампас.

— Джаред, а кто такой Шоу? — спросила Присцилла.

— Руди Шоу? Откуда ты его знаешь?

— Этот человек привез мне письмо от Филипа. Он был страшно взволнован и очень просил поторопиться. «Ваш братец — редкая птица, — так он сказал. — Будет чертовски жаль, если его вздернут на виселице». И, уже уходя, добавил: «Но если его не повесят и он снова станет пиратом — долго не протянет». Что он хотел этим сказать, не знаешь?

Джаред принялся хохотать до колик в животе.

— Мне пришлось драться с ним на дуэли. Из-за пустячной размолвки — только представьте: по его мнению, я не создан быть пиратом.

После бурных событий молодые люди наслаждались тишиной и покоем приютившего их дома. Впервые Джаред, Филип и Присцилла собрались вместе с тех пор, как старший брат отправился на поиски Библии Морганов. Присцилла и Джаред выжидающе

посматривали на брата, но Филип решил отложить рассказ о своем путешествии до возвращения в Бостон, где он сможет развернуть перед ними семейную реликвию. Филип уже успел показать Библию матери, но, отправляясь навестить Присциллу, не стал брать ее с собой. Судя по всему, сестру эта Библия не слишком интересовала.

— Как мама? — спросил Джаред.

На минуту в комнате повисла тишина.

— Она вышла замуж за Дэниэла Коула? — догадался Джаред, заметив, как мрачно переглянулись Филип с Присциллой.

Филип кивнул.

— Мама понятия не имеет, какой это страшный человек, — заключил свое долгое раздумье Джаред.

— Еще как имеет, — горько вздохнула Присцилла. — Я сто раз растолковывала ей, что он за птица, и в наших бедах она виновата не меньше его!

— Прикуси язык, Присцилла! — повысил голос Филип. — Коул сумел ввести в заблуждение целый город, все его считают честным человеком и порядочным торговцем. Странно ли, что ему удалось обмануть и нашу мать?

— Не выгораживай ее. Она живет с этим человеком и видит, что происходит. Не увидит этого только слепой. Она просто предала нас, вот и все.

— Я отказываюсь верить... — обхватив голову руками, стонал Джаред. — Она — наша мать! Разве мать может предать своих детей?

— Может. Она позволяет Коулу делать все, что он хочет, — кипятилась Присцилла.

Разговор этот длился и длился, не имея конца. Джаред защищал мать от нападок Присциллы, Присцилла не унималась, а Филип старался примирить их, сам, правда, не слишком веря своим словам в защиту матери. Братья и сестра не виделись почти три года, но ссорились так, словно они расстались вчера. Вампасу же ничего не оставалось, как понять, что он здесь лишний, извиниться и откланяться.

Возвращение в Бостон на борту «Спасения» прошло гладко. Джареда погрузили на корабль в деревянной клетке. Филип и Присцилла, как и подобает владельцам судна, держались очень чинно. Что касается Вампаса, то он решил ненадолго заехать в резервацию и возвращался в Кембридж по суше. Ему хотел было составить компанию Филип, мечтавший повидать Витамоо, но Присцилла воспротивилась: Филип был нужен ей в Бостоне. Она не хотела дальше медлить с назначением капитанов на купленные суда; и так было потеряно слишком много времени.

Бриг «Спасение», подняв паруса, с приливом отчалил от пристани. Во время стоянки в Чарлстоне Присцилла никому не позволила сойти на берег. Рейс был объявлен учебным, и матросы держали вахту так строго, точно судно стояло в открытом море. На самом же деле команду не отпустили в увольнение, боясь, что кто-нибудь из моряков пойдет поглазеть на казнь и потом узнает Джареда на «Спасении». Это было слишком рискованно. Присцилла предпочла перестраховаться.

Джареда выпустили из клетки, когда бриг был уже в открытом море. С изумлением Филип и Присцилла наблюдали, как оживился их младший брат, ступив на палубу. Он немедленно обследовал весь корабль и обстоятельно растолковал брату и сестре, где и какой ремонт нужно сделать. Проворно карабкался бывший пират по вантам, с легкостью ходил по реям, подгонял такелаж и убавлял паруса по команде первого помощника. За обеденным

столом он, капитан и первый помощник веселили общество морскими байками, и всем, собравшимся в кают-компаниях, было очевидно, как Джаред превосходно разбирается в навигации. Здесь-то у капитана и мелькнула мысль — на остаток пути до Бостона предложить Джареду исполнять обязанности по управлению судном. Сам он был уже в достаточно преклонном возрасте и согласился принять командование лишь на время подготовки экипажа. Джаред поблагодарил за предложение вежливо и сдержанно, однако глаза его при этом загорелись. Так точно вспыхивали глазенки мальчугана в детстве, когда отец, уступая мольбам сына, исполнял его заветное желание.

Во время очередной смены вахтенных Джаред принял командование судном и с ходу вошел в роль капитана. Он отрывисто и четко отдавал приказы, проверял показания навигационных приборов, при необходимости вставал к штурвалу и без сучка и задоринки привел «Спасение» в Бостон. Филип и Присцилла поняли, что нашли себе четвертого капитана.

Джаред Морган и Энн Пирпонт отправились в Кембридж навестить родителей Энн, ее сестер и братьев. Энн приезжала домой не слишком часто, и родные очень скучали по ней. Зато встречи были всегда радостными и бурными. Ничто не изменилось в полной веселья жизни этого дома, где по-прежнему росло много детей.

В первый же день мистер Пирпонт и Джаред пошли после обеда прогуляться. Старший Пирпонт, узнав последние новости, расплывался от удовольствия: подумать только, Джаред — капитан собственного судна! Новоиспеченный капитан, само собой, всюду говорил, что плавал на торговом корабле, и мистер Пирпонт с дотошностью расспрашивал его обо всех сложностях морских походов. В этот вечер Джаред и попросил у мистера Пирпонта руку его дочери. Пирпонт-старший, разумеется, тотчас дал согласие.

Энн и Джаред нашли время заглянуть в пекарню, где Джаред повидал Уилла, своего лопоухого приятеля, который был теперь в учениках у пекаря. Джаред тихонько усмехнулся, вспомнив, как ему сулили ту же стезю. Уилл был на хорошем счету у мистера Пирпонта; отец Энн отзывался о нем как о работающем парне и говорил, что из него выйдет отличный пекарь.

Чакерс и Милли поженились, год назад у них родился мальчик, очень скоро они ждали второго малыша. Чакерс подвизался теперь в кузнице; он то и дело менял род занятий, нигде подолгу не задерживаясь. В доверительной беседе Чакерс сообщил Джареду, что его нынешний хозяин просто полоумный, как, впрочем, и все предыдущие, и потому ему нужно занять где-нибудь денег и открыть собственную кузницу. Со слов Милли молодые люди уже знали, что Чакерса каждый месяц обуревают новые идеи — то он собирается открывать бондарню, то мебельный магазин, то сапожную мастерскую. Джаред нашел своего бывшего друга совершенно несносным — он безудержно хвастался, много пил и на все про все имел готовый ответ. Энн и Джаред были рады, когда пришло время обеда и у них появился повод вернуться домой.

На следующее утро молодые люди пустились в обратный путь. В Бостон они решили возвращаться по воде, и Джаред взял напрокат небольшую парусную лодку. Они вышли из Уотертауна, расположенного на реке Чарлз немного выше того места по ее течению, где стоял дом Морганов. Этот дом теперь снова принадлежал их семье. Во время учебного семестра там жил Филип, иногда там останавливалась Присцилла, и Джареду было приятно сознавать, что в доме всегда найдется место и для него. Старый дом Морганов теперь

поддерживал нанятый Присциллой сторож, который жил в нем круглый год.

— Джаред! Лодка сейчас перевернется! Не наклоняйся так сильно! — Сидевшая на носу Энн вцепилась в края лодки и пыталась уравновесить хлипкое суденышко.

Словно не слыша ее, Джаред, перегнувшись через борт, жадно вглядывался в берег. Перед ним медленно проплывали оживающие на глазах воспоминания: белый фасад с четырьмя колоннами, зеленая лужайка перед домом, старые развесистые деревья, конюшня на задворках. Нескоро молодой человек оторвался от милой сердцу картины. Резким рывком он переместился в середину лодки. Суденышко, на секунду выровнявшись, накренилось теперь в другую сторону, туда, где сидела Энн. Девушка тихонько вскрикнула, сдвинулась к центру и, судорожно хватаясь за борта, снова старалась удержать равновесие.

— Пожалуйста, не двигайся так резко, мы перевернемся!

Джаред не слышал ее — он еще был в своих воспоминаниях.

— Человек всегда располагает богатством жизни, но умеет ценить его, лишь когда оно уходит в прошлое и больше не доступно, — вздохнул он. — Знаешь, как раз здесь мы часами плавали с Чакерсом и Уиллом.

— Если ты не будешь сидеть смирно, тебе придется поплавать и сегодня!

— Не волнуйся, — засмеялся Джаред. — Лодка не перевернется.

— А если перевернется?

Джаред пожал плечами.

— Значит, мы промокнем.

Энн смешно надула губы и сделала вид, что сердится. Они осторожно посматривали друг на друга, оба хорошо понимая: это только игра.

— Иди ко мне, — сказал Джаред.

— Нет! Лодка перевернется.

— Не перевернется. Держись за мачту и иди сюда.

Энн поднялась и, ухватившись за мачту, сделала неуверенный шаг вперед — лодка угрожающе накренилась. Но девушка не успела даже вскрикнуть — Джаред вовремя протянул руку, подхватил любимую и усадил ее к себе на колени. Энн тотчас соскользнула на скамейку, теперь она сидела, прислонившись спиной к его груди. Держа левую руку на румпеле, правой Джаред обнял ее за талию.

— Теперь я знаю, чего вы добивались, мистер Морган! — с притворным возмущением воскликнула Энн. — Я-то думала, ты хочешь похвалиться своим умением управлять судном, поэтому мы отправились на лодке, а ты, оказывается, просто решил застать меня врасплох.

Джаред положил подбородок на плечо любимой и прижался щекой к ее щеке.

— Уж мы, пираты, такие, — намеренно тяжело вздохнул он. — Если мы оказываемся рядом, умолять о пощаде бесполезно.

Энн уютно устроилась в его объятиях и любовалась проплывающими мимо пейзажами.

— Как красиво! — Она взяла Джареда за руку.

— А помнишь, как три года назад я залез на дерево у тебя под окном? — вдруг спросил он.

— Еще бы! Я до смерти перепугалась, увидев тебя за окном спальни!

— А что было перед этим?

Энн на мгновение задумалась.

— Ну да! Эта ужасная трубка для влюбленных!

Слегка повернув голову, она тихонько сказала:

— Так куда лучше.

— Согласен.

Подавшись немного вперед, Джаред поцеловал Энн в губы.

— Если мне не изменяет память, ты не хотела говорить, что любишь меня.

— Если мне не изменяет память, — глаза Энн сверкнули, — я сказала: «Ты сам это знаешь».

Она потупила взор.

— Я стеснялась говорить в присутствии родителей, даже через ту нелепую трубку. Я же объяснила тебе потом!

Джаред кивнул.

— Энн...

Он уткнулся носом в ее круглый душистый затылок.

— Как много значили для меня эти воспоминания! Они были единственным источником, из которого я черпал силы, чтобы терпеть и выстоять. Энн! Все дни и годы разлуки я знал, что есть на свете твое окно, и за этим окном есть ты, и ты ждешь меня.

Он снова поцеловал ее, крепко прижав к себе. Девушка ласково провела рукой по его волосам.

— Джаред, я могу тебя кое о чем спросить?

— Конечно.

— Мне, вообще-то, неловко.

Энн была явно смущена. Она опустила глаза, помолчала, вздохнула.

— Но я должна знать.

— Может, тебе будет попроще, если я временно покину лодку?

— Джаред! — она легонько ударила его по ноге. — Не смейся надо мной.

— Извини... — Джаред прикоснулся лбом к ее виску. — Так что ты хотела спросить?

— Ну, в общем... Тебя ведь очень долго не было. Все это время ты был в море. Иногда вы заходили в порты и... Ну, мне рассказывали, я знаю, как ведут себя моряки в порту, когда они далеко от дома и им одиноко. Вот я и хотела спросить... Когда ты сходил на берег, ты ведь тоже, наверное, встречал каких-нибудь девушек?

— Девушек? Полным-полно! — с энтузиазмом откликнулся Джаред. — Я видел их повсюду: на улицах, на рынке, в мага...

Энн опять ударила его по ноге, на сей раз более ощутимо.

— Джаред! Не издевайся надо мной! Ты знаешь, что я имею в виду.

Джаред чуть наклонился и коснулся губами мягких рыжих волос над ее нежным ухом.

— Я знаю, что ты имеешь в виду, — прошептал он. — И мой ответ — нет. Однажды меня привели в бордель, пошел вместе со всеми. Но я не смог. Я вспомнил о тебе и понял, что не могу.

— И что же ты сделал?

— Выпрыгнул в окно и убежал.

— Джаред Морган! Ну ты и грубиян!

Глаза Джареда округлились от удивления.

— Как неучтиво! Представь только, что было с бедной девушкой! Вдруг взял и прыгнул в окно! Она наверняка обиделась! — Энн нарочито выговаривала ему, не отводя взгляда, и Джаред начал медленно расплываться в улыбке: теперь она решила подразнить любимого. — Кажется, в Библии сказано: не дразните и не дразнимы будете [\[45\]](#), —

заклЮчила Энн.

Джаред притворился, что рассержен, и легонько ткнул Энн кулаком в бок. Лодка опять накренилась.

— Джаред, не надо! Джаред! Мы перевернемся!

— Я люблю тебя, Энн Пирпонт! — во весь голос сказал он. — Люблю!

Они уже подплывали к Бостонской гавани и скоро вошли в бухту, ограниченную с одной стороны косою Грэйвз-Нек, а с другой — возвышенностью Бэкон-Хилл. По тянущейся длинной лентой косе шла дорога в Бостон. Теперь до нее уже рукой подать — паромная пристань, а дальше сразу берег.

— Пока тебя не было, я написала стихотворение.

— Всего одно?

Заметив предостерегающий взгляд Энн, Джаред поспешно поднял руки вверх в знак капитуляции.

— Извини, сорвалось.

— Ты хочешь послушать или нет?

— Ну конечно, хочу. Оно у тебя с собой?

Энн положила голову любимому на плечо.

— Оно всегда со мной.

Девушка закрыла глаза и начала читать:

Ласковый ветер морской
Мне твой голос напоминает,
Тонкие ветви деревьев —
Пальцы и губы твои.
Из-за окна — луна
Смотрит твоими глазами,
И так — каждую ночь,
Пока рассвет не спугнет
То, что привиделось мне.
Как же дождаться мне дня,
Божьим когда перстом
Будет стерта черта,
Что безжалостно грезы и явь разделяет,
И они воедино сольются...

Джаред сидел молча, опустив голову. Он был взволнован и боялся, что не сумеет сказать Энн самое нужно сейчас слово. Потом произнес очень тихо:

— Это чудесные стихи, Энн. Действительно чудесные. Ты запишешь их для меня?

Энн нежно поцеловала его в ответ.

Экипаж Присциллы остановился на Кинг-стрит около Корнхилла. У дверей «Таверны доброй женщины» посетителей по-прежнему встречал отвратительный манекен дамы с оторванной головой. Присцилла привычно поморщилась и вошла в таверну с недовольной физиономией.

— Мистер Гиббс, — начала она без предисловий, — эта безголовая красотка совершенно невыносима. Когда вы наконец избавитесь от нее?

— Я тоже рад вас видеть, миссис Стернз, — приветливо улыбался Питер Гиббс. — Что касается леди у входа в таверну, то я как раз подумывал, не попросить ли резчика изготовить для нее голову. Может быть, вы согласитесь позировать?

— Да, моей голове нет лучшей участи, чем красоваться у дверей вашей таверны.

Гиббс помог Присцилле снять пальто, и они сели за ближайший ко входу столик.

— Что привело вас в мое скромное заведение?

— Ничего особенного, — ответила миссис Стернз, доставая из сумки тоненькую пачку листов. — Просто вы должны подписать еще кое-какие бумаги.

Бросив быстрый взгляд на протянутые ему документы, Гиббс замолчал, пораженный внезапной догадкой.

— Что-то не так? — удивленно спросила она.

— Не пойму, почему вы решили затруднить себя столь важным делом? — в его глазах вспыхнул озорной огонек.

— Что вы хотите этим сказать, мистер Гиббс?

— Только одно: вы могли бы передать бумаги через посыльного, — он положил пачку листов на стол, — но предпочли привезти их лично. Я польщен.

— Просто ехала мимо и решила покончить с этим делом, вот и все.

Гиббс откинулся на спинку стула. Склонив голову набок, он оценивающе смотрел на Присциллу.

— Вы все время думаете о делах. Неужели вам никогда не хочется отвлечься от своих подсчетов и просто насладиться жизнью?

— Я не забываю наслаждаться жизнью, благодарю за заботу.

Она достала из сумочки перо и чернильницу.

— Соблаговолите, пожалуйста, подписать бумаги.

— Нет.

— Что вы сказали? Нет?

— Я подпишу, если вы согласитесь составить мне компанию. Поедемте куда-нибудь на прогулку.

— Мистер Гиббс, отказ подписать бумаги — это не шутка. Вы ставите под угрозу все наше предприятие! — в голосе у Присциллы послышались ледяные нотки.

Подавшись вперед, Гиббс демонстративно положил руки на стол и улыбнулся. На его щеках опять появились ямочки, к которым Присцилла, увы, питала слабость. Она замолчала и старалась смотреть только на бумаги.

— Прошу вас, поймите меня правильно, — Питер слегка коснулся ее руки. Смешавшись, Присцилла не знала, нужно ей убрать руку или нет. — Я всегда буду чувствовать себя вашим должником. Я имею в виду не деньги, а ваш поступок. Позвольте мне хоть что-то вернуть вам, проявите еще раз свое благородство. Давайте прямо сейчас съездим на прогулку в гавань. Миссис Стернз, докажите мне, что вы способны думать не только о делах.

Присцилла подняла на него глаза.

— Пожалуйста, — еще настойчивее просил Гиббс. Ямочки на его щеках сделали свое дело.

— Ладно. Только ненадолго.

В экипаже Присциллы они доехали до Шип-стрит и дальше пошли пешком. Взяв

Присциллу под руку, Питер Гиббс повел ее по улице, которая шла вдоль набережной. Клонившееся к закату солнце щедро окрашивало все вокруг спело-оранжевым цветом, но в сгущавшихся сумерках тени постепенно становились длиннее и длиннее. Подойдя к пирсу, Питер с Присциллой долго смотрели на стоявшие на приколе большие корабли и слегка покачивающиеся на воде легкие суденышки.

— Через пару месяцев «Спасение» отправится в плавание, и Джаред впервые выйдет в море капитаном, — прервала молчание Присцилла. — Мы заключили отличную сделку на перевозку леса. Он повезет его в Лондон, а там...

— Простите, — прервал ее Гиббс, — но вы вновь о делах. Мы же с вами условились — никаких цифр и сделок. Расскажите мне лучше о себе.

— Мне не очень хочется говорить о себе.

Присцилла настороженно взглянула на Гиббса.

— Ладно, тогда скажите, что вам нравится цвет воды на закате или причудливые сумеречные тени. О чем угодно, только не о делах.

Присцилла кивнула, и дальше они пошли молча. Пару раз она порывалась было что-то сказать, но в последний момент ловила себя на мысли: опять о делах! Это начало ее тревожить. Неужели Питер Гиббс прав?

— Посмотрите! — Гиббс повернулся к городу. Среди причудливых форм теснящихся друг к другу крыш издалека выделялся шпиль Северной церкви. Солнце только что скрылось за верхушками зданий, и небо из бледно-голубого на глазах становилось желтым, потом ярко-оранжевым.

— Как красиво! — вырвалось вдруг у Присциллы.

Питер осторожно взял ее за руку. Говорящий взгляд Присциллы, устремленный за спину Гиббса, заставил его оглянуться.

По набережной к ним с радостными улыбками шли Энн и Джаред, только что вернувшиеся из Кембриджа. Вот это встреча!

Энн, подхватив подругу под руку, восторженно принялась рассказывать о поездке домой и, не удержавшись, похвалилась: отец дал согласие на ее брак с Джаредом.

— Значит, скоро свадьба, — подслушал эту новость Питер. — Придется нам всем вернуться в таверну и устроить праздничный ужин.

Так и поступили. Вчетвером они отправились в «Таверну доброй женщины» и, болтая и смеясь, засиделись там далеко за полночь.

Джаред, Энн и Присцилла возвратились домой поздно, шумно, в приподнятом настроении. А Филип читал. Как же они не догадались послать за братом! Он мог бы повеселиться вместе со всеми. Но Филип довольно кисло ответил, что у него нет настроения развлекаться. Он, конечно, поздравил Энн и Джареда, но сразу объявил, что идет к себе наверх спать, предоставив молодым людям продолжать веселиться и подтрунивать над Питером Гиббсом, который уже не скрывал своих чувств к вдове Стернз.

Филип лежал в темноте и смотрел в потолок. Он мысленно перебирал события прошедшего вечера. Пока Джаред, Энн и Присцилла ужинали в таверне, отмечая помолвку он виделся с Вампасом, который только что вернулся из резервации. Индеец привез другу письмо от Витамоо, и Филип засыпал его вопросами. Вампас отвечал неохотно. Да, с Витамоо все в порядке. Сейчас к ней в вигвам приходят на занятия пятеро детей, она с нетерпением ждет издания букваря. В индейской школе Гарварда обещали, что книга будет отпечатана через пару месяцев. Да, у нее все хорошо. Она сама уверяла Вампаса в этом.

Индеец вздохнул. А душа-то у Витамоо не на месте, это видно. Она стала не той, какой была прежде. Что-то в ней надломилось. Волнуясь, Вампас стал просить Филипа съездить в резервацию, его приезд должен поддержать Витамоо.

Только после ухода индейца Филип прочел письмо Витамоо. И убедился, что Вампас сказал правду. Внешне все шло складно — она рассказывала о церкви, о своих учениках и занятиях. Но за этим простым рассказом скрывалась боль, которая заставила Филипа задуматься о том, чего Витамоо не написала. Филип понял: она не верит, что он вернется. Она потеряла надежду.

«Возможно, Витамоо права. У нее в груди бьется очень умное и чуткое сердце. Она поняла все много раньше меня», — думал Филип. С очевидным трудно спорить. Даже если не будет вакансии, ректор лично постарается выхлопотать для него преподавательскую должность. «Я не хочу его упустить», — сказал он как-то в частной беседе. Да и в истории их отношений с Пенелопой тоже рано ставить точку. Верная своему слову, она уговорила отца расторгнуть ее помолвку с Реджинольдом Бернсом и теперь буквально не давала Филипу проходу. Поначалу ему без труда удавалось избегать бывшую возлюбленную, но в последнее время, когда и воспоминания о Витамоо несколько потускнели, и перед ним открылась заманчивая перспектива оказаться среди гарвардской элиты, Филип перестал так резко отвергать заигрывания Пенелопы. Он говорил себе: «Неизвестно, что будет дальше, вдруг мне придется остаться». Свою лепту вносил и Эдмунд Чонси. Ныне весьма влиятельный член попечительского совета университета, он изо всех сил старался возобновить дружеские отношения с Филипом. Кроме того, семья Морган наконец воссоединилась, и у Филипа появились определенные обязанности в Товариществе. Все это делало поездку в резервацию невозможной.

«Может быть, я сейчас не слышу Господа. Что Он хочет сказать мне?» В Кембридже, в Бостоне — у Филипа всегда дела складывались как нельзя лучше. К чему бы он ни стремился в жизни — не считая недолгого времени, проведенного в резервации, — все само шло ему в руки.

Он написал ответ Витамоо. Перечитав свое письмо, Филип удивился тому, как оно похоже на письмо Витамоо. На словах все было гладко, но что стоит за словами?

Филип закрыл глаза и попытался перестать думать о Гарварде, Витамоо, Пенелопе и Товариществе. Снизу донесся новый взрыв смеха. У Джареда есть Энн, Присцилла влюблена в Питера. А что есть у него? Кого любит он, Филип? Где его место?

Молодого человека терзало множество вопросов, ответа на которые он не знал. Безысходно мечась между ними, Филип в конце концов уснул.

— Что ты пялишься на меня, как идиот, Уоткинс? Рассказывай, что разузнал.

Застенчивые люди выводили Дэниэла Коула из себя. Нерешительность — это признак слабости, а слабых Дэниэл терпеть не мог.

— Думаю, вы будете довольны, мистер Коул, — секретарь робко подошел к столу и подал отчет. Выхватив у него бумаги, Коул жадно впился в цифры и длинные колонки названий.

Констанция сидела в своем залитом солнцем алькове и завтракала. Она намазала немного абрикосового джема на ломтик хлеба. Погруженная в свои мысли, миссис Коул не обращала никакого внимания на крик мужа. Обычная деловая утренняя встреча.

Дэниэл Коул выругался, перевернул страницу и снова выругался.

У него в руках был полный перечень приобретений Товарищества «Искушение»: «Таверна доброй женщины», дом Морганов, четыре корабля и предприятия нескольких конкурентов Коула вместе с их судами, складами и всеми имеющимися в наличии товарами. Кроме того, ходили слухи, что совсем недавно пресловутое Товарищество купило несколько новых пакетов акций, а приблизительная оценка его собственности дала убийственный результат: эта компания обошла самого Дэниэла Коула.

— Уоткинс, если ты полагаешь, что принес хорошие новости, ты еще глупее, чем я думал.

— Хорошие новости на третьей странице, сэр. Мы узнали, кто владеет Товариществом.

Коул лихорадочно перевернул страницу, и губы его скривились в злой усмешке. Он отложил бумаги. Немигающим взглядом Коул смотрел на свою жену, лениво завтракавшую в постели.

— Похоже, безобидная камбала породила акулу, — пробормотал он. И снова повернулся к секретарю: — Информация проверена?

Уоткинс протянул хозяину еще два документа.

— Это мы раздобыли вчера вечером.

Коул держал перед собой контракты, подписанные рукой Присциллы. С крика он теперь перешел на шепот и, отдавая распоряжения, только злобно постукивал пальцем по бумагам.

— Я хочу, чтобы на каждом корабле, которым владеет эта женщина, на каждом предприятии, в ее доме — везде были мои осведомители. Они должны докладывать мне про каждый ее шаг и каждое сказанное слово. Тебе ясно?

— Да, сэр.

Секретарь удалился.

Дэниэл Коул откинулся на спинку кресла, достал сигару и закурил, глядя, как миссис Коул, сидя в алькове, в одиночестве пьет свой утренний чай. Дым сигары, свиваясь кольцами, медленно плыл по комнате. Констанция повела носом и поморщилась. Она посмотрела на мужа.

— Ты же знаешь, я не люблю, когда ты куришь так рано и вдобавок портишь мне завтрак.

— Да, знаю.

Дэниэл глубоко затянулся и выпустил в ее сторону кольцо дыма.

Целый месяц Дэниэл Коул расставлял сети и готовил гарпуны. Ему предстояла охота на акулу, и этой акулой была Присцилла Морган Стернз. В предвкушении убийства кровь у него закипала, как у заядлого охотника. Коул долго выслеживал свою жертву, изучил ее привычки и слабости, знал места, где она бывает. Он хотел встретить любую ситуацию во всеоружии.

Теперь Коул не только располагал полным списком имущества Товарищества, но и был в курсе планов компании на будущее. От своих осведомителей он получал информацию о разговорах, которые велись в гостиной у Присциллы, и знал, что Джаред вскоре отправляется в плавание в Китай. Это была смелая затея. В свое время Дэниэл Коул сколотил капитал, торгуя оловянной посудой. С тех пор утекло немало воды, благосостояние бостонцев выросло, и в городе складывался рынок для более дорогой и изящной посуды. Если Товариществу удастся наладить связь с Китаем, они сделают на этом целое состояние.

Знал Коули о том, что Филип собирается возвращаться в резервацию наррагансетов.

Обсуждение его планов, как сообщали осведомители, велось в семье на повышенных тонах. Но Дэниэла принятое Филипом решение порадовало — хотя бы одного из Морганов можно сбросить со счетов. А если парень передумает и решит остаться — что ж, Коул справится и с этим.

Фортуна, казалось, сама идет Дэниэлу Коулу в руки. Волею случая на борт «Спасения» был нанят человек, служивший прежде на «Ллойд Джордже». Он-то и узнал в капитане Джаред Моргане пресловутого Веселого Моряка, что совпадало со сведениями, полученными Коулом от своих вербовщиков — матроса и индейца. Они наконец вернулись из Чарлстона, где были схвачены сразу после бегства Веселого Моряка и допрошены в тюрьме местными властями. Добиться освобождения им помогло исключительно удачное стечение обстоятельств. Во-первых, нашлось несколько свидетелей, которые во время побега пирата видели его «похитителей» в таверне в бесчувственном состоянии. И во-вторых, в тот злополучный момент, когда «матрос» чуть было не потерял свою монмутскую шапку, преследователи успели заметить у него на лбу большой шрам — такого шрама не было у арестованного. Зато Коул хорошо знал, у кого такой шрам есть. Филип Морган! Не составило особого труда догадаться и о том, что индеец — один из приятелей Филипа, приехавший ему в помощь из резервации. Все сходилось.

Коул цепко держал в поле зрения и беглого пирата, и тех, кто устроил его побег. Но главный его враг — миссис Стернз. Он должен был решить, как лучше использовать информацию, компрометирующую ее братьев. Как приманку для нее? Или пойти на шантаж? На губах у Дэниэла Коула появилась сладострастная улыбка охотника, который знает, что вот-вот загонит свою жертву в ловушку.

Джозеф, чернокожий слуга Присциллы, стоял у дверей гостиной и прислушивался к происходившей там ссоре, стараясь не упустить ни слова.

— Пусть едет! — кричала Присцилла. — Он уже исчезал на три года, когда был нужен. Пусть и теперь делает, что хочет. Мы обойдемся без него.

— Филип, почему бы тебе не привезти Витамоо сюда? — по-своему старалась уладить размолвку Энн. — Мы были бы ей очень рады.

Филип стоял у камина со скрещенными на груди руками и оборонялся от нападок.

— Она не поедет. Вся ее жизнь связана с работой в резервации. Поймите, я вернулся с одной целью — помочь вам сплотиться. Теперь у вас все образовалось, и мне пора назад.

Питер Гиббс, сидевший рядом с Присциллой, подался вперед.

— Может быть, у меня нет права вмешиваться — я не член вашей семьи. А может, просто буду более объективным. Филип, боюсь, что, уехав, ты растратишь свою жизнь попусту. У тебя сейчас хорошая перспектива получить место в Гарварде, мы наладили дела Товарищества. А чем ты будешь заниматься в резервации? Выращивать кукурузу? Строить вигвамы? Твои блестящие способности пропадут там ни за грош.

— Питер прав, — сказал Джаред. — Наконец-то мы снова вместе. А кроме нас у тебя здесь любимая работа, друзья, книги.

— Здесь нет женщины, которую я люблю.

— А как же Пенелопа? — попыталась урезонить Филипа Присцилла. — Она без ума от тебя. Я, конечно, не знаю, что представляет собой твоя пассия, но в Бостоне Пенелопа Чонси явно не худшая партия. А если ты будешь работать в Гарварде, ее семейные связи придутся как нельзя кстати.

— Я тысячу раз говорил себе то же самое. Но на другую чашу весов, видимо, положено

большее.

— Нам всем приходится чем-то жертвовать, — убеждал брата Джаред. — Энн не хочет отпускать меня в плавание в Китай, ей страшно подумать, что путешествие может затянуться года на два. Я тоже не хочу расставаться с ней надолго. И тем не менее я пойду в рейс, потому что это необходимо нашей семье. Может быть, судьбой вам с Витамоо предназначено быть вместе. Но ты и нам нужен — здесь и сейчас. Филип, останься в Бостоне хотя бы до моего возвращения. Когда мы доставим первую партию товаров из Китая, мы будем увереннее стоять на ногах.

Филип молчал, взвешивая все жертвы, все да и нет. С твердой решимостью в голосе он сказал свое последнее слово:

— Я сегодня услышал много доводов, заставивших колебаться мое сердце. Но меня ничто не переубедило. Утром я уезжаю.

— Прямо как мама! — закричала Присцилла. — Не желает слушать, и все. Ну что ж, хочешь делать по-своему — делай. Скатертью дорога!

Присцилла вихрем выскочила из гостиной, напугав Джозефа, который метнулся в сумрак передней и сумел остаться незамеченным.

На следующее утро, когда все еще спали, Филип отправился в Кембридж. Он упаковал свои скромные пожитки и попрощался с Вампасом. Его путь лежал в резервацию наррагансетов.

Над колониями Новой Англии повеяло свежим ветром возрождения. Присцилла как-то сразу заметила, что магазины и мастерские закрываются в полдень на время молитвы. Люди, которых она знала годами и которые раньше не проявляли никакого интереса к религии, теперь обратились к вере. Они собирались дома тесным кругом друзей или сходились всей семьей для того только, чтобы вместе помолиться. Охотно стали они посещать богослужения, приходили послушать проповедь священника и его комментарии к Слову Божьему. Идя по улице, Присцилла нередко слышала псалмы, доносившиеся из окон домов и даже из окон фабрик и мастерских. У ее поколения полуприхожан, которое, само не добившись особых успехов, пожинало плоды благочестия и праведности родителей, — у этого поколения стал вдруг расти интерес к вопросам веры. Словно эпидемия охватила сотни общин, то и дело в разговорах всплывали новые истории о чьем-то обращении. Однако Присцилла оказалась невосприимчивой к всеобщему «заболеванию».

— Ты просто одержимая! — кипятился Гиббс.

Присцилла работала за столом в его таверне. Перед ней лежала груда бумаг.

— Чего бы я добилась сегодня, если бы вчера порхала, как бабочка?

Питер сердито провел по полу шваброй. День выдался вялый, в таверне сидели только два старика, завсегдатаи заведения. За неимением других развлечений они неторопливо потягивали эль из больших кружек, читали газеты да ловили обрывки чужих разговоров. Сегодня их развлекали Присцилла с Питером.

— Послушай, посетителей нет, а на улице прекрасная погода. Давай съездим в гавань, — предложил Питер.

После своей первой прогулки они стали время от времени приезжать в гавань. Любили смотреть на залив, на стоящие в бухте корабли. Гуляли по набережной, держась за руки и наслаждаясь прикосновением к коже свежего морского ветра. В прохладные дни щеки Присциллы становились пунцовыми, соперничая яркостью цвета с ее рыжими волосами, и Питер согревал их ладонями, а потом губами. Там же, на набережной, они впервые поцеловались.

Однако сегодня Присцилла была всецело поглощена делами, и оторвать ее от бумаг оказалось нелегко.

— Не сейчас, Питер. Я должна срочно подготовить декларацию на судовой груз. — Перебрав три стопки листов, она нашла наконец нужный документ и принялась внимательно изучать список.

— Я очень тебя прошу, съездим. Для твоей же пользы.

— Ты мне не мать, и у меня много работы.

Питер, прислонив швабру к стене, подошел к столу и сгреб все документы в одну кучу.

— Питер! Что ты делаешь? — закричала Присцилла.

— Вот что! — ответил он, бесцеремонно сунув охапку бумаг в стоявшую за стойкой корзину. — На сегодня работа окончена.

Присцилла не на шутку рассердилась и продолжала бушевать. К удивлению Питера, она еще и выругалась. Раньше он никогда не слышал, чтобы Присцилла ругалась.

— Немедленно верни бумаги на место!

— Ты это серьезно?

По выражению ее лица Питер видел, что мог бы и не спрашивать.

— Думаешь, Дэниэл Коул сидит сложа руки или прогуливается по набережной? Как бы не так! Если я где-то дам слабину, он уничтожит меня или проглотит заживо. Приехав в таверну с документами, я надеялась побыть немного рядом с тобой, а ты ведешь себя, как капризный ребенок. Раз такое дело, отныне я буду работать дома.

Краска бросилась Питеру в лицо. Он вытащил бумаги из корзины и швырнул их на стол.

— Пожалуйста, миссис Стернз. Простите меня, я не столь умен, чтобы понять, какой крах грозит вашей финансовой империи из-за небольшой прогулки со мной. Кстати, на твоём месте я не стал бы так сильно нападать на Дэниэла Коула. Ты скоро станешь как две капли походить на него, вас невозможно будет отличить.

Присцилла ошеломленно смотрела на него.

— Ушам своим не верю! И это говоришь ты?

— Да, это говорю я, и это действительно так. После отъезда Филипа ты стала просто одержима мыслями о мести Коулу.

— Как я могу не думать о мести? — закричала Присцилла, и у нее брызнули слезы. — Этот человек уничтожил мою семью! Как мне не думать о возмездии? Я не успокоюсь, пока не причиню ему такие же страдания, какие он причинил мне.

— Присцилла, послушай себя! Послушай, что ты говоришь! Этот человек уже победил!

— О, нет!

— Да, и еще как! Ты стала такой же, как он, — вот его победа. Ты стала корыстной, злой и бесцеремонной! Ты больше не способна просто любить жизнь. И даже если ты создашь более могущественную финансовую империю, чем у Коула, это не вернет тебе ни умения радоваться простым вещам, ни веры.

Присцилла плакала, не сдерживаясь. Сейчас она ненавидела Питера за те слова, которые он кидал ей в лицо.

Их ссора закончилась неожиданно — входная дверь резко распахнулась, и в таверну влетел Скроггинз, торговец рыбой, он держал лавочку на Кинг-стрит, неподалеку от заведения Питера.

— Гиббс! Закрывай скорей таверну, идем со мной! — с порога бурно начал он. — Ты не пожалеешь!

Питер с изумлением посмотрел на Скроггинза. Тот тяжело дышал, лицо его покраснелось — и при этом он сиял от радости. Иначе Гиббс решил бы, что где-то неподалеку пожар.

— Скроггинз, о чем ты?

— Уайтфилд! — воскликнул Скроггинз. — Проповедник из Англии. Он приехал к нам читать проповедь. Идем! Нельзя упускать такую возможность.

Дверь со стуком захлопнулась. Скроггинз побежал сообщать ту же новость сапожнику, мастерская которого находилась через улицу.

Прислонившись к стойке, Питер молчал и смотрел в пол, потом поднял глаза на Присциллу.

— Прости, что я накричал на тебя, — нарушил он долгую паузу. — Но я действительно так думаю.

В ответ Присцилла шмыгнула носом.

— Знаешь, — продолжал Питер, — я не в первый раз слышу об этом Уайтфилде. Люди

говорят, что его проповеди открывают для них Слово Божье. Может, пойдём, послушаем сами? Что скажешь?

— Мы с Богом не разговариваем уже много лет, — тихо ответила Присцилла.

— А вдруг пришло время помириться?

Она только пожала плечами.

Питер долго прокашливался, затем неспешно пошел к дверям.

— Если я понадоблюсь тебе, я буду там.

— Питер? — Гиббс уже успел взяться за ручку двери, но остановился. — Если ты не против, я бы хотела пойти с тобой.

Послушать проповедь Джорджа Уайтфилда ^[46] собрались тысячи жителей Бостона, и найти место для экипажа оказалось довольно сложно. Присцилле и Питеру пришлось довольствоваться не первыми рядами, но они прекрасно слышали каждое слово и хорошо видели молодого стройного человека с круглым лицом, энергичного и живого. Он говорил, бурно жестикулируя, вкладывая в проповедь весь жар своей души, всеми способами стремился донести до слушателей свою мысль.

— Существует расхожее мнение — а расхожее мнение нередко соответствует действительности, — что тьма сгущается перед рассветом. Обратимся ли мы к собственному опыту или вспомним, как складывались отношения людей с Господом, мы в любом случае обнаружим, что в особо тяжелом положении человеку на помощь приходит Бог. «Если враг придет как река, дуновение Господа прогонит его» ^[47]. В то же время, сколько бы мы ни мечтали о незыблемом процветании церкви и государства или об устойчивом благополучии своего тела, души и преходящих наших дел, мы неизменно обнаруживаем, что в жизни бывает всякое, после дождя часто вновь собираются тучи и в самой процветающей стране случаются такие пасмурные дни, что даже праведник начинает роптать: «Все люди — лжецы, и Господь забыл о милосердии».

Слова проповедника поразили Присциллу. У него, несомненно, был яркий талант оратора — каждое слово звучало четко, ясно, с верной интонацией. Уайтфилд говорил с людьми так, словно вел задушевную домашнюю беседу. Его речь не была похожа на научный трактат вроде тех, что она привыкла слышать по воскресеньям. Это был личный разговор о вере и Боге, беседа с глазу на глаз. При словах о ропщущем на Господа праведнике, что забыл Он о милосердии, душа Присциллы всколыхнулась. Она стала вслушиваться еще внимательнее.

— Но, братья мои, я не могу молчать и вот о чем: в лоне церкви больше неверующих, чем вне церкви. Я повторю это еще раз, задумайтесь: в лоне церкви больше неверующих, чем за ее пределами. Эти люди лишь рассуждают о Боге, но Ему нет места в их сердцах; они не знают надежды, просят Его о милосердии, но не приняли Спасителя. Нет ничего проще, чем славословить Господа, не веруя в Него и не надеясь на Него в душе своей.

Не ослышалась ли Присцилла? Этот проповедник осмеливается произносить столь резкие слова о церкви! Он развенчивает лицемеров, которые прячутся под маской благочестия и праведности, но на деле ничем не отличаются от простых смертных с их

простыми чувствами. Много лет назад она доверяла сходные мысли своему дневнику, а теперь нашелся человек, который говорит то же самое открыто.

— Мало кто из христиан проявляет должное терпение и к своим близким; в наше время родные, увы, нечасто уживаются под одной крышей. В посторонних людях мы порой охотнее принимаем то, что не можем выносить в родственниках. Если бы Господь был так же нетерпим к нам, как мы нетерпимы друг к другу, Он неумолимо уничтожил бы нас день за днем. Не дьявол ли смущает вас соблазном уйти в сладкое забытие? Я больше не пойду в храм, я буду лежать на диване и предаваться праздности! Да спасет Господь души тех, кто поддался этому искушению!

В Мурфилде, на Кеннингтон-Коммон, в меня летели тухлые яйца и комья грязи, от которых моя сутана стала тяжела и не давала даже пошевелиться. И тем не менее всегда надежнее и спокойнее мне было в неопалимой купине, чем когда я пребывал в праздности. Помню, когда я читал проповедь в Эксетере, кто-то запустил мне в голову камнем и разбил лоб. Как же я был изумлен, узнав, что именно в эту минуту сила моих слов удвоилась. Вот что случилось: в одного слушавшего меня рабочего тоже запустили камнем. Я переживал за этого паренька больше, чем за себя, а он подошел ко мне и сказал: «Сэр, какой-то человек ранил меня, но Иисус исцелил мою рану — только теперь я услышал ваши слова и смог освободиться от оков». Спросите себя: разве не лучше дышалось бы вам сейчас, будь день не столь знойным? Холод взбудрил бы вас. В такую жару, как сегодня, хочется освежиться. Процветание и благополучие суть то же искушение: они усыпляют душу, и боюсь, что христиане избалованы ими.

Если бы не полная абсурдность такого предположения, Присцилла могла бы решить, что Питер подстроил для нее эту проповедь. Уж слишком все сходилось на ней. Уайтфилд заговорил о нежелании близких уживаться друг с другом — и она невольно вспомнила Филипа. Слова проповедника о благополучии, усыпляющем душу, тоже попали в цель. Она наслаждалась ложем праздности и больше не ходила в храм. Она променяла Бога на золото — и обеднела из-за этого.

— «О, вы пугаете нас!» — не раз слышал я. Вы думаете, я по неведению напугал вас? А я беспокоюсь: довольно ли я напугал вас? Не будет, полагаю, беды, если я отпугну вас от преисподней и от неверия. Так идите и передайте мои слова другим. Пусть помнят, что дурные люди несут в себе пламя преисподней. Господь же выхватывает нас из этого пламени, как головни. Благословен Господь, который отсрочил час расплаты, — у нас еще есть время проснуться, и для каждого тогда может наступить спасительный день! О ангел, посланник вечного завета, сойди к нам, благословенный утешитель! И пусть на тех, кто пока не обратился к Господу, снизойдет милосердие и Господь дарует им прощение.

Пусть пробудит Всевышний тех, кто погряз в грехе, и удержит стоящих на пороге бездны, ибо Иисус в силах сделать даже это. Аминь!

Толпа расходилась, и плача и улыбаясь сквозь льющиеся слезы. Потрясенной до самых основ своего существа вышла и Присцилла: какая пропасть пролегает между проповедью Уайтфилда и постылыми наставлениями, которые она постоянно слышала в церкви! На воскресные службы люди обычно приходят продемонстрировать обществу свою

добропорядочность, а те, кто побогаче, — напомнить о своем социальном статусе, важно пройтись по храму к своей собственной, стоящей на видном месте скамье. Ни одна воскресная служба не обходится без славословий Богу, но что-то Присцилла не припомнит хотя бы одну проповедь, помогающую приблизиться к Нему. А впрочем, стремятся ли к этому сами прихожане?

Как сильно задела проповедь душу Присциллы! Каким новым и свежим было ее нынешнее состояние! Духовное пробуждение, заставлявшее жителей Бостона спешить на выступления Джорджа Уайтфилда, настало и для Присциллы. Как и тысячи других бостонцев, она поняла, что должна сама строить отношения с Богом и решить вопрос о своем спасении. Но более всего Присциллу всколыхнули слова Уайтфилда, произнесенные в самом конце проповеди: личная связь с Богом важнее богатства. Она почувствовала в своем сердце теплоту, которой ей так долго недоставало. Это была теплота Его любви.

Присцилла взяла руки Питера в свои и сжала их.

— Дорогой Питер, — сказала она, — мой дорогой Питер. Спасибо, что ты привел меня сюда. Знаешь, мне стыдно вспоминать, как я вела себя сегодня. В гневе я забыла все святое. Как бы мне хотелось отблагодарить тебя за чудо этого дня!

На щеках Питера появились его неизменные ямочки — он улыбался.

— Вообще-то, ты можешь отблагодарить меня, но я сомневаюсь, что ты выполнишь мою просьбу.

— Все, что у меня есть, — твое.

— Мне не нужны твои деньги, суда, склады.

— Тогда что тебе нужно?

— Мне нужна ты, дорогая моя Присцилла. Не твое имущество. Ты.

Присцилла вспыхнула.

— Что ты хочешь сказать?

Теперь Питер, в свою очередь, взял ее руки в свои.

— Я хочу сказать, что люблю тебя. Люблю с того самого дня, как ты привела свою лошадь ко мне в таверну. Наверное, я прошу слишком многого, но я хотел бы получить твою любовь. А взамен возьми мою.

Присцилла, высвободив одну руку, прижала ладонь к губам.

— Боже мой! Ну и день сегодня! — воскликнула она. — Питер, я не стою твоей любви.

Слезы мешали ей говорить.

— И я боюсь, что уже разучилась любить.

— Тогда позволь мне научить тебя этому.

— Да, Питер! Да! Научи меня любить! — Присцилла упала в его объятия.

Вернувшись домой, в гостиной они нашли Джареда и Энн, которые горячо обсуждали проповедь Уайтфилда.

— Вы были там? — взволнованно спросила Энн.

— Мне казалось, что мистер Уайтфилд обращается непосредственно ко мне, — невпопад ответила Присцилла. — Он сумел разбудить во мне чувства, уснувшие на долгие годы.

У Энн медленно потекли по щекам слезы.

— Я чем-то обидела тебя?

— Нет, — покачала головой Энн. — Просто сегодня Господь услышал мои молитвы.

— Ты молилась обо мне? — Присцилла не сводила с подружки удивленных глаз.

— Разве я могла этого не делать? Ты, наверное, даже не подозреваешь, какое огромное духовное влияние оказала на меня. Помнишь, как мы приходили к тебе домой и ты учила меня понимать Библию?

— Ты вела уроки Библии? — изумился Питер.

— О, она прекрасно знает Библию, Питер! — воскликнула Энн. И повернулась к подружке: — Ты не представляешь, как много значили для меня эти занятия. Именно ты помогла мне понять, что Бог любит меня — несмотря на то, что я женщина. Что Он наградил меня поэтическим даром и с моей стороны будет преступлением не использовать этот дар во славу Божью.

— Ты помнишь до сих пор?

— Присцилла, твоя смелость научила меня доверять Богу. Если бы не ты, я давно перестала бы писать стихи.

Присцилла ласково обняла свою подружку.

— Могу себе представить, как я разочаровала тебя потом.

— Вовсе нет! Я знала, что настанет день и Господь доведет до конца то, что Он задумал сделать с тобой.

Весь вечер молодые люди горячо обсуждали проповедь Уайтфилда и то удивительное духовное воздействие, которое оказало Слово Божье на колонию. Джаред вспомнил, как отцу приходилось заставлять его идти на службу в церковь и терпеть чтение Библии и молитв дома. И вот настал день — подумать только! — когда он по доброй воле отправился слушать проповедь и с нетерпением ждет минуты совместной молитвы с близкими.

— Мы не станем томить тебя ожиданием, — улыбнулся Питер.

Энн принесла из своей комнаты Библию, и Джаред предложил Присцилле выбрать отрывок для чтения. Все ждали, на чем она остановится.

— Знаю, — наконец сказала Присцилла. — Если никто не возражает, это будет восьмая глава Послания римлянам.

Энн начала читать:

«Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействуют ко благу. Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями. А кого Он предопределил, тех и призвал; а кого призвал, тех и оправдал; а кого оправдал, тех и прославил. Что же сказать на это? Если Бог за нас, кто против нас? Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего? ...Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» [\[48\]](#).

Потом они приступили к молитве. Каждый молился не за себя, а за кого-то из близких. Джаред — за мать. Энн — за то, чтобы Джаред благополучно вернулся из Китая. Питер благодарил Бога за Присциллу. Это были не молитвы из сборников или воскресных служб, но горячие, идущие от самого сердца слова. Четыре человека вновь открыли для себя любовь Господа.

— Если бы отец мог нас сейчас видеть, — улыбнулся Джаред.

— Особенно тебя! — указала Присцилла пальцем на брата. — Ты всегда был таким непослушным.

Джаред откинулся на спинку кресла и вздохнул.

— И все же у меня кошки на душе скребут. Насмешка, да и только — мы здесь сидим и рассуждаем о Боге, и при этом с нами нет Филипа.

— Я выполнил твою просьбу, отец. Я нашел Библию.

Филип стоял неподалеку от селения Мадди-Ривер. Именно здесь, на пыльной грунтовой дороге, оборвалась жизнь Бенджамина Моргана. В руках Филип держал фамильную Библию Морганов.

— Посмотри, — сказал он и открыл книгу. Молодой человек начал читать имена, которые были написаны на первой странице: — Энди Морган, 1630; Кристофер Морган, 1654. И мое имя здесь тоже есть! Видишь — «Филип Морган, 1729, Филиппийцам 2:3,4» Этот стих выбрал для меня Нанаувета — Кристофер Морган, — голос Филипа дрогнул. — А запись сделала Витамоо.

Молодой человек смотрел на свое имя в конце списка и чувствовал себя самозванцем. Энди Морган рисковал жизнью, чтобы привезти эту Библию и свою веру в Новый Свет. Кристофер Морган принес себя в жертву, проповедуя Евангелие среди племени наррагансетов. А что сделал он, Филип Морган? Чем заслужил право быть в этом списке? Ничем! Он не выполнил наказ Кристофера Моргана, не пошел путем, по которому направлял его стих Священного Писания, помещенный рядом с его именем. Он думал в первую очередь о собственных интересах, а не о нуждах семьи.

— Отец, я чувствую себя таким несчастным! — воскликнул Филип, возведя глаза к небесам. — Почему мне нельзя жениться на той, которую я люблю? Разве есть что-то дурное в моем желании вернуться к ней? — Филип опустил на колени. — Отец, я хочу иметь сына и стать отцом. Неужели это грех?

Библия скользнула у него из рук и упала на землю.

— Как бы мне хотелось, чтобы ты увидел Витамоо. Я знаю, она тебе понравится. Она будет замечательной матерью для твоих внуков.

Филип посмотрел на то место, где лежал когда-то умирающий Бенджамин Морган, здесь он давал последнее напутствие сыну. Молодой человек прижался щекой к земле — совсем как в тот страшный день — и с мольбой в голосе прошептал:

— Отец, скажи мне, что я поступаю правильно. Скажи, что я должен поступить именно так. Ответь мне!

И Филип услышал голос отца. Он произнес те же слова, что и в день своей смерти: «Семья так важна, сынок, — быть может, важнее и нет ничего на свете. Помни об этом». Затем ясно услышал голос Кристофера Моргана: «Позаботься, чтобы твои близкие жили в любви и согласии». Филип вспомнил и свои слова, сказанные в ответ: «Бог свидетель, я приложу все силы, чтобы завершить то, что начато сегодня: семья Морган должна воссоединиться».

Филип Морган лежал на том месте, где умер его отец, и плакал, пока не обессилел.

Накануне отплытия Джареда Моргана в Китай Присцилла устроила небольшую вечеринку. Общим советом решили отпраздновать это событие в узком кругу друзей и родственников. В саду за домом накрыли праздничный стол, который ломился от яств: дикая индейка, жареный гусь, яблочные пироги и засахаренные фрукты — чего здесь только не было. Гостей позвали немного; приглашение получили первый помощник Джареда Джеймс Мэйджи и комендор Руди Шоу, оба явились с разодетыми в пух и прах дамами. Присцилле

пришлось приложить определенные усилия, чтобы виновник торжества тоже присутствовал на приеме в свою честь: Джареду очень хотелось перед выходом в плавание еще раз осмотреть судно. К счастью, вмешалась Энн и уговорила его провести этот вечер дома. Был, разумеется, и Питер Гиббс. Буквально только что он вывесил на дверях церкви объявление о своей помолвке с Присциллой Морган Стернз.

— Я поняла, что Питер любит ее, в тот самый день, когда Присциллу выставили к позорному столбу, — улыбаясь, сказала Энн. — Это было видно по его глазам.

— Странно, — усмехнулся Джаред. — По-моему, если мужчина влюбляется в женщину, когда видит ее у позорного столба, с ним что-то не в порядке.

— Признаться, способность вашей семьи притягивать к себе разного рода неприятности заставила меня призадуматься, — засмеялся Питер. — А вообще-то началось все давно, с того дня, как она привела свою лошадь в мою таверну.

— Тебе не надоело рассказывать об этом? — поддела своего жениха Присцилла и быстро переключила разговор на Джареда и его путешествие в Китай.

— Я тебе завидую, — сказал Питер. — Мне бы тоже хотелось посмотреть мир.

— Это можно устроить, — широким жестом Джаред положил руку ему на плечо. — У меня на судне найдется место еще для одного матроса.

— Ну уж нет! — закричала Присцилла. — Я не вынесу двухлетней разлуки. — Поняв свою бестактность, она обернулась к Энн: — Пожалуйста, прости меня, дорогая. У меня как-то сорвалось с языка...

— Ты сказала только, что очень любишь Питера, и ничего больше, — по-прежнему благожелательно ответила Энн и постаралась все свести к шутке: — Скорей бы Джаред вернулся! Ведь он обещал привезти мне из Китая самого лучшего шел... — Она осеклась на полуслове. Замолкли и все сидевшие за столом.

В дверях стоял Филип Морган, с головы до ног перепачканный в грязи.

— Надеюсь, я не опоздал пожелать своему младшему брату счастливого плавания?

Прошло два дня после отплытия корабля Джаред в Китай.

Филип сидел один в гостиной дома Присциллы, на коленях у него лежала открытая Библия. Энн была наверху, Присцилла — в таверне с Питером. Филип рассеянно смотрел в окно.

Стушались сумерки. По мере того как садилось солнце, синева неба и воды в заливе становилась более глубокой, а зелень деревьев — более яркой. Плавно скользили по воде небольшие суденышки. По улице время от времени проезжали повозки, изредка проходили случайные пешеходы. Казалось, весь мир отдыхает после напряженного трудового дня. Филип почувствовал, что на него, словно пелена тумана, наползает дремота.

Странный звук, донесшийся издалека, заставил его встрепенуться. Сначала ему показалось, что где-то лает собака. Постепенно невнятный звук стал громче, и скоро Филип уже отчетливо слышал чей-то охрипший, задыхающийся голос, который повторял и повторял одно слово. Филип подался вперед и напряг слух — голос показался ему знакомым. Внезапно его осенило — это был голос матери!

— Присцилла! Присцилла! — твердила она.

Филип вскочил и бросился к входной двери. Распахнув дверь, он увидел на пороге свою мать. Ее лицо было красным от волнения, глаза полны ужаса. Задышавшись, она прижимала руку к груди и продолжала звать Присциллу. При виде Филипа лицо ее удивленно вытянулось, но из груди вырвался вздох облегчения:

— О, Филип! Слава Богу, что ты здесь!

— Мама! Что случилось?

Филип помог матери войти в дом.

— Миссис Коул! — Встревоженная, стремительно сбегала по ступенькам Энн.

Констанцию усадили на диван. Филип, не отрывавший от матери взгляда, был поражен, как постарела она со дня их последней встречи — бледная как смерть, с обвислой, покрытой морщинами кожей, с потухшим взором. Казалось, ее опоили каким-то зельем. С болью смотрела на Констанцию и Энн, которая сидела рядом и тихо гладила ей руку.

— Филип, слава Богу, что ты здесь, — снова еле слышно прошептала Констанция. — Ты должен остановить ее!

— Кого остановить, мама?

Вместо ответа она повернула голову на легкий шум, раздавшийся в дверях, — и увидела Джозефа, слугу Присциллы. В глазах Констанции опять мелькнул ужас. «Почему она боится Джозефа?» — с недоумением подумал Филип.

— Пусть он уйдет! — закричала Констанция, забившись в угол дивана. — Прошу тебя, Филип, прикажи ему уйти!

Молодой человек обернулся к слуге.

— Ты можешь идти, Джозеф. Мы сами позаботимся о маме.

Филип успел заметить, как по лицу Джозефа пробежала тень испуга.

— Мама, что все это значит?

— Где Присцилла? — спросила Констанция.

— Мама, объясни, что случилось? — не сдавался Филип.

Констанция упорно ждала, пока закроется дверь, и только убедившись, что они остались

одни, сказала:

— Он шпионит за вами!

— Джозеф? Но зачем?

— Его нанял Дэниэл. Он рассказывает Дэниэлу обо всем! Поэтому я и удивилась тебе Филип. Он сказал Дэниэлу, что ты вернулся в резервацию.

— Я передумал.

— Присцилла! — вновь очнулась в своей муке Констанция.

— Что с Присциллой, мама?

— Не отпускай ее! Это ловушка! Останови ее!

— Куда не пускать?

— На склад. На встречу с Дэниэлом! — Констанция беспокойно заморгала своими испуганными глазами, и по ее щекам потекли слезы.

— Мама, успокойся! Объясни, что случилось.

Мать, не слушая его, бессвязно залепетала:

— Он мой муж... но зачем же... Я не могу позволить ему... Моя девочка... Я не могу допустить... Нужно остановить, помешать ему...

Энн обняла Констанцию, стараясь успокоить, но та, высвободившись, схватила Филипа за руку.

— Останови Присциллу! Не пускай ее на склад!

— Присциллы нет дома, мама.

Услышав это, Констанция полностью потеряла контроль над собой, ее речь стала совершенно бессвязной, движения и жесты — хаотичными. Из невразумительных, случайно, казалось, соединенных ее слов Филип мог разобрать лишь имя сестры.

— Я позабочусь о твоей матери, Филип, — крепко прижимая Констанцию к себе, сказала Энн. — А ты беги в таверну и посмотри, все ли в порядке с Присциллой.

Филип кивнул и, уходя, бросил долгий взгляд на мать.

Быстро оседлав лошадь, он галопом помчался по уже пустым улицам Бостона на Кинг-стрит. В ту минуту, как в испуганном, охрипшем шепоте Филип узнал голос матери, в горле у него запершило от жалости и началось теснение в груди. Первый признак приближающегося приступа астмы. Теперь вот, когда копыта лошади громко стучали по мостовой, его дыхание все более становилось поверхностным и неровным. «Господи, только не сейчас!» — молил Филип.

Соскочив с лошади у таверны, он бросился внутрь, напугав слугу, который поспешно сунул руку под стойку, по-видимому, чтобы достать оружие, и успокоился, лишь узнав Филипа. Присцилла недавно ушла, сказал он, но волноваться не стоит — Питер отправился вместе с ней.

Филип снова оседлал лошадь. «Где искать Присциллу?» — метался он в догадках. Мать сказала, что Коул назначил ей встречу на каком-то складе, но на каком, она не знала. И у Коула, и у Морганов было по несколько складов в доках. Вряд ли Присцилла согласилась встретиться с Коулом на его складе, особенно в такое позднее время, когда большинство рабочих уже разошлись по домам. Она слишком хорошо знала Коула. Скорей всего, их следует искать на одном из складов, принадлежащих Морганам. Товарищество имело три больших склада на одном из пирсов. Пожалуй, он начнет оттуда.

Скача во весь опор, Филип кожей ощущал прохладу и сырость воздуха. «Настоящий могильный холод», — невольно подумал он. Добравшись до пирса, Филип спешил, уже

хрипло дыша. «Господи, убереги их!»

Разумеется, на нашем складе им нечего опасаться, успокаивал себя Филип. Да и Питер, здоровый и крепкий, вполне может дать отпор грузному, неповоротливому Коулу. Правда, Коул ничего не станет делать своими руками; для того чтобы убивать, у него есть эти матрос и индеец. Это Филип знал. Он опять пришел в сильное беспокойство, и волнение чуть не спровоцировало новый приступ удушья.

Филип внимательно осмотрел деревянный пирс. По всей его длине по краям шли дорожки, каждая около восьми футов в ширину. Они вели к складам, принадлежащим Товариществу «Искупление». Три складских сооружения тоже соединялись дорожками.

С той точки, где он стоял, Филип мог видеть лишь одну сторону пирса. Здесь все было тихо, двери складов закрыты. На дорожках тоже никого. Он уже собрался уходить, как услышал на воде за пирсом какой-то шум. Подошел поближе. Возле самого дальнего от берега склада молодой человек увидел небольшой катер с внушительным грузом, который был тщательно прикрыт просмоленной парусиной. Катер двигался в сторону свайного сооружения под пирсом. На его борту сидели два человека.

У Филипа перехватило дыхание — матрос и индеец! Стараясь держаться в тени домов, стоявших вдоль пристани, Филип подошел поближе к воде. Чем занимаются здесь наемные убийцы Коула? Что им надо у пирса Морганов? Что прячут под тяжелой парусиной?

И в это мгновение Филип почувствовал: сейчас он закашляется. Попытался было сдержаться, но не смог. Услышав чей-то кашель, матрос и индеец, которые высматривали место, где бы пристать, резко обернулись. «Морган!» — зло рявкнул матрос, указывая на Филипа пальцем. В горле у Филипа запершило сильнее, и он снова закашлялся. Не мешкая матрос притормозил катер возле спускающейся к воде лестницы и проворно взобрался на пирс.

«Что делать?» — сердце бешено стучало у Филипа в висках. Бежать за помощью? Нет. Когда он вернется, будет уже поздно. Он никуда не уйдет. Прежде всего надо убедиться, что с Присциллой все в порядке.

Филип опрометью бросился к ближайшему складскому помещению и спрятался за ним в надежде, что ему удастся обмануть матроса и тот будет ждать его в просвете между строениями. Прислонившись спиной к стене склада, Филип сосчитал до пяти и выглянул из-за угла. Матрос попался на его трюк. Путь вдоль пирса был свободен. Филип обогнул склад и побежал со всех ног. Прежде чем матрос поймет, в чем дело, нужно добежать до второго склада. И ни одним нечаянным звуком не выдать себя.

Но не успел Филип сделать и десяти шагов, как у него внезапно перехватило дыхание, словно кто-то резко сжал ему горло рукой. Он остановился, отчаянно хватая ртом воздух. Будто в рот вливают жидкий огонь. Филип захрипел и зашелся приступом мучительного кашля, потом беспомощно скорчился, понимая, что кашель и хрип выдали его с головой. Он не сомневался, что жить ему осталось недолго.

Присцилла и Питер приехали на склад за полчаса до Филипа. Там их поджидал Дэниэл Коул. Привычным движением он откинул со лба непослушные седые пряди. Другой рукой прижимал к себе кожаную сумку. Он был один.

— Что вам нужно, Коул? — спросил Питер.

— Не припоминаю, чтобы я приглашал на встречу вас, — сухо бросил Коул. — Нам надо поговорить с Присциллой о делах.

— Питера пригласила я, — таким же тоном ответила Присцилла. — Я обсуждаю с ним все деловые вопросы. Если, конечно, нам действительно предстоит деловой разговор, мистер Коул. Из вашей записки я не вполне поняла, что вам надо.

— Я хочу сделать одно выгодное предложение владельцу Товарищества «Искупление». Питер и Присцилла переглянулись.

— Да, я знаю, кто это, — Коул довольно улыбнулся. — Я должен знать о своих конкурентах все — это моя работа.

— Почему вы назначили встречу здесь? — продолжал свой допрос Питер. — И почему в такое время, а не днем?

— Присцилла, дорогая, не могли бы мы поговорить с глазу на глаз? Я уверен, мы найдем общий язык куда быстрее, если нам никто не будет мешать бредовыми подозрениями.

— Я готова выслушать ваше предложение, мистер Коул.

Дэниэл Коул прикрыл глаза и раздраженно покачал головой.

— Давайте зайдем в помещение, вон хоть на тот склад в конце пирса, он самый просторный. И там мне будет проще растолковать суть дела, оно ведь сводится к складским операциям. К тому же на улице становится прохладно.

— А почему вы не пригласили миссис Стернз к себе на склад, Коул? — не отступал Питер.

— Разве Присцилла пришла бы ко мне на склад?

Питер прикусил губу: он вынужден был признать, что Коул прав.

— Так пойдемте? — Коул приглашающим жестом указал на дальний конец пирса.

Повернув голову к Питеру, Присцилла осторожно кивнула.

— Дорогая Присцилла, — уже по пути начал свой деловой разговор Коул, — мне кажется, будет куда разумнее, если мы перестанем воевать и тратить время на ссоры. Не лучше ли объединить наши усилия? В конце концов, мы ведь одна семья.

При этих словах Присцилла содрогнулась.

— Я предлагаю создать совместную компанию. Пусть каждый внесет свою лепту, и в результате, я уверен, выиграем мы оба.

Они поравнялись с третьим складом. Присцилла отперла дверь и первой вошла в помещение, за ней последовал Питер. Коул прикрыл за ними дверь.

— Возьмем, например, складские помещения, — продолжал он плести свои рассуждения.

Миновав небольшую контору, где хранились учетные книги, Присцилла сразу оказалась на самом складе. Здесь, как всегда, было темно, но в дальнем углу она вдруг увидела свет. В чем дело? Двери там нет. Окон тоже. Значит, на склад кто-то проник! Присцилла испуганно обернулась к Питеру — и в эту минуту увидела матроса с индейцем. Ее крик уже ничто не мог предотвратить — было слишком поздно. Матрос ударил Питера толстой доской по голове, и тот как подкошенный рухнул на дощатый пол. В ту же секунду индеец зажал Присцилле рукой рот.

Небрежно перешагнув через лежащего на полу Питера, Дэниэл Коул не спеша подошел к Присцилле. Он улыбался.

— Вот теперь мы действительно перейдем к делу.

Питера оттащили в дальний угол склада, связали ему руки и вставили в рот кляп. Индеец привел сюда же Присциллу и крепко привязал ее к стоящему рядом столбу.

— Можете идти, — отпустил Коул своих помощников, многозначительно добавив, что их ждет следующее задание.

Дэниэл Коул нашел стул и уселся перед Присциллой.

— Несколько лет я заблуждался на твой счет, — вздохнул он. — А я не позволяю себе ошибаться в делах, особенно когда речь идет о конкурентах. Но тебе удалось обвести меня вокруг пальца, ты ведь женщина. Женщина — и серьезный конкурент! Мне такое в голову не могло прийти. Что ж, поздравляю! — Коул засмеялся. — Однако я тоже не сидел сложа руки, я понял свою ошибку. Из всей семьи Морган самой опасной всегда была ты. Я хорошо помню день, когда я приехал в Кембридж заключить сделку с твоим братом — и вдруг какая-то девчонка встает у меня поперек дороги. Я тогда не принял тебя всерьез и, кроме того, был убежден, что жгучий интерес к финансовым делам улетучится, как только в поле твоего зрения появится какой-нибудь молодой человек. Но молодые люди тебя не интересовали, верно? — Бросив взгляд на Питера, лежащего на полу, он добавил: — Во всяком случае, до последнего времени.

— Что вы хотите от меня, Коул? — спросила Присцилла. — Вы убили моего отца, украли у меня мать и причинили боль всем, кто так или иначе был мне дорог. Почему я вызываю у вас такую злобу?

Коул запрокинул голову назад. Он глубоко вздохнул и сказал:

— Ты мне как кость в горле стала. Вы, Морганы, все время переходите мне дорогу. Сначала твой отец. Теперь ты. В подобных случаях я не привык церемониться, тех, кто мне мешает, я уничтожаю. В этом нет ничего личного, простая необходимость.

— Что вы задумали?

Коул улыбнулся и подался вперед. Он прижал к губам кончики пальцев и стал похож на маленького мальчика, которого распирает желание открыть свою тайну.

— Я потратил довольно много времени, разрабатывая эту небольшую драму для тебя и твоих братьев. Тот случай, когда тебя выставили к позорному столбу, послужил мне хорошим уроком. Я понял: если я просто унижу тебя, ты станешь еще сильнее. Поэтому я решил уничтожить тебя и опозорить всю вашу семью.

Его глаза азартно заблестели, во взгляде появилось нездоровое возбуждение, которое он даже не пытался скрывать.

— Посмотрим, как тебе понравится мой замысел. Я собираюсь пустить слух, что твой брат Филип уже несколько лет занимается подготовкой восстания племени наррагансетов. Нечто подобное войне Короля Филипа. Разумеется, для восстания требуются оружие и порох. И где же хранится этот смертоносный товар? Ну конечно, на складах его сестрицы!

— На моих складах... — попыталась перебить Коула Присцилла, но он не стал и слушать. Он был слишком увлечен.

— Только вообрази мое потрясение, когда я случайно узнал, что вы затеваете. А поскольку вы — моя семья, я, естественно, пришел на склад в надежде отговорить тебя от этих ужасных намерений. Опять-таки совершенно случайно я пришел как раз в тот момент, когда на склад доставили большую партию пороха. Ты заметила меня, испугалась и попыталась запереть в конторе, но мне удалось вырваться. Во время потасовки кто-то нечаянно разбил фонарь, и порох взорвался. Сразу начался сильный пожар, в котором и сгорел весь пирс со всеми твоими складами. Увы, ты пала жертвой собственных злодейских замыслов и погибла в огне. Филипа арестуют в резервации за участие в заговоре, но, к сожалению, он не доживет до суда — его уничтожит разъяренная толпа. На этом истории

семьи Морган придет конец.

Коул откинулся назад, упиваясь своей изобретательностью.

— Ну, как тебе мой план? По-моему, совсем неплохо.

— А по-моему, вы просто болван, — спокойно сказала Присцилла. — Вы упустили из виду две вещи. Во-первых, на моем складе нет пороха. И главное — когда вернется Джаред, он легко докажет, что вы — убийца.

— Не беспокойся, о порохе я позабочусь, — с готовностью парировал Коул. — Здесь его будет столько, что пирс вспыхнет, как факел. Что до твоего брата Джареда — а может, лучше называть его Веселым Моряком? — да-да, про него мне тоже все известно. Когда он вернется, ему будет прямая дорога на виселицу. Кому поверят жители Бостона — добропорядочному предпринимателю или опозорившему себя пирату?

Коул встал, в радостном предвкушении потирая руки.

— Видишь, дорогая, мне даже пришлось отложить нашу встречу на пару дней — я дождался, пока твой брат уйдет в море. Я хотел, чтобы он отправился в плавание. Пусть сначала увидит Китай, привезет оттуда полные трюмы товаров, а потом твоего Джареда вздернут на виселице. Ну а груз я приберу к рукам, будь уверена. Чем можно вознаградить честного коммерсанта? Само собой, судьи сами предложат мне хорошую китайскую посуду, привезенную господином Джаредом Морганом. Это я помог раскрыть ваш подлый заговор!

Дэниэл Коул предусмотрел все. Присцилла знала, что, как это ни печально, ему поверят. Состряпанная им история вызовет скандал, а люди скандалы любят.

Коул подошел ближе. Присцилла, поморщась, отвернула голову — от него отвратительно пахло грязными носками и несвежим бельем.

— А теперь, дорогая Присцилла, настало время начать наше небольшое представление.

Присцилла видела, как на противоположном конце склада кто-то приподнял в дощатом настиле крышку люка, из которого высунулась голова индейца. Легким кивком индеец дал понять, что все готово.

— Так, порох уже здесь. К пирсу подогнули катер, до краев нагруженный порохом. Когда он взорвется, вместе с ним взлетит на воздух и половина твоего склада. Но ты не волнуйся, дорогая. Ты при этом не погибнешь. Перед смертью у тебя будет время подумать. Я хочу, чтобы сначала ты полюбовалась видом своих драгоценных товаров, пылающих в огне, и лишь затем отправилась следом за ними. После взрыва начнется пожар, который в конце концов доберется и сюда, тогда-то ты и сгоришь. Такое наказание, мне кажется, ты вполне заслужила. Конечно, если учесть страдания, которые ты мне причинила.

Коул тяжелым шагом пошел было прочь, но вдруг вернулся.

— Да, чуть не забыл, дополнительная мера предосторожности, — он заткнул Присцилле рот кляпом. — Взрывом разрушит большую часть пирса, все здесь сгорит и рухнет в воду. У кого появится мысль, что на складе кто-то есть? Люди будут думать лишь о том, чтобы пожар с пирса не перекинулся на город. Ни один смельчак сюда не полезет — если, конечно, никто не будет звать на помощь. А этого мы допустить не можем, верно?

Присцилла попыталась на прощанье сказать Коулу пару слов, но кляп не давал ей шевельнуть языком, и она смогла выдать лишь невнятное мычание.

— Да, — Коул решил продлить себе удовольствие, — пожалуйста, прими мои извинения: я не стану передавать последний привет твоей матушке. Этого наш сценарий не предусматривает. Заговорщики и бунтовщики перед смертью редко вспоминают о матери.

Он захохотал над своей такой удачной шуткой.

Коул шел по деревянному настилу к открытому на другом конце люка, и стук его каблуков эхом отдавался по всему складу. Куда тише прозвучали слова, которыми его встретил выглядывавший из люка индеец. Присцилле не удалось их разобрать.

— Где он? — закричал в ответ Коул и громко выругался. Он был зол. — Долго ты будешь возиться со шнуром? Поджигай!

Дэниэл Коул неотрывно смотрел на горящий огнепроводный шнур. Не глядя сунул руку в свою увесистую сумку, вытащил пистолет и прицелился. Раздался оглушительный выстрел — и облако густого дыма окутало Коула. Он бросил пистолет вниз и вытащил из сумки еще один. Помахав на прощание Присцилле, он быстро зашагал к выходу.

Видимо, что-то пошло не так. Не успел Дэниэл Коул дойти до конторы, как дальний конец склада был объят пламенем. На Присциллу разом обрушилась лавина горящих обломков. Инстинктивно прикрывая глаза, она старалась увернуться от очередной порции пылающих щепок; снова и снова ее обдавало жаром. Во время взрыва Присцилла сильно ударилась головой о столб, падающими досками ей расшибло лоб и голень. Болела и кружилась голова, и только кляп заглушал ее крики и плач. Все вокруг было в дыму, сверху продолжали сыпаться крупные и мелкие обломки, и Присцилла почувствовала, что теряет сознание. Из всех сил старалась она не провалиться во тьму, понимая, что это будет конец.

Мгновенным озарением, пришедшим в минуту отчаяния, Присцилла поняла: у нее есть лишь один выход — молиться. Она молила Бога послать ей помощь. Молилась за лежащего на полу Питера — пусть он останется жив, даже если она погибнет. Впервые за много лет молилась за свою мать — пусть она узнает, что Присцилла по-прежнему любит ее.

Пламя быстро распространялось по всему складу, который стал похож на бушующий ад. На месте люка теперь образовалась огромная, почти на всю ширину склада, зияющая дыра. Сквозь огонь и дым Присцилла видела поблескивавшую внизу воду и сваи, на которых стояло то, что осталось от пирса. На охваченном огнем складе Присцилла и Питер были отрезаны от оставшейся части пирса и от помощи, которая могла прийти из города.

Питер застонал за ее спиной. Присцилла попыталась крикнуть — вдруг любимый голос поможет ему очнуться. И в отчаянии стукнулась затылком о столб: Питер не слышит ее.

За минуту до взрыва матрос добрался до Филипа.

— Попался! — злорадно крикнул он.

Филип корчился в приступе кашля, когда жилистая рука матроса вцепилась ему в волосы и дернула голову назад. Он почувствовал, как к его спине приставили нож, как лезвие ножа проткнуло кожу и вошло в плоть. Филипа пронзила боль, и рубашка на спине стала мокрой и липкой. Матрос снова дернул его за волосы, голова Филипа запрокинулась, и он увидел над собой носатое щетинистое лицо матроса.

— Похоже, нам предстоит семейные похороны, — сказал тот. — Давай-ка я отведу тебя к сестричке.

Едва матрос закончил фразу, как раздался взрыв и прямо перед ними взметнулся вверх огненный столб. Взрывная волна отшвырнула их на дощатый настил. Падая, матрос выронил нож, и тот отлетел в сторону. Несколько минут оба лежали без движения, затем стали медленно приходить в себя. Почти одновременно попытались они найти точку опоры и подняться: матрос уцепился за ограждение, шедшее по краю пирса, а Филип сел, прислонившись спиной к стене склада. Они напоминали борцов, которым удалось послать друг друга в нокаут.

Встав на колени, матрос начал высматривать, где лежит нож. Нож валялся всего в нескольких футах от него. Филип, внимательно следивший за матросом, принял мгновенное решение — он бросился не к ножу, а на своего противника, и ударил его в бок. Матрос отлетел к самому краю пирса. Стараясь сохранить равновесие, он схватился за невысокое ограждение, но руки его соскользнули, и он с криком упал в воду. Через секунду Филип услышал громкий всплеск.

«Присцилла!» — Филип бросился к дальнему концу склада. Жар, исходящий от пылающего строения, был совсем некстати для его измученного горла. Каждый вдох давался с трудом, все сильнее кружилась голова. Он понимал, что если упадет в обморок, ему никто не поможет.

— Господи! — взмолился Филип. — Я был слишком нерасторопен и потому не смог спасти отца. Прощу Тебя, дай мне силы спасти сестру!

Филип собрался с духом и двинулся вперед. Дорожка, шедшая по краю пирса, превратилась в стену огня. Другая стена огня поднималась на противоположной стороне пирса. Оставалось только войти в горящий склад и попробовать этот путь. Филип толкнул дверь — она не поддавалась: дверную коробку перекосило от взрыва. Пришлось не раз ударить ее плечом, прежде чем щель в дверном проеме стала достаточно широкой. Впереди полыхало пламя. Помедлив, молодой человек невольно оглянулся на город: сотни людей со всех сторон бежали к пирсу. Но у Филипа не было времени ждать помощи, и он вошел в горящее помещение.

Дым, разъедавший глаза и горло, заставил молодого человека пригнуться и пробираться вперед ощупью. Продвигаясь наугад, он вдруг наткнулся на что-то мягкое; из-под груды обломков торчала пухлая рука, рядом валялся пистолет. Филип разгреб обломки — и увидел Дэниэла Коула. Его лицо и руки были сильно ободраны и все окровавлены. Он не подавал никаких признаков жизни. «Жертва собственного злодейства», — подумал Филип.

Преодолев самый опасный участок пути, молодой человек был уже в середине складского помещения. Дымовая завеса здесь стала менее плотной, и Филип сразу различил в дальнем углу склада две фигуры: его сестра была привязана к столбу, на полу лежал Питер, извивавшийся, как гусеница, которая пытается выбраться из кокона. От них Филипа отделяла огромная дыра в дощатом настиле. Присцилла заметила Филипа, и ее глаза округлились. Из груди сестры доносились сдавленные стоны, а лицо и нога были в крови.

Филип огляделся. Как перебраться на другую сторону? Пролом в настиле слишком велик, чтобы просто перепрыгнуть через него. Здесь, пожалуй, помогла бы веревка, но не было ни балки, к которой можно привязать веревку — все обрушилось, — ни веревки. «Доска! Нужно перебросить через пролом доску!» — догадался Филип и начал искать доску подходящей длины. Жар становился невыносимым, от угрожающего треска перекрытий было не по себе: строение может вот-вот рухнуть. Надо спешить. Наконец ему попалась достаточно длинная и прочная доска. Хрипя и сильно кашляя, Филип поднял доску и попытался перебросить ее через пролом. Коснувшись пола, доска спружинила и соскользнула в воду под пирсом. К счастью, Филип успел вовремя отпустить доску и не последовал за ней.

— Нет! — сопротивлялся отчаянию Филип и крикнул Присцилле: — Держись! Я сейчас!

Прямо над ним затрещала охваченная пламенем потолочная балка.

Он должен найти другую доску, длиннее, чем первая. Вот она! Филип быстро подтащил

доску к пролому. На сей раз, перебросив доску, он навалился на нее всем телом и не давал ей подпрыгнуть и упасть вниз. Получилось! Через пропасть в полу склада был переброшен узкий мост!

Глаза нещадно щипало от дыма. Филип попытался их протереть, но стало только хуже, они начали слезиться. А ведь один неверный шаг — и он окажется в воде под пирсом. Филип стоял перед проломом и моргал ресницами, стараясь прочистить глаза.

Теперь надо попробовать доску ногой. Выглядела она достаточно устойчивой. Филип сделал шаг вперед и сразу оказался над водой. Нельзя было смотреть вниз, нельзя. Он невольно совершил эту ошибку, и при виде ряби на воде у него закружилась голова. Из всех сил Филип замахал руками, стараясь не потерять равновесие. Удержался, робкий шаг вперед, еще один, еще. Под тяжестью доска прогнулась, и конец ее угрожающе придвинулся к краю пролома. Хватит ли длины доски? Не провалиться бы вместе с ней в эту пропасть. Он снова сделал шаг — и доска прогнулась сильнее. Снизу тянуло прохладой, об уцелевшие сваи пирса бились волны. Он собрался, сделал следующий шаг, пошел быстрее и последний отрезок уже почти бежал. Прыжком приземлившись на самый край пролома, Филип бросился к Присцилле и первым делом вытащил кляп.

— О, Филип, Филип, слава Богу! — повторяла сестра сквозь слезы. Потом спохватилась: — Что с Питером? Он жив?

— Дай я сначала тебя развяжу. — Филип принялся распутывать узлы. Когда он снял последнюю веревку, Присцилла пошатнулась и едва не упала.

— Моя нога! — вскрикнула она. — Как больно!

— Попробуй осторожно наступить на нее. Посмотрим, можешь ли ты идти.

Нога не слушалась Присциллу. Филип осторожно усадил сестру на какой-то ящик.

— Я развяжу Питера и вернусь, — сказал он.

Питер оказался не в лучшем состоянии, чем Присцилла. От полученного удара у него сильно кружилась голова, он не держался на ногах. Филип попытался помочь ему, но не справился с весом Питера, который был крупнее его, и оба упали.

— Питер! Питер, как ты? — закричала Присцилла.

— Он не может идти, — сокрушенно вздохнул Филип.

— Как мы отсюда выберемся?

Филип посмотрел на доску. Он с трудом перебрался по ней один и, вне всяких сомнений, не сумеет перевести еще кого-то.

— Не знаю, — сказал он. — Но мы должны выбраться наружу как можно скорее. Склад вот-вот рухнет.

В ту же минуту, словно в подтверждение его слов, одна из потолочных балок с треском обрушилась вниз и, ударившись о настил, рассыпала вокруг снопы искр.

— Попробуем выйти ближе к концу пирса. Может быть, там удастся найти какую-нибудь лодку. Если нет, придется выбираться вплавь.

— Не думаю, что я смогу плыть, — с сомнением покачала головой Присцилла.

— Придется постараться! — вмешался в разговор Питер. Он приподнялся было на локте, но не смог оторвать голову от пола. — Филип, помоги Присцилле выбраться отсюда.

Филип кивнул.

— Я вернусь за тобой, — крикнул он Питеру.

— Мы не можем бросить Питера! — взмолилась Присцилла.

— Иди! — закричал Питер. — Я выберусь следом за тобой.

— Я могу выводить вас только по одному, — сказал Филип. — И чем быстрее я вытащу отсюда тебя, тем быстрее я вернусь за Питером. Идем же!

Присцилла обхватила Филипа за шею и с его помощью встала. Поддерживая сестру и пробираясь меж пылающих обломков, он двинулся по складу в сторону дальнего конца пирса.

— Простите, что приходится беспокоить вас, капитан, — сказал рулевой, — но думаю, вы сами захотите взглянуть.

Капитан Джаред Морган сидел за столом, листая судовой журнал. Он пребывал в самом скверном расположении духа, о чем было известно каждому члену экипажа. Но рулевой явился с не менее мрачным выражением лица, и Джаред решил, что у него есть основания для внезапного вторжения.

У дурного настроения Джареда тоже были причины. Не прошло и дня после отплытия «Спасения», как плотник объявил ему, что корпус дал течь. Самый беглый осмотр судна дальнейших изысканий не потребовал; было ясно, что плотник отнесся к своим обязанностям спустя рукава и предпочел обследованию корпуса более приятное времяпрепровождение в портовой таверне. Судно было относительно новым, но вот теперь обнаружилось, что корпус гниет. Требовался срочный ремонт. Иными словами, «Спасение» оказалось непригодно к плаванию.

Капитан Морган был вне себя. Он освободил плотника от должности и пообещал ему хорошую жизнь в порту, если они когда-нибудь до порта доберутся. Там уж он лично позаботится о дальнейшей карьере этого плотника, и тот навсегда забудет о корпусах и мачтах. Джаред был зол и на самого себя: вместо того чтобы лишний раз осмотреть судно, он отправился на прощальную вечеринку. Лучше бы потрудились накануне подняться на борт — и не случилось бы того, что случилось. Теперь оставалось лишь возвращаться в Бостон.

Целый день капитан бродил по судну, как рыкающий лев. Матросы старались держаться от него подальше. И если рулевой рискнул сунуть голову прямо в логово льва, должно быть, дело действительно не терпело отлагательств.

Джаред вышел на палубу и увидел, что над доками Бостона поднимается столб дыма. На город только что спустились сумерки, и языки пламени, освещавшие знакомые очертания домов, были видны особенно отчетливо. У Джареда тревожно забило сердце — ему показалось, что пламя взмывает ввысь над пирсом. Капитан велел принести подзорную трубу и принял к окулярам. Увы, он не ошибся. Это горели склады Морганов.

Капитан Морган приказал изменить курс, и «Спасение» развернулось в сторону горящих складов. Джаред продолжал напряженно всматриваться в пылающий пирс. Что же случилось? Судя по огромному пролому в дощатом настиле ближе к концу пирса, там произошел взрыв. Но что могло стать причиной взрыва? На складах не хранилось никаких взрывчатых веществ, это Джаред хорошо знал.

Средний склад тоже был охвачен пламенем. Огонь стремительно распространялся по пирсу и уже двигался в сторону города. Джаред видел, как сбежавшиеся люди стараются остановить пожар, но, судя по всему, пока они в этом не слишком успели.

Внезапно на дальнем от берега конце пирса из огня вынырнули две фигуры, и капитан быстро перевел на них свою подзорную трубу.

— Филип и Присцилла! — воскликнул он.

Похоже, Присцилла ранена — Джаред видел, что она идет, опираясь на брата.

— Мэйджи, подойди как можно ближе к горящему пирсу, — отдал приказ капитан. — Я попытаюсь на него прыгнуть, и ты полным ходом отведешь судно подальше от пирса. Все ясно?

— Капитан, — сказал Мэйджи, — позвольте я отправлю туда кого-нибудь из...

— Джеймс, это мои брат и сестра, — перебил его Джаред. — Я должен помочь им сам. Пока я не узнаю, что случилось, я не намерен никого посылать в этот ад. Если мне понадобится помощь, я дам тебе знать, будь уверен. Да, еще: как только отойдешь от пирса, пошли за мной ялик. Похоже, иначе нам оттуда не выбраться.

— Есть, сэр.

— Задача не из легких. Заодно и увидим, что за людей мы набрали.

— Мы не разочаруем вас, сэр.

Джаред бросился к себе каюту за саблей, она могла пригодиться. Через минуту-другую он уже карабкался на рею по вантам левого борта. Выбрал здесь подходящий линь, ухватившись за который можно было прыгнуть на пирс через фальшборт.

«Спасение» развернуло все паруса по ветру и набирало скорость. Натянув концы на мачтах, матросы удерживали курс, и скоро нос судна поравнялся с концом пирса. Теперь Джареду нужно было точно определить момент прыжка. Совсем близко он уже видел Филипа с Присциллой, которые размахивали руками и звали на помощь. Джаред крепче ухватился за линь и прыгнул с реи. Пролетел над палубой, потом над водой — и отпустил линь как раз над пирсом. Не устояв на ногах, он покатился по дощатому настилу и скоро ударился о стену горящего склада. Доски затрещали, горящие балки начали рушиться, и на Джареда посыпались пылающие обломки. Стараясь защитить хотя бы голову, он втянул ее в плечи и обхватил руками. Тем временем Мэйджи, точно следуя приказу капитана, дал команду отвести «Спасение» подальше от горящего пирса. С борта судна на воду уже спускали ялик.

— Джаред! Мы здесь! — послышался голос Присциллы. Рядом зашелся кашлем Филип.

Джаред заставил себя подняться и бросился на помощь сестре с братом.

— Ты ранена? — испугался он, увидев окровавленный лоб Присциллы.

— Да, но хуже с ногой. Я почти не могу идти, — ответила Присцилла. — Джаред, Питер все еще там! Пожалуйста, вытащи его!

Джаред кивнул и крикнул брату:

— Беги к Питеру, я буду через минуту.

Он снова повернулся к Присцилле:

— Ты сможешь немного проплыть?

— Думаю, да. Пошевелить ногой я могу, мне больно только наступать на нее. Джаред, прошу тебя, помоги Питеру!

— Слушай меня внимательно и посмотри вон туда. — Присцилла проследила за рукой Джареда. Покачиваясь на волнах, к ним от судна шел ялик. Дюжий матрос, налегая на весла, греб в сторону пирса. — Если ты сумеешь доплыть сама, я побегу на склад. Если нет, мне придется помочь тебе добраться до лодки. Но тогда я уже не смогу снова подняться на пирс.

Присцилла кивнула. Она доплывет.

Джаред с тревогой следил, как его сестра прыгнула вниз и скрылась под водой. Прошла секунда, потом другая, третья. Наконец Присцилла вынырнула на поверхность!

— Иди же! — крикнула она брату.

Джаред побежал к складу. Клинком сабли расчищая себе путь, ныряя под горящие

балки, он преодолел два пролома в стенах и оказался в самом большом из складских помещений. Здесь все было затянуто густым дымом, дым мгновенно наполнил и его легкие, начал разъедать горло. Джаред с болью представил, какие мучения испытывает сейчас Филип.

В этот момент он и увидел их. Всех четверых.

— Какой сюрприз! Я ожидал лицезреть миссис Стернз собственной персоной, а мне, оказывается, придется иметь дело с братьями Морган! — Дэниэл Коул, ободранный и окровавленный, тяжело опираясь на обломок балки, направил на Джареда дуло пистолета. Питер лежал на полу. Судя по всему, он был не в состоянии сопротивляться. Рядом на четвереньках стоял Филип, оказавшийся не в лучшем положении — не давая ему шевельнуться, над ним стоял матрос. Этот сбившийся с пути брат капитана Деверо держал в руках нож.

— Прости, Джаред, — сказал Филип. — Я пытался предупредить тебя.

Балка, на которую опирался Дэниэл Коул, глухо затрещала. Угроза нависла и сверху — от крыши склада остался лишь остов, готовый в любую секунду обрушиться.

— Похоже, времени на обмен любезностями у нас не осталось, — сказал Коул. И добавил, кивнув на доску, переброшенную через пролом: — Премного благодарен вам за заботу. Этот мост нам очень пригодится. — Указав глазами на Филипа и Питера, он велел матросу: — Убей их. А этим займусь я.

Матрос занес нож над Филипом.

— Деверо! Нет!

От неожиданности матрос замер: Джаред произнес его имя! Откуда он знает это имя? Большая, пылающая огнем балка не дала матросу опомниться и с громким треском обрушилась ему на голову, разом разрешив все вопросы. Дэниэл Коул остался один — и растерялся. Всего на какой-то миг. А в памяти Джареда в этот миг промелькнуло мучительное воспоминание: на «Ллойд Джордже» Барлоу прицеливается в его любимого капитана. Тогда растерялся Джаред, и его замешательство стоило капитану жизни. Второй раз этого не случится.

Клинок сабли пришелся Коулу в самое сердце. Из его разжатой руки на дощатый помост выпал пистолет. Следом рухнул и сам Дэниэл Коул. На лице торговца маской застыло последнее, что ему довелось испытать в жизни, — изумление. Он отказался поверить.

Джаред бросился к брату и Питеру. Целы!

Все трое начали выбираться из горящего склада. Поддерживая с двух сторон Питера, братья медленно дошли с ним до конца пирса. Джаред, не мешкая, прыгнул в воду и, вынырнув, махнул рукой Питеру. Тот, преодолевая боль, прыгнул вниз, и Джаред сейчас же подхватил его, помогая удержаться на поверхности. Теперь можно было прыгать Филипу. Он оттолкнулся от пирса как раз в тот момент, когда обгоревшие стены склада накренились и с треском рухнули, взметнув вихрь огненных искр.

Самое страшное осталось позади. Присцилла с братьями и Питером смотрели на зарево пожара уже с борта «Спасения». Пламя полностью уничтожило второй склад и пожирало первый. Огонь упорно подбирался к Бостону, и похоже, что пожарные, несмотря на все старания, проигрывали битву.

— Еще немного, и огонь поползет на город, — с тревогой сказал Филип.

Джаред молчал и не отрывал взгляда от страшной картины. Каким будет его решение?

— Найди мне Шоу, — наконец отдал он приказ первому помощнику.

— Шоу? — переспросила Присцилла. — Артиллериста Шоу?

Джаред Морган и комендор Руди Шоу, представший перед капитаном, в упор смотрели друг на друга.

— Нужно дать несколько залпов по пирсу и обрушить его, — твердо сказал капитан. И еще тверже посмотрел на комендора: — Ты сможешь это сделать.

— Неподвижная цель в пределах досягаемости, капитан. Будет сделано.

— Джаред! — вмешалась Присцилла. — Это наши склады! Наши! Там большая часть нашего имущества. Попытаемся сохранить хотя бы один склад, иначе мы разорены.

— Присцилла! — негодующий тон и взгляд Джареда говорили лучше всяких слов.

— Но мы потеряем все!

— Я согласен с Джаредом, сестра, — произнес Филип.

— Ну конечно, ты согласен с Джаредом! — закричала Присцилла. — Уничтожить одним залпом все мое дело!

Питер слушал их разговор, стоя чуть в стороне, обеими руками он держался за ванты.

— Присцилла, — мягко сказал он, — от нашего решения зависит жизнь многих людей. Люди важнее, чем вещи, пойми же. А склады... Склады можно построить заново.

Присцилла глубоко вдохнула, собираясь что-то пылко возразить, но осеклась и потупила взор.

— Конечно, вы правы.

На ее глаза навернулись слезы.

— Питер, сегодня я чуть не потеряла тебя. И Филипа. И Джареда. Но мы здесь, и мы спасены. Разве можно желать большего?

«Спасение» повернулось левым бортом к пирсу и сделало два предупредительных выстрела. Джаред не отрываясь следил за происходящим в подзорную трубу.

— Они все поняли, отходят от пирса. — И капитан дал команду: — Огонь!

Филип, Присцилла и Джаред Морган наблюдали, как пушки Руди Шоу уничтожают их склады. С каждым выстрелом очередной участок пирса обрушивался в воду, тушившую языки пламени. В ту ночь братья и сестра Морган потеряли почти все, что у них было, и сохранили самое главное — друг друга. Во всем Бостоне не было никого счастливее их.

Дэниэл Коул оказался везучим человеком: он не увидел своего провала. А масштабы провала были грандиозны. Он не только не уничтожил Морганов, но собственными руками спас их от разорения. Казалось бы: склады на пирсе разрушены, размеры убытков столь велики, что не позволяют Товариществу выполнить свои финансовые обязательства, у Морганов нет денег ни на выплату зарплаты, ни на перевозку грузов. Но их спасло состояние Дэниэла Коула.

При жизни Коул страдал манией преследования. И неудивительно. Его было за что ненавидеть — ради успеха своих дел он не останавливался даже перед физическим уничтожением недругов и просто неудобных. Коул не имел наследника и был убежден, что потому его в любой момент могут убить — это был самый простой и понятный ему самому способ завладеть чужим состоянием. Именно так он отнял имущество у Бенджамина Моргана. Чтобы не стать мишенью для убийц, Коул переписал всю свою собственность на имя жены, полагая, что это отпугнет желающих покуситься на его финансовую империю.

Паранойя Коула спасла Морганов. После смерти магната его вдова Констанция Морган Коул из унаследованного ею состояния компенсировала убытки Товарищества «Искушение», которые компания понесла по вине ее мужа. Так семья Морган стала одной из богатейших в Бостоне.

Летнее солнце едва поднялось над горизонтом, когда на Кинг-стрит был дан первый ружейный залп. Из «Таверны доброй женщины» под радостные возгласы и приветствия горожан вышли два жениха — Питер Гиббс и Джаред Морган. Оба жениха направились к дому, где их ждали невесты. За ними последовал Филип, исполнявший роль шафера.

Второй залп раздался в северной части города, прямо перед домом Присциллы. Отсюда навстречу женихам вышли друзья невест, главным образом это были родные и двоюродные братья Энн. Пышные праздничные процессии с ликованием встретились на середине пути. По обычаю, женихи выбрали себе представителя для состязания в беге. Участники состязания должны были бежать к дому Присциллы, где пришедший первым получал перевязанную лентой бутылку бульона, щедро приправленного специями. Очень скоро победитель определился и, возвратившись к свадебной процессии, провозгласил тост за здоровье невест. Налево и направо угощал он содержимым бутылки всех участников празднества.

Когда женихи прибыли, был дан еще один залп, и они отправились за своими невестами в сад. Невест вел Филип. По этикету никто, кроме женихов, не мог войти в сад прежде, чем невесты предстанут перед священником. Следом пригласили пройти в сад родных и гостей, и церемония началась.

Священник попросил молодых взяться за руки. Они одновременно завели правые руки за спину, где одна из подружек невесты и шафер осторожно сняли с их рук свадебные перчатки. Филип сначала помог Питеру, а потом — Джареду. Затем священник прочел отрывок из Священного Писания, который выбрали Присцилла и Энн:

«Двоим лучше, нежели одному; потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их. Ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его» [\[49\]](#).

Обменявшись клятвами, молодые поцеловались. И вереницей к невестам потянулись гости — запечатлеть свой поцелуй на их нежном лбу. Затем был дан еще один ружейный залп, который послужил сигналом к началу всеобщего большого веселья.

Спустя месяц после свадьбы семья вновь собралась в том же саду. Констанция Коул, Питер и Присцилла Гиббс, Джаред и Энн Морган расположились в прохладной тени старых раскидистых деревьев, радуясь, что снова вместе, и с любопытством ожидая, что за новый поворот приготовила им жизнь. Сегодня их пригласил сюда Филип. Он стоял с фамильной Библией Морганов в руках и терпеливо ждал, пока все рассядутся. Наконец начал говорить в полной тишине:

— Я собрал вас, чтобы окончательно объявить: я возвращаюсь в резервацию наррагансетов. На сей раз — с вашего благословения. Я не могу не вернуться в резервацию. Я люблю Мэри Витамоо. Она наполняет мою жизнь смыслом, мои мысли и чувства — глубиной, без нее я не представляю ни минуты своего существования. Если вы когда-нибудь познакомитесь с ней, вы поймете, почему я люблю ее так сильно. Я молюсь, чтобы этот день наступил.

— Своей любовью к тебе, Филип, она уже завоевала наше расположение, — улыбнулась Энн.

Ее слова смутили Филипа, и он поскорее перешел к другой теме.

— Есть еще причина, которая заставляет меня вернуться. Я говорю о чудесном преображении резервации. С Божьей помощью там началось настоящее духовное возрождение.

Филип вынул из Библии вложенный между страницами лист.

— Это письмо от Витамоо. Только послушайте, что там происходит. Не так давно конгрегационалистский священник Джозеф Парк из Вестерли читал проповеди в окрестностях Чарлстона. Многие ходили слушать его, эти проповеди вызвали в резервации духовный подъем — совсем как в Бостоне и близлежащих колониях. Она пишет, что индейцы стали меньше пить, ссоры и драки сменяются удивительной атмосферой любви и согласия. Индейцы сейчас жаждут знаний, они хотят читать и понимать Библию, строить свою жизнь по ее законам. Сегодня я нужен им. Витамоо учит детей по букварю, который написал наш предок Кристофер Морган. А я стану обучать взрослых.

Он сделал паузу и посмотрел на мать.

— Это не Гарвард, но я буду заниматься делом, которое люблю, вместе с той, которую люблю.

Констанция улыбнулась и кивнула сыну. Филип продолжал:

— До отъезда я хотел бы выполнить еще один свой долг.

Он посмотрел на Библию.

— Многие годы мы ничего не знали о существовании этой Библии. Узнав о ней, наш отец мечтал, чтобы она вернулась в семью. Это было его последнее предсмертное желание. Я выполнил его просьбу. Чтобы найти Библию, я прошел через многие тяготы, но мне выпали и радости, преобразовавшие мою жизнь. Если бы не эта Библия, я бы никогда не встретил Витамоо, не познакомился бы с Кристофером Морганом — Нанауветеа, как звали его индейцы.

Вспомнив старого миссионера, он на мгновение замолчал.

— Теперь мы должны беречь ее как зеницу ока. Пусть Библия останется у вас, в кругу

семьи.

Филип посмотрел на младшего брата.

— Джаред, подойди, пожалуйста, ко мне.

Джаред удивленно поднял глаза на Энн, которая ободряюще улыбнулась в ответ и погладила его по руке. Поднявшись, он медленно подошел к брату.

— Я передаю эту Библию тебе, Джаред. Как хранитель Библии, я имею такое право. Я возлагаю на тебя ответственность за то, чтобы следующее поколение Морганов, твои дети следовали путями Иисуса Христа и не утратили веру.

Филип открыл Библию. На титульном листе он прочел имена хранителей духовного наследия Морганов:

«Энди Морган, 1630, Захария 4:6.

Кристофер Морган, 1654, Матфея 28:19.

Филип Морган, 1729, Филиппийцам 2:3,4».

Далее рукой Филипа было приписано:

«Джаред Морган, 1741, Иоанна 15:13».

— Я выбрал для тебя стих, который гласит: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». Ради Присциллы, Питера и меня ты рисковал жизнью. А это самое высокое проявление любви к близким. Сегодня эта Библия впервые передается от брата к брату. Я всегда буду гордиться тобой, Джаред.

И Филип, обняв брата, вручил ему Библию.

— Какие славные имена! — Джаред, держа в руках раскрытую книгу, едва мог поверить своим глазам. — Энди Морган привез эту Библию в Новый Свет, его сын Кристофер был миссионером, а мой брат Филип отправился на поиски потерянной Библии и вернул ее нашей семье. Я буду молиться, чтобы стать таким же достойным человеком, как они.

Остаток дня семья провела вместе. Поздравляли Джареда. Прощались с Филипом. Слушали его долгий рассказ о духовном наследии Морганов.

— Эта история ведет свое начало со времен короля Карла I, с того самого дня, когда Энди Морган встретил епископа Лода. С тех пор все в его жизни пошло не так...

Витамоо сидела на вышке и наметанным глазом следила за кукурузным полем. Урожай обещал быть неплохим, и делиться им с черными дроздами совсем не хотелось. Одновременно она обдумывала план предстоящего урока. Каждый день в ее вигвам приходили дети, и каждый день она старалась направить их физическую энергию и живой ум в надлежащее русло.

Кукурузные стебли вдруг подозрительно закачались, издавая легкое шуршание. Ни секунды не медля, Витамоо вскочила и запустила в незваного гостя увесистым камнем. Так она делала сотни раз.

— О-о!

Витамоо не слышала этот голос уже целую вечность, но узнала мгновенно: слишком живо он звучал в ее сердце. Из зарослей кукурузы показалась голова Филипа Моргана. Затем появился он сам, с гримасой боли держась за ухо.

— К сожалению, ты не утратила своей ужасающей меткости!

— Филип Морган! Что ты делаешь на моем кукурузном поле? Решил взяться за старое?

— Да, ведь в последний раз мой план успешно осуществился.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только одно: в прошлый раз, когда ты запустила в меня камнем, тебе стало стыдно и я заработал поцелуй.

— Это было давно. Теперь я стала старше и мудрее. Прежние уловки тебе больше не помогут, — говоря это, Витамоо спустилась со своего наблюдательного пункта и подошла к Филипу. — Ты ранен?

Филип шел ей навстречу, потирая ухо.

— Дай-ка я взгляну, — сказала она и отвела его руку в сторону. — Да там нет ни царапины! — Витамоо посмотрела ему в глаза так, словно они не расставались.

Филип нежно поцеловал ее.

— Я же обещал, что вернусь, — сказал он.

Период становления колоний в Америке — это эпоха борьбы и перемен. Прежде всего перемены коснулись духовенства, которое постепенно утрачивает авторитет и уступает лидирующие позиции в обществе. Изначально предводителями колонистов были священники и наиболее ревностные прихожане, в чьих дневниках мы находим множество ссылок на Библию. Однако к началу войны за независимость власть начинает прибираться к рукам растущий класс дельцов и аристократов. Хэнкок, Джефферсон, Франклин и Вашингтон ^[50] были выходцами из состоятельных слоев общества.

Разразившийся духовный кризис приходится на конец XVII — начало XVIII века. На смену глубоко набожным первым колонистам пришли поколения, сформировавшиеся уже в Америке и не разделявшие религиозных идеалов своих предшественников. Церковь, влияние которой сильно пошатнулось, предприняла попытку сделать прихожанами неверующих молодых людей, опираясь на веру их родителей, — явление, известное как «Неполный завет» (Halfway Covenant). Результатом неизбежно стал рост лицемерия духовенства и равнодушия прихожан.

Главной заботой колонистов теперь оказалось не служение Богу, но стремление к личному обогащению, что закономерно вызвало рост должностных злоупотреблений и коррупции в правительстве, — причина, по которой первые колонисты покинули Англию. Лишь чудо Божьего милосердия — Великое Пробуждение — помогло им вернуться к основам духовности. Такова вкратце историческая обстановка, на фоне которой разворачивается действие романа «Колонисты». В центре его — семья Морган, члены которой не остались в стороне от конфликтов и соблазнов, типичных для своего времени. Лишь постепенно они приходят к осознанию непреложных духовных ценностей, обретают понимание, что своекорыстие и эгоизм ведут к раздорам и страданиям, а самоотречение дарит радость и любовь.

В романе «Колонисты» я попытался создать персонажи, представляющие основные слои колониального общества.

Филип — органичная частичка академического мира Гарварда. Но, столкнувшись с индейцами-христианами из племени наррагансетов, он открывает для себя простую истину: духовная глубина человека не определяется достижениями, замеренными по шкале академических успехов.

В образе Присциллы находит отражение конфликт духовности и стремления к обогащению и власти.

Бурное развитие личности, которое станет отличительной чертой американцев, особенно характерно для образа Джареда. Именно ему, попавшему на борт пиратского судна, довелось испытать на себе, что же это такое — примитивная форма демократии. Опыт Джареда окажет затем глубокое влияние на его детей, которые станут участниками войны за независимость.

Дэниэл Коул представляет стихийно развивающееся торговое сословие, которому чужды и вера, и нравственность, и даже простое уважение к человеческой жизни.

Первые колонисты с неизбежностью получили еще один важный нравственный урок: подлинное христианство не ограничивается отдельной культурой или этнической группой. В этом контексте особую ценность имеют многочисленные истории о северо-американских

индейцах, чью жизнь изменил Иисус. Часто им приходилось платить за свою веру дорогой ценой: оказавшись между двумя враждующими группировками, многие из них пали жертвами насилия и убийств. Единственным утешением для них могли служить слова апостола Павла, который знал о подобных тяготах не понаслышке: «Наше же жительство — на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего, Иисуса Христа» [\[51\]](#).

Великое Пробуждение стало первым общеамериканским движением, призванным объединить разрозненные колонии, в которых был чрезвычайно силен дух индивидуализма. Но Дух Божий, судя по всему, ничего не желал знать о границах между колониями, как не учитывал он при своем перемещении национальность или племенную принадлежность, увлекая за собой англичан, голландцев, немцев, наррагансетов, вампаноагов и так далее, и так далее. Приведенный в эпилоге рассказ о возрождении, начавшемся в резервации наррагансетов, соответствует действительности.

Внимание, которое в эпоху Пробуждения стало уделяться личной вере в Иисуса, придает всей атмосфере того времени подлинно евангелический характер. Кроме того, начавшееся возрождение имело далеко идущие последствия. Постепенно окрепло влияние обновляющегося духовенства. Значительны были позитивные социальные изменения, что, между прочим, отмечает в автобиографии Бенджамин Франклин. Великое Пробуждение привело к духовному объединению колоний, и Библия опять стала в Новой Англии самой важной книгой. Это возрождение христианской веры объясняет многочисленные упоминания Бога и Библии в документах, связанных с основанием США.

Что касается происхождения демократии, конгрегационалистская форма церковного управления, безусловно, послужила одним из первых ее прототипов, но колонисты еще не окончательно избавились от верховенства аристократии. Свидетельством тому является ежегодное раболепное выражение почтения к социальной элите при распределении мест в церкви. На того, кто занимал место, не положенное при его социальном статусе, налагалось взыскание. Фактически формирование демократии началось в маргинальных слоях общества, в частности, к моему удивлению, на пиратских судах. Именно это открытие заставило меня отправить Джареда в плавание не на борту торгового судна, где существовала жесткая субординация, а сделать из него пирата.

Название пиратской шхуны «Голубка» я позаимствовал у реально существовавшего в интересующий нас период торгового судна, которое делало рейсы в Средиземноморье. Согласно сохранившимся документам, в 1736 году его экипаж поднял мятеж (впрочем, я использовал для романа лишь название судна, но не его историю). Названия остальных кораблей также взяты из достоверных источников, за исключением имени «Спасение», которое является вымышленным.

История о превращении в пирата майора Стида Боннета (глава 23) почерпнута мною из документов. Фактом является и суд над майором, который состоялся в 1718 году.

История войны Короля Филипа, как это ни прискорбно, также соответствует действительности. В рассказе о ней упоминаются реально существовавшие лица.

Природа исторического романа предполагает изложение вымышленных событий на соответствующем эпохе фоне. Из бытовавших в конце XVII — начале XVIII века реалий и культурных практик в романе упомянуты: обычаи, связанные с похоронами (перчатки, кольца, надгробие, расходы на похороны, обряд погребения); постоянная угроза столкновения с волками и вознаграждение за подстреленного волка; обычай хранить провизию в кладовой; уклад университетской жизни (процедура поступления, разговоры по-

латыни, особенности курса обучения); ход церковной службы и внутреннее обустройство церкви (скамьи с ограждением и т. д.). Прodelки героев, описанные в главе 3, позаимствованы из исторических источников. Также документально обоснованы эпизоды, связанные с ухаживанием и вступлением в брак (добрачная близость одетых и запеленатых в простыни влюбленных, переговорное устройство для влюбленных, свадебная церемония). Воссоздать резервацию наррагансетов мне помогла карта, составленная в 1709 году. Описывая улицы Бостона и бухту Бэк, я обращался к карте капитана Джона Боннера от 1722 года. Поселения «молящихся индейцев» и их локализация; Дерево смерти, на котором было повешено множество людей; жестокое обращение с командой, имевшее место на борту торговых судов, также являются фактами истории.

Большие семьи, подобные семье Энн Пирпонт, в которой было четырнадцать детей, считались для своего времени нормой. Количество детей в семье Морган я ограничил, чтобы не усложнять сюжет.

Историческими личностями в романе являются индейский вождь Король Филип, первый христианский мученик из североамериканских индейцев Джон Сассамон, миссионер Джон Элиот, проповедник Джордж Уайтфилд и упомянутый мимоходом недоброй памяти губернатор Эндрос.

Вымышленные герои — члены семьи Морган, Витамоо и Вампас (хотя эти имена типичны для эпохи), Дэниэл Коул, Энн Пирпонт и Питер Гиббс. Пенелопа и члены семьи Чонси тоже вымышленные персонажи, хотя я использовал фамилию Чарльза Чонси, который был вторым ректором Гарварда в 1654–1672 годах. Капитан «Голубки» и члены ее экипажа, равно как жестокий и подлый капитан Барлоу — плод воображения автора.

Несколько слов об исторических документах и подлинных источниках, упомянутых в романе. Это перевод Библии на алгонкинский язык, выполненный Джоном Элиотом; книга Джона Хиггинсона «Дело Господа и Его народа в Новой Англии», которую читает Бенджамин Морган; книга «Псалмы залива» и песни из нее. Фразы на алгонкинском языке приводятся по обширному исследованию Роджера Вильямса «Ключ к американскому языку». Все стихи, автором которых названа Энн Брэдстрит (первая женщина в Америке, завоевавшая признание своим поэтическим творчеством), действительно написаны ею. Песня Филипа «Малютка Мохы» передавалась из поколения в поколение; ее текст приводится в «Летописи Америки». «Бостонский вестник» — первая газета, появившаяся в колониях. Индейская песня о вере, которую исполняют «молящиеся индейцы» в главе 7, называется «Гимн, услышанный под открытым небом», и относят ее к эпохе пилигримов; эту песню поют по сей день. Проповедь Джорджа Уайтфилда включает фрагменты двух проповедей — «Место для всех» и «Неопалимая купина».

Стихи, приписанные Энн Пирпонт, взяты из разных источников. Стихотворение для надгробного камня было выбрано из немногих интересных надписей, зафиксированных в надгробных памятниках того периода. Стихотворение «О, дитя» использовано мною с любезного согласия талантливого поэта Джудит Дим из Пайн Вэли (Калифорния); стихотворение Энн о любви написала моя одаренная пятнадцатилетняя дочь Элизабет.

В главе 7 мне хотелось острее передать страх и отчаяние Филипа, впервые попавшего к индейцам и не понимавшего, о чем они говорят. Потому я оставил реплики на алгонкинском языке без перевода. Читателю вместе с Филипом приходится догадываться о намерениях индейцев по выражению их лиц, жестам и действиям. Но, допуская, что кто-то хотел бы видеть этот эпизод не «немым», я предлагаю ниже другой его вариант — со всеми

переведенными репликами.

— Англичанин! — закричал один из индейцев, указывая на него. Филип застыл на месте словно изваяние. Бежать было бесполезно. Он не столь проворен, к тому же им ничего не стоило подстрелить его. Стараясь не терять самообладания, он настороженно следил за приближающимися индейцами. Двое из них были молоды, а третий постарше — скорее всего, ему уже шел пятый десяток. Молодые индейцы имели при себе ножи и луки. Их товарищ держал в руках мушкет. Один из индейцев, молодой человек хмурого вида, остановился в отдалении, а его спутники вплотную подошли к Филипу.

— Кто ты? — громко спросил старший. Рядом с ним плечом к плечу стоял индеец с пером в волосах.

Филип смущенно пожал плечами.

— Я не знаю вашего языка, — сказал он. — Вы говорите по-английски?

— Где ты поселиться? — крикнул индеец с пером, словно это могло помочь Филипу разобраться в сказанном.

— К сожалению, я вас не понимаю, — самым благожелательным тоном произнес Филип. — Я ищу поселок «молящихся индейцев». Вы не знаете, где он находится?

Индеец с мушкетом покачал головой и усмехнулся.

— Мы друг друга не понимать!

Филип снова пожал плечами. Молодой индеец, наблюдавший за разговором со стороны, стоял, сложив на груди руки. Он не сводил с непрошеного гостя ненавидящих глаз.

— Говори! — закричал индеец с пером и ударил Филипа по плечу.

Филип пошатнулся, но устоял на ногах.

— Я не желаю вам зла, — медленно выговорил он. — Позвольте мне продолжить мой путь.

Индеец с пером рывком сорвал с головы Филипа шляпу и с простодушным изумлением осмотрел ее. Затем нахлобучил шляпу на себя, предварительно вытащив из волос перо. Краснокожие засмеялись, даже хмурый индеец чуть улыбнулся бледной улыбкой.

Филип не предпринимал никаких попыток вернуть себе шляпу. «Пусть берет. Не погибать же из-за нее», — решил он.

Между тем индейцу в шляпе пришла в голову новая мысль. Он взял свое перо и воткнул его Филипу в волосы. Это вызвало очередной взрыв смеха. Филип не шелохнулся. Его щеки пылали от гнева.

И тут индеец в шляпе внезапно рассвирепел: ему, по-видимому, не понравилось, что Филип не принимает участия в общем веселье. Ткнув молодого человека кулаком в плечо, он крикнул:

— Давай драться!

Как ни унижительно чувствовал себя Филип, когда индейцы потешались над ним, он предпочел бы смех, а не злость.

— Боишься?

Филип получил еще один удар кулаком. Тогда он поднял обе руки с открытыми ладонями и шагнул навстречу своему обидчику. В тот же момент хмурый индеец сказал:

— Убей его! — Он произнес эти слова низким, гортанным голосом, полным холодной ярости. Индеец в шляпе вопросительно взглянул на своего старшего товарища. Тоскливо озираясь по сторонам, Филип подумал, что дерево, когда-то увешанное телами краснокожих,

вот-вот станет немым свидетелем гибели английского колониста.

— Пусть живет, — ровным голосом произнес самый старший из индейцев и, повернувшись к Филипу спиной, добавил: — Никаттамутта!

— Убей его! — гневно вскричал хмурый индеец.

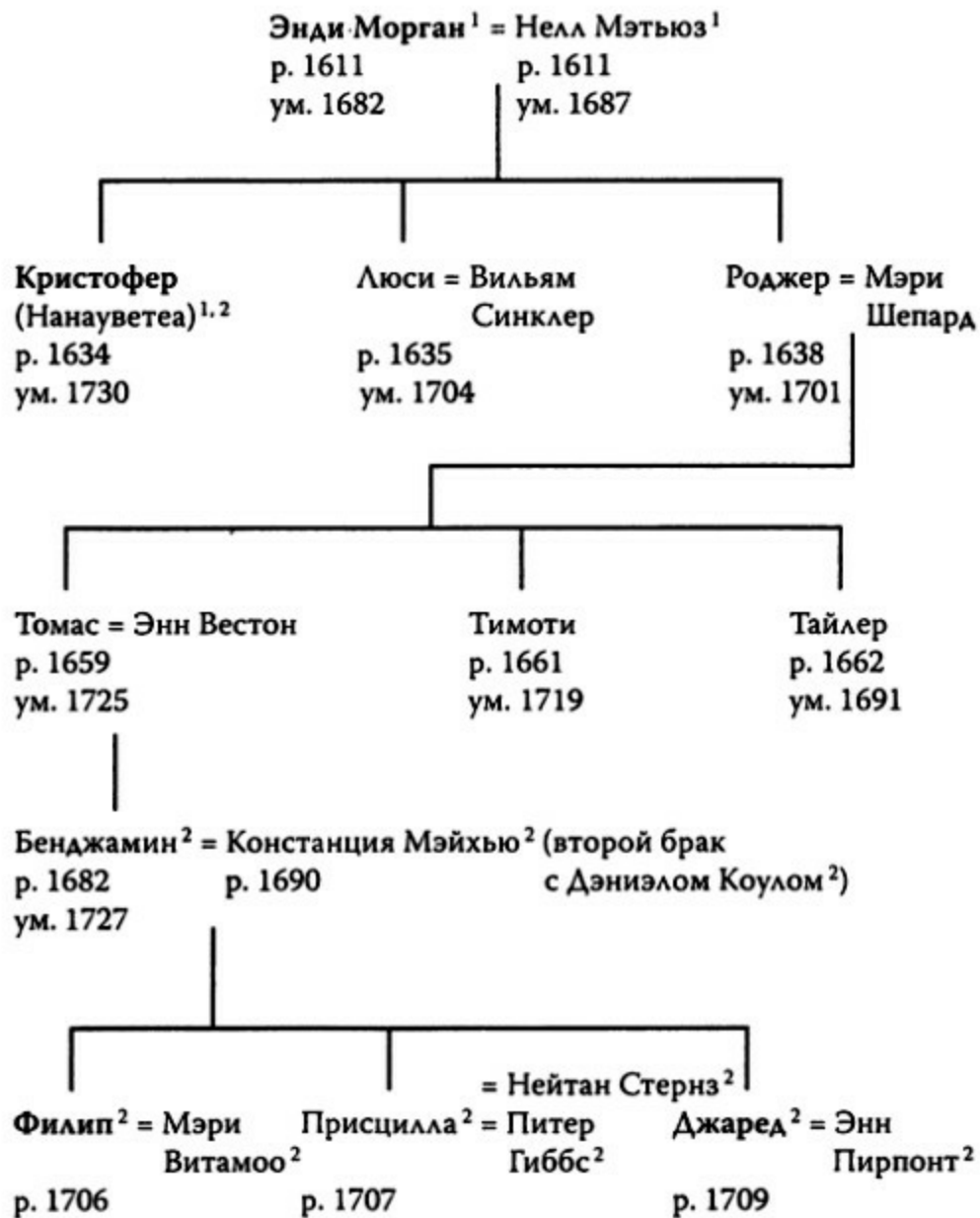
— Идем! — отчеканил старший.

И с этими словами он зашагал прочь; его товарищи, окинув Филипа злым взглядом, последовали за ним. Филип молча смотрел, как они уходят. Отойдя на некоторое расстояние, индеец, который забрал шляпу, снял ее и швырнул как можно дальше.

Филип не сходил с места в продолжение получаса: он боялся, что индейцы затаились в лесу и, как только он шевельнется, выстрелят. Наконец, дрожа всем телом и беспрестанно оглядываясь, он на ватных ногах кое-как доковылял до шляпы. Вытащив из волос перо, молодой человек положил его на землю. До самых сумерек он брел в направлении, противоположном тому, откуда появилась эта троица.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

СЕМЬЯ МОРГАН



Имена, выделенные жирным шрифтом, внесены в фамильную Библию Морганов.

Надстрочные цифры рядом с именами соответствуют роману, в котором появляется данный герой.

Джек Кавано
 Сан-Диего,
 1994

Словарь морских терминов

Абордаж— сцепка двух судов в битве; рукопашный бой на сцепившихся судах.

Бак— надстройка носовой оконечности корабля; носовая часть палубы.

Бегучий такелаж— такелаж, обеспечивающий маневры с парусами и рангоутом. Для облегчения тяги пропущен через блоки.

Бейдевинд— курс парусного судна относительно ветра, когда направление ветра составляет с направлением хода судна угол меньше 90 градусов. Различают крутой бейдевинд (угол меньше 45 градусов) и полный бейдевинд (больше 60 градусов).

Бимсы— поперечные балки, брусья, соединяющие борта судна и служащие основанием палубы.

Бочечный строп с гаком— узел, который применяют при погрузке и выгрузке бочек, бутылей в вертикальном положении. В бочечном стропе с гаком вторую петлю узла разводят в стороны, пропускают ответвления под боковыми частями стропа и надевают на гак.

Брам-шкотовый узел— применяется в тех же случаях, что и шкотовый, а также при работе с парусами, такелажными и якорными цепями.

Бриг— двухмачтовое парусное судно.

Бриз— слабый прибрежный ветер, дующий днем с моря на нагретый берег, а ночью с охлажденного берега на море.

Бухта— канат или трос, сложенный кругом, цилиндром или восьмеркой.

Бушприт— передняя мачта судна, лежащая наклонно вперед, за водорез.

Ванты— снасти стоячего такелажа, крепящие мачты к бортам.

Взять рифы— уменьшить площадь паруса, свертывая его снизу и подвязывая свернутую часть риф-штертами у косых и шлюпочных парусов; у прямых парусов — увязывая верхнюю часть паруса к рею.

Выбрать— подтянуть снасть на себя так, чтобы она не провисала.

Гак— крюк для подъема и закрепления груза.

Гакаборт— верхняя закругленная часть кормовой оконечности судна.

Галс— курс судна относительно направления ветра; если ветер дует в правый борт, говорят, что судно идет правым галсом, если в левый борт — левым галсом.

Гитовы— снасти бегучего такелажа для подтягивания к рее шкотовых углов прямого паруса или шкаторин косоугольного паруса к гафелю и мачте при его уборке.

Грот-мачта— вторая мачта от носа судна.

Камбуз— судовая кухня.

Кильватерная колонна— строй кораблей, идущих один за другим по линии курса.

Комендор— матрос, специалист по стрельбе из корабельных орудий.

Корма— задняя часть судна.

Кофель-нагель— металлический или деревянный штырь для закладывания снастей.

Кошка— небольшой четырехлапый якорь.

Кубрик— жилое помещение на корабле для размещения матросов.

Линь— тонкий пеньковый трос; применяется для оснастки судов, такелажных и других работ.

Лот— прибор, служащий для измерения глубины воды с судна.

Марс— площадка наверху мачты, при соединении мачты со стеньгою.

Найтов— трос, которым крепятся различные предметы на судне.

Найтовить(найтовка) — крепить тросом.

Нок-рея— оконечность поперечины мачты.

Нос— передняя оконечность судна.

Оснастка— система снастей на парусном судне — бегучий и стоячий такелаж.

Пассаты— устойчивые ветры в тропических широтах океанов.

Поворот фордевинд— поворачиваясь, судно проходит линию ветра кормой.

Подветренный борт— борт, противоположный тому, на который дует ветер.

Полубак— носовая надстройка на баке корабля.

Полуют— возвышенная часть кормовой оконечности корабля или дополнительная палуба над ютом.

Рангоут— все деревянные части корабля (мачты, стеньги, реи и т. д.).

Рифовый узел— надежный, но быстро развязываемый узел. Этим узлом связывают концы риф-сезней при взятии рифов на парусах. Свое название получил от слова «рифт-шперт» (небольшой, ввязанный в полотнище паруса конец троса, которым «брали рифы»). Известен в обиходе под названием «узел с одним бантиком».

Рей(рея) — поперечина на мачте, служащая на парусных судах для крепления прямых парусов.

Румпель— рычаг, при помощи которого поворачивают руль.

Секстан(секстант) — угломерный инструмент отражательного типа, применяемый в мореходной астрономии.

Склянки— песочные часы; бить склянки — обозначать получасовой промежуток времени ударом в корабельный колокол.

Слабина— провисание недостаточно выбранной снасти.

Стоячий такелаж— служит для укрепления и поддержки рангоута.

Строп— приспособление для захвата и подвешивания к гаку грузов; короткий конец для подвязывания чего-либо.

Такелаж— совокупность снастей для крепления и управления рангоутом и парусами.

Талреп— приспособления для натягивания судовых снастей при их креплении.

Фальшборт— легкий стальной пояс, расположенный выше верхней палубы судна,

выполненный как продолжение борта. Служит ограждением палубы.

Фор— слово, которое прибавляют к наименованиям реев, парусов и такелажа, находящимся выше марса и фок-мачты.

Фордевинд— курс судна, совпадающий с направлением ветра; тип поворота парусника, когда он пересекает линию направления ветра кормой при смене галса.

Хронометр— особо точные переносные часы с балансиrom. Применяется в навигации для хранения времени начального меридиана, благодаря чему можно определить географическую долготу.

Шквал— резкое увеличение силы ветра.

Шкот— снасть, закрепленная за нижний угол прямого или нижний задний угол косо́го паруса (шкотовый угол) и проведенная по направлению к корме судна. Удерживает в желаемом положении нижнюю шкаторину паруса.

Шкотовый узел— простой, легко развязываемый узел. Соединение двух встречных тросов, при котором один из них складывают простой петлей, а ходовой конец второго троса проходит в эту петлю, огибает ее шейку и после этого пропускается между петлей и своим собственным отрезком, только что вышедшим из петли. Применяют при связывании канатов.

Шлюп— трехмачтовое парусное судно XVIII–XIX вв. с прямыми парусами.

Шнява— небольшое двухмачтовое судно XVII–XVIII вв., похожее на шхуну.

Штиль— безветрие.

Шторм— сильный ветер, буря; сопровождается сильным волнением на море.

Шхуна— грузовое двух- или трехмачтовое судно с косым парусным вооружением.

Ют— кормовая часть палубы (от кормовой мачты).

Ял (ялик) — небольшая 2–8-весельная шлюпка.

Пуритане — (от лат. *puritas* — чистота) — протестанты, не довольствовавшиеся половинчатой, незавершенной реформацией в Англии. Важнейшая основа их воззрений — кальвинистское учение о предопределении. Настаивали на дальнейшем очищении церкви от католических обрядов и возвращении к библейским принципам веры. Эмиграция пуритан, бежавших от религиозных преследований и приехавших в Новый Свет для того, чтобы построить там идеальное общество — Царство Божие, фактически положила начало основанию североамериканских колоний Англии.

Здесь и далее речь идет о различных алгонкинских племенах, древнейших обитателях Северной Америки. Жили на огромной территории — от Атлантического побережья до Скалистых гор. Занимались охотой, рыболовством, земледелием. Большой частью истреблены. Говорят на алгонкинских языках.

Монмутская шапка — круглая вязаная шапочка, плотно облегающая голову.

Винтроп Джон (1588–1649) — один из основателей Массачусетса и первый его губернатор. Прибыл в Северную Америку в 1630 г. на корабле «Арбелла» с большой группой единоверцев. Его дневник (опубликован в 1790; 1825–1826) — важнейший источник сведений по ранней истории Массачусетса и политической доктрине пуританства.

Речь идет о войне 1675–1676 гг. между колонистами Новой Англии и индейцами (так называемая война Короля Филипа). Коалицию индейских племен возглавил вождь племени вампаноагов Метакон (1662–1676), прозванный англичанами Королем Филипом по имени испанского короля Филиппа II (1527–1598), известного своей чудовищной жестокостью. Война закончилась поражением индейцев.

Черный человек — дьявол.

Дом огня — преисподняя, геенна огненная.

Святой Грааль — согласно западноевропейским средневековым сказаниям, чудодейственный сосуд из цельного алмаза, в котором была собрана кровь распятого Христа.

Новая Англия — общее название группы северо-восточных колоний, предложенное в 1614 г. английским капитаном Джоном Смитом (1580–1631). В настоящее время в Новую Англию входят штаты: Мэн, Нью-Хэмпшир, Вермонт, Массачусетс, Род-Айленд и Коннектикут.

Длинный дом — массивный, в два этажа дом с двускатной крышей, покрытой корой. В длину такой дом мог достигать до 25 м. Вход — над ним помещалось резное изображение тотема — располагался в торце постройки. Внутри дом был разделен перегородками на множество отделений — по числу живущих там семей. Посередине находился широкий проход, где горели костры (у каждой семьи — свой). Дым от костров выходил через отверстия в крыше.

Элиот Джон (1604–1690) — миссионер, пуританский проповедник, писатель. Автор трактата «Христианская республика». Отрицал всякую светскую власть. Проповедовал христианство индейцам. Его перевод Библии на алгонкинский язык был первым американским изданием Библии (Новый Завет — 1661, Ветхий Завет — 1663). При поддержке монашеского братства создавал группы «молящихся индейцев».

Алгонкинский язык — группа родственных языков алгонкинов. Относится к алгонкино-ритванской семье индейских языков.

Вильямс Роджер (1603–1684) — пуританский проповедник, писатель, основатель первой баптистской церкви в Северной Америке. Проповедовал в Бостоне и Плимуте. Настаивал на отделении церкви от государства, выступал за религиозную свободу (им написано одно из самых ярких сочинений в защиту религиозной терпимости «Кровавый догмат»). За свои религиозные убеждения был выслан из Массачусетса. Проповедовал христианство индейцам. Среди многочисленных сочинений Вильямса есть англо-индейский разговорник — «Ключ к американскому языку» (1643). Основал в 1636 г. на началах веротерпимости и демократизма поселение Провиденс, впоследствии Род-Айленд.

Гал. 3:28.

Девора — пророчица, предводительница израильских племен, единственная женщина среди судей Израилевых. Воодушевляла израильтян на борьбу с врагами (Суд. 4, 5).

Эндрос Эдмунд (1637–1714) — с 1686 по 1689 г. королевский губернатор доминиона Новая Англия, созданного вскоре после того, как Торговый совет палаты лордов добился от короля Якова II (1633–1701) отмены хартий северо-американских колоний (хартия Массачусетса была аннулирована на год раньше, в 1685 г.). Деспотичный образ правления Эндроса вызвал резкое недовольство жителей доминиона. После Массачусетского восстания (1689–1691) был отозван в Англию. В 1692–1697 гг. — губернатор Виргинии.

Королевская часовня (церковь) — первая англиканская (епископальная) церковь, построенная в Бостоне. Сохранилась до наших дней.

Тим. 3:1-5.

Брэдстрит Энн (ок. 1612–1672) — американская поэтесса. Сборник ее стихов «Десятая муза, недавно появившаяся в Америке» (1650) стал первой в истории американской литературы книгой, написанной женщиной. Находилась под влиянием английских поэтов-гуманистов Филипа Сидни (1554–1586) и Эдмунда Спенсера (ок. 1552–1599). Ее муж Саймон Брэдстрит (1603–1697), был губернатором колонии Массачусетс.

Кипер — растение из семейства дербенниковых. Имеет сильный и приятный запах. В библейские времена оно произрастало в виноградниках Ен-Геди. Упоминается в Песни песней (Песн. 1:13; 4:13); ее парафразом и является песня, которую поет Энн.

Игра слов: «witmore» созвучно выражению «больше ума», а «witless» — слову «безмозглый». — *Примеч. пер.*

Майское дерево — высокий шест, украшенный цветами, зелеными ветками и лентами. Символизирует обновление жизни, плодородие, воскрешение, а также мировую ось, вокруг которой вращается вселенная. Обычай танцевать вокруг майского дерева во время Майского дня восходит к языческим обрядам, посвященным земледелию и воскрешению.

Челн Харона — в греческой мифологии перевозчик Харон переправлял на челноке через подземные реки души умерших. Он довозил их до врат Аида и взимал за перевоз плату (для чего умершему клали в рот мелкую монету). По морским поверьям, увидеть челн Харона — к смерти на корабле.

Герменевтика — искусство толкования текстов (классической древности, Библии и т. п.).

Хатчинсон Энн (1591–1643) — возглавила движение антиномистов (от греч. *antinomia* — противоречие в законе), утверждавших, что верующий сливается со Святым Духом без посредства церкви и священников. Проповедовала «внутреннее озарение». Наиболее активно антиномистов поддерживали бостонские коммерсанты, недовольные торговыми ограничениями. Была радикальной противницей Джона Винтропа, установившего в Массачусетсе теократию. В 1637 г. Энн Хатчинсон и ее единомышленников судили, обвинили в ереси и приговорили к отлучению от церкви. Хатчинсон вместе с семьей была изгнана из колонии залива Массачусетс и погибла в лесах от рук индейцев.

Северная церковь (церковь Христа) — вторая по счету епископальная церковь города. Была построена в 1723 г. Бостонцы ласково называют ее Северной Старушкой.

Лод Вильям (1573–1645) — один из ближайших сподвижников Карла I; архиепископ Кентерберийский с 1633 г. Жестоко преследовал пуритан. Казнен по приговору Долгого парламента.

Лк. 2:25–35.

Деян. 16:9.

Исх. 18–21.

Ункас (?—1683) — вождь могикан, под предводительством которого могикане отделились от пекотов. Поддержал колонистов в Пекотской войне (1636–1637). В 1643–1647 гг. воевал с наррагансетами. При поддержке англичан получил контроль над многими племенами региона, став, таким образом, самым могущественным вождем в Новой Англии.

Миантономо (1565–1643) — вождь племени наррагансетов, поддерживал дружеские отношения с колонистами. Уступил им в 1638 г. земли в Род-Айленде. Взят в плен и убит Ункасом.

См. 1 Цар. 17:38–54.

См. Деян. 15:36–41.

1 Цар. 17:47.

Вампум (от индейск. wampumpeag — нити с нанизанными на них раковинами) — средство запоминания и сообщения у североамериканских индейцев. Содержание сообщения выражалось цветом, количеством и расположением раковин; кроме того, такие ожерелья использовались как меновая единица.

Имеется в виду бабье лето. Летом Святого Мартина эту пору называют во Франции, т. к. в это время празднуется День святого Мартина Турского (ок. 316–397) — покровителя Франции. В Америке ее обычно называют индейским летом.

Карл I (1600–1649) — английский король с 1625 г. В ходе буржуазной революции 1640–1653 гг. был низложен и 30 января 1649 г. казнен.

Ив. 1:47.

Ив. 11:1–44

Ив. 1:47.

Речь идет о суде, прошедшем в конце октября 1718 г. в Чарлстоне (Южная Каролина). Перед судом предстала команда пиратского судна «Король Жак» и ее капитан Сид Боннет (1688–1718). Все пираты, за исключением четырех человек, были признаны виновными и приговорены к смертной казни.

Морган Генри (1635–1688) — прославленный английский мореплаватель и пират, впоследствии вице-губернатор и командующий военно-морскими силами Ямайки.

Кидд Вильям (1645–1701) — английский капер. С ведома своего правительства занимался каперством — захватом торговых судов стран, находившихся в состоянии войны с Англией. В 1699 г. был объявлен пиратом и арестован. 23 марта 1701 г. повешен. По преданию, он зарыл в разных местах награбленные сокровища. Герой многих приключенческих романов и фильмов. Губернатором Багамских островов капитан Кидд не был.

Энн перефразировала выражение из Библии «Не судите, да не судимы будете...» (Мф. 7:1).

Уайтфилд Джордж (1714–1770) — выдающийся английский проповедник. Начал проповедовать в Новой Англии осенью 1740 г. после триумфальной поездки по центральным колониям. Посещал Северную Америку семь раз. Его последователей принято называть кальвинистскими методистами. С именем Уайтфилда во многом связана вторая волна Великого Пробуждения.

Ис. 59:19.

Рим. 8:28–32,38,39.

Еккл. 46:9–10.

Хэнкок Джон (1737–1793) — один из лидеров освободительной борьбы английских колоний в Северной Америке. В 1787 г. — председатель Конвента, утвердившего конституцию США.

Джефферсон Томас (1743–1826) — американский политический деятель и просветитель; третий президент США. Автор проекта Декларации независимости США.

Франклин Бенджамин (1706–1790) — американский просветитель, государственный деятель, ученый. Изобретатель громоотвода.

Вашингтон Джордж (1732–1799) — американский государственный деятель и полководец времен борьбы за независимость; первый президент США.

Флп. 3:20.